В.Д. СЕРГЕЕВ

НИКОЛАЙ ЧАРУШИН –

НАРОДНИК, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ,

ИЗДАТЕЛЬ, КРАЕВЕД-БИБЛИОГРАФ

ВЯТКА (Киров) – 2004

Николай Аполлонович Чарушин (1851-1937), участник народнического движения, общественный деятель, издатель провинциальных газет “Вятская жизнь”, “Вятский край”, “Вятская речь”, известных далеко за пределами Вятской губернии, библиограф-краевед, автор ценных воспоминаний о кружке “чайковцев”. Деятельность его, касающаяся событий 1917 года в Вятке, негативно воспринималась во времена идеологической одномерности и ангажированной заданности историков “ножниц и клея”. Историк В.Д. Сергеев на основе архивных материалов и полузабытых публикаций рассказал о жизни и деятельности Н.А. Чарушина.

“МЕСТО МОЕЙ РОДИНЫ”

“1 июня я выехал в Халтурин, место моей родины, где живут еще мои близкие родственники, откуда вернулся лишь 3 июля... своей поездкой в Халтурин остался доволен. Это теперь почти вроде дачной местности, где много воздуху, зелень, хорошее купанье и прочая благодать. Только возвращение было не совсем удачное, пришлось просидеть на пристани целых 22 часа в ожидании парохода и при самых неблагоприятных условиях: проливной дождь, ветер и пр.” [1] Так 6 июля 1931 года Николай Аполлонович Чарушин писал в Москву старому другу, ветерану-народовольцу Ивану Ивановичу Попову.

Родина Чарушина – уездный город Орлов Вятской губернии, с 1923 по 1992 год носивший название по фамилии родившегося близ него рабочего-террориста, взорвавшего Зимний дворец. Однако родовые корни Чарушина в Вятке, а точнее в Хлынове, потому что так до конца XVIII века назывался город, носящий теперь имя Кирова, хотя “великий гражданин” и “трибун революции” здесь не только не родился, но даже ни разу не бывал.

Чарушины – фамилия из вятских вятская. *Чаруша* это плетеная посуда, чашка, миска из соснового корня. По словарю В.И. Даля: – чаруша (чарута) – корневая корзинка, чашка, в которой валяют хлебы. По “Словарю вятских говоров” Н.М. Васнецова, брата известных художников, чаруша – большая деревянная чашка. На изготовление подобных изделий вятскими кустарями употреблялся корень сосен, произрастающих на песчаных почвах. Обработанный особым способом, удобный для плетения, он обретал гибкость и прочность. Не эти ли качества соответствовали характеру Николая Аполлоновича?

Род Чарушиных уходит в глубины местной истории, прослеживается по писцовым книгам с 1625 года (“бобыль Степанко Чарушин”, “в переулке Вознесенском Ивашко Чарушин”). Первым документально установленным предком Николая Аполлоновича был житель Заоградной Большой слободки Успенского Трифонова монастыря черносошный крестьянин Спенчинского тяглового стана Подгородной волости деревни Томиловской (Чарушинской мельницы), прихожанин Стефановской Донской церкви в Хлынове Иван Чарушин. Сын его Дмитрий Иванович, поначалу числившийся черносошным крестьянином, записался в вятское купечество и стал церковным старостой этой церкви [2].

---

[1] Письма Н.А. Чарушина и А.Д. Кувшинской-Чарушиной находятся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) – Г.Н. Потанина (Ф. 381), И.И. Попова (Ф. 408), В.Н. Фигнер (Ф. 1185), письма к Н.А. Чарушину и А.Д. Кувшинской – в фонде Н.А. Чарушина (Ф. 1642).

[2] См.: Любимов В.А. Из словаря вятских родословных // Художники Чарушины (Материалы конференции). Киров, 1992. С. 3-4.

Род Чарушиных ширился, со временем они выходили в купечество, в чиновную среду, становились медиками, учителями, художниками. (Один из Чарушиных – Дмитрий Яковлевич был художником с нелегкой, прямо таки трагической творческой судьбой. Известны написанные им портреты опального архитектора Александра Витберга, отбывавшего вятскую ссылку, и его дочери).

Сын Дмитрия Ивановича Чарушина Иван поначалу учительствовал, потом служил чиновником удельной конторы. Его же сын – Аполлон Иванович тоже начинал чиновную карьеру в Вятке, но затем перебрался в Орлов, где женился на дочери орловского купца Екатерине Львовне Юферевой. Ко времена рождения сына Николая Аполлон Иванович служил письмоводителем Орловского окружного управления.

Николай родился 22 декабря 1851 года, а крещен на следующий день, о чем была произведена запись в метрической книге Благовещенской церкви города Орлова[1]. Старше его была сестра Лидия, младше Юлия и братья Аркадий, Виктор (рано умерший) и Иван.

“Свои детские годы, я провел в маленьком уездном городе Орлове (ныне Халтуринск) Вятской губернии, расположенном на правом берегу реки Вятки, в 53 верстах от губернского города. Отец мой, Аполлон Иванович, служил первоначально письмоводителем окружного управления, ведавшего в то время крестьянскими делами, а в последние годы его жизни – помощником окружного начальника и дослужился до чина надворного советника. Мать моя, Екатерина Львовна, дочь разорившегося купца, малограмотная, но энергичная и умная женщина, на которой лежало все хозяйство нашей довольно многолюдной семьи, состоявшей из 12 человек: дедушки, отца моего отца, и бабушки, родной сестры дедушки, и восьмерых ребят, из которых трое были девочки, остальные мальчики. Я, после сестры Лидии, был старшим.

Жили мы в каменном двухэтажном доме брата матери, Ивана Львовича Юферева, унаследованном им от своего отца. Сам Иван Львович в своем доме в это время не жил, так как все время находился на частной службе, вне пределов Орлова. Наша семья занимала весь нижний этаж дома из шести комнат, верхний же этаж с давних пор сдавался под казначейство, плата с которого всегда поступала в распоряжение матери. При доме был довольно большой двор, много разных служб и амбаров, построенных еще отцом моей матери, и довольно обширный огород, весьма тщательно возделываемый матерью; по границе огорода протекала речка Воробьиха, впадающая в саженях 60-70 от нас в реку Вятку. Весной, с разливом Вятки, разливалась и наша Воробьиха, достигая полуторасаженной глубины, что давало нам, малышам, когда мы уже немного подросли, прямо из нашего огорода на нашем маленьком ботике выезжать на Вятку, а там иногда и махнуть через реку, разливавшуюся верст на 5-6 и затоплявшую заречный сосновый бор. Жутко бывало, когда мы выбирались на нашем челноке на простор многоводной реки, но зато какое удовольствие

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 351. Л. 102.

испытывали мы, когда добирались до заречного берега и плыли по тенистым аллеям затопленного соснового бора, оживляемого пением и гомоном птиц!” [1]

“В конце 50-х годов прошлого столетия, к какому времени относится мой рассказ, Орлов со своими тремя с половиною тысячами жителей представлял собою подлинный патриархальный уголок, каких в дореформенной России было не счесть. Все жили по дедовским традициям, и всякие новшества строго осуждались. Духовной же жизни не было никакой, если не считать религиозных отправлений и церковных служб, исправно посещаемых в праздничные дни всеми слоями населения, для каковой надобности в городе имелось пять церквей и один мужской монастырь. Школ же всего было две: приходское и уездное училище, где в качестве воспитательного средства процветали розги...

Обывательская жизнь текла в общем мирно и гладко, ничем не мутимая... В то время Орлов не утратил еще своего торгового значения, благодаря тому, что через него пролегал транзитный путь на Архангельск, куда по зимам тянулись большие обозы с хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, а из Архангельска везли рыбу и заморские товары. Поэтому в городе существовало несколько солидных торговых фирм, задававших тон коммерческой жизни города... в конце 50-х и даже в начале 60-х годов дедовские традиции были еще в полной силе, и никаких новшеств мы не знали и не переносили...”

Дети Аполлона Ивановича и Екатерины Львовны жили на приволье. Зимой катанье на ледянках с гор или на коньках, летом рыбная ловля, хожденье за ягодами и грибами. Радовались выездам на водяную мельницу в шестнадцати верстах от города, которую арендовал дядя Илья Львович, где мельничиха потчевала их блинами с сотовым медом. Незабываемы оказывались лодочные прогулки по пруду, обильному рыбой и дичью. Почти на каждом шагу приходилось вспугивать уток.

Николаю особенно запомнились две дальние поездки с матерью. Одна из них весной на реку Великую, куда из Вятки приносили икону Николая Чудотворца, чтимого местным населением. В село Великорецкое съезжались богомольцы чуть ли не со всей губернии, а иные и из других местностей. (“Шум и гомон многочисленной толпы... ярмарка, тоже переполненная народом, – все это необычайное зрелище не могло не действовать сильно на детское воображение”). Впечатлило и другое путешествие через Вятку в Слободской на свадьбу кого-то из родственников.

Николай Аполлонович кратко рассказал о родном городе, о быте его жителей. Более пространные воспоминания оставил об Орлове его двоюродный брат

---

[1] Воспоминания Н.А. Чарушина здесь и далее производятся по изданиям: “Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1931; Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70-80-х годов // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репр. изд. М., 1989.

агроном Вячеслав Иванович Юферев. Правда, они относятся к более поздним временам, но ведь жизнь уездного городка менялась медленно.

“Расположен он на правом довольно крутом и высоком берегу реки Вятки и очень растянут в длину. Улицы были все не мощеные, но две главные улицы уложены фашинником и усыпаны песком. В дождливое время года улицы сильно размокали и местами становились непроезжими. Тротуары деревянные, но они не везде были, поэтому передвижение пешеходов по улицам во многих местах сильно затруднялось.

В городе были две торговые площади. На одной из них более удаленной от центра производилась продажа скота и мяса… Другая площадь находилась в центре города, здесь же сосредоточены были магазины и лавки. В базарные дни по воскресеньям сюда приезжало много продавцов и покупателей из деревень. Здесь же на этой площади устраивались и ярмарки. В году в городе бывало три ярмарки… Ассортимент провозимых из деревень предметов и продуктов был очень разнообразный. Много бывало деревянной посуды и разных деревянных изделий по преимуществу крестьянского обихода. Продавались глиняные изделия, железные – косы, серпы, замки. Деревня на базар посылала также домашние ткани, меховые и кожаные изделия. Везли в город разное зерно, муку. На базаре по направлению к реке тянулся ряд крытых прилавков. Здесь продавался хлеб, пироги со свежей рыбой, разные ватрушки, булочки и ярушники из ячменной муки. Все это для неприхотливого деревенского потребителя. На одном из углов рынка стояло несколько бочек с соленой треской и пикшей…

Жители Орлова занимались ремеслом, мелкой торговлей, извозом, овощеводством и отчасти рыболовством. Огороды на усадьбах обеспечивали потребности в овощах. Жизнь в это время была дешевая, что сочеталось с низкими ценами на продукты и товары широкого потребления.

Знакомые собирались по домам, сегодня в одном доме, в следующий раз в другом. Гостям предлагалась выпивка, закуска, чай. Мужчины усаживались за карты, игра у страстных игроков продолжалась до утра. Играли в винт, преферанс. Азартных игр, насколько я понимал, тогда не было. Для игры в карты и на танцы собирались и в клуб. Клубное помещение было и зимнее и летнее. Последнее в городском саду на самом берегу р. Вятки на угоре, откуда открывался вид на реку километра на два вверх и на такое же расстояние вниз. В клубе также выпивали, ужинали, подавался чай, пирожки. Был, конечно, бильярд, а в летнем кроме того кегельбан.

Летом в хорошую погоду устраивались пикники. Забирали с собой самовар, выпивку, закуски и переезжали на противоположный берег реки в лес. Разводили костер. Молодежь играла в горелки, водила хоровод. Или же на лодках отправлялись к рыбакам, там на берегу заказывали уху из свежей только что пойманной рыбы.

Изредка в клубе устраивались любительские спектакли. Лиц, играющих на тех или других музыкальных инструментах, в городе было мало, но тем не менее время от времени собирался по знакомым семьям немногочисленный оркестр”.

Более подробно, чем двоюродный брат, Вячеслав Юферев рассказал о доме, принадлежавшем его деду Ивану Львовичу.

“Вся наша семья жила в собственном двухэтажном каменном доме на Базарной (Орловской) улице. Дом был монументальный по своей постройке, стены его в нижнем этаже достигали почти полутора аршин. Давно ли и кем был выстроен дом, не знаю, по-видимому, давно, т.к. при устройстве крыльца, когда пришлось несколько разобрать стены дома, в углу замурованными были найдены екатерининские медные монеты. В прежнее время было принято на счастье закладывать деньги в основание дома. Значит, дому было не менее 150 лет… Дом был теплый, ну да и дров не жалели…

Усадебный участок примыкал одной своей стороной к речке Воробьихе, впадающей в р. Вятку. Воробьиха как раз на границе нашей усадьбы была запружена, таким образом, получался небольшой пруд, который был доступен для нас. От нашей усадьбы до р. Вятки было всего каких-нибудь метров 150-200. Во время половодья вода из реки заходила до нашего сада и огорода, и была возможность с нашей усадьбы на лодке прямо выезжать на реку. Пруд, речка и река Вятка доставляли нам массу развлечений. В речке мы ловили руками пискарей, усачей, а волосатиков и пиявок избегали. На пруду летом катались, сооружая для этого плот. Сколотишь несколько досок, возьмешь шест в руки и путешествуешь по излучинам пруда, заросшего травой и кустарником.

Зимой на пруду обязательно устраивался каток. Поливка катка и очистка его от снега – все это делалось собственными руками. Не говоря уже о катании на коньках, сколько все это доставляло удовольствия, а сколько при этом накоплялось здоровья и силы.

Нас рано начали отпускать на реку кататься самостоятельно на лодке… На усадьбе был большой двор с различными хозяйственными постройками, обширный огород и два небольших садика с древесными насаждениями… Большой двор и обилие хозяйственных строений, где легко было прятаться, открывали нам, детям, широкий простор для всевозможных игр. Мы играть в другие дома никогда не ходили, ребята собирались у нас. Играли в прятки, краденую палочку, в лошадки. Весной во время таяния снега, когда всюду текли быстрые ручьи, мы на этих ручьях сооружали водяные мельницы и пускали лодочки… Широкое распространение имела игра в бабки… Летом для нас около амбара сооружали высокие качели, и мы без устали качались на них по целым часам…

Летом в теплую хорошую погоду мы не скучали; река, лес за рекой, речка, пруд заполняли все наше время. Но вот наступали осенние дни с их дождями, слякотью и грязь на дворе и в саду. Приходилось сидеть дома, и тут начиналась скука. Игрушек у меня никаких почти не было, покупали иногда лошадок и

разных зверушек из папье-маше, но они держались недолго. Вообще же игрушки в наше захолустье завозились редко…

Когда устанавливалась настоящая зима, дело с развлечениями несколько улучшалось. Для нас сооружалась довольно высокая ледяная гора на подпорках из жердей с длинным раскатом через наш большой огород до самой Воробьихи. С этой горы мы катались на салазках, на лубках и на коньках. На масляной изготовляли цветные бумажные фонарики, вставляли в них свечи и вечером таким образом освещали нашу ледяную гору.

Улица, на которой мы жили, опускалась довольно сильным уклоном как раз к нашему дому. Уклон этот занимал по длине больше полквартала. На масленице сюда собиралась масса народу, в первую очередь, конечно, детвора, кататься с этой горы. Катались на санках и на особых лотках…

В самый разгар масленицы на эту гору приходили кататься и взрослые, они привозили с собой ездовые сани и усаживались на них целой оравой. Во избежание столкновений с подводами, выезжавшими из переулка, на перекрестке выставляли полицейского.

Сколько было шуму, гаму, веселья в это время на горе. Не обходилось, конечно, дело без ушибов. На масленице граждане, имевшие хорошие выезды, катались после обеда на главной улице города – Большой. Это было, конечно, исключительно купечество, которое держало рысаков и имело красивые санки. Большим шиком считалось покрыть лошадь вплоть до саней цветной сеткой, чтобы комья снегу не летели из под копыт лошади в лицо кучеру и ездокам. Обыватели выходили любоваться этим зрелищем. Зимой на реке иждивением городской управы устраивался каток с теплушкой при нем. Туда в определенные часы собирались кто покататься на коньках, кто просто погулять и повидаться со знакомыми…” [1]

При жизни Аполлона Ивановича семья Чарушиных жила безбедно. По праздникам у них собиралось многолюдное общество, для гостей ставились столы с выпивкой и закуской. Раздвигались карточные столы. Вечера заканчивались танцами. На рождественские праздники к немалому восторгу детей наезжали ряженые с музыкой.

Все важные для страны события проходили мимо орловских обывателей.

“Помню, также что откуда-то в городе появился всего единственный студент, конечно, по понятиям обывателей крамольник. И мы с опаской, хотя и не без какого-то смутного почтения к нему, бегали смотреть на него, как на диковинку или заморского зверя. Внешние события, даже такие крупные, как Крымская война, имевшая столь решающее значение на дальнейшие судьбы России, проходили мимо нас… По крайней мере нам, детям, не приходилось слышать даже и разговоров на эти темы между взрослыми… Единственно, что свидетельствовало о каких-то событиях, происходящих где-то далеко, это было появление время от времени на улицах города ополченцев, собираемых из уезда и

[1] Юферев В.И. Воспоминания. Архив Н.А. Колеватова.

отправляемых затем куда-то уже одетыми в форму с ополченскими крестами….

Совсем другое отношение было у всех к явлениям совершенно иного порядка – к появлению на небесном своде величественной кометы с ее огромным хвостом… Старшие тогда думали и верили, что если она заденет своим хвостом землю, то катастрофа будет неизбежна и наступит конец мира. Я помню, мы всей семьей часами просиживали на крыльце нашего дома, устремив свои взоры на небесное светило, зачарованные им, и полушепотом обменивались своими впечатлениями…”

А как обстояло дело с пищей духовной?

“В нашем доме книг, кроме двух-трех духовного содержания, да какого-то переплетенного старого иллюстрированного журнала, совсем не было. Совершенно то же было и в других домах, где нам приходилось бывать. Чтение светских книг ни взрослым, ни подрастающим поколением не поощрялось, да и читать было нечего. Из книг же религиозно-нравственного содержания признавались лишь псалтырь да жития святых. Даже и к Библии было какое-то полуотрицательное отношение. Нам говорили, например, что тот, кто прочтет ее, непременно сойдет с ума. Что-то в этом же роде внушалось нам и о “Потерянном рае” Мильтона, откуда-то сделавшемся известным, вероятно, лишь понаслышке, так как я такой книги на видел ни дома, ни у наших знакомых”.

“Лет семи или восьми меня отдали обучаться грамоте к какому-то дьячку, у которого в тесной комнатушке обучалось кроме меня до дюжины других ребятишек. Обучение велось по старинке, о звуковом методе тогда не имелось и представления. Само собой, что ни сам преподаватель, ни его метод обучения не могли увлечь нас, и мы, естественно, относились к обучению грамоте как к неприятной повинности…”

Чуть позднее к дьячку, может быть, этому же самому, из деревни Верхние Журавли, расположенной близ города, приходил для обучения грамоте сын зажиточного государственного крестьянина Степан Халтурин, будущий вожак питерских рабочих, народоволец-террорист.

Пребывание в приходском училище не оставило у Николая доброго воспоминания.

“Большой, но плохо освещенный класс, уставленный партами и другой школьной мебелью, производил довольно мрачное впечатление… Я не помню ни учителей и ничего из школьной жизни, но хорошо помню сторожа Федора Долгого… Врезался он в мою память даже в явный ущерб самим педагогам, вероятно потому, что импонировал своим величественным видом, а также и тем, что собственноручно два раза наказал меня розгами по распоряжению училищного начальства”.

И, видимо, было за что получить розги. Первый раз Николая наказали за прогулы. Весной, когда еще шли занятия, он недели две не показывался в школе,

предпочитая развлекаться на Вятке и возвращаясь домой ко времени окончания уроков. Вторая экзекуция была связана с весенним разливом. Чарушинский дом находился у оврага, в котором протекала речка Воробьиха, пересекавшем улицу. Мост через овраг чинили. Мальчик, плавая на лодочке по речке, случалось, перевозил с одного берега на другой пешеходов. На беду свою он перевез училищного законоучителя. Батюшка поблагодарил, а на другой день горе-перевозчик получил розги. Но точно ли за это Николай был наказан, он так и не узнал. Не чужды ему были и такие забавы, как налеты на обывательские сады.

Еще менее хотелось обучаться в уездном училище, куда Чарушина перевели в 1861 году.

“В 10 лет я по-прежнему был тем же ребенком, каким был два-три года тому назад, чуждый почти всяких умственных интересов. Я по-прежнему ничего не читал, да и читать было нечего. Школа, кроме грамоты, ничего не дала мне и не пыталась даже возбудить во мне самую простую любознательность. И если бы меня снова спросили, как спрашивали раньше, “кем бы я желал быть”, то я не задумываясь, вероятно ответил бы то же, что и прежде: “исправником!” Последний импонировал мне своим мундиром и тем, что он на иерархической лестнице был первое лицо в городе. Дальше г. исправника моя фантазия в это время не шла”.

И все же к этому времени в чиновничьих семьях стали задумываться об образовании детей. Возник вопрос о гимназии. Из уездного училища Николая забрали и в августе 1862 года Аполлон Иванович повез сына в Вятку. Покидал Николай родной Орлов с двойственным чувством. Новизна конечно же привлекала, но пугало и расставание с родными и близкими.

Путь по Московскому тракту был недальний, чуть более пятидесяти верст. В дороге произошло непредвиденное событие. К одной из станций, где Чарушины остановились, подкатил экипаж, в котором сидели перепуганные и плачущие мальчик и девочка. Их провожатый, солдат, был вдребезги пьян. Из расспросов выяснилось, что это дети священника из села Кокшага Яранского уезда о. Дмитрия Кувшинского. Они отправлялись на учебу в Вятку, мальчик в гимназию, девочка в епархиальное училище. Пьяницу провожатого оставили на станции, дальше дети поехали под присмотром Аполлона Ивановича. К вечеру все добрались до Вятки. Так произошла первая встреча Николая Чарушина с Анной Кувшинской.

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ

В Вятке Аполлон Иванович с сыном остановились у родственника, занимавшегося хлебным делом, жившего в основательном каменном доме.

“Дня через три по нашем приезде в Вятку меня повели в гимназию для сдачи вступительного экзамена. Экзамен я сдал и был зачислен в первый класс

гимназии, после чего, как полагалось, мне заказали форму с красным воротником, и я таким образом превратился в “красную говядину”, как обычно дразнили нас, гимназистов, за наши красные воротники уличные мальчишки и учащиеся других учебных заведений. Тогда же была найдена для меня за небольшую плату и квартира у одной офицерской вдовы, проживающей на Морозовской улице, где я и поселился. Отец мой, устроив все мои дела, уехал, и я впервые – десятилетним мальчиком – остался совершенно один в незнакомом городе и среди чужих людей. Жуткое одиночество и щемящая тоска не покидали меня, особенно в первое время. Но острота этого переживания постепенно сглаживалась, я и начал свыкаться с новыми условиями жизни и с гимназией”.

Вятка, насчитывавшая тогда всего около 15-ти тысяч жителей, имела духовную семинарию, мужскую гимназию, недавно открывшуюся женскую гимназию. Чуть позднее начались занятия в епархиальном женском училище. (А через десять лет после поступления Чарушина в гимназию усилиями земства было открыто земское училище. В мужской и женской гимназиях преобладали дети дворян и чиновников, в семинарии – сыновья духовенства. Исключение составило земское училище с ярко выраженным демократическим элементом. Среди его воспитанников было много крестьянских и мещанских детей. Туда-то и поступил со временем Степан Халтурин).

Ко времени обучения Чарушина гимназия помещалась в добротном двухэтажном доме на Спасской улице, приобретенном городом у купца Машковцева. Здание с характерными для архитектуры классицизма элементами декора сохранилось до наших дней. (Спасская улица называется теперь улицей Дрелевского в память балтийского матроса, погибшего в гражданскую войну во время антибольшевистского восстания).

Гимназия тогда являлась единственным учебным заведением в губернии, где можно было получить среднее образование. На фасаде здания в 1950-х годах установили мемориальную доску с текстом: “Памятник истории (бывшая мужская гимназия). Здесь учились выдающиеся ученые и общественные деятели: академик, невропатолог В.М. Бехтерев, основоположник космонавтики, мыслитель К.Э. Циолковский, ученый-археолог А.А. Спицын, ученый-ботаник Н.А. Буш, академик, селекционер Н.В. Рудницкий, академик, хирург А.Н. Бакулев. Своими научными открытиями они внесли большой вклад в отечественную и мировую науку”. С некоторыми из будущих ученых Николай Чарушин одновременно обучался в гимназии, некоторых из них знал позднее. Его же имя на мемориальной доске отсутствует.

С какими знаниями приходили юные вятчане в гимназию и другие учебные заведения? Чарушин вспоминал о довольно скудном духовном мире, окружавшем его в орловском детстве. А ведь отец его был чиновником средней руки. Что же говорить о подростках, вступавших в юношество из других слоев общества. Детские и отроческие годы многих из них проходили в умственной дремоте и в отсутствии книг. Семинарист Иван Красноперов, впоследствии известный

статистик и публицист, вспоминал в “Записках разночинца”: “Жизнь дома, в семье была нерадостна: отец в пьяном виде бил мать и детей. Светлых дней не помню”. Другой семинарист Савватий Сычугов, избравший стезю народного врача, рассказывал в “Записках бурсака”: “У меня долго хранилось письмо отца-дьячка к сыну – моему хорошему товарищу, который ради праздника Рождества и Пасхи (на которые он оставался в бурсе) получал две гривны... на иголки, нитки, разные лакомства и при этом дружеский совет не заводить больших пиров”. Проводя детство в нищете и забитости, Красноперов мог лишь догадываться о существовании иной жизни. В доме дяди-священника, где Иван оказался проездом, его поразила обстановка: крашеные полы, ряд стульев в гостиной и даже фортепиано, на котором музицировала двоюродная сестра. Именно от нее, восемнадцатилетней девушки, он впервые услыхал о том, что от чтения книг человек начинает ощущать в себе перемену, потребность смотреть на мир по-другому.

Не лучше проходили ранние годы и у детей малоимущих чиновников в уездных городишках. Дочь губернского секретаря в Нолинске Мария Мышкина (в замужестве Селенкина), ставшая незаурядной писательницей народнического толка, первую запись в дневнике посвятила воспоминаниям о кануне Рождества в нетопленой квартире, которую даже ненадолго нечем было осветить зимними вечерами, и когда приходилось питаться занятым хлебом.

Вступавшим в самостоятельную жизнь подросткам и юношам, обучавшимся в гимназии или семинарии, приходилось зарабатывать на хлеб насущный. Служащий вятской земской управы шестидесятник В.И. Малинин сообщал в 70-х годах своему корреспонденту в Казани, издателю Н.Я. Агафонову о положении рядовых разночинцев в Вятке: “Умственный ценз, работающий на основании голода и нужды в материальном отношении – явление гнуснейшее, какое только можно себе представить”. Вятку он назвал “городом поголовной борьбы из-за куска хлеба”, но в то же время замечал, что гнет материальный, как бы ужасен не был, “не в силах добить человека – среди неимущих и малоимущих” можно встретить и чувство собственного достоинства, и благородное самолюбие, и великодушие [1].

Далеко не все из учащихся дотягивали до конца гимназической учебы. Многолюдные классы в 35-40 человек уменьшались при выпуске до 10-15-ти. Отсев происходил преимущественно из-за низкого материального уровня семейств многих гимназистов. За 1857-1867 годы из гимназии выбыло 511 учеников, почти четверть ее состава за это десятилетие [2]. Неимущие пребывали в постоянном страхе. Их переживания запечатлены в воспоминаниях одного из гимназистов: инспектор идет по коридору, произнося: “Деньги, деньги!” А

[1] Письмо В.И. Малинина Н.Я. Агафонову. Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского университета, собрание Н.Я. Агафонова. 213. II. Л. 536, 536 об.

[2] Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 9377. Л. 45, 46.

большинство-то учеников – беднота, и слова эти у них раздавались в ушах, как звон погребального колокола”.

Малообеспеченные ученики с трудом дотягивали до выпуска, прирабатывая репетиторством и утомительной перепиской бумаг. Вынужденные оставить учебу становились по большей части мелкими канцеляристами.

Жили учащиеся в нелегких бытовых условиях. В воспоминаниях семинаристов предстает мрачноватая картина спальных корпусов, где в одной комнате помещалось от 40 до 60-ти бурсаков. Е.М. Овчинников, впоследствии агент кружка “чайковцев” в Казани, обучавшийся сначала в духовном уездном училище в Нолинске, а потом в вятской семинарии, вспоминал: “Характеристика духовного училища, сделанного Н.Г. Помяловским в “Очерках бурсы”, всецело может быть отнесена и к нолинскому духовному училищу”. Его оценка схожа со словами С.И. Сычугова, который сначала учился в вятском духовном уездном училище, затем в семинарии: “Если ты пожелаешь составить понятие, какие мытарства я вынес, то безобразия, изображенные Помяловским, возвысь в квадрат, - и картина выйдет верная. Сколько душ там погублено!” [1]

Многие бурсаки просто-напросто голодали, иногда им с боем приходилось добывать брошенные богатенькими учениками ломти хлеба, предназначавшиеся... свиньям семинарского эконома. И каково было видеть бедолагам, как в столовую, по воспоминаниям Сычугова, “нарочно ради богатеев... приходил булочник с соблазнительными для голодных бурсаков плюшками, пышками и пр. соблазнами”.

Священник, талантливый педагог, этнограф, публицист о. Николай Блинов, вспоминал: “Мы были настолько бедны, что во время моего учения в училище (7 лет) и в семинарии (6 лет) я ходил в ватном одеянии зимой. Шубной был один воротник. А ходить нужно было: в училище не менее версты, а семинаристам – две” [2].

Это участь семинаристов. Но не меньшие трудности пришлось изведать и многим гимназистам. Просветитель-шестидесятник Александр Александрович Красовский писал в “Вятских губернских ведомостях” в 1863 году: “Они размещаются по слободкам, где их дешевые углы со столом от хозяек... окружены исключительно бедными мещанами да постойными солдатами... справедливо ли осудить их безысходно на такую жизнь, когда они уже призваны судьбою к лучшему развитию?” Историк вятской мужской гимназии М.Г. Васильев опубликовал результаты инспекции в 1875 году. Оказалось, что некоторые гимназисты, снимавшие частные квартиры, ютились “в нижних полумрачных этажах, сырых, низких и с удушливым, спертым воздухом без всяких вентиляторов, или в тех отгороженных досками от кухонной печи ящиках, в которых температура выше 20 градусов, тараканам нет числа, а кровати и одной

[1] Петряев Е.Д. Литературные находки. Киров, 1966. С. 130.
[2] Блинов Н.Н. Дань своему времени. Архив Е.Д. Петряева.

поместить некуда. Стол в большинстве квартир неудовлетворителен, белье не меняется, не чистится, не чинится, освещение слабое”.

В предреформенные годы в учебных заведениях физические наказания представляли, к сожалению, бытовое явление. Да и позднее любители “солдатского режима” из преподавательской среды, несмотря на запрет телесных наказаний, норовили учинять самовольную расправу. Сторонники воспитания розгами встречались и в гимназии. “У Глебова сечение было главною дисциплинарною мерою, притом, крайне жестокое, - вспоминал выпускник гимназии об одном из инспекторов, ставшем позднее директором. - Воспоминания о нем переполнены карцерами, сечением в швейцарской, сечением перед классом или даже перед всеми учениками, и непременно с громадными порциями лозанов... “Смотри, - говорил он грубым голосом, - я высеку, и высеку сам!” (Хотелось бы думать, что автор этих воспоминаний все же допустил преувеличение). Иногда “педагоги” прибегали к помощи, как они выражались, “ликторов” из верзил-старшеклассников. Заключение в карцер воспринималось и вовсе привычным делом.

Все же условия жизни Николая Чарушина были лучше многих из сверстников, хотя и ему приходилось переживать трудные времена. Конечно, он, особенно в первые гимназические годы, скучал по дому и великой радостью оказывался приезд ямщика из ближайшей к Орлову деревни, который увозил его на каникулы.

“Я любил этого Семена, ласкового и словоохотливого мужичка, который не уставал во время пути занимать меня рассказами о моих домашних, не забывая в то же время, в особенности зимой, останавливаться у каждого деревенского кабачка, чтобы обогреться и пропустить шкалик-другой живительной влаги. К концу пути настроение Семена заметно понималось, но это не мешало ему благополучно доставлять меня до дому, по мере приближения к которому росло и мое нетерпение. В моем воображении уже отчетливо рисовалась радостная встреча всех домашних и ряд привычных и хорошо знакомых удовольствий и развлечений”.

Но каникулярное время быстро протекало, наступал день отъезда, и тот же Семен увозил Николая в Вятку. Правда, через два-три дня тоскливое чувство расставания с родными проходило.

Не чужды были гимназисту Чарушину и подростковые шалости. Увлечение романами Майн Рида, Фенимора Купера и Вальтера Скотта побуждало к воинственным играм. Под водительством некоего великовозрастного гимназиста совершались набеги на глухой овраг, разделявший город на две части. Место было тогда незаселенное и подростки целым отрядом направлялись туда, в надежде встретиться с разбойниками. Встреч таких, по счастью, не произошло, хотя в этом Копанском овраге в темные осенние и зимние вечера случались нападения на запоздалых прохожих.

В третьем классе Чарушин попал под влияние верзилы-гимназиста, тоже нахлебника хозяйки, у которой он жил. Верзила начал таскать малолетнего сожителя по квартирам сотоварищей и даже по трактирам. Однажды Николай столкнулся в трактире с дядюшкой. После основательной головомойки, заданной Иваном Львовичем, он прекратил столь бессмысленные занятия. Однако время оказалось упущенным и Николая оставили на второй год в третьем классе. (Верны оказывались слова учителя математики А.К. Халютина на педагогическом совете: “Я желал бы иметь под рукою описание квартиры каждого из вверенных мне учеников, с тою целью, чтобы по обстановке квартиры я мог вернее следить за успехами учеников. Очень может быть, что сырая или холодная квартира заставляет мальчика-жильца уходить из нее на улицу или к товарищу и время, назначенное на приготовление уроков, проходит у них в шалостях или пустяшных занятиях” [1]). Переезд на другое место жительства в дом на углу Спасской и Спенчинской улиц сказался на Николае положительно. Он поселился на квартире, где обитало до десяти гимназистов-нахлебников. Там Чарушин сошелся с гимназистом Николаем Лопатиным, оказавшим на него благотворное влияние.

Шло время “великих реформ”. Постепенно менялся общественный климат и в провинции. Вятская гимназия, как и другие учебные заведения России, попадала в полосу “оттепели”. Для демократически настроенных преподавателей, которых А.И. Герцен уважительно называл “пионерами гуманистической пропаганды”, наступала реальная возможность сеять “разумное, доброе, вечное” в учебных заведениях.

“Прежний суровый режим безраздельно царивший в ней, под влиянием захвативших русское общество новых идей – в частности, и в вопросах школьного дела – сменился новым, более человечным. Розга была изгнана, а учителя, хотя в большинстве и прежние, одни совершенно искренне изменили свое отношение к учащимся, а другие по необходимости должны были приноравливаться к новым веяниям. Жить стало много легче, и школа уже не пугала нас. Мы скоро освоились с ней и выполняли свои школьные обязанности, кто как мог и умел, но не увлекаясь, однако, ими”.

В декабре 1866 года третьеклассника Чарушина вызвал приехавший из Орлова врач Синцов. Весть, переданная Матвеем Матвеевичем, оказалась печальной. Семью Чарушиных постигла тяжелая потеря. Во время поездки по уезду Аполлон Иванович вывалился из экипажа на ухабе и был поднят уже без признаков жизни. Приехавший в Орлов Николай застал дома плач и общую растерянность. Тело отца, уже вынесенное в церковь, по распоряжению полицейского начальства перенесли в полицейское управление для вскрытия. Екатерине Львовне стоило больших хлопот воспрепятствовать этому.

“Положение семьи после смерти отца было поистине отчаянное. Денег же по самом тщательном обыске оказалось три или пять рублей, к тому же были

[1] Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 211. Оп. 1. Д. 268. Л. 35.

еще и долги по лавкам. Единственными ресурсами были лишь небольшая квартирная плата за казначейство да такой же доход с арендуемой мукомольной мельницы, отдаваемые нашим дядей в распоряжение матери. Но этого для такой большой семьи, как наша, было слишком недостаточно, а потому первые месяцы после смерти отца, она бедствовала в буквальном смысле слова: ели хлеб с мякиной, привозимой с мельницы, а вместо свечей в длинные зимние вечера сидели с лучиной… Одна только мать, на которой теперь лежала вся ответственность за семью, благодаря своему энергическому характеру, не опустила рук и, как могла, принялась за обычные хозяйственные заботы. Как она выкручивалась из материальных затруднений обступивших ее со всех сторон, я не знаю, но так или иначе она все же находила какие-то возможности подержать свою многочисленную семью и не дать ей умереть с голоду”.

(О характере Екатерины Львовны вспоминал и ее племянник Вячеслав Иванович Юферев: “По двору и огороду и ремонту построек главенствовала старшая из наших тетушек. Она умела рядиться с плотниками, столярами и другими рабочими. Эта тетушка – Екатерина Львовна Чарушина дожила до 87 лет, она была чрезвычайно умная хозяйственная женщина высокого роста с большим характером, властная, энергичная. Она осталась довольно рано без мужа, погибшего в пути при командировке, с большим семейством на руках почти без всяких средств к существованию…”)

Беда, постигшая семейство Чарушиных, заставила даже думать домашних, отправлять ли Николая в Вятку для продолжения учебы, или забирать из гимназии. Но гимназическое начальство пришло на помощь. Гимназический совет освободил Николая и Аркадия Чарушиных от платы за обучение.

Вернувшись в Вятку, Николай нанял по дешевке пустую комнату “без харчей”, кормился кое-как и был счастлив, если имел в кармане три копейки или пятак, на которые мог купить целых два или три фунта хлеба.

Но постепенно материальное положение семьи стало поправляться. Помогал Иван Львович – “добрый гений” чарушинского семейства, начинала зарабатывать рукоделием старшая сестра Лидия, подрастала вторая сестра, помощница матери по хозяйству. Улучшилась и жизнь Николая в Вятке. Появилась возможность дать гимназическое образование младшим братьям Виктору и Ивану.

Однако в пятом классе, несмотря на более внимательное отношение к учебе, с Николаем произошел неприятный казус на экзамене. Виноватым оказался он сам. Половину экзаменов удалось сдать, но как на грех в Орлов приехал кто-то из родных. Вместо продолжения сдачи экзаменов Николай под предлогом болезни уехал домой. Все лето он не брал учебников в руки, наивно полагая, что его и так переведут в шестой касс. Но гимназическое начальство все же устроило ему “самое поверхностное испытание”. Пришлось снова остаться на второй год. Сознавая, что неудобно сидеть на шее матери, он занялся репетиторством. А

поскольку предметы при повторном прохождении были для Николая знакомыми, он усиленно стал заниматься чтением.

По социальному происхождению, материальному положению, устремлениям и характеру учащиеся вятских учебных заведений были различны. Лучшие из них сыграли заметную роль в жизни Вятского края и далеко за его пределами. Многие из них стали известны всей России. И огромное значение в становлении их взглядов сыграли учителя-гуманисты, преподававшие в семинарии, гимназии, земском училище и других учебных заведениях Вятки.

Учителя различались по способностям, по умственным и моральным качествам. Некоторые преподаватели гимназии оказывались явно не на высоте положения. Сохранились воспоминания об одном из них: “Придет, бывало, в класс; нужно новый урок задать, объяснить что-нибудь; обращается к ученикам: дайте, господа, геометрию. Дадут: уж он читает, читает, насилу, по-видимому, поймет. Станет объяснять, собьется, перепутает, опять примется читать. Даже тоска берет”. Чарушин рассказал об учителе немецкого языка Борнгардте, который вел уроки “плохо и апатично”, но, хотя ученики почти не занимались, приличные оценки он ставил почти всем, правда, нередко обзывал гимназистов словом “швинь”. А учитель Барановский, преподававший французский язык вяло и скучно, оказался любителем плоских нравоучений: “Вот и Каракозов тоже имел плохие тетрадки, и его повесили...” Не блистал познаниями и преподаватель латыни Хорошкевич, уроки которого проходили при невероятном гаме учеников. Вот несколько отзывов выпускников гимназии, сохранившихся в архиве: “Инспекторы и директора никогда не отличались педагогическими способностями и вовсе не пользовались популярностью и уважением со стороны учеников”, “учителя, будучи под полицейским надзором своего директора, те из них, которые были от природы бездушными холодными формалистами, подражали своему начальству”, “учителя сухи и далеки от учеников, очень нуждающихся в теплом, отеческом отношении к ним”, “физически, умственно и нравственно меня гимназия терзала”. В подобных аттестациях, конечно, многое зависит от индивидуальности авторов отзывов. Подчас чувствуется утрированность высказываний. Тем более ценна добрая память о талантливых преподавателях.

Воспитание чувства человеческого достоинства - вот с чего начинали “пионеры гуманистической пропаганды”. Благодарные ученики видели в таких учителях товарищей, обретали верных и надежных наставников.

Для преподавателей “нового типа” воспитанники были не “ослами и болванами” (такими кличками щедро награждали их “рутинисты”), а “младшими товарищами”. Каждый из таких учителей них мог бы сказать о себе словами преподавателя математики в гимназии Михаила Ивановича Шемановского, бывшего сокурсником Н.А. Добролюбова по Главному педагогическому институту в Петербурге: “Я – учитель, человек современный, с гуманным взглядом на воспитание и, положим, достигший до такой степени развития, на

которой мне делается невыносимым всякое унижение Божеского лика и в 15-летнем мальчике...” [1]

В гимназии по сравнению с семинарией обстановка складывалась более мягко. По словам Чарушина, гимназическая среда была “по преимуществу все же демократической и в общем дружной... Чувство товарищества даже в младших классах было развито в достаточной степени, о старших же классах и говорить нечего”.

(Позднее, когда розовая тональность “великих реформ” стала блекнуть, обстановка в учебных заведениях стала меняться. Чарушин из-за возраста уже не застал новый устав гимназии, утвержденный в 1871 году по инициативе министра просвещения Д.А. Толстого, который сыграл отрицательную роль в судьбе школы. Недаром, гимназист Петр Неволин жаловался в письме брату, петербургскому студенту, на засилье “классического обучения”: “Я уже писал тебе, что у нас в гимназии новый устав, и что в силу этого устава первым, главным предметом - это древние языки. Спрашивается теперь: на кой черт эти языки? Для чего загромождать головы этим хламом?.. История, математика, география сильно стушевались, а естествознание совершенно изгнано... из словесности только и упирают на древнюю литературу, а на новую наплевать... Недостает только розог, а будь розги - вышла бы бурса, которую так превосходно описал Помяловский... Учеников выходит из гимназии просто массами” [2]. Интенсивность ухода из гимназии Неволин-младший явно преувеличивал, но к практическим знаниям молодежь действительно тянулась. Михаил Бородин, впоследствии много и плодотворно сотрудничавший с Чарушиным по газетным и издательским делам, говорил лишь о “бесполезности изучения древних языков, отдавая предпочтение курсу реальных училищ”).

Шемановский уехал из Вятки до поступления Чарушина в гимназию. Но в ней преподавали подобные ему учителя, оказывая доброе воздействие на учеников. Все же, вспоминая о том, что преподавателей, оказывавших на учеников благодетельное влияние, было совсем мало, Чарушин не погрешил против от истины. Тем более таких учителей их воспитанники помнили всю жизнь. Их можно называть, пусть несколько архаично - не учителя, а *учители*. Учителя – это те, кто нас когда-либо, чему-либо учил, преподавал, вел тот или иной предмет. Их можно помнить, а можно и забыть. *Учители* – это те, кого помнят всю жизнь с искренней любовью, причем они могут быть не обязательно учителями в узко профессиональном значении этого слова. В учебных заведениях Вятки, как и всюду и во все времена, тоже были учителя и *учители*. О первых осталась или плохая память, или имена их забылись. *Учители* навсегда сохранились в благодарных сердцах своих учеников.

Отношение учеников к учителям было, конечно, неоднозначным.

---

[1] Материалы для биографии Н.А. Добролюбова, собранные (Н.Г. Чернышевским) в 1861-1862 годах. Т. 1. Изд-во К.Т. Солдатенкова. М. 1890. С. 530.

[2] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1688. Л. 41.

“Что касается преподавателей, то среди них были у нас всякие. Были и совсем никчемные, которых мы не уважали, у которых не учились, над которыми нередко зло издевались. Были и такие, которых не любили, но уважали и у которых, как у толковых и знающих преподавателей, охотно учились. Но любимых и в то же время уважаемых преподавателей, оказывавших на нас благодетельное влияние и способствовавших нашему развитию, было совсем мало - один-два, да и только! Мы не только учились у них, но и всегда особенно бережно относились к ним”.

Добрая память осталась у гимназистов о преподавателе естествознания Николае Федоровиче Шнейдере. Он глубоко разработал учебный курс, собрал богатые коллекции и гербарий, в преподавании обращался к трудам историка и социолога Г.-Т. Бокля, объясняя развитие человека непосредственно условиями географической среды.

Снискал уважение энергичный учитель математики и физики Василий Петрович Хватунов. Он преподавал необыкновенно живо, только ленивый не усваивал его предметов. Ясность и сжатость объяснений почти исключала необходимость домашней работы. Хватунов увлекал учеников, однако, этим отношения с ним и оканчивались.

Гимназисты любили словесника Виктора Павловича Москвина. Отменно знающий литературу, следящий за ее развитием, он старался заинтересовать и учеников. Уроки его всегда проходили в полной тишине. По убеждению Москвина, учитель словесности был “обязан следить за каждым более или менее замечательным явлением литературы”, процесс обучения должен рассматриваться в теснейшей связи литературы с жизнью народа и общества. На уроках Москвин мог повести речь и о современных писателях, изучение которых не входило в обязательный курс словесности, да и, по правде говоря, не особенно поощрялось. Помимо всего он собирал вятские диалектизмы, пословицы, приметы, заговоры, привлекая к сбору фольклора и гимназистов.

Любимым учителям прощались некоторые слабости. Колоритнейшая личность латиниста Алексея Ильича Редникова, проработавшего в гимназии тридцать лет, особенно запомнилась всем. Легендарному “Алёхе”, обладавшем “фигурой Собакевича” извинялось многое. Бывавшие у Редникова дома не могли не заметить неприбранность холостяцкой квартиры с кучами сигарного пепла где попало: на книгах, в горшках с засохшими цветами.

“Это был в своем роде замечательный человек, большой оригинал и страшно неряшливый, в особенности в домашнем обиходе… В класс он обычно влетал, а не входил, всегда в стареньким засаленном виц-мундире и в широченных из толстого драпа брюках, в необъятных карманах которых неизменно покоилась бутылка водки, до которой Алексей Ильич был большой охотник. Умный, энергичный, отличный знаток языка, который он любил и в котором обладал профессорскими знаниями, но страшно безалаберный и в деле преподавания, как и в личной жизни, он, несмотря на это, все же был ценным

преподавателем… Какое-то сложное чувство вызывала в нас эта несомненно оригинальная, цельная и талантливая личность учителя”.

Признание “профессорских знаний” весьма примечательно, ведь многие из гимназистов отрицательно относилось к изучению “мертвых языков”. Зато ученики Редникова, заинтересованные латынью, “смело переводили любого классика, не боялись никаких переводов с русского языка, понимали и любили язык”. (Это воспоминание одного из учеников не распространялось на всех гимназистов, но многие из них благодарили “Алёху”, который не топил их на экзаменах). Испытательный комитет Казанского университета всегда выделял качественные знания выпускников Вятской гимназии, причисляя их к выпускникам Пермской и 2-й Казанской гимназий, считавшимся лучшими в учебном округе.

Николай Аполлонович запомнил на всю жизнь замечательного преподавателя истории Я.Г. Рождественского.

“Нередко, оставляя в стороне очередную задачу, Яков Григорьевич еще с большим увлечением рассказывал нам о текущих политических событиях... Я помню... когда в “Неделе” начали печататься “Исторические письма” Миртова (Лаврова), Яков Григорьевич приносил газеты в класс и читал нам, посвятив этому делу много уроков. Чтение это, сопровождаемое комментариями особенно трудных для нас мест, производило на нас глубокое впечатление. В то время такое чтение в некотором роде было уже запретным плодом, и начальство, если бы узнало, не поблагодарило бы за подобное чтение преподавателя. Но мы понимали это и без предупреждения держали язык за зубами… Рождественский, восприняв все высокие идеи 60-х годов и искренне проникнувшись ими, любовно и умело старался и нас ввести в круг этих идей, возбудить с нас жажду знания и духовные интересы, а вместе с тем и помочь нам стать достойными гражданами своего отечества. И Якову Григорьевичу, несомненно, многое удалось сделать в этом направлении; зароненные им в наши души добрые семена не пропали даром”.

Преподаватели, подобные Рождественскому, были редки в гимназии. Но они возбуждали умственные интересы своих воспитанников. И не только воспитанников, но и воспитанниц, поскольку некоторые учителя вели уроки и в мужской и в женской гимназиях. По воспоминаниям одной из бывших гимназисток, Яков Григорьевич рассказывал о Гарибальди, о гражданской войне демократического Севера против рабовладельческого Юга в Америке за освобождение черных рабов. Одному гимназисту запомнились слова Рождественского: “Не забудьте же, господа, крестьян-то, когда будете большими, помогайте им выйти из грубости и нищеты”. Он утверждал, что силы питомцев необходимо “вызвать на общее дело”. “Благодарная память об этом выдающемся педагоге и человеке живет и по сие время в сердцах”, – вспоминал Чарушин. Когда Яков Григорьевич покинул Вятку, то ежегодно в день его рождения бывшие

ученики присылали в Уфу, Екатеринбург, Пензу, где он потом учительствовал, поздравительные телеграммы.

Становление личности в огромной мере зависит от читаемых книг. Если детство в Орлове прошло для Николая без книжного влияния, то в Вятке его все более стало захватывать чтение. Одно время он жил в квартале от публичной библиотеки. Уже в советские годы Чарушин вспоминал:

“Учась в период 60-х годов в Вятской гимназии, я еще мальчиком любил с товарищами посещать публичную библиотеку и брал себе книги для чтения соответственно своему возрасту. Позднее, когда я был уже в старших классах, когда горизонты мои значительно расширились и я сам приобщился к идейному течению того времени, я был частым посетителем публичной библиотеки и часами просиживал в ее читальном зале за свежей книжкой журнала или газетой.

Вся тогдашняя обстановка библиотеки как-то невольно располагала и привлекала к себе читателя. Посетитель всегда находил здесь приветливый прием, а содержание библиотеки при хорошем подборе книг, могло удовлетворить самые разнообразные запросы его. Все литературные новинки – русские и переводные, за которыми библиотека следила, были к услугам читателя. В читальном зале, значительно большем, чем теперешний, хорошо и уютно обставленном и прекрасно освещаемом, читатель всегда находил обильный выбор свежих журналов и газет, сменяемых лишь по приходе новых номеров. Тут же к услугам читателя, хотя и на привязи, расположены были справочники и словари. На меня этот большой продолговатый читальный зал, всегда тихий, хорошо освещенный, уставленный по стенам его полными книг шкафами, а посредине, по длине его – рядом овальных столов, обильно снабженных свежими газетами и журналами, производил внушительное и вместе с тем приятное впечатление. И он никогда не пустовал” [1].

Благотворное воздействие книг не замедлило сказаться.

“У меня кроме прежних детских увлечений играми и шалостями появился также и интерес к чтению, правда, еще легкому и занимательному, увлекавшему меня по преимуществу интересной фабулой. Но уже и здесь черты благородства и рыцарства, встречаемые в описаниях действующих лиц, всегда особенно импонировали мне, а вместе с тем даже и в этом чтении понемногу открывался для меня другой, неведомый мне мир. Постепенно же развивающаяся любознательность толкала меня дальше и расширяла круг моих интересов. От Майн Рида и Купера я переходил к Диккенсу, особенно трогавшему меня любовным изображением своих маленьких героев, Теккерею и Сервантесу, а затем и к русским авторам – Помяловскому, поразившему меня развернутой им в таких ужасающих красках жизнью нашей злополучной бурсы, к Решетникову, не менее поразившему меня изображенной им чисто зоологической жизнью наших

[1] Чарушин Н.А. Из воспоминаний о далеком прошлом Вятской публичной библиотеки // Материалы к празднованию 90-летнего юбилея библиотеки. Киров, 1987. С. 7-8. Машинопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена.

крестьян захолустных медвежьих углов, а также и к другим авторам". Наибольшее впечатление произвел на Чарушина Гоголь "Ревизором" и "Мертвыми душами": "Все это чрезвычайно меня трогало и даже как-то обижало, что наша русская жизнь так неприглядна и уродлива, а между тем страстно хотелось видеть ее в другом, много лучшем образе".

Среди поэтов Чарушин особо выделял Некрасова ("страстная любовь к обездоленному люду и гражданский характер мотивов его поэзии"). Из прозаиков более всех привлекал Тургенев романом "Отцы и дети" с Базаровым.

"Последнего некоторые из нас принимали полностью, другие же, отдавая дань уважения силе и цельности его ума и смелости его отрицания, хотя и видели в нем представителя грядущей молодой России, но представителя одностороннего, лишенного широких общественных идеалов, что нас уже не могло удовлетворить. Поэтому даже Рудин (не говоря уже об Инсарове и Елене в "Накануне"), этот провозвестник нового слова в пустыне и человек недееспособный, несмотря на все недостатки его характера, казался нам симпатичнее Базарова, в особенности же когда мы узнали, что в неопубликованном конце этого романа автор заставляет умирать своего героя на парижских баррикадах".

И конечно впечатлял Чарушина и его товарищей роман Чернышевского "Что делать?"

"Новые люди этого романа с их новыми и человечными взаимоотношениями, в особенности в такой интимной и щекотливой области, как брачная, не могли не увлекать нас. Но все эти несомненно хорошие люди... в наших глазах совершенно стушевывались пред таинственным и едва обрисованным Рахметовым, которого Чернышевский показывал нам как бы из-под полы, не дерзая открыть его во всей его совокупности. Этим своим образом, таинственным и смутным, заставлявшим усиленно работать наше воображение, Чернышевский, уже изъятый из обращения и обреченный на полное молчание, из своего сурового заточения как бы говорил нам: "Вот подлинный человек, который особенно нужен теперь России, берите с него пример, ибо это есть единственный для вас путь, который может привести вас к желаемой цели". И образ Рахметова врезался в нашу память, он властно вставал перед нашими глазами и тогда, когда мы и сами страстно искали лучших и верных путей жизни, помогая нам, поощряя нас на решительный шаг!"

Естественно, что помимо художественной литературы Чарушин, как и многие его сверстники, находился под влиянием критических и публицистических статьей Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева. Об этом впоследствии вспоминал не только он, но и учившиеся в те же годы в вятской гимназии Владимир Бехтерев, в будущем знаменитый невропатолог и психиатр, гимназии Константин Циолковский, ставший дерзновенным мыслителем и изобретателем. В старших классах Чарушин и его товарищи увлекались чтением книг по философии,

социологии, политической экономии. Их внимание привлекала книга В.В. Берви-Флеровского “Положение рабочего класса в России”.

Любовь к чтению Николай старался во время приездов в Орлов передать домашним. Но братья были еще слишком юны, а сестры, занятые домашними хлопотами, не находили для книг времени. Но все же, благодаря старшему брату в доме появились книги, ведь раньше их не было вовсе.

Не оставались без внимания учащейся молодежи Вятки события, связанные с “Казанским заговором” – попыткой польских эмиссаров и казанских землевольцев поднять в 1863 году восстание в Поволжье и на Урале, чтобы отвлечь часть войск от борьбы с восстанием в Польше, а затем разжечь и “повсюдное” крестьянское восстание.

Из вятчан к “Казанскому заговору” оказались прикосновенны студенты и вольнослушатели Казанского университета, выпускники семинарии, несколько семинаристов. Привлекли к следствию совершенно безосновательно и владельца библиотеки для чтения в Вятке Александра Красовского, поскольку ему Иван Красноперов, ставший вольнослушателем университета, адресовал письмо, призывавшее помочь участникам заговора. Поведение и действия разночинной молодежи свидетельствовали о революционной увлеченности, но одновременно и о крайней незрелости их сознания. “В уме пущали революцию”, - высказался о таких людях Салтыков-Щедрин.

Я.Г. Рождественский, узнав о содержании письма, доставленного “апостолами”-пропагандистами, и предположив возможность появления аналогичных писем, попытался предостеречь учеников старших классов гимназии в опасении за их судьбу. Поэтому во время урока истории в выпускном классе он осторожно пересказал содержание письма из Казани, добавив: “Надеюсь, что никто из вас ни здесь, ни когда вы будете в университете, не будет ни апостолом, ни учеником тех учений, о которых мечтают многие из нынешних молодых людей”.

Дело о “Казанском заговоре” переполошило Вятку. В мае по инициативе городских властей Александру II было послано “всеподданнейшее письмо”. Небывалые для города события стали обрастать слухами. И через много лет вятчане помнили рассказы, хотя и несколько преувеличенные, об участниках “Казанского заговора”. Кое-кого из них учащаяся молодежь Вятки 70-х годов хорошо знала.

“Рассказывали, что семинаристы, организованные выходцами из Вятской семинарии Орловым, И.М. Красноперовым и др., непосредственными участниками Казанского дела, готовились к открытому выступлению в народе на поддержку казанцев, что для этой цели было заготовлено ими оружие, которое потом, когда последовала расправа, будто бы было похоронено в семинарском пруду. По этому поводу были обыски и аресты среди семинаристов и даже среди преподавателей. В числе последних называли Красовского,

владельца в Вятке книжного магазина, библиотеки и типографии, а также и нашего учителя Рождественского”.

Имя преподавателя истории связывалось у гимназистов с “Казанским заговором”, хотя он и не привлекался по этому делу. Все это не могло не волновать сверстников Чарушина, гимназистов и семинаристов, хотя слухи об этих событиях были “смутными”.

“Духовная жизнь среди учащихся гимназии уже не прекращалась до самого окончания курса, ширясь и углубляясь с течением времени. Наиболее захваченные этим течением усердно принялись за чтение, образовывались кружки самообразования, устраивалась своя библиотека, писались рефераты и горячо обсуждались все общественные вопросы, волновавшие тогда русское общество. Корифеи нашей художественной литературы, а затем Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Флеровский с своим “Положением рабочего класса”, Лавров с его “Историческими письмами”, Михайловский, Лассаль и многие другие были нашими излюбленными учителями и вдохновителями, освещавшими нашу убогую жизнь и вводившими нас в круг широких идей, возбуждая в то же время пламенное желание отдать свои силы на служение народу. Мы постепенно впитывали в себя социалистические и народнические идеи и сами становились их адептами”.

Правда, вспоминая о соучениках, Чарушин делал существенную оговорку: “*Под этим мы я разумею здесь и дальше не всю гимназическую массу, в общем индифферентную или же только поверхностно затронутую идейным течением того времени, а лишь небольшую группу воспитанников гимназии разных классов, действительно и серьезно увлеченных им”.*

Состав учащихся гимназии был типичен для Вятской губернии – в ней преимущественно учились дети чиновников, купцов, мещан; были, хотя и в небольшом числе так называемые “кухаркины дети”. В основном же обстановка в гимназической среде складывалась демократической и дружной. “Барчуков” не любили, терпеть не могли “ябедников” и “фискалов”.

Чарушина интересовала общественная жизнь Вятки, хотя по молодости он мог быть всего лишь ее свидетелем. Сильное впечатление произвело на Николая открытие в мае 1867 года учредительного земского собрания. Он бывал и на первых его заседаниях, где говорилось о необходимости помогать крестьянскому населению губернии созданием школ, организацией медицинской и агрономической помощи крестьянам. Впечатлял выработанный секретарем губернского земской управы Е.И. Красноперовым проект земского банка для крестьянского населения.

Но “розовая окраска” “великих реформ” постепенно все более и более блекла. *“Наша земская весна была непродолжительна. Направление земства не могло уже нравиться губернской администрации, подстегиваемой сократительными директивами из центра, и между земством и администрацией вскоре уже*

начались пререкания, сопровождаемые окриками со стороны последней. И в результате излюбленный председатель Синцов, а позднее и секретарь земской управы Красноперов должны были оставить земство и выехать из Вятки. Все это не в малой степени способствовало тому, чтобы пошатнуть и мою веру в земскую работу, над которой все время стояла в лице губернатора капризная и своевольная нянька, требовавшая от земства полного послушания”.

Не это ли, в частности, потом направило Чарушина в сторону революционных чаяний. Робкие оппозиционные настроения земцев “первого призыва” вступали в острый конфликт с губернской администрацией, которая испытывая антипатию к Матвею Синцову, первому председателю губернской земской управы, и его окружению, необоснованно представляла настроения “земского кружка” революционными.

Круг знакомых Чарушина ширился. Он стал бывать у товарищей по гимназии Николая и Александра Фармаковских, отец которых, протоиерей Спасского собора, состоял и гласным земского собрания. Кроме Синцова Чарушин видел у Фармаковских агронома и статистика Всеволода Яковлевича Заволжского, преподавателя истории в семинарии и гимназии, талантливого исследователя прошлого Вятского края Александра Степановича Верещагина. Здесь часто собирались молодые люди. В оживленной непринужденной обстановке нередко раздавалось пение песен “крамольного содержания”, велись горячие споры “отнюдь не в верноподданническом духе”. Здесь Чарушин познакомился и со студентами братьями Спасскими, один из которых – Валериан привлекался по “нечаевскому делу”.

В доме Фармаковских завязывались и лирические отношения. Старшую дочь хозяина дома позднее тайно увез из Вятки Синцов, что вызвало досужие слухи городских обывателей, поскольку тот был женат. Другая сестра Юлия вышла замуж за Заволжского. Именно у Фармаковских через восемь лет после первой встречи произошло повторное знакомство Николая Чарушина с Анной Кувшинской, которая, окончив женскую гимназию с “золотым большим кольцом”, поступила “классной дамой” в епархиальное женское училище. Николай в это время завершал гимназический курс, помышляя о продолжении образования в Петербурге. Анна тоже мечтала о дальнейшей учебе, ведь среди молодых посетительниц дома Фармаковских постоянно слышались разговоры о необходимости самостоятельной жизни, о стремлении к редкому тогда еще у женщин высшему образованию. Кроме Фармаковских учащаяся молодежь Вятки часто собиралась в доме Машковцевых.

“Здесь я стал чаще встречаться с Кувшинской... Скромная и серьезная, всегда спокойная и державшаяся чрезвычайно просто, Кувшинская невольно как-то привлекала к себе всем своим симпатичным обликом. С первых же встреч с нею я почувствовал к ней невольную симпатию...”

Вторичное знакомство Николая и Анны постепенно стало перерастать в глубокую взаимную привязанность. Молодые люди встречались обычно в домах

Фармаковских и Машковцевых, где произносились либеральные речи, свойственные продолжавшейся “эпохе великих реформ”. Юные души увлекались витающими в среде разночинной интеллигенции утопическими идеями социализма, благо повод тому давали первые жизненные наблюдения и чувство сострадания к “униженным и оскорбленным”.

Чарушин знал, что у Кувшинской налажены добрые отношения со многими воспитанницами старших классов епархиального училища. Однажды Анна сама пришла к Николаю (“неожиданный и довольно смелый по тому времени визит”), предложив познакомить его с наиболее интересными своими воспитанницами. Нельзя было отклонить такое приглашение. На встречах с епархиалками Николай рассказывал о Первом Интернационале, о Парижской Коммуне.

Об этих занятиях вспоминала А.В. Якимова, впоследствии известная народоволка: “В 1871 г. я училась еще в Вятском епархиальном училище. Летом на каникулы приезжал в Вятку питерский студент Н.А. Чарушин, наш пропагандист с гимназической скамьи. При обычном посещении нас в комнате классной дамы Кувшинской, покровительствовавшей нам, когда мы вернулись с каникул, ознакомил нас с Парижской Коммуной, насколько сам смог за это время узнать о ней… Я думаю, что и вообще повсюду в России в кружках самообразования учащейся молодежи при знакомстве с революционным движением на Западе нельзя было пройти мимо Коммуны [1].

Еще одна бывшая епархиалка, рассказала, что кроме Чарушина Кувшинская приглашала на встречи со своими воспитанницами политических ссыльных. Через заднее крыльцо ссыльные проникали в комнату Анны Дмитриевны, после туда “приходили 3-4 ученицы для беседы с гостем и за разъяснениями накопившихся вопросов по поводу заранее прочитанных книг. Это называлось на нашем языке “приготовить вопросы”... Поздно вечером гость со всеми предосторожностями благополучно выбирался из гостей” [2]. При одной из встреч уже в советские годы Якимова поведала Николаю Аполлоновичу, что девушки намеревались в случае какой либо непредвиденности, вроде неожиданного появления училищного начальства, запрятать юного пропагандиста... в шкаф.

Целых два года вел Чарушин “крамольные” беседы с воспитанницами Кувшинской. Но “плевелы нигилизма” в епархиальном училище обнаружились, тем более, что Вятку взбудоражил побег двух выпускниц, воспитанниц Кувшинской – Ларисы Чемодановой, дочери священника из села Ухтым Глазовского уезда и Надежды Кочуровой, отец которой занимался торговлей в Сарапуле на Каме. Девушки стремились в Петербург к “разумной и самостоятельной жизни”. Побег на этот раз удался лишь Кочуровой. Начальница

---

[1] Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 1185 (В.Н. Фигнер). Оп. 1. Ед. хр. 818. Письмо А.В. Якимовой 26 июля 1933.

[2] Очерк истории женского движения в г. Вятке. (Воспоминания о 70-х и 80-х годах прошлого столетия). Автор неизвестен. Рукопись с правкой А.В. Якимовой. Центр документации новейшей истории Кировской области. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4, 4 об.

училища раздраженно заявляла: “Я или Кувшинская”. Шума все же поднимать не стали, выход сыскался. Вскоре “Вятские епархиальные ведомости” сообщили, что Кувшинская выбыла из училища “по случаю перехода ее на службу в должности преподавательницы в Вятскую Мариинскую женскую гимназию”. Занимаясь с гимназистками, она не оставляла мечты о продолжении образования, предполагая поступить на женские врачебные курсы при Медицинской академии в Петербурге. Готовил Кувшинскую к вступительным испытаниям ссыльный студент Василий Трощанский, который не на шутку увлекся своей способной и на редкость симпатичной ученицей, но не встретил в ней взаимности.

Привлекала Анна и Николая, но матримониальных планов он не строил.

“Брак, а затем семья, думалось мне, неизбежно могли только связать по рукам и ногам и лишить возможности располагать собою в соответствии со своими влечениями. К тому же брак я допускал лишь по взаимной любви, а вызвать таковую к себе, не обладая особо привлекательными свойствами мужчины, я не рассчитывал. Поэтому и возрастающее сближение и взаимное тяготение между мной и Кувшинской объяснял не зарождающимся личным чувством, а лишь идейными и деловым мотивами...”

Помимо воспитанниц епархиального училища Чарушин предпринимал попытки сближения с “людьми из народа”. Он и семинарист Евгений Овчинников получили доступ в стоявшую в Вятке воинскую команду для занятий с солдатами. Чарушин обучал служивых “грамоте и другим наукам, не избегая и приватных бесед и разговоров с ними”...

Народнические настроения все более овладевали Николаем.

“Чернышевский вводил нас в круг увлекавших нас социалистических идей, но что особенно важно, органически связывал их с элементами, хотя и находящимися еще в зачаточном состоянии, но родственными с ними и обретающимися и в психологии и быте основной массы нашего населения – крестьянства. Это укрепляло в нас веру в жизненность социалистической идеи, которая в будущем, когда суровые условия нашей жизни изменятся и духовный уровень населения поднимется, неминуемо должна пустить глубокие корни и перестроить жизнь на новых и более справедливых началах”.

Примечательно отношение юного Чарушина к религии.

“К вопросам же религиозным отношение в общем установилось индифферентное. Истинной религиозности в детстве нам не внушали, а наша официальная церковность скорее действовала на нас не в положительном смысле, а в отрицательном. И лишь евангельское учение импонировало нам, но не как божественное откровение, а как моральная доктрина, совпадающая с усвоенными нами понятиями и принципами”.

Заканчивали учебу старшие гимназические товарищи Чарушина, отправлялись учиться в университетские города, поддерживая связи с оставшимися в Вятке младшими друзьями. Последние летние каникулы Николай

провел в Орлове. Дома происходили значительные перемены к лучшему. Старшая сестра Лидия вышла замуж, в невестах ходила вторая сестра Юлия, брат Аркадий по окончании уездного училища готовился поступать в Вятскую гимназию. Подрастали Виктор и Иван. Уезжая в Орлов, Николай захватил с собою первый том сочинений Лассаля. *“...эта книга дала мне возможность наглядно ощутить все значение политической свободы... Если бы, невольно думалось мне, что-либо подобное было возможно и у нас, в России, то какие бы блестящие результаты могли получиться в самом непродолжительном времени! Поэтому горечь от сознания, что ничего похожего на европейские условия у нас нет, только делалась острее и ощутительнее...”*

Подошла к концу учеба в гимназии и для Чарушина. В выпускном седьмом классе по протоколу гимназического совета 11 марта 1871 года за январь-февраль при обсуждении поведения оценки ему были уменьшены “за упущение уроков без уважительных причин” [1]. На “окончательных испытаниях” Николай получил по Закону Божию, истории, французскому и немецкому языку – оценки “весьма удовлетворительные”; по остальным – “удовлетворительные”. Поведение Чарушина оценили на “отлично”. Всего экзаменовалось восемнадцать учеников. Закончили курс – тринадцать.

Как понять тогдашние критерии оценок? Что такое “весьма удовлетворительные” и “удовлетворительные” оценки? Лишь двое из выпускников, в том числе Семен Хохряков, сын сторожа, подходивший под категорию “кухаркиных детей”, получили оценки “весьма удовлетворительные”, причем Хохряков, вышел с золотой медалью.

Как сложились судьбы этого выпуска по данным 1911 года, которые привел М.Г. Васильев, автор книги о вятской мужской гимназии, изданной к ее столетию? Двое означены студентами, видимо, не удалось проследить их будущность. Далее – член уездного суда, учитель гимназии, учитель уездного училища, инспектор кадетского корпуса, два врача, секретарь акционерного управления, коммерсант, исправник... О Чарушине сказано: “Общественный деятель, издатель “Вятской речи”.

Пришло время покидать Вятку для продолжения учебы. Перед отъездом в Петербург Чарушин навестил родственников в Орлове. Мать беспокоилась за сына.

“Велик был страх ее перед большим городом, где столько разных соблазнов, могущих увлечь ее сына и разрушить ее надежды на помощь, которую она, естественно, ждала от него. Положение же семьи по-прежнему было малообеспеченное, к тому же надо было учить еще трех мальчиков, а никаких определенных средств у матери не было, кроме помощи дяди, которая по тем или иным причинам могла во всякое время прекратиться. Все это я не мог не понимать и не сознавать своей естественной обязанности в отношении семьи,

[1] ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 261. Л. 21.

но уверенности, что эту мою обязанность я выполню, у меня ввиду направления моих мыслей и стремлений на было”.

В начале августа 1871 года Чарушин покинул Орлов, а затем выехал из Вятки в Петербург. Какие впечатления оставил губернский город, где Чарушин провел девять лет?

“Расположенный на крутом берегу Вятки и разделенный глубоким оврагом на две части, почти равные, город Вятка, по преимуществу деревянный, с его двадцатью церквами, массой зелени и красивым видом на реку и заречную сторону, в общем, имел, в особенности в сухую погоду, довольно привлекательный и живописный вид. Город, в обычное время тихий и патриархальный, с населением в 22-23 тыс., носил в то время бюрократический характер, хотя в нем шла и довольно оживленная торговая жизнь, в особенности же в базарные дни, когда в огромном количестве съезжались окрестные крестьяне и заполняли собою город, придавая ему характер чисто крестьянского города. Эта особенность Вятки уже много лет спустя поразила и Родичева [1], приезжавшего, если не ошибаюсь, в 1916 г. в Вятку для чтения лекции о Герцене, который, передавая мне свои впечатления о ней, выказывал, что здесь в Вятке, особенно наглядно чувствуется крестьянский характер страны, что без сомнения, не могло не сказаться и на всем последующем мировоззрении Герцена, впитавшего вятские впечатления в течение нескольких лет своей ссыльной жизни в ней.

В то далекое время промышленная жизнь Вятки была ничтожна и в общем носила большей частью кустарный характер. Хотя в 1872 г., по официальным данным, в ней насчитывалось до 18-ти различных заводов, но вся производительность их равнялась лишь 539 720 руб. с общим количеством рабочих в 312 человек, в среднем около 12 человек на предприятие... Торговая же жизнь Вятки была много значительнее и бойчее, несмотря на том, что торговые и всякие иные сношения совершались по плохо содержимым грунтовым дорогам, так как железных дорог еще не было, не было и пароходного сообщения по Вятке, если не считать одного или двух буксиров, пущенных по реке Т.Ф. Булычевым... Вообще нужно заметить, что интеллигенция в Вятке в то время была еще очень малочисленная и на общественную арену не выходила, поэтому никакой общественной жизни в ней и не было... Купечески-мещанский состав городской думы по своей малокультурности и своекорыстию не способен был на что-либо подобное. И лишь молодое земское самоуправление представляло исключение. Демократическая общественная мысль и инициатива нашли там приют и стремились проявить себя в различного рода мероприятиях. И в земство потянулись все наиболее деятельные и живые интеллигентные силы...

---

[1] Федор Измайлович Родичев, один из основателей конституционно-демократической партии.

Таким образом, местная общественная жизнь немного давала пищи для подрастающего поколения, обучавшегося в разных учебных заведениях, и нам приходилось исключительно вариться в собственном соку и своими силами воспитывать себя и намечать дальнейшие жизненные пути. Но мы мало этим огорчались, ибо были книги, которые заменяли нам живых людей и в то же время служили предметом оживленного обмена мнениями между ними. Старшее поколение, даже интеллигентное, но уже осевшее и успокоившееся, не могло удовлетворять многих из нас, намечавших себе более широкие жизненные перспективы. Вятка того времени и была мила нам именно той интенсивной духовной жизнью среди части учащейся молодежи, которая особенно заметно проявлялась в эти последние годы моей жизни в ней. И это красило нашу жизнь, вселяя в то же время чувство признательности и к самой Вятке, несмотря на многие отрицательные стороны жизни в ней.

Почти перед самым моим отъездом в Петербург я получил через вторые руки от Маковеева, только что окончившего Военно-медицинскую академию, нашего соседа по г. Орлову и моего репетитора, подготовлявшего меня в гимназию, дружеское предупреждение остерегаться в Петербурге знакомства с кружком неблагонадежных лиц, поселившихся этим летом на даче (чайковцы), которое не безопасно и может погубит и меня самого…”

В КРУЖКЕ “ЧАЙКОВЦЕВ”

Перед окончанием гимназии Николай серьезно раздумывал о продолжении учебы. Привлекала Петровская земледельческая академия в Москве, по окончании которой появлялась возможность войти в более близкие отношения с крестьянством. Но Технологический институт в Петербурге приближал к рабочему люду. Перевесил Петербург, тем более, что там уже учились многие студенты-вятчане. Чарушин подал прошение о назначении стипендии. Орловское уездное земство поддержало его. Губернское земское собрание назначило стипендию в размере 250 рублей.

Какие настроения овладевали Николаем?

“В то время всякая вера в официальную Россию, взявшую определенно твердый реакционный курс, была у меня уже окончательно потеряна, как она была потеряна и у передовой части русского общества. От правительства тогда уже ничего не ждали, кроме новых ограничений и стеснений во всех областях жизни, а потому все мои симпатии были на стороне недовольных, бунтующих и протестующих, занятых не на словах только, но и на деле изысканием путей, которые могли бы привести в конечном итоге к устранению основного зла русской жизни – азиатской государственности. Как и когда это невероятное дело должно совершиться – точно себе я не представлял, полагая, что Петербург поможет мне разобраться в этом вопросе”.

Екатерина Львовна беспокоилась за сына, отправлявшегося в столицу.

“Как мог, я старался успокоить ее, но мои усилия мало помогали делу. Велик был страх ее перед большим городом, где столько разных соблазнов, могущих увлечь и погубить ее старшего сына и разрушить ее надежды на помощь, которую она, естественно, ждала от него. Положение же семьи по-прежнему было малообеспеченное, к тому же надо было учить еще трех мальчиков, а никаких определенных средств у матери не было… Этот разлад между повелительным долгом перед родиной и семьей, примирить который не было возможности, причинял мне немало моральных терзаний, которые в значительной мере смягчались лишь тем, что все это – еще впереди и, может быть, дело как-нибудь обойдется и без трагических коллизий”.

В Петербург вместе с Чарушиным отправился на учебу и сын вятского протоиерея Александр Фармаковский.

“Путь из Вятки на Петербург в те времена был длинный и сложный. Обычно ехали на Казань через Нолинск и Уржум на лошадях, каковой путь измеряется в 400 с лишком верст. Отсюда Волгой на Нижний, а дальше уже по железной дороге через Москву прямо к конечному пункту путешествия – Петербургу”.

От Казани до Нижнего Новгорода будущие студенты проехали на пароходе, любуясь с палубы Волгой. Затем в вагоне третьего класса добрались до Москвы. Чарушин обратил внимание на встречавшиеся по пути признаки “промышленной жизни”, ведь на родине он видел “подлинное крестьянское царство, нарушаемое лишь изредка небольшими городскими поселениями”. В Москве Николай побывал в Кремле, подивился на царь-колокол и царь-пушку. Несмотря на краткость пребывания в первопрестольной, он съездил в Петровско-Разумовское, где в обширном парке при Петровской земледельческой академии ему показали грот, в котором два года назад Сергей Нечаев с сотоварищами совершил убийство студента Иванова. Об этой криминальной истории Чарушин мог еще в Вятке знать от своих знакомцев, обучавшихся в академии, братьев Владимира и Ивана Рязанцевых, происходивших из уважаемой в Вятке купеческой династии. Их даже привлекали по этому делу. В той или иной степени к “нечаевщине” оказались прикосновенны студенты Александр и Валериан Спасские и Сергей Федоров – все выпускники вятской гимназии.

От Москвы путешественники ехали опять же в вагоне третьего класса, переполненном крестьянами и рабочим людом, едущим на заработки. Были среди пассажиров и молодые провинциалы, тоже отправлявшиеся в Петербург на учебу.

Северная столица впечатлила Чарушина.

“Необычайное оживление, бесчисленное количество разнообразных и роскошных магазинов, сплошная стена многоэтажных домов, дворцы, Исаакий и затем многоводная Нева, закованная в гранитные берега, с открывающимся видом на Петропавловскую крепость и Васильевский остров не могли не очаровать меня. Помню, я долго не сводил глаз с колоссальных размеров Зимнего дворца, невольно переводя их на расположенную напротив него

Петропавловскую крепость с ее мрачными казематами, как бы символизирующую сущность царского режима. Тут безумная роскошь, пиры и веселье, а там скорбь и тягостная неволя для врагов самодержавия. Тогда я еще был далек от мысли, что и мне суждено будет провести не один год в этом мрачном убежище, наглухо закупоренном от живых людей, слушая лишь каждые четверть часа печальный перезвон часов Петропавловской крепости".

Чарушин и Фармаковский сыскали комнату за 12 рублей в месяц у какой-то немки в Измайловских Ротах близ Технологического института.

"Устроившись с квартирой, я отправился в институт, чтобы оформить мое вступление в число его студентов. Вступительных экзаменов не требовалось. Хотя чтение лекций еще не начиналось, но студентов в институте, пришедших сюда по разным делам или без всякого дела, было уже довольно много. Составлялись небольшие группы, велись оживленные разговоры, завязывались знакомства. Из института мы целой гурьбой двинулись в дешевую столовую для технологов, устроенную в. кн. Еленой Павловной и помещавшуюся недалеко от института, в Ротах. На студенческом жаргоне это значило идти "к Еленке". Такая же столовая была на Выборгской стороне для медиков. Обеды в этих столовых были тощие и невкусные, поэтому, когда начались занятия, технологи, а также и медики устроили свои собственные столовые. У технологов в интересах дешевизны вместо мяса была конина, которая в разных видах подавалась в изобилии. Я тоже перешел было в эту столовую, но пообедав неделю-другую. не мог привыкнуть к конине и снова перебрался "к Еленке", где обычно довольствовался стаканом молока и стаканом кофе… Располагая пока совершенно свободным временем я носился с кем-нибудь из товарищей из конца в конец по городу, чтобы поскорее ознакомиться с ним".

Состав студентов Технологического института, в основном, был демократический. С началом занятий Николай принялся заводить знакомства со студентами. Одним из первых его друзей оказался сын небогатого екатеринославского помещика Сергей Синегуб, "среднего роста, блондин, с едва пробивающимися усами и бородой, немного сутулый и худой, но с большими лучистыми серыми глазами и необыкновенно приятной улыбкой он невольно обращал на себя внимание".

Петербург полнился тогда толками о недавно завершившемся Нечаевском процессе. Газеты помещали подробные отчеты о нем. Действия "Народной расправы", пресловутый "Катехизис революционера", мистификация и жестокость "созидателя разрушения" Нечаева, злодейское убийство студента Иванова, заподозренного им в доносительстве, вызывало неприятие со стороны молодых людей, входивших в кружок "чайковцев", в котором вскоре оказался и Чарушин.

"Много говорилось о нем и в студенческих кругах тем более, что некоторым из студентов удалось и самолично присутствовать на разборе дела. Странное отношение, в общем, установилось к этому громкому политическому делу: к

людям, участникам процесса, – положительное, а к организации, как таковой, с которой эти люди были связаны, – безусловно отрицательное…

Такая организация, где в основе был обман, а во главе стоял генерал, котором безапелляционно должны повиноваться все, и не могла рассчитывать на длительное и продуктивное существование. Она неизбежно и скоро погибла бы если не от внешнего врага, то от собственного разложения, так как жить в атмосфере обмана и беспрекословного подчинения воле одного лица сознательные и свободные люди долго не могут. Разложение в нечаевской организации, несмотря на кратковременность ее существования, уже и начиналось и закончилось – в расчете положить этому разложению предел – катастрофой с Ивановым.

К таким приблизительно выводам приходила в общем публика при оценке Нечаевского дела. А революционная молодежь помимо всего этого извлекла из этого дела для себя и практический урок: ни в каком случае не строить революционную организацию по типу нечаевской, не прибегать для вовлечения в нее к таким приемам, к каким прибегал Нечаев”.

Еще до начала лекций Чарушин получил от земляка Николая Лопатина, студента медико-хирургической академии, приглашение побывать на даче в Кушелевке близ Петербурга.

“Получив от него адрес этой дачи и указания, как добраться до нее, я, насколько припоминаю, в один из первых воскресных дней двинулся туда. Там жила как раз та компания (чайковцы), от знакомства с которой предостерегал меня еще в Вятке Маковеев. Понятно поэтому мое некоторое волнение и нетерпение поскорее увидеть этих опасных людей… Лопатина на этот раз, по-видимому, на даче не было и встретил меня неведомый мне красивый молодой человек с каштановыми волосами и окладистой небольшой бородкой, который оказался Чайковским. Уведя меня к себе к комнаты, он расспрашивал меня о Вятке, уроженцем которой был сам, о вятских делах и, в частности, о вятском земстве… после довольно длительной беседы Чайковский, ни с кем меня не знакомя, повел в сад, проходя по которому я увидел небольшую, но интересную группу молоденьких девиц, полулежащих вблизи дорожки, по которой мы проходили, одетых в мужские рубашки и шаровары. Особенно запечатлелись мен из этой группы две: одна, самая юная из них, чрезвычайно миловидная белокурая девушка с пухленькими розовыми щечками, с высоким выпуклым лбом и голубыми глазами, и рядом с ней другая, пожалуй более красивая и с более правильными чертами лица, чем первая, но с более строгим и суровым выражением лица. Первая, как я узнал позднее, была С.Л. Перовская, которой было тогда 18 лет, а вторая А.И. Корнилова”.

Так состоялось мое первое знакомство с Чайковским, который за время нашей беседы очаровал меня своей безыскуственной простотой и деловитостью и совершенным отсутствием каких-либо признаков рисовки”.

Посещая лекции, Николай вскоре почувствовал, что предметы, преподававшиеся в “Техноложке”, не привлекают его. Больший интерес вызывали науки “общественного характера”.

В настоящее время стало модным ироническое отношение к разночинцам-демократам. Но необходимо отделять тургеневского Базарова от мадам Кукшиной. Недаром, Николай Лесков мудро писал: “Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами” [1].

Один из авторов “Вех” Семен Франк в начале XX века дал такую аттестацию народнической интеллигенции: “По своему этическому существу русский интеллигент приблизительно с 70-х годов и до наших дней остается упорным и закоренелым н а р о д н и к о м: его Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели, соединением с аскетическим самоограничением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам. Эту народническую душу русский интеллигент сохранил в неприкосновенности в течение ряда десятилетий, несмотря на все разнообразие политических и социальных теорий, которые он исповедовал; до последних дней народничество было всеобъемлющей и непоколебимой программой жизни интеллигента, которую он свято оберегал от искушений и нарушений, в исполнении которой он всегда видел единственный разумный смысл своей жизни и по чистоте которой он судил других людей… В этом движении было много смешного, наивного, одностороннего… Но все это искупалось одним: непосредственным чувством живой любви к людям. В этом типе народническая мораль выявила и воплотила все, что в ней было положительного и плодотворного; он как бы вобрал в себя и действенно развил самый питательный корень народничества – а л ь т р у и з м [2].

Разночинная молодежь увлекалась чтением “Исторических писем П.Л. Лаврова, который призывал читателей вырабатывать из себя “критически мыслящую личность”, помогающую “воплотить идеалы истины и справедливости в человеческие отношения”. Бедственное положение крестьянства в пореформенной России вызывало у демократической интеллигенции острое сочувствие, необходимость выполнения морального долга перед народом, веру в спасительность идей “крестьянской общины”… Все это укладывалось в преувеличенное представление о возможностях интеллигенции.

Помимо “Исторических писем” в студенческой среде, увлеченной народническими воззрениями, читались статьи Лаврова в журнале “Вперед”, книга М.А. Бакунина “Государственность и анархия”, изданные в эмиграции. Анархические воззрения Бакунина воспринимались молодыми “нигилистами” как

---

[1] Лесков Н.С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?” – Собр. соч. в 11 тт. Т. 10. М., 1958. С 21.

[2] Франк С. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 179-180

руководство к действию, к свержению самодержавия. Призывы же Лаврова содержали мысли о тщательной подготовке революции при непосредственном участии самого народа. Бланкистские призывы П.Н. Ткачева в журнале “Набат” увлекали пока в меньшей степени.

Характерным было преклонение разночинно-демократической интеллигенции перед “народом-страдальцем”. Вера в народ стала для нее нравственной опорой. Прав оказывался Н.А. Морозов, сказавший об участниках “хождения в народ”: “Не чувствуя за собой достаточно сил, они обратились за помощью к простому народу… и сделали из крестьянина себе бога” [1]. Народники не делали различия между городскими рабочими и крестьянами – все они были для них “рабочим людом”. Ведь и книга В.В. Берви-Флеровского называлась “Положение рабочего класса в России”, хотя в ней говорилось больше о крестьянском населении страны.

П.А. Кропоткин утверждал: “В Западной Европе нигилизм понимается совершенно неверно: в печати, например, постоянно смешивают его с терроризмом и упорно называют нигилизмом то революционное движение, которое вспыхнуло в России к концу царствования Александра II и закончилось трагической его смертью. Все это основано на недоразумении… Терроризм был порожден особыми условиями политической борьбы в данный исторический момент. Он жил и умер. Он может воскреснуть и снова умереть. Нигилизм же наложил у нас свою печать на всю жизнь интеллигентного класса, а эта печать не скоро изгладится” [2].

“Во всех городах, во всех концах Петербурга, – вспоминал Кропоткин, – возникали кружки саморазвития. Здесь тщательно изучали труды философов, экономистов и молодой школы русских историков. Чтение сопровождалось бесконечными спорами. Целью всех этих чтений и споров было разрешить великий вопрос, стоявший перед молодежью: каким путем может она быть наиболее полезна народу? И постепенно она приходила к выводу, что существует лишь один путь. Нужно идти в народ и жить его жизнью… У них не было еще никакой мысли о революции, о насильственном перестройстве общества по определенному плану. Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков е г о идеал лучшей социальной жизни” [3].

Для Чарушина стало естественным участие в кружках самообразования.

“Как и всюду, читалось на этих собраниях немного, а больше велись оживленные разговоры на злободневные темы о народе, лучших способах служения ему, о настроениях как самого народа, так и других общественных

[1] Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. I. М., 1965. С. 74, 75.
[2] Кропоткин П.А. Записки революционера. М. 1966. С. 267.
[3] Там же. С. 270.

групп, о нечаевском деле, Парижской Коммуне и многих других, животрепещущих вопросах”.

Неизбежными оказались и первые знакомства с полицией. “Чайковцы” выпустили книгу В.В. Берви-Флеровского “Азбука социальных наук”. Часть экземпляров отдали в книжный магазин книгопродавца-демократа А.А. Черкесова. Там книги были конфискованы и, как изъятые из обращения, сожжены. Оставшиеся экземпляры хранилась у Чарушина на квартире. В это время из Вятки в Петербург приехал бывший ссыльный, причастный к “Казанскому заговору”, Николай Васильевич Копиченко. Чарушин и послал с ним для Анны Кувшинской восемь-десять экземпляров “Азбуки”.

“Был сентябрьский дождливый вечер, мне что-то нездоровилось, и я попросил Ленечку Попова снести по указанному адресу книги Копиченко, проживавшему недалеко от нашей квартиры. Попов охотно согласился исполнить мое поручение, а я лег в постель и вскоре заснул. Долго ли я спал, не знаю, но, вероятно, не мало, как вдруг сквозь сон услышал какой-то шум, голоса, щелканье шпор и беготню. Открываю глаза и, к моему удивлению, вижу целую коллекцию полицейских мундиров, тормошащих меня, и среди них смущенного Попова… Оказалось, что Попов не застал Копиченко дома, а возвращаясь обратно, наскочил на дворника, которому показался подозрительным, может быть, даже просто вором, так как Попов злополучную и довольно объемистую пачку книг прятал под полами своего пальто… После длительного путешествия по улицам города нас уже поздно ночью привели в какое-то мрачное, скудно освещенное, но обширное полуподвальное помещение… Начался допрос. Попов, согласно нашему условию, отозвался незнанием и сослался на меня”.

Допрос Чарушину учинил сам Слезкин, в недалеком будущем начальник Московского губернского жандармского управления.

“– Где вы взяли эти книги? – Купил в магазине Черкесова. – Как купили, когда книга запрещена и изъята из обращения? – Но ведь она же была в магазине Черкесова и открыто продавалась всем, кто хотел ее купить. Тогда она и была куплена мною. – Куда вы отправляли ее?”

Поскольку фамилия адресата уже была обнаружена, Чарушин лишь подтвердил, что книги предназначались для отправки в Вятку, а то, что они запрещены, он будто бы вовсе не знал. Под утро Чарушина и Попова освободили. (Тем не менее архивные документы свидетельствуют, что “Азбука социальных наук” все же имела хождение в Вятской губернии. Вероятно, она попала туда другим путем).

Круг знакомцев Чарушина ширился. По приглашению Н.В. Чайковского, он стал посещать “штаб-квартиру” “чайковцев”. В дела кружка его сначала не посвящали, хотя кое-что он узнал от Николая Лопатина. Чарушин понимал, что “чайковцами” интересуется III отделение. Однажды у Лопатина при обыске обнаружили конспект по статье Лаврова. “Синие мундиры” подумали не пользуется ли он этими записями при ведении революционной пропаганды. Но

им пришлось разочароваться, когда Лопатин убедил их, что сама статья напечатана в “Отечественных записках”.

Автор исследований о “чайковцах” Н.А. Троицкий пишет, что их организация – Большое общество пропаганды – появилась, благодаря слиянию двух кружков – Марка Натансона (первое ядро петербургской группы общества “чайковцев”) и Софьи Перовской (второе ядро). Оба они, видимо, составили к весне 1871 года один кружок. Его участники, по словам самого Чайковского, “задумали объединить представителей всех игравших тогда роль высших учебных заведений Петербурга с целью придать более планомерное и здоровое направление, чем получило предшествовавшее под влиянием Нечаева” [1].

При участии Чайковского Чарушин познакомился с Марком Натансоном, Михаилом Купреяновым. В конце сентября или начале октября Николай Лопатин предложил ему вступить в кружок “чайковцев”.

“В то время мне еще не хотелось связывать себя с какой-либо нелегальной организацией, хотелось пока пожить совершенно свободным человеком и хорошенько осмотреться, но, с другой стороны, предложение было настолько заманчиво и соблазнительно, что я, не задумываясь, дал свое согласие.

Давая свое согласие, я, конечно, знал, что этим самым Рубикон уже оставляю позади, что отступления не может быть и что отныне все мои скромные силы неизбежно пойдут на дело, которое делал кружок а в перспективе, может и близкой, меня неизбежно будут ждать не лавры, а тюрьма, ссылка, а может быть, и что-нибудь горшее. Но все это мало меня смущало, так как к этому я уже был достаточно подготовлен всем моим предыдущим ходом развития. Текущая же политическая действительность не только не содействовала изменению выводов, к каким я приходил ранее, а наоборот, беспрерывные аресты и высылки, систематическое гонение на печатное слово, откровенное издевательство над русским обществом, а в довершение всего какой-то панический страх перед живой жизнью и проявлением какой-либо общественной самодеятельности закрывали, казалось, все пути для легальной деятельности и толкали всякого мало-мальски живого человека на путь нелегальный. Поэтому-то и самый переход на этот последний путь становился необычайно легким”.

Вспоминая о “далеком прошлом”, Николай Аполлонович давал характеристику кружку:

“Организованный по типу, совершенно противоположному нечаевской организации, без всяких уставов и статутов и иных формальностей, он покоился исключительно на сродстве настроений и взглядов по основным вопросам, высоте и твердости моральных принципов и искренней преданности делу народа, из чего, как естественное следствие, вытекали взаимное доверие,

[1] См.: Троицкий Н.А. “Первые из блестящей плеяды. (Большое общество пропаганды 1871-1874 гг.)”. Саратов, 1991. С. 44.

уважение и искренняя привязанность друг к другу. Построенный на таком прочном фундаменте, кружок и не нуждался ни в статутах, ни в генералах, особенно этих последних, не потерпел бы ни одного дня”.

Немаловажным для Чарушина при вступлении в кружок “чайковцев” стало и то, что Чайковский и Николай Лопатин оказались его земляками. Из вятчан тогда в кружок вошел Леонид Попов, занимавший комнату в той же квартире, что и Чарушин. Тут же жил Сергей Синегуб [1].

Сам Чайковский в “открытом письме к друзьям”, написанном незадолго до смерти, пояснял: “...кружок начинает называться “кружком чайковцев” и отнюдь не вследствие моего лидерства (мне было тогда всего 21 год), а, главным образом, по деловым сношениям с книгопродавцами и издателями, для которых у меня имелись некоторые практические навыки” [2].

Вопрос о названии кружка рассматривал Н.А. Троицкий: “Прежде всего, здесь пред нами не кружок, а широко разветвленное, с огромным охватом деятельности общество, общество – объединение ряда кружков... О случайности и неправомерности самого термина “чайковцы” говорится давно... Сами “чайковцы” в тех случаях, когда им приходилось объяснять происхождение названия их общества, отмечали, что название это дано “посторонней публикой” вследствие особенно частых сношений с нею именно Чайковского, который пользовался успехом в интеллигентных кругах, больше других “чайковцев” “обладал способностью завязывать новые связи и добывать деньги” и которому петербургский кружок в начальный период своей деятельности поручал изыскивать средства для своего “книжного дела”. Тогда Чайковский не только в глазах “посторонней публики”, но и среди товарищей был, что называется, “на виду” [3].

Уже в послереволюционные годы А.И. Корнилова-Мороз, та самая, которую Чарушин встретил на Кушелевке вместе с Перовской, на его вопрос, как она объясняет название кружка “чайковцев”, написала о впечатлении в те далекие годы от самого Чайковского: “Н.В. Чайковский, высокий и стройный, с первого взгляда производил обаятельное впечатление своей красивой, симпатичной наружностью, своей искренностью, общительностью, способностью горячо увлекаться и увлекать других, Он одевался, как говорят, прилично и вовсе не выглядел суровым нигилистом. Он чувствовал себя свободно в любом обществе и мог быть главным представителем кружка при сношениях с издателями, книгопродавцами, либеральной и демократической публикой. Он больше всех обладал способностью завязывать новые связи или добыть денег на ведение дела” [4].

---

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 207. Л. 162 об.

[2] Цит.: Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 349. Примечания.

[3] Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды…С. 104, 105-106.

[4] РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Ед. хр. 51. Письмо А.И. Корниловой-Мороз Н.А. Чарушину 20 марта 1925.

Нравственная сторона всегда высоко ставилась “чайковцами”. Проблемы, связанные с деньгами, часто оказываются весьма щепетильны. Здесь “чайковцы” оказывались на высоте, не в пример многим участникам революционных организаций разных времен.

“На этой же денежной почве, не перестававшей занимать и волновать кружок, кажется в 1872 г. разыгрался неожиданный инцидент, приведший к разрыву с лицом, очень близко стоявший к кружку. Лицо это, фамилию которого я не назову, увлеченное мыслью сразу разрешить все денежные затруднения кружка, без ведома последнего, приняло участие в какой-то организации по изготовлению и выпуску фальшивых бумажных денег, о чем, когда дело это зашло далеко, сообщило Чайковскому. Ошеломленный столь неожиданным известием о предприятии, идущем вразрез со всеми моральными принципами кружка, Чайковский в категорической форме заявил о неприемлемости такой денежной помощи. Рассказывая мне об этом инциденте, Чайковский больше всего удивлялся недомыслию человека, задумавшего поправлять дела кружка, стоящего на страже народных интересов, путем вынимания этих денежных средств из народного кармана”.

В декабре 1871 года Чарушину довелось присутствовать на многолюдном собрании в квартире известного ученого-криминалиста, профессора Петербургского университета и училища правоведения Н.С. Таганцева. Юный провинциал, лишь недавно появившийся в столице, увидел здесь известнейших людей – идеолога народничества, социолога и публициста Н.К. Михайловского; педагога, автора учебников и книг для народного чтения В.И. Водовозова, Е.И. Утина, участника студенческих волнений в начале 60-х годов; адвоката В.Д. Спасовича, известного участием в процессе нечаевцев (позднее он выступал на “процессе 193-х” и “процессе 50-ти”); экономиста, идеолога либерального народничества В.П. Воронцова… Из “чайковцев” на собрании были сам Чайковский, Феликс Волховский, Дмитрий Клеменц, Софья Перовская…

После чтения реферата, посвященного проблемам конституции, составленным по Лассалю, разговор перешел на российскую почву. Кто в России станет бороться за конституцию? Дворянство и буржуазия не будут, предпочтя отстаивать собственные интересы. Конституция, которую могли бы они добыть, если бы захотели, не была бы полезна простому народу. Кто действительно заинтересован в политических свободах, так это интеллигенция. Но она слаба и материально бессильна. Следовательно, надо вовлечь в борьбу за конституцию крестьянство и рабочих, тогда еще немногочисленных, но более развитых, чем крестьяне. А объединить их в этом деле предстоит интеллигенции.

“Собрание у Таганцева и те выводы, к каким оно пришло, еще более укрепили во мне мыль о необходимости работы в народных массах и, в частности, в рабочей среде, не откладывая ее в долгий ящик… Вероятно, немалое влияние в

этом отношении оказала и начавшаяся работа в рабочей среде, в которую постепенно втягивались и другие члены кружка".

Чарушин и его друзья начинали предпринимать первые попытки общения с рабочим людом Петербурга.

Петербург прошлых лет более воспринимается сейчас по выдающимся памятникам архитектуры. Однако юный провинциал видел не только стройные ансамбли Северной Пальмиры, Невский проспект, Большую Морскую, но и Шлиссельбургский тракт, Петербургскую и Выборгскую стороны, Невскую и Нарвскую заставы, берега Обводного канала, проходил Сенную площадь, все эти Мещанские и Подъяческие улицы, Столярный, Кустарный, Щепной переулки, стоял над мутной водой канавы - Екатерининского канала.

Вот несколько документальных описаний непарадного Петербурга: "...Наиболее занятая часть петербуржцев принуждена жить в надворных строениях, окна которых выходят на дворы, замкнутые со всех сторон и потому темные и смрадные. На ничтожных клочках теснятся бок о бок громадные казармы, битком набитые сверху донизу живыми людьми... почти всегда запертых с четырех сторон стенами, что придает этим дворам вид колодцев... Нечего и говорить, что подвалы и чердаки представляют в гигиеническом отношении полнейшее безобразие. Между тем в этих-то логовищах скопилась относительно большая часть обитателей. Деревенская изба, как бы она не была дрянна, по количеству света и воздуха не может идти ни в какое сравнение с этими норами. Достаточно взглянуть на бледные лица детей, познакомиться с их болезнями, чтобы судить о влиянии этих жилищ на человеческий организм..."

Существовали и "более удобные квартиры": "Представьте себе, читатель, семьянина, занимающего с женой и детьми... квартиру в четыре конуры, отделенные друг от друга и от соседних квартир досчатыми перегородками, через которые проникает чад и слышится говор вдыхающего смрадный воздух двора и испарения из нижних квартир, не знающего, куда в продолжение дня девать детей, которым негде побегать, ни дома, ни во дворе..."

Лавровская газета "Вперед!" (1875), описывая положение рабочих, замечала социальный антагонизм: "Пусть всякий, желающий поближе познакомиться с этой жизнью, сам пойдет посмотреть на рабочие кварталы наших промышленных городов. Всюду он встретит одно и то же: с одной стороны, с жиру лоснящиеся рожи господ заводчиков, директоров... с другой стороны, полунагие, почернелые, преждевременно состарившиеся, тощие фигуры рабочих. Так всюду в России..."

"Нечаевский процесс еще больше укрепил меня в мысли не откладывать работу в народе на будущее, а приступить к ней теперь же, не прекращая, разумеется, и другой организационной работы среди интеллигентских кругов. Эта последняя работа уже была налажена… Совсем другое дело было с работой в народных массах. Здесь и внешних препятствий было много больше, и при этом ни опыта, ни традиций, даже простого знакомства с народной

средой, с ее психологией и бытом не было, кроме разве некоторого книжного. Поэтому и подойти в этой мало ведомой среде, к тому же настроенной недоверчиво ко всякому интеллигенту, как к барину, было много труднее, а еще труднее – установить с ней необходимые для дела простые и полные доверия отношения".

Один студент предложил Чарушину и Сергею Синегубу заниматься с рабочими завода, принадлежащего его брату, для поднятия их культурного уровня. Встречи происходили за Петербургской стороной, где располагался завод. Они обучали рабочих грамоте, читали книги. Но вскоре Николай прекратил эти хождения, сознавая, что приглашение владельца завода преследует чисто культурные занятия для рабочих, а вовсе не пропаганду, и что он, беседуя "на разные злободневные темы", пренебрегает его доверием. Сергей же продолжал встречи с рабочими еще некоторое время.

"Чайковцев" поражали условия труда и быта питерских рабочих. "Положение ткачей было не из удовлетворительных, – вспоминал Синегуб. – Зарабатывал ткач с среднем не более 70 коп. в день, работая с 5 часов утра и до 8 вечера, с перерывом на еду не более 2-х часов, так что рабочий день, в большинстве случаев, был не менее 11 часов. Как-то мои друзья ткачи повели меня на фабрику во время работы. Боже мой! Какой это ад! В ткацкой с непривычки нет возможности за грохотом машин слышать в двух шагах от человека не только то, что он говорит, но даже то, что он кричит. Воздух – невозможный, жар, духота... от тонкой хлопковой пыли, носящейся в воздухе, в ткацком отделении получается своеобразный вид мглы. И в такой обстановке надо простоять человеку более 10 часов на ногах, внимательно наблюдая, чтобы не упустить момента, когда порвется нитка в основе, чтобы ее тут же, на ходу машины, связать, и чтоб переменить челнок, как только остановится станок... Я пробыл на фабрике не более 2-х часов и вышел оттуда очумелый и с головной болью. Это мое посещение фабрики вызвало впоследствии появление на свет моего стихотворения "Дума ткача", получившего потом большое распространение среди молодежи и в особенности среди рабочих" [1].

Вот строки из него:

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес;
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.

"Ах, да зачем же, зачем же вы льетеся,
Горькие слезы, из глаз?
Делу – помеха; основа попортится!
Быть мне в ответе за вас!..

[1] Синегуб С.С. Воспоминания чайковца // Былое. 1906. VIII. С. 52.

Кашель проклятый измаял всю грудь мою,
Тоже болят и бока,
Спинушка, ноженьки ноют сердечные,
Стой целый день у станка!..

Хвор становлюся; да что станешь делать-то,
Нам без работы не жить –
Дома жена, старики, да ребятушки,
Подати надо платить.

Как-то жена нынче с домом справляется,
Что нам землица-то даст?
Мало землицы; плоха она, матушка,
Сущая, право, напасть!

Как сберегу, заработавши денежки,
Стану домой посылать…
Сколько за месяц-то нынче придется мне
Денег штрафных отдавать?.. [1]

Обычно знакомства завязывались в чайных. “Чайковцы” подсаживались к рабочим, заводили на первых порах безобидные разговоры. Затем общение переносилось в многолюдные рабочие артели, где закреплялись установленные знакомства, заводились новые.

“Однажды, – вспоминал С.С. Синегуб, – когда мы еще жили в коммуне, выпал такой вечер, что все мы, кроме Чарушина, были дома и, собравшись в моей комнате… читали “Историю одного города” Щедрина, одного из самых любимых нами писателей… Но пришел Чарушин, человек “рыжий-красный” в синих очках, сквозь которые или сверх которых смотрели голубые конспираторские глаза, юноша с крутым, выдающимся умным лбом, высокий, худой и стройный, и нарушил наше даже чрезмерное веселое настроение. Он сообщал нам, между прочим, о том, что им получено письмо из Вятки от его знакомой, некоей Кувшинской (впоследствии ставшей его женой)”.

В этом письме, полученном в феврале 1872 года, Чарушин прочел о воспитаннице Анны Ларисе Чемодановой. За попытку побега из родительского дома для учебы в Петербурге, отец содержал ее в селе Ухтым Глазовского уезда под строжайшим надзором.

“Ее окружили шпионами, прекратили всякие сношения с внешним миром, дозволив лишь видаться с дочерью местного дьякона, и в довершение сего

[1] Синегуб С.С. Дума ткача // Вольная русская поэзия XVIII-XIX веков. Т. 2. Л., 1988. С. 175-176.

собирались выдать замуж за нелюбимого человека – местного мирового судью Захарова, большого любителя выпить… я знал эту девушку. Бывая у Кувшинской в епархиальном училище, я в числе других воспитанниц познакомился и с Ларочкой Чемодановой, невольно обращавшей на себя внимание. Красавица, но вместе с тем скромная и серьезная, с пытливым умом, усиленно работавшая над собой, уже твердо для себя решившая во что бы то ни стало выбиться на широкий жизненный простор…”

“Чайковцы” обсудили варианты вызволения Ларисы. В Ухтым через Вятку выехал под видом жениха Синегуб. “Являться в дом зажиточного и видного среди местного духовенства священника в качестве небогатого, хотя и благородного жениха, было нельзя… – вспоминал он, – между тем, в круге ближайших моих друзей, кроме моего брата, ни у кого нельзя было достать ни крахмальных сорочек, ни ботинок, ни ценных брюк и сюртука… Дамы наши, в особенности Кувшинская, Кочурова и Рязанцева, раздобыли все, что нужно для жениха; друзья достали некоторую сумму денег. У Рязанцевой я захватил на всякий случай хорошенькие золотые дамские часы с золотой цепочкой, якобы для подарка невесте, с тем, чтобы, если кампания окончиться удачно, возвратить их обратно, но с риском потерять их, если дело у меня сорвется, и мне придется совершенно налегке улепетывать без оглядки из поповского дома”. Друзья-вятчане вручили Сергею план Вятки с подробными указаниями, где находится епархиальное училище, городской сад, главные улицы, поскольку в Вятке сын екатеринославского помещика не бывал. По задуманной версии Синегуб якобы познакомился с Ларисой в последний год пребывания ее в епархиальном училище.

Вся эта история, завершившаяся фиктивным браком, который перешел вскоре в настоящий, подробно рассказана Синегубом в его воспоминаниях. (На основе их в 1970-х годах был создан трогательный кинофильм “Нас венчали не в церкви…” Песня из него со словами Булата Окуджавы на музыку Исаака Шварца звучит и сейчас на радио и телевидении).

Летом Чарушин побывал в Вятке и Орлове.

“В Вятке ко времени моего приезда большинство вятского студенчества уже было на месте, а потому в городе царило оживление в связи со съездом молодежи, которой было что порассказать. Приехал, между прочим, и состоящий в деловых отношениях с чайковцами Овчинников из Казани; я передал ему часть привезенной литературы, а он ознакомил меня с тем, что делается в Казани. Мои старые знакомые все были на месте, были и Трощанский, и Кувшинская, с которой я всю зиму вел оживленную переписку…

В это же лето определились и мои отношения к Кувшинской: прежняя наша дружба сменилась любовью, несмотря на мое твердое решение не связывать себя браком, могущим по своим последствиям, как я думал, послужить помехой свободно располагать своей судьбой. Но, зная Кувшинскую, ее взгляды и настроение, опасения мои поблекли и перестали устрашать меня.

Прожив в Вятке две-три недели и условившись с Кувшинской съехаться в августе в Казани, чтобы оттуда уже ехать вместе в Петербург, я выехал в Орлов к своим, а Кувшинская – в свою Кокшагу, Яранского уезда.

В Орлове я все нашел по-старому, материальные условия моих семейных были сносные, но настроение мое, несмотря на это, было далеко не важное. Там, конечно, все были рады видеть меня целым и невредимым, но эта радость еще больше угнетала меня, так как я отчетливо сознавал, что для семьи я уже конченный человек и никаких надежд возлагать на меня уже не приходится. Мучило меня и сознание, что и сама катастрофа со мной, каковую рано или поздно я считал неизбежной, сама по себе, помимо всяких материальных соображений, причинит моим семейным много искреннего и глубокого горя, не умеряемого притом тождеством взглядов на мои гражданские обязанности. От матери, воспитанной в ветхозаветной среде, конечно, трудно было и ждать понимания, а потому я и не решался заговаривать с ней на эти темы, чтобы заранее не тревожить ее. И лишь мои подрастающие браться, в особенности, старший из них, с которым по возрасту у меня были более близкие отношения, могли до известной степени понять мои мотивы и не осуждать меня…

Это была моя последняя встреча с родными, и лишь через 23 года я имел возможность снова увидеться с ними, но уже значительно поредевшими и постаревшими.

…В Вятке я пробыл всего лишь несколько дней и опять на лошадях двинулся на Казань, где, как было условлено, встретился с Кувшинской, уже ожидавшей меня. В тот же день, взяв из экономии билеты третьего класса, мы выехали на пароходе в Нижний, но поднявшийся ночью холодный северный ветер в значительной степени отравил нам радость встречи и удовольствие самой поездки. Мы мерзли от холода и вынуждены были искать какого-нибудь прикрытия от все усиливающегося ветра и, наконец, нашли его между тюками под брезентом, где и провели утомительно длинную и беспокойную ночь. В Москве опять остановка… По приезде в Петербург я сдал Кувшинскую Корниловым, которые устроили ее в женской коммуне, на Басковой улице”.

Позднее вся “женская коммуна” переселилась в дом на Выборгской стороне, где “чайковцы”, желая усилить пропаганду среди рабочих, наняли жилье. В двух поместительных комнатах вместе с другими представительницами “женской компании”, стали жить Кувшинская и Лариса Чемоданова, благополучно вывезенная из вятской уездной глуши Синегубом. В другой части дома разместились студенты, среди которых были Чарушин и Леонид Попов. Тут проходили организованные “чайковцами” занятия с питерским рабочим людом.

“Занятия школьного характера обычно происходили по отдельным комнатам, а в зале производились общие чтения, беседы или читались лекции по общественным вопросам. Ежедневно вечерами собирались сюда десятки фабричных рабочих – мужчин и женщин – и усердно занимались или слушали чтение или лекции. Здесь Кропоткин читал лекции об интернациональном

движении рабочих Запада, а Клеменц знакомил рабочих с русской историей и, в частности, с народными движениями…

Вспоминая теперь эти ежедневные и многолюдные собрания рабочих в доме Байкова, тянувшиеся с лета 1873 года, невольно удивляешься, как многоокая полиция ничего не видела и ни разу не побеспокоила живущих в нем, хотя рабочие мало таились в своей среде и почти ежедневно привлекали на них все новых и новых любителей просвещения”.

В воспоминаниях Николая Аполлоновича рассказано о типе рабочих, посещавших дом на Выборгской стороне. В большинстве своем они являлись не заводскими рабочими, а фабричными – недавними выходцами из деревни.

“Обычно на большие праздники и в особенности на время полевых работ, они разъезжались по своим деревням для участия в этих работах. К осени она снова возвращались на фабрику и в свои артели, чтобы заработать малую толику для поддержки своего крестьянского хозяйства. Заработок ткачей был скудный, а работа длительна и утомительна, развлечений же никаких, кроме трактира и чайной. Культурный уровень массы фабричных, часто совсем неграмотных, был не высок и мало чем отличался от крестьянской массы. Но мы, мечтавшие воздействовать и на эту последнюю, как я уже говорил, особенно ценили фабричную среду, как не только ценную самое по себе, но и как естественного проводника в ближайшем же будущем революционных идей в крестьянских массах”.

Как завязывались знакомства “чайковцев” с рабочими?

“Посещая чайные, мы обычно старались попасть за рабочий столик, за которым знакомились с рабочей публикой, присматривались к ней, заводя на первых порах более или менее безобидные разговоры. Таким путем мы имели возможность наметить более толковую и симпатичную публику, знакомство с которой из чайных уже переносили в рабочие артели, часто очень многолюдные, где уже устанавливались более близкие и деловые отношения. Рабочие в большинстве случаев принимали “студентов” хорошо, охотно соглашались обучаться грамоте, если ее еще на знали, охотно шли на обучение и другим наукам, а еще более охотно слушали чтение или вели беседы на общественные темы. Это были все фабричные рабочие, правда, много менее культурные и развитые, чем заводские, но особенно ценные для нас тем, что они еще не потеряли связи с деревней, а потому в будущем, по достаточной подготовке их, могли быть пропагандистами не только в рабочей среде, но и в крестьянской, куда они ежегодно возвращались на летние работы и на праздники”.

Трудности работы были налицо, приходилось обучать неграмотных чтению и письму, давать им самые начальные познания.

“Но многоразличные препятствия, встречавшиеся на нашем пути, как бы они серьезны не были, не казались нам страшными и непреодолимыми. Безграничная вера в идею и в ее жизненность покрывала все… Аудитория, была

восприимчивая и отзывчивая и охотно слушала нас, а все остальное уже зависело лишь от нас самих, от нашего такта, умения и преданности делу. В последнем недостатка, разумеется, не было, а такт и умение постепенно приобретались опытом… Приходилось зорко следить за собой и опасаться нескромного полицейского ока или даже кого-нибудь из состава самой рабочей артели, кому речи наши могли почему-либо не понравиться. Донос в участок – и делу конец!”.

Эти обстоятельства невольно обращали взгляды “чайковцев” на Запад, заставляя их ценить блага политической свободы. Недаром, Феликс Волховский одно из своих стихотворений, написанное в 1872 году, озаглавил “Там и здесь”:

Там на Западе далеком
Пролетарий бой ведет;
Крепнет он в бою жестоком
Крепнет, множится, растет.

Здесь, на пасмурном Востоке,
Пролетарий крепко спит;
Он не думает о сроке
Избавленья и молчит.

Но зато студент просунулся
И протер уже глаза
И на Запад оглянулся:
Скоро ль божия гроза?

Он работника разбудит,
С ним сольет свой интерес
И с ним об руку добудет
Хлеб, свободу и прогресс [1].

Но революционные настроения все же овладевали “”чайковцами”. Кропоткину поручили составить программу кружка, он поставил целью движения крестьянские восстания, намечал захват земли и всей собственности. Большинство “чайковцев” отвергло его предложения, кроме Перовской, Кравчинского, Чарушина и Тихомирова.

Пропаганду “чайковцы” намеревались проводить, вычисляя в рабочей среде наиболее “сознательных”, готовить их “народными агитаторами” посредством кропотливой работы, знакомить с соответствующей литературой, читать им “курс лекций истории и политической экономии”. Правда, “рабочий вопрос” интересовал “чайковцев” лишь в связи с вопросом крестьянским. Рабочие

[1] Вольная русская поэзия XVII-XIX веков. Т. II. Л. 1988. С. 286.

представлялись им посредниками между революционной интеллигенцией и крестьянством.

По мнению “чайковцев”, гораздо предпочтительнее для пропаганды оказывались фабричные рабочие, а не заводские. Г.В. Плеханов в очерке “Русский рабочий в революционном движении” разграничивал “так называемых заводских рабочих... от фабричных”: “Фабричный работал больше заводского (12-14 часов в сутки), а зарабатывал значительно меньше: рублей 20-25 в месяц. Он носил ситцевую рубаху и долгополую поддевку, над которыми подсмеивались заводские. Он не имел возможности нанимать отдельную квартиру, а жил в общем артельном помещении. У него были более прочные связи с деревней, чем у заводского. Он знал и читал гораздо меньше, чем заводской, и вообще был ближе к крестьянину. Заводской рабочий представлял собой что-то среднее между “интеллигентом” и фабричным; фабричный – что-то среднее между крестьянином и заводским рабочим... Едва ли нужно объяснять, где лежит причина лучшего экономического положения заводских рабочих. Она заключается в свойствах труда. Можно легко и скоро выучиться хорошо работать на фабрике, на прядильном или на ткацком станке, для этого достаточно нескольких недель. Но для того, чтобы сделаться столяром, токарем или слесарем, нужно, по крайней мере, около года. Рабочий, знающий одно из этих ремесел, считается уже “мастеровым человеком”, и именно такие мастеровые нужны для заводов” [1]. Да и зарабатывали “заводские” прилично – слесарь инструментального отдела на Патронном заводе Д. Смирнов получал в месяц 100 рублей, а некоторые из рабочих этого же отдела и того больше. Многие “заводские” относились к “фабричным” свысока, что не могло не смущать “чайковцев”. На Васильевском острове, где как раз преобладали “заводские” рабочие, “чайковцам” приходилось вести занятия в особых условиях.

“Здесь... сосредоточивалась рабочая аристократия, состоящая из квалифицированных рабочих, нередко свысока относившихся к фабричной “шпане”. Многие из нас именно за это и недолюбливали василеостровских “аристократов”, которые, казалось нам, несмотря на всю их сравнительно высокую культуру и степень развития, не отдадутся беззаветно народному делу”.

Чарушин убеждался в трудности и даже неблагодарности пропагандистской работы: *“Мы шли в народную среду, чтобы путем пропаганды приобщить ее к нашим идеям, а приходилось прежде всего брать на себя чисто черновую работу (обучать грамоте и сообщать хотя бы самые элементарные сведения по разным отраслям знания...), которая должна бы быть сделана начальной школой”.*

Фабричные плохо воспринимали идеи социализма, осуждение царя и религии встречали настороженно, поэтому Чарушин вспоминал, что приходилось действовать тактично, “не распоясываясь”. И все же среди рабочих сыскивались

[1] Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении // Соч. Т. III. М.-Пг., 1923. С. 135-136.

горячие головы, некоторые из них склонялись к бунтарским методам действий. “Одна словесность уже не удовлетворяла, им нужно было и действие, а его-то и не было”.

К весне 1873 года “чайковцы” ликвидировали “пункт” пропаганды на Выборгской стороне. Новый стал действовать в другом доме, на Саратовской улице, куда первыми заселились Чарушин с Кувшинской. Здесь занятия с рабочими проводили Софья Перовская, Петр Кропоткин, Дмитрий Клеменц, Михаил Купреянов, Леонид Шишко. Появилось и новшество в действиях “чайковцев” – ими приглашались лишь “наиболее подготовленные и искренне преданные делу” рабочие, с остальными “чисто подготовительная работа” велась в других квартирах. Один из “пунктов” находился в квартире однокашника Чарушина по гимназии Семена Хохрякова. “Рабочее дело” углублялось. Перед “чайковцами” возникала проблема тщательной проверки и отбора группы наиболее надежных рабочих. Григорий Крылов, Иван Абакумов, Никита Шабунин из первых “распропагандированных” теперь уже сами подыскивали на фабриках и в артелях “подходящих” людей.

Усиление пропаганды, появление в рабочей среде все большего числа “распропагандированных” побуждало “чайковцев” все больше обращать внимание на организационную сторону дела.

“Прежде всего, отдельные группы рабочих, имевшихся в каждом рабочем районе и составленные из достаточно подготовленных и преданных делу людей, надлежало объединить в единое целое на федеративных началах с общей союзной кассой и библиотекой. На обязанности такого объединения должны были лежать общая планировка текущей работы, выделение из своей среды пропагандистов на местные фабрики и заводы, еще не затронутые пропагандой, и посылка таковых же в провинцию, как в городские поселения, так и в деревню”.

Характерно изменение отношений заводских рабочих к “чайковцам”. “Заводские” стали проявлять недовольство пропагандой интеллигентов. В силу своей развитости они не желали ощущать себя лишь орудием в пропагандистских планах “чайковцев” по отношению к крестьянству.

О чем велись беседы “чайковцев” и самого Чарушина со своими подопечными? После ареста в протоколах допросов Николай Аполлонович естественно старался преуменьшать свою пропагандистскую работу среди рабочих, выдвигая на первый план лишь просветительское начало. По его словам, он, желая ближе узнать жизнь и “духовную сторону” рабочего люда, предпринял несколько посещений трактиров Выборгской стороны. Ему удалось познакомиться с несколькими рабочими, которые заинтересовали Чарушина рассказами о своей жизни на фабриках, а кроме того и о жизни провинциальных предприятий, где некоторым довелось поработать.

Встречался с рабочими Чарушин или случайно или по предварительной договоренности в каком-либо трактире (“за чашкой чаю и происходили наши

беседы”). Он писал в показаниях: “Я выслушивал их рассказы об условиях существования их на фабриках, о жизни в деревне, при этом, конечно, не обходилось без того, чтобы не услышать того или иного суждения, тот ли иной взгляд на некоторые вещи, так что таким путем рядом со знакомством с бытовой стороной, достигалось до некоторой степени знакомство с их внутренней жизнью. В видах более полного знакомства само собой, разумеется, мне приходилось давать им некоторые вопросы. С своей же стороны некоторым же интересовавшимся тем, что вообще делается на свете, иногда сообщал всевозможные сведения, нередко приходилось тогда тревожить физику, космографию и химию, чтобы удовлетворить их любознательству”.

О непосредственно пропагандистской деятельности Чарушин умалчивал. “Что же касается до расспросов о небывалых бунтах в Сибири, о необходимости низвержения существующего правительства, в видах иного общественного порядка, и ради этого и рассылке эмиссаров по рабочим местам Руси с проповедью открытого немедленного восстания, то все это не заслуживает никакой веры... Проповедовать открытое восстание и притом немедленное против прекрасно организованного правительства, тогда, когда перед тобой три, четыре почти совершенно неизвестных человека, и притом смотрящих на тебя все-таки с известным недоверием, как на выходца из другого мира, к которому далеко лежат их симпатии, то я повторю, что это безрассудно”. Фамилий и имен рабочих, с которыми приходилось общаться, Чарушин, по его словам, не запомнил. В каких именно трактирах происходили встречи с рабочими тоже якобы запамятовал. Из книг давал своим новым знакомцам только брошюру “Сила солому ломит”. Будто бы не помнил, давал ли народническую переработку рассказа Виктора Гюго “Клод Ге”, а уж “Стеньку Разина” заграничного издания точно не давал. У кого Чарушин взял книги, найденные при нем во время обыска, он не назвал: “Я говорить не желаю, по названным уже мотивам” [1].

Однако рабочие же сообщали о Чарушине совсем другое. Один заявил, что Чарушин с кем-то распевал в трактире песню “Свобода”. Данила Прохоров, который работал на ткацких фабриках сперва у Шау, потом у Мальцева на Выборгской, а затем снова у Шау за Нарвской заставой, рассказал, что какой-то фабричный рабочий указал ему учителя, с которым и предложил его, Прохорова, свести. (До того Данила посещал воскресную школу). Так с осени 1871 года он стал посещать Чарушина по субботам и воскресеньям на Выборгской стороне. “Чарушин занимался с нами бесплатно, учил арифметике, Закону Божию и читал почти каждый раз что-нибудь из книжки, – показывал Прохоров. – Помню, что он читал нам “Историю крестьянина французского”, книгу толстую, большую. После чтения этой книги заводил разговор о том, что нужно нам добиться облегчения, прибавки земли, уменьшения оброков. Сперва, говорил он, нужно просить, а если не будут слушать, то нужно объявить бунт, т.е. восстать и перебить богатых, чиновников. Чтобы все были равны, а этого добиться можно только, по его

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 209. Л. 154-154 об.

словам, когда весь народ восстанет. Речи эти он заводил с нами очень часто. Летом 1873 г. Чарушин читал “Стеньку Разина” [1].

Так же передавали содержание бесед Чарушина рабочие И. Волков и Кудряшов, который сообщил, что будто бы Чарушин, Кувшинская и Кропоткин призывали “возмутить народ, чтобы уничтожить правительство”. Говорил Прохоров, что встречал у Чарушина кое-кого из “чайковцев”. Чайковского и Тихомирова, правда, не видел, но слышал разговор о них. Сам же Чарушин якобы давал деньги и ему и другим рабочим. О происхождении этих денег Данила не знал.

В середине декабря 1873 года Прохоров познакомил Чарушина с рабочим Кондратьевым, который в свою очередь свел его со своими приятелями Тарасовым и Корюшкиным. Все трое согласились заниматься у “чайковцев”, дабы “осилить грамоту”. Однако, услыхав, что на занятиях их новые знакомцы заводят крамольные разговоры, двое из них донесли обо всем в полицию. Там им было поручено не прерывать связи с “чайковцами” и сообщать обо всем увиденном и услышанном. Вскоре к двоим доносчикам присоединился их третий сотоварищ. Егор Кудрявцев занимавшийся перевозом через Неву на яликах, показывал, что получал от Чарушина брошюры “Дедушка Егор”, “Безоброчная”. На собраниях у Чарушина читали “Историю одного французского крестьянина”, “Стеньку Разина”, “Бунт военных поселян”. В его квартире он видел Семена Хохрякова, Анну Кувшинскую, Дмитрия Клеменца, Леонида Шишко, Михаила Купреянова, Петра Кропоткина [2]. О содержании крамольных чтений можно иметь представление хотя бы по выдержкам из “Истории одного французского крестьянина”: “…сговаривайтесь все перво-наперво, а потом ружьями запаситесь, стрелять-палить поучитесь… А как сговоритесь да сготовитесь, тогда и идите на бар да на купцов”.

Называл Кудрявцев рабочих, участников собраний – Данилу Прохорова, Якова Иванова, В. Прейсмана, П. Корюшкина. “При мне Чарушин несколько раз рассказывал, – говорил Кудрявцев, – как правительство притесняет народ, облагает рабочих большими податями, налогами. Бедные работают и страдают, а богатые радуются. Нужно создать равенство. Пусть народ не станет платить податей и оброков” [3]. Упоминали рабочие в показаниях и о таких словах Чарушина, будто бы им сказанных: “Царя с правительством нужно уничтожить... Нужно всем рабочим сговориться восставать заодно и тогда произвести общий бунт, но начать прежде в провинции, на Волге – так как там уже восставали Стенька Разин и Пугачев”. В материалах “Процесса 193-х” сообщалось о пропаганде за Невской заставой: “Одним из главных деятелей в означенной местности был Чарушин, еще в 1872 г. появившийся, как видно из показаний

[1] Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды…С. 186. Также: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 209. Л. 60.

[2] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 209. Л. 83.

[3] Там же.

Виноградова, в доме № 38 по Астраханской улице... Летом того же 1872 г. Чарушин в гор. Вятке передал своему бывшему товарищу... студенту Казанского университета Евгению Овчинникову несколько народных книг, а также по удостоверению Овчинникова имел с последним разговор о том, что следовало бы заняться распространением между рабочими сведений о различных отдельных товариществах. Летом 1873 года Чарушин, как уже сказано выше, появлялся с Чайковским в Москве у Льва Тихомирова...”

Л.А. Тихомиров оставил воспоминания о Чарушине, относящиеся ко времени существования “чайковцев”. Их первая встреча произошла в Москве.

“Однажды утром, когда я только что встал, ко мне вошел высокий молодой человек, очень худой, безбородый, но с огромными русыми волосами, в огромных синих очках; смотрел не сквозь них, а поверх них, наклоняя голову и глядя как будто изподлобья. Подойдя, он рекомендовался слабым и глухим голосом:

– Я Чарушин.

Я в первый раз услыхал это имя. Спрашиваю:

– Что угодно?

Он начал объяснять, что с арестом Клячко и Цакни у Петербурга прервались все отношения с Москвой – и он приехал их восстановить”.

Тихомиров, не зная Чарушина, не стал говорить с ним откровенно, но обеспокоился неожиданным визитом “странного человека”. Вскоре народница Наталья Армфельд сказала Тигрычу, что Чарушин “из питерских, очень умный и энергичный”.

“Мы с ним очень быстро подружились, – вспоминал далее Тихомиров. – Это был тип действительно живого революционера. Клячко и Цакни были какие-то тряпки, вялые, кислые, занимавшиеся радикальными делами как будто по обязанностям службы и как будто бы сами от этих дел ничего не ожидавшие. Это присходило отчасти оттого, что оба они были гораздо умнее и старше Чарушина и гораздо хуже его по натуре. Чарушин был неглуп, но главное – человек, способный к вере, человек с потребностью жить чем-нибудь широким. В “дело” свое верил искренно и отдавался ему всецело” [1].

Чарушин знакомил Тихомирова с другими “чайковцами”. Видимо, общение с питерскими рабочими научило его более реалистической оценке положения.

“Надо сказать, что Чарушин меня крайне подгонял относительно рабочих:

– Ну как так в Москве ничего нет?!

– Да где же я возьму рабочих?

– Это удивительно! Как не найти!

Я предлагал начать ходить в трактиры и искать случайных знакомых. Чарушин это отверг:

---

[1] Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 240, 242. Самуил Клячко вскоре эмигрировал, Николай Цакни по отбытии ссылки, бежал за границу. Позднее, получив разрешение вернуться в Россию, был городским гласным, издавал газету “Южное обозрение”.

– У нас когда-то это делали – и никакого толку. В трактирах собирается много дряни, нет никаких шансов встретить именно порядочного человека” [1].

Получивший опыт общения с питерскими рабочими Чарушин оказался полезен московским “чайковцам”. Тихомиров отмечал, что в образовании кружка в Москве он играл первую роль. “Мы, собственно хотели составить кружок, и это давно было решено, колебаний никаких у нас не было, а стесняла формальность: мы как-то не понимали, что мы будем делать в кружке.

– Итак, господа, вы составляете кружок, – заключил Чарушин, уже наметавшийся в радикальных делах и не стеснявшийся неловкостями положения… Чарушин тотчас свел речь на практическую почву, о практических делах, и тут же все заговорили свободно: что делать, кому делать”.

Чарушин одобрил опыты Тихомирова в сочинении пропагандистской литературы. “Не помню хорошо, какие я именно писал *сказки*, конечно тенденциозные, но только их чрезвычайно похвалили. “Может быть, это именно ваш жанр”, – сказал Чарушин, и я усердно кропал” [2]. Критически относившийся к своим “литературным пробам” Тихомиров все же назвал наиболее удачной “Сказку о четырех братьях”. Она действительно интенсивно использовалась пропагандистами во время “хождения в народ”.

Яркие личности окружали Чарушина в кружке “чайковцев”...

Сергей Кравчинский, впоследствии землеволец, совершивший в 1878 году убийство шефа жандармов Мезенцева, а в эмиграции ставший известным писателем под псевдонимом “Степняк”. Его романом “Андрей Кожухов” зачитывалась радикальная молодежь не одного поколения...

Петр Кропоткин, за плечами которого были путешествия по Восточной Сибири и Приамурью, ученый-геолог, будущий теоретик анархизма...

Дмитрий Клеменц, позднее талантливый географ, этнограф, археолог...

Сам Чарушин пользовался авторитетом в среде своих сотоварищей. Народник Семен Васюков вспоминал об одном из собраний в большой квартире на третьем этаже в доме на Измайловских Ротах, на котором он встретился с Чарушиным, “рыжим человеком в синих очках”: “Чарушин говорил замечательно деловито и кратко. Его взгляды на саморазвитие и самообразование в кружках были просты с практической стороны. – “Помилуйте, вы работаете, изучаете какой-нибудь вопрос, но вы одни со своими силами, а здесь коллективная мысль и критика. Вы проглядели, увлекшись, а при обшей работе ошибка, увлечение не пройдут . Задача кружка воспитание и образование для сильных анализом людей, подготовленных систематически”. Собеседник спросил Чарушина: “А как вы относитесь к лекциям, к официальному, так сказать, образованию:” “Оттуда надо брать знания, – отвечал Чарушин, – ибо, кроме этого высшее учебное заведение ничего дать не могут… Понимаете, ничего!.. Все другое носит отрицательный

[1] Там же. С. 248.

[2] Там же. С. 255-256.

характер карьеры, дипломированного человека… Я против дипломов, – заключил серьезный человек” [1].

Другой народник Соломон Чудновский отметил у Чарушина “цельность личности, яркую индивидуальность, глубоко продуманную принципиальность, преданность делу, простоту и скромность” [2].

Сам Николай Аполлонович на склоне лет, как и авторы других воспоминаний, писал об атмосфере, в которой пребывала интеллигентная молодежь, захваченная радикальными настроениями.

“Всюду говорилось о народе, его страданиях, его прогрессирующей нищете и систематическом угнетении, о том, что такое положение не может более длиться, что пора, наконец, открыть народу глаза на причины этого зла и тем заставить его выйти из бездейственного состояния. Говорилось далее, что обязанности в этом великом и неотложном деле прежде всего лежат на интеллигенции… знаний для предстоящего дела у интеллигентской молодежи вполне достаточно, поэтому она бросает университеты и идет в народ для выплаты ему накопившегося веками этого долга.

Одновременно с такими речами нередко раздавались и другие, более решительные и воинственные. Говорилось, что не длительная словесная пропаганда нужна народу, а призыв к действию, хотя бы к частичным выступлениям и бунтам, которые лучше всякой пропаганды революционизируют народные массы и подготовят их к общему выступлению.

Наконец были и такие, которые горячо утверждали, что народ наш нечему учить, что скорее у него следует учиться, что он совсем готов для выступления и поэтому стоит только “зажечь спичку”, как всенародный пожар будет готов!..

Были, впрочем, среди собирающихся в народ и такие, которые никакими особенными целями на задавались, а хотели лишь непосредственно ознакомиться с ним, с его настроением и бытом и испробовать свои силы и свою пригодность для службы этому народу…”

Николаю приходилось совершать поездки по делам кружка. В феврале 1873 года он побывал в Москве, где встретился со Львом Тихомировым, затем проехал через Орел в Киев и далее до Одессы. На пути он налаживал связи с местными народниками, в Одессе разыскал Феликса Волховского. Побывал Чарушин в Херсоне, Харькове и Воронеже. Между тем, дела институтские оказались вовсе заброшенными. Чарушина, как и сотоварищей по кружку, все более стала увлекать мысль об усилении работы среди народа. Летом он снова предпринял поездку на юг.

С.И. Васюков вспоминал, как перед своим “походом в народ”, он говорил с одним из товарищей, о своей возможной поездке в Крым.

---

[1] Васюков С.И. Былые годы и дни // Исторический вестник. 1908. С. 493-494.

[2] Чудновский С.Л. Из давних лет. Воспоминания. М., 1934. С. 78-79.

“В это время зашел Чарушин. – “Вот бы мне пожить в Крыму, – говорил он, – как весна, так и плохо себя чувствую…” Действительно, худой, высокого роста с узкой грудью и плечами Чарушин не отличался здоровьем. – “Что же, отвечал я, – это можно устроить. – В самом деле? Тогда напишите. – А со мной вместе не поедете? Я думаю через месяц. – Нет, дела у меня… Вот в июне могу…”

Уже находясь в Крыму в имении своего товарища Зотова, Васюков получил письмо от Чарушина, упредившего о своем приезде.

“Приехал Чарушин и стал усиленно заниматься чтением. Он был несообщительный человек и удалялся от общества; его можно было видеть в саду в тени громадных ореховых деревьев, неизменно с книгой в руках с серьезным и мрачным выражением лица и невидимых под темно-синими очками глаз. На его очки татары смотрели с удивлением и один даже спросил меня: “А что, он не слепой?” С юмором описал Васюков конную прогулку. Чарушину оседлали старого конягу, на котором в имении ездили все боязливые мужики и бабы. Чарушин упал, слетели очки и шляпа. Будто бы он сказал: “Нет уж, Бог с ней, с верховой ездой”. Рассказал об этой прогулке и сам Чарушин (“Никаких повреждений, кроме конфуза, я не получил”). Знать бы Васюкову, каким умелым наездником стал Николай Аполлонович в Забайкалье, в монгольских путешествиях, преодолевая многоверстные расстояния.

“Прожив в Крыму уже около двух месяцев в прекрасных условиях, я заметно поправился и окреп. Пора было уже двигаться к дому, т.е. в Петербург, откуда письма напоминали мне об иной жизни и иных интересах…”

В Одессе Чарушин познакомился с Андреем Желябовым, тогда студентом Новороссийского университета а в будущем руководителем “Народной воли”.

“Встретился я с ним случайно, на приморском бульваре, где он, очевидно, прогуливался с одним из братьев Зотовых… Меня познакомили, и мы разговорились. Высокий стройный блондин, с небольшой окладистой бородкой, с выразительным и симпатичным лицом великорусского типа, Желябов при первом же знакомстве невольно располагал к себе”.

О встречах с Чарушиным в Одессе вспоминал Соломон Чудновский: “...его рассказы и сообщения, основанные на личных наблюдениях и личных знакомствах, имели для нас большое и поучительное значение. Он положительно очаровал всех своей задушевностью и безграничной искренностью”. Отметил Чудновский различие в собственных взглядах и взглядах Чарушина: “...его симпатии тогда были, кажется, целиком на стороне анархизма и анархистов, я категорически заявил себя “государственником”. ...Н.А. Чарушин, как и многие другие, как и некоторые члены нашего одесского кружка (хотя и не большинство его), признавали тогда такой взгляд ересью и просто поражались им” [1]. (Николай Аполлонович впоследствии опроверг суждение Чудновского о своих анархистских настроениях: “На самом же деле анархистом я никогда не был”).

[1] Чудновский С.Л. Из давних лет. Воспоминания. М., 1933. С. 78-79.

Расстались Чудновский и его товарищи с Чарушиным “в самых дружеских отношениях”.

“Целых два месяца я был далеко от Петербурга и от близких мне людей, поэтому понятна та радость, какую я испытывал по возвращении… Наша публика была уже в сборе, все вернулись – кто из-за границы, кто из недр России, – следовательно, рассказать и обменяться сведениями и мнениями было о чем.

Подогреваемые личными впечатлениями, вынесенными из поездок, а также и успехом в работе оставшихся в Петербурге, мы бодро и полные веры смотрели на ближайшее будущее. Оппозиционное настроение русского общества заметно росло, учащаяся молодежь бурлила, и лозунг “на работу в народ” во имя его освобождения становился господствующим. А дальше, и уже скоро, должны были выступить новые возбудители и толкачи в виде лавровского журнала “Вперед” и другой заграничной литературы бакунистского и других направлений”.

По возвращении в Петербург Чарушин не стал приискивать себе квартиры, поскольку чувствовал, что III отделение проявляет интерес к его личности. Ему приходилось или ночевать в “штаб-квартире” “чайковцев”, или кочевать по квартирам друзей. Фактически Николай перешел на нелегальное положение.

“Скитаясь по целым дням в различных частях города по разным делам, я на ночевку обыкновенно приходил к тому или иному товарищу, квартира которого была всего ближе от места, где меня застигала ночь”.

Конец 1873 года стал началом разгрома “чайковцев”. Был арестован Синегуб. Чуть позднее арестовали его жену Ларису. Приходилось действовать осторожнее. Идя на занятия с рабочими, Кропоткин, Клеменц, Купреянов и другие “чайковцы” заходили в квартиру на Выборгской стороне, где жила Кувшинская, оставляли там свою “господскую” одежду, переодевались в полушубки, и отправлялись далее в преображенном виде. Конспирация нехитрая, даже наивная.

Вечером 4 января наступившего 1874 года на квартире Кувшинской Чарушин встретился с одним из выпускников Медико-Хирургической академии и получил от него рекомендательную записку человеку, которого “чайковцы” предполагали пригласить в свой кружок. Из предосторожности Николай вырезал из записки фамилию рекомендателя, оставив лишь инициалы. То же он сделал с бывшими при нем письмами рабочих из Тверской губернии, куда они отправились с пропагандистскими целями, вырезав их фамилии.

Около часа ночи с Выборгской стороны он отправился на Петроградскую, рассчитывая переночевать у студента Богомолова. Кроме записки, способной его скомпрометировать в случае ареста, при Чарушине имелись несколько брошюр заграничного издания, книга Бакунина “Государственность и анархия”, список книг с заглавием “Для Виктора и ему подобных” (не Обнорский ли этот Виктор?), в котором значились книги от “Путешествия из Петербурга в Москву” Радищева

до пропагандистской брошюры о Стеньке Разине, а также переписанный от руки манифест “К земледельческому населению”, составленный от имени центрального комитета Международного товарищества рабочих [1].

“Ночь была ясная и морозная, а улицы совершенно безлюдные. Подходя к квартире Богомолова, я увидел в ней полное освещение и обрадовался: значит еще не спят! Калитка была приотворена, ни на дворе, ни на улице ни души, кроме дворника, огребавшего снег с уличных тротуаров и мельком посмотревшего на меня. Ничего не подозревая, я прошел через пустынный двор, поднялся на второй этаж и, отворив незапертую дверь, тотчас очутился в объятиях дюжего жандарма...”

СЛЕДСТВИЕ. ПРОЦЕСС 193-х

“Итак, я был арестован. Досада разбирала меня, что я попался так глупо и не обратил внимания на некоторые мелочи, которые должны бы были породить сомнения в благополучии квартиры Богомолова. Но сделанного уже не воротишь. Мне оставалось только утешить себя тем, что арест будет кратковременный, что самое большее я буду выслан куда-нибудь на север, откуда я сбегу. Тогда я еще не думал, что это уже начало конца, что я буду запечатан основательно и что вчерашний день был моим последним днем свободы и реальной связи с живым делом, которое меня захватило, и с товарищами по работе, к которым я искренне привязался и полюбил…

Камера III отделения, куда я был заперт, была большая, высокая, светлая и чистая, где не без удовольствия можно было бы жить, если бы она была вольной квартирой, а не камерой для заключенного. Не менее чистые постельные принадлежности, отличный стол и даже пачка папирос при вежливом обращении прислуживающих надзирающих жандармов дополняли ту внешнюю обстановку начала моей подневольной жизни… Но сознание, что ты арестант, отрезанный от живого мира и своих друзей, что это внешнее благополучие может быть даже преднамеренное, портило впечатление от этой внешней обстановки и лишало ее всякой цены”.

На другой день после ареста Чарушин показал на дознании: “Зовут меня Николай Аполлонов Чарушин. От роду имею 22 года... Бывший студент Технологического института, родился в г. Орлове Вятской губернии от дворянина Аполлона Иванова Чарушина. Холост. Занимался последнее время перепиской и приисканием места. Последние три месяца жил в Петербурге, квартиры определенной не имел за недостатком средств. Изредка бывал у Шуравина и Богомолова. Паспорт, срок которого уже истек 31 декабря 1873 г., попал ко мне случайно (с неделю тому назад) вместо моей бумаги. Возвратить его позабыл, да и торопиться было нечего, так как у Шуравина был уже другой паспорт, а этот

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2465. Л. 14.

уже не годился. Предъявил его при обыске в квартире Богомолова, боясь быть признанным за бродягу. Но факт предъявления скорее может считаться инстинктивным действием, чем рассудочным. Нелепость сделанного тотчас же сделалась явна, и вслед за этим было заявлено мною о моей личности. Свои собственные бумаги находились у моего знакомого, фамилию которого я говорить не буду, не желая причинить ему неприятностей, сопряженных с указанием фамилии. Познакомился я с Богомоловым, если не ошибаюсь, в институте месяца полтора или два тому назад, знаком не близко. Мои отношения к нему ограничиваются несколькими посещениями. При обыске найдены следующие вещи: 1 экз. “Истории Интернационала”, 1 экз. “Государственность и анархия”, 2 экз. “Сила солому ломит”, “На миру” Нефедова и брошюра “Последняя революция” Гамбона, 1 экз. писанный манифест к Земледельческому населению. Все вышеозначенные книги взяты мною для прочтения у моих знакомых, фамилии которых, в силу простой честности, я опять должен буду умолчать, и в данном случае, больше, чем в первом. Кроме того найдена записная книжка Ивана Паншина. Названного лица не знаю. По поводу списка Виктору и ему подобных ничего сказать не могу. Найденный адрес Долгополова мне неизвестен. Записка к Владимиру Ивановичу написана по поводу места и денег. Фамилию Владимира Ивановича, а также и фамилию подписавшего сказать не желаю. Николай Чарушин” [1].

Кроме названных книг у Чарушина отобрали исторические труды Н.И. Костомарова и Д.Л. Мордовцева, “Пролетариат во Франции” А.К. Шеллера-Михайлова, “Подлиповцы” Ф.М. Решетникова, “Путешествие из Петербурга в Москву” А.Н. Радищева, сочинения Ф. Лассаля, а также пропагандистскую литературу – народническую переделку романа Эркмана-Шатриана “История одного французского крестьянина”, работы В.В. Берви-Флеровского, А.И. Голицынского, брошюру А.К. Цебриковой “Дедушка Егор”.

На вопросы он отвечал сдержанно... “С Чайковским знаком уже года два, три... Виделся с ним не часто. Последний раз видел его еще до поездки в Крым. С возвращением оттуда с ним не встречался. Со мною Чайковский не вел никаких разговоров по поводу устройства кружка для распространения народных книг. Грибоедова и Цакни я не знаю... Феофана Лермонтова не знаю... Перовскую не знаю” [2]. Отрицал Чарушин также знакомство с Кропоткиным и Клеменцем. На квартире Петра Шуравина, где он провел предыдущую ночь, нашли принадлежащие ему издания – “Дедушка Егор” (4 экземпляра), “Митюха” и “Азбука социальных наук” [3].

Стали опрашивать вятчан, земляков Чарушина. Шуравин сказал: “Не занимая никакого общественного положения и не имея, следовательно, никаких средств к существованию, Чарушин, естественно, нуждался в деньгах для подержания

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 209. Л. 34-34 об.
[2] Там же. Л. 38.
[3] Там же. Л. 33.

своего существования. Такое положение его вызвало со стороны вятчан желание помочь ему, и они снабдили его деньгами во время пребывания в Петербурге” [1].

Из камеры при III отделении Чарушина перевели в какою-то полицейскую часть, затем в Литовский замок – огромную пересыльную тюрьму, где поместили в одиночную камеру.

“Книг мне упорно не давали, не хотели дать даже Евангелия, причем кормили отвратительно. Пища была обычная, тюремная – баланда, да какая-нибудь каша. Я постоянно голодал, а пополнить недостатки питания покупкой какой-нибудь провизии я не мог, так как весь наличный капитал мой состоял всего лишь из 5 коп., которые я берег на черный день… Не помню хорошо, но приблизительно недели через две-три я, наконец, решился истратить свой капитал, на который и была куплена французская булка. Но не только этой булке обрадовался я, как той исписанной старинным почерком бумаге, в которую эта булка была завернута. Я с жадностью набросился на нее и перечитывал ее несколько раз, хотя по своему содержанию она и не заслуживала этого. Но за эти три-четыре недели я так изголодался по печатному слову, что был рад и этому исписанному лоскутку бумаги”.

Чарушин находился в полном неведении о своей дальнейшей судьбе. Лишь в конце марта или в начале апреля его привезли в III отделение, где товарищ прокурора Кобыльский дал прочесть страницу в толстом деле.

“Здесь мне прежде всего бросилось в глаза лаконическое показание Кропоткина, которым он в категорической форме отказывался от дачи каких-либо объяснений, а затем уже внимание мое остановилось на показании совсем иного характера трех рабочих, входивших в состав выборгского рабочего ядра, в котором они кратко, но с подчеркнутой выразительностью и явным извращением фактов излагали сущность моих бесед с рабочими.

Я был ошеломлен изменой этих людей, в которых верил, которые, казалось мне, вполне искренне отдавались идее и делу и не должны бы так быстро капитулировать перед угрозами жандармов. Показания были немногословны и, видимо, были написаны под диктовку жандармов или того же Кобыльского… Выхода из создавшегося положения не было кроме отказа по примеру Кропоткина совсем от дачи каких-либо показаний, что я и сделал…

Целых трое суток по возвращении моем снова в камеру Литовского замка я провел в каком-то невероятно кошмарном состоянии. Все, чем я жил и во что верил, было разрушено…

Но мало-помалу острота переживания стала ослабевать, а вместе с тем возвращалось и более спокойное состояние, позволяющее лучше осмыслить создавшееся положение”.

Пребывание в заточении скрасилось вскоре доставкой с воли книг, денег. Никаких свиданий арестанту не разрешались. Разрешением на переписку Николай пользоваться не стал, не писал даже матери.

---

[1] Там же. Л. 44.

“Я знал, что своим арестом нанес ей жестокий удар, но что утешительного я мог сообщить ей? Миропонимание же наше было настолько различно, что она все равно не поняла бы мотивов моего поведения, приведшего меня к тюрьме. Мои письма, думалось мне, будут только растравлять ее раны и не облегчать ее тяжелых переживаний”.

А в далеком Орлове мать переживала за своего старшенького. При аресте Чарушина нашли письмо Екатерины Львовны, написанное ровно за месяц до ареста и адресованное на Технологический институт:

“Письмо получила от тебя, мой Коля, от девятнадцатого ноября. Ты пишешь, что я не хочу писать... Писать, да куда не знаю. Ты велел на Технологический институт... Сам верно не получил. Скажи, продолжаешь ли учение. Желаю знать, напиши, в каком заведении. Долго ли еще учиться. Когда я дожду окончания... Напиши мне в отношение твоей поездки в Крым. Радуюсь, что послужило тебе пользу твоему здоровью. В Орлове же на следующий год твой приезд нам всем будет приятен. Только, если ты не передумал. Мельница в моем управлении. Лето нонче всё строилась. Лидия живет хорошо. Дети у ней славные и твой крестник ходит, здоровый мальчик. Юлия тоже живет очень хорошо, у ней сын Николай, славный, слава Богу. Сестры твои счастливы. Богатства нет но и нужды нет. Дядя женится. Берет в Вятке у Ермолина Николая Александровича сестру. Доход с дому. Ты пожалуйста пиши, поскорее и поразборчивее о своей жизни. Пока до свидания, будь здоров. Еще прошу, пиши. Остаюсь твоя мать Екатерина Чарушина. Витя велел тебе сказать, чтобы ты летом приехал. 3 декабря” [1].

Пребывание в Литовском замке сменилось для Чарушина заточением в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

“Камера большая и высокая, длиною 9-10 шагов, шириною 5-6, с асфальтовым полом, с небольшим с железной решеткой полукруглым окном, через которое виднелось лишь верхняя часть крепостной стены и кусочек неба; затем кровать, маленький столик и табуретка... Стены камеры, смежные с соседними, были обиты войлоком и оклеены обоями, что делало их незвукопроводными, а в толстой входной двери была проделана форточка, открывающаяся лишь тогда, когда подавали пищу. Над этой форточкой имелась еще небольшая щель со вставленным в нее стеклом, именуемая глазком и предназначенная для наблюдения за арестантом. Закрывалась она деревянной планкой со стороны коридора, которая по желанию надзирателя поднималась и опускалась, когда наблюдение оканчивалось… кругом царила убийственная мертвая тишина, нарушаемая лишь каждые 10-15 минут крадущимися шагами

[1] Там же. Оп. 2. Д. 2469. Письмо Е.Л. Чарушиной. Ноябрь 1873.

дежурного часового… Из внешнего же мира в камеру доносился лишь какой-то заглушенный шум, идущий из заречной части большого города, да отчетливо слышимый каждую четверть часа меланхолический перезвон петропавловских часов. В полдень же раздавался оглушительный выстрел петропавловской пушки, который от неожиданности нередко пугал меня… приятно был я поражен чистым постельным и носильным бельем, еженедельно сменяемым, отличным столом, состоящим из двух хорошо приготовленных блюд, а в праздничные дни – и из трех, вежливым обращением и возможностью беспрепятственно пользоваться книгами из довольно богатой тюремной библиотеки. Через день, а то и через два приносилось мне верхнее платье и меня вели на получасовую прогулку во внутренний дворик... Но могильная тишина и полное отсутствие внешних впечатлений, даже таких, какие я получал в Литовском замке, благодаря соседству с уголовными, скоро стали угнетать меня. Страстно хотелось видеть людей и слышать живое слово, обменяться впечатлениями о всем пережитом и передуманном за эти долгие месяцы одиночного заключения, но, кроме голых стен, беседовать было не с кем. От одиночества и постоянного и почти полного абсолютного молчания я понемногу даже стал утрачивать способность речи и забывать самые обычные слова. Только чтение, которому я отдавал большую часть своего времени, еще спасало меня от полного одурения”.

В марте 1874 года арестовали Кувшинскую. Из протоколов допроса видно, как она старалась во всем преуменьшить роль Николая в пропагандистской работе: “Беседы у Чарушина с Чайковским были о самых обыкновенных предметах... У Чарушина запрещенных книг я не видывала. Занимался ли Чарушин обучением рабочих и кого именно, я не знаю... Не слышала также, чтобы Чарушин или кто либо вообще внушал рабочим идеи о несправедливости правительства” [1].

О себе Анна Дмитриевна при дознании писала сдержанно и обдуманно: “Характер чтений и разговоров был чужд духа бунта, восстания, насилий и ниспровержений правительства и царского дома... Вполне сознавая ненормальность настоящего общественного строя, крайний экономический гнет, тяготеющий над массой населения, господство капитала и привилегий, я указывала на все это рабочим, стараясь развить в них сознательное отношение к общественным явлениям... Говорила о возможностях лучшей жизни, иных порядков и учреждений, основанных на началах полного равенства и справедливости. Но говорила это в чертах общих и пропагандировала одни идеи, основные принципы, сознавая, что реализация их, воплощение в жизнь – дело будущего... О бунте как реорганизационном средстве общества не говорила...” [2]

В мае 1876 года Чарушин написал заявление в ответ на предъявленные ему материалы предварительного следствия. С ареста прошло почти два с половиной

[1] Там же. Д. 351. Л. 2 об.

[2] Там же. Л. 160, 161.

года. Следует учитывать, что автор заявления был подследственным и естественно намеревался быть осторожным, при его написании.

“Цель моего знакомства с рабочими – выяснение их социально-экономических вопросов. На возможно полное усвоение социальных идей массой рабочего люда я смотрел как на единственное средство добиться в будущем реализации этих идей, в которые я верил. Без этой предварительной подготовки народного сознания, требующей много времени и труда, а при наших политических условиях и массы жертв, – я не только не видел возможности, но и не мог себе представить, каким образом могла бы произойти замена всех существующих отношений совершенно новыми. Этой общею целью определяется и весь характер моих отношений к рабочим за все время моего знакомства с ними, т.е. начиная с 1872 г., кончая 4 января 1874 г. Все мои усилия за это время были направлены на расширение круга понятий рабочих сообщением им разнородных сведений, на критику существующих форм жизни и на выяснение принципов новой и, наконец, на выработку отдельных личностей из среды самих рабочих, которые могли бы совершенно самостоятельно вести то же дело социальной пропаганды, где бы то ни было – будет ли это фабрика, завод или деревня. На всю эту работу я смотрел как на простую подготовку почвы, на которой со временем могла бы создастся организованная народная партия, составляющая первое и необходимое условия для торжества дела. Поэтому я должен был необходимо быть совершенно чужд всякой мысли о подготовке к восстанию и разжиганию страстей рабочих с этой целью, когда не только не было достаточной силы для осуществления идеи, но даже и те немногие единицы, которые верили в свое дело и работали, далеко не считали свои убеждения вполне выработанными и свои задачи определенными. Правда, мне приходилось в моих беседах с рабочими указывать на социальную революцию как на выход из теперешнего положения, но это всегда бывало только одно простое указание вне времени и пространства и не имеющее никакого отношения к нашим непосредственным задачам” [1].

III отделение делало вывод из показаний “чайковцев”: “Дознания эти доказали, что известный еще прежде лозунг пропагандистов “идти в народ” стал осуществляться ими, что в нескольких местах они успели сблизиться с рабочим людом, преимущественно фабричным и заводским, настолько, что собирали группки рабочих и во время вечерних и ночных сходок учили их ненависти ко всему установленному порядку вещей, доказывая необходимость изменить этот порядок посредством насильственного переворота. Проводилась эта мысль рассуждениями о несправедливости существующего государственного общественного строя, чтением и толкованием вредных книг и обучения рабочих пению революционных песен” [2].

---

[1] Цит.: Левин Ш.М. К характеристике идеологии “чайковцев” в кн.: Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 326-327.

[2] Становление революционных традиций питерского пролетариата. Л., 1987. С. 148.

В начале 1876 года, через два года после ареста, дело Чарушина, как и его сотоварищей, было передано в прокуратуру. Николая перевели в Дом предварительного заключения, построенный по образцу американских тюрем.

“Маленькая, почти микроскопическая камера с низким потолком после большой и высокой камеры в крепости угнетала меня. Кормили тоже много хуже, чем в крепости. На обед подавались щи и каша, а утром и вечером – кипяток с двумя-тремя фунтами хлеба, по качеству значительно хуже крепостного”.

Зато надзор оказался менее строг. “Звуковые впечатления” новой тюрьмы поразили заключенного.

“Сидя в своей камере, я не мог, конечно, тотчас же не обратить внимания на раздающиеся в разных концах тюрьмы стуки... Я знал, что звуки эти исходят от заключенных, что при помощи их последние вступают в общение между собою, и стал прислушиваться к ним, чтобы скорее понять технику этих переговоров. Скоро она стала мне понятна, и я не преминул, разумеется, воспользоваться этой несложной азбукой, чтобы и в свою очередь принять участие в общей жизни тюрьмы... Тут было все звукопроводно: и стены, и особенно металлические трубы, проходящие через камеру с самого верхнего этажа до нижнего...”

Тюремное начальство, поняв бесполезность борьбы с перестукиванием, махнуло на это рукой. Заключенные устраивали “клубы”, горячо обсуждая доходившие до них новости, посылали друг другу записки, которые за малую мзду передавали надзиратели и уголовные арестанты. Использовался даже нехитрый способ передачи из камеры в камеру записок, книг, даже одежды и съедобного при помощи веревок, которые арестанты спускали из окон камер. Принимал Чарушин участие и в протестах заключенных. Как-то восемь арестантов отказались от обеда и питья чая, если не будет разрешена общая прогулка. К ним присоединился еще двадцать один человек, и среди них Чарушин. Недаром, он удостоился следующей аттестации от тюремного начальства: “Чарушин особенно вреден по своему дерзкому характеру. Он в Доме предварительного заключения был одним из организаторов “клубов” [1].

Тюремный быт в Доме предварительного заключения иронически описал Николай Морозов:

Комнатки, точно пчелиные соты,
Стройно и плотно рядами стоят;
Люди в них тихо, без дел и заботы,
Словно личинки, в тех сотах сидят.

Самою чистою пылью одеты
Стены кругом, от окон до дверей,

[1] ГАРФ. Ф. 109. Д. 144. Ч. 16. Т. 2. Л. 67 об.

Лишнего воздуха, вредного света
Нет – как ума в голове у царей.

Точно орехам под их скорлупою,
Так нам уютно за этой стеной!
Сколько удобств!.. И, ликуя душою,
Стали мы бодры, как мухи зимой…”

В строках этих доля невеселого юмора. Но надо же бодриться, не показывать тюремщикам своего настроения. Однако в другом стихотворении Морозова иная тональность.

Голые стены, тюремные думы,
Как вы унылы, темны и угрюмы!..
Даже минута как вечность долга
В этой каморке в четыре шага!
Душно под низким, запачканным сводом,
Силы слабеют сильней год за годом,
Давит собой этот каменный пол,
Этот железный, прикованный стол,
Эта кровать, этот стул, что прибиты
К стенам, как будто могильные плиты;
В вечном молчанье, суровом, немом,
Даже себя сознаешь мертвецом!..
Полночь пришла. Бой часов раздается,
Резко их звук в коридоре несется…
Давит, сжимает болезненно грудь,
Гложет тоска… Не удастся заснуть…

Ко времени заключения относятся стихи Феликса Волховского, посвященные Чарушину. Николай Аполлонович вспоминал о прогулках по тюремному двору в Петропавловской крепости после вынесения приговора, во время которых Волховский имел “возможность перед близким человеком раскрывать свою душу, что и подало ему повод посвятить мне одно из своих тюремных стихотворений, вошедшее потом в сборник его стихов “Случайные песни”.

Едва ли мать когда бывает
Так терпелива и нежна,
Когда дитя - в жару, без сна -
Ее капризами терзает,
Как ты ко мне был нежен, милый,
И к вечным стонам терпелив,

Хоть сам подчас едва был жив,
Измученный тюрьмой-могилой.
Мой добрый друг! В былые годы
Я часто слышал клевету,
Что мы, преследуя “мечту”
Равенства, братства и свободы,
Свою природу позабыли
И разучились полно жить,
По-человечески любить,
Что чувства в нас давно застыли,
Живет одна лишь голова...
А как готовить миру счастье
Без искры чувства и участья? -
Слова, слова, слова, слова!
И я тотчас терял терпенье,
Платил упреком за упрек
И целый пламенный поток
Лился из уст моих в волненье!
Все ту же клевету придется
Мне часто слышать и теперь;
Но сердце в этот раз, поверь,
Не гневом - торжеством забьется:
Я им ни слова не скажу,
Не стану попрекать ошибкой, -
Я молча встречу их улыбкой
И на тебя им укажу.

Сергей Синегуб написал тогда же стихотворение “Друг мой Коля”.

Лишите вы светлого дня,
Свободы, труда и веселья,
Закуйте вы в цепи меня
И ввергните в мрак подземелья,
Убейте подругу мою,
Друзей на крестах вы распните,
Чтоб злобу насытить свою,
Их муки вы мне покажите, –
Но все же к народу любовь
И ненависть к вам не убьете
И в сердце своих же сынов
В грядущем вы мщенье найдете!..
Что – это с решеткой окно,

Тюрьма, угнетенья, оковы?!
Есть в мире мученье одно –
Его мне не выразить словом:
Народа глухие сердца,
Народа безмолвье немое,
Его равнодушье тупое
К страданьям своим без конца!
Ах! Вскройте вы сердце мое
И ранами тело покройте,
В темницу, как в яму, заройте;
Всю жизнь пусть палач-идиот
Над мукой моею смеется, –
Но пусть шевелится народ,
Пускай протестует и бьется [1].

В марте Чарушин по предложению участников “хождения в народ” Порфирия Войнаральского и Сергея Ковалика предпринял вместе с ними попытку побега.

“Воля, которую я считал окончательно потерянной для себя, встала перед моими глазами со всею своею яркостью и соблазнительностью... Охваченный жаждой вольной жизни, я как-то забыл, что я, освобождаясь сам, постыдно оставляю своих товарищей продолжать медленно гнить в тюрьме, что при более нормальном состоянии я едва ли бы позволил себе сделать”.

Но рискованная затея не удалась. Надзиратели, узнавшие о попытке побега, пошли на соглашение с вернувшимися в свои камеры беглецами, согласившись на уплату за молчание пятисот рублей. Тюремное же начальство вообще осталось в неведении. От вторичной попытки бежать, на которую Чарушина вновь уговаривали Войнаральский с Коваликом, он отказался.

“Состояние моего здоровья было таково, что годным для работы я себя не чувствовал, а бежать, чтобы только спасти себя и обременять своей персоной уцелевших товарищей, я не хотел. Не хотел я и бежать за границу и окунуться в эмигрантскую жизнь, которая казалась мне хуже всякой каторги. Да и было как-то зазорно оставлять своих товарищей в беде, а самому спасаться”.

Вскоре Чарушина опять перевели в Петропавловскую крепость, а незадолго до суда вернули в Дом предварительного заключения. Впечатлила его за период почти четырехлетнего заключения встреча с братом Аркадием, добившемся свидания.

---

[1] Стихотворения Волховского и Синегуба были первоначально напечатаны в сборнике “Из-за решетки”, изданном в Женеве в 1887 году, потом в сборнике “Лютня III: Молодая Россия в стихах” (Лейпциг, 1879). Сборник стихов Волховского “Случайные песни”, о котором вспоминал Чарушин, издан в Москве в 1907 году. В последнее время оба стихотворения, посвященные Чарушину, помещены в сборнике “Вольная русская поэзия XVIII-XIX веков” (Л., 1988).

“Свидание с братом... добытое им после невероятных усилий и хождений по мытарствам, сильно взволновало меня и воскресило в памяти образы всех моих домашних. Отрывочный, получасовой разговор с перескакиванием с одного предмета на другой и под недреманным оком наблюдающего чина не мог, конечно, исчерпать всего, что хотелось знать и что волновало меня”.

Аркадий был для Николая самым близким из братьев. По окончании Вятской гимназии он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Сразу по приезде в столицу принялся хлопотать о разрешении свиданий с братом. Он писал 24 декабря 1877 года начальнику III отделения: “Не получая ни от кого разрешения на свидание с братом моим Николаем Аполлоновичем Чарушиным, обвиненном в политическом преступлении и переведенном недавно из Дома Предварительного заключения в Петропавловскую крепость, где, как и в Доме Предварительного заключения в силу разрешения, данного мне Сенатом, имел с ним свидания прежде, я нахожу здоровье брата моего не настолько надежным, чтобы прекращение свидания не оказало на него своего влияния, обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшим просьбою не сочтете ли возможным дать разрешение на свидание с братом моим” [1]. Аркадий проявлял настойчивость: “Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне билет на свидание с братом моим Николаем Аполлоновым Чарушиным, содержащимся в Петропавловской крепости, так как суд по обвинению его в государственном преступлении в настоящее время уже начат”. На этом прошении наложена резолюция: “Разрешить один раз”.

Во время второго пребывания Чарушина в Доме предварительного заключения он мог встречаться с Анной, находившейся тут же в женском отделении тюрьмы.

“Целые почти четыре года я не видел ее, не знал, что с ней, хотя знал, что она арестована; поэтому понятны та радость и то волнение, которое я испытал, когда шел на первое свидание с ней! Что я найду, какие перемены увижу в ней и в ее душевном состоянии после столь длительного заключения, зная при этом, что она никогда не отличалась особенно крепким здоровьем? Но каково же было мое удивление, когда она предстала передо мной бодрой, веселой и жизнерадостной, как будто все это время она прожила в наилучших условиях и не переживала долгих и мучительных дней одиночного заключения!”

Обменивались Чарушин с Кувшинской записками. В одной из записок, изъятой у Николая, говорилось и о судебном процессе: “Готов ли отчет о начале суда для заграничной (местной тоже) прессы. Вольные тоже требуют его... Что наши ораторы?” [2]

Борьба с “крамолой” привела к тому, что жандармы, даже по словам генерал-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, “нахватали по невежеству,

[1] ГАРФ. Ф. 109. 1879. 3 эксп. III отд. Д. 144. Ч. 17. Т. 1. Л. 210.

[2] ГАРФ. Ф. 109. III эксп. Д. 144. Ч. 16. Т. 2. Л. 80.

по самовластью, по низкому усердию множество людей совершенно задаром” [1]. Как минимум из четырех тысяч человек к дознанию привлекли семьсот семьдесят. Но суд над столькими людьми стал бы чрезмерно громоздким, поэтому власти начали следствие лишь против 265 человек За время его 43 человека умерли в заключении, 12 покончили с собой и 38 сошли с ума. Лишь осенью 1877 года, находившимся в заключении был предъявлен обвинительный акт. Суду предавались 197 человек, но четверо из них умерли, не дождавшись его. Осталось 193 подсудимых. Среди них оказались 34 “чайковца”: 15 из петербургской группы, 9 из московской, 9 из одесско-херсонской, а также знакомец Чарушина по Вятке Евгений Овчинников, агент кружка в Казани. Под суд попал кое-кто из рабочих, распропагандированных “чайковцами”. Обвиняемыми на процессе оказались некоторые вятчане, участвовавшие в пропаганде, а также несколько народников из других местностей, действовавших в Вятской губернии.

18 октября 1877 года в 12 часов 25 минут в Особом присутствии Правительствующего сената начался “процесс 193-х”, самый большой по числу подсудимых, “процесс-монстр”. Председательствовал на процессе сенатор К.К. Петерс, обвинителем был прокурор из Уголовного кассационного департамента Сената В.А. Желябужский.

Помещение окружного суда, где проходил процесс, соединялось подземным коридором с Домом предварительного заключения, откуда и приводили на заседания подсудимых.

На обычные места для подсудимых, сразу прозванных ими “Голгофой”, усадили четверых народников, признанных по обвинительному акту организаторами “преступного сообщества” – Порфирия Войнаральского, Сергея Ковалика, Ипполита Мышкина и Дмитрия Рогачева. Остальным из-за их количества велено было занять места для публики. Имелось в зале несколько огороженных мест, куда по специальным пропускам допускались в строго ограниченном числе ближайшие родственники подсудимых и журналисты. Подсудимые вели себя вызывающе. “Тут говорились дерзости суду; явно высказывалось по адресу сенаторов, что их считают холопами и не верят в возможность беспристрастия с их стороны; между подсудимыми и свидетелями происходили пререкания самого резкого свойства… – вспоминал А.Ф. Кони. – Места за судьями вечно были полны сановных зевак; в залах суда были во множестве расставлены жандармы, и ворота здания судебных установлений, как двери храма Януса, заперты накрепко, будто самый суд находился в осаде” [2].

Процесс вызвал много стихотворений, сочиненных и его участниками и сочувствующими им. Либерально настроенный присяжный поверенный А.Л. Боровиковский, бывший защитником на процессе “193-х”, а позднее на процессе “50-ти”, написал строки, как бы от лица одной из подсудимых:

---

[1] Цит.: Троицкий. Указ. соч. С. 263-263.

[2] Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. Собр. соч. в 8 тт. Т. 2. М., 1966. С. 62-63.

Суд нынче мог бы хоть с балетом
Поспорить: сильные земли
Пришли смотреть нас по билетам,
На нас бинокли навели…

Представитель защиты В.Д. Спасович заявил о публичности заседания, о том, что необходимо здание, где действительно могли бы собраться все, кто хочет. А объявление заседания публичным дает возможность печатать ход заседаний как самим судом, так и лицами в том заинтересованными. Если не будет стенографии, то многое забудется и все судоговорение пропадет для истории. К заявлению Спасовича присоединился и присяжный поверенный В.Н. Герард.

19 октября Ипполит Мышкин потребовал: “Мы желаем так или иначе, чтобы была предоставлена нам возможность объясниться не перед несколькими представителями правительства, а перед русским обществом”.

Чтение обвинительного акта растянулось на пять заседаний. Никто из подсудимых его не слушал. Все занимались разговорами, знакомствами с новыми товарищами по суду. Подсудимых распределили на семнадцать групп, чтобы облегчить ведение дела. После такой сортировки участники процесса, уже возвратившись в камеры, обсудили дальнейшую тактику поведения. 120 из них решили бойкотировать суд, отказываясь являться на судебные заседания. Их прозвали “протестантами”. 73 подсудимых все же решили участвовать в суде. “Чайковцы” попали в первую группу, хотя кое-кто из них оказался в других группах.

“Таким образом, нашей группе предстояло открыть кампанию и проложить путь для остальных. На суд нас на этот раз уж вызывают по одиночке. Когда очередь дошла и до меня, то на приглашение отправиться в суд, я отвечаю отказом, после чего мне заявляют, что приказано привести силой. Силе я подчиняюсь...”

25 октября. Опрос студента А. Низовкина, знакомого про пропаганде со многими “чайковцами”. Он давал откровенные показания.

– “У кого вы бывали?”

– “Я бывал у Куприянова, у Леонида Попова, Чарушина…” [1]

Вводят Кувшинскую.

– “Подчиняясь физическому насилию, я явилась на суд, но отвечать на все вопросы суда отказываюсь и оказываюсь от защиты”.

– “Вы обвиняетесь в принадлежности к преступному обществу и в злоумышленном распространении книг”.

Вводят Чарушина.

[1] Здесь и далее показания свидетелей и подсудимых приведены по кн.: Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего сената. СПб., 1878. Т. 1.

– “Вы по обвинительному акту обвиняетесь в принадлежности к преступному обществу. Признаете себя виновным?”

– “Я должен заявить, что приведен сюда силою и отказываюсь от всякого участия в суде”.

– “Вы обвиняетесь в злоумышленном распространении книг?”

– “Я еще раз заявляю, что отказываюсь от всякого участия в суде”.

26 октября. Опрос свидетеля Вангесова.

– “Учил вас кто?”

– “Сергей Силыч Синегуб”.

– “Кроме ученья говорил он вам что-нибудь?”

– “Между занятиями некоторые слова говорил”.

– “Какие же?”

– “Что господа катаются на рысаках, роскошничают, а вы очень бедно живете”.

– “Что еще говорил?”

– “Говорил, что сказано в Евангелии, что удобнее верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в царствие небесное”.

Свидетель Иван Петушков.

– “Ходили вы учиться? К кому ходили?”

– “К Аполлонычу”.

– “Ну, скажите об этом Аполлоныче. Что знаете? Что там делали?”

– “Я был у него всего два раза”.

– “Ну и расскажите, что вы там делали”.

– “Почитали книгу, пописали немножко. Кто его знает что”.

– “Что же Аполлоныч потом говорил?”

– “Я по-настоящему хорошенько не слыхал. Говорил он или не говорил. Я забыл”.

– “Какую книжку вы читали?”

– “Книжка была, кажется, про дедушку Егора”.

– “Про Стеньку Разина читал?”

– “Кажется нет. Не помню…”

Свидетель Егор Михайлов.

– “Как учителя звали?”

– “Василий Аполлоныч”.

– “Ну что же, только арифметикой и ограничилась?”

– “Книжку читали, слушали”.

– “Какую?”

– “Стеньку Разина”.

– “Когда прочел про Стеньку Разина, что он толковал что либо?”

– “Не знаю, не слыхал, у меня на была окончена задача”.

– “Что же Василий Аполлоныч, когда прочел книжку, сложил ее и ушел или толковал с вами? Говорил, что был Стенька Разин?”

– “Я был, занявшись задачами, не помню”.

Читаются показания Михайлова. В.Н. Герард, симпатии которого на стороне подсудимых, заявляет: “Вот результаты того, что дело слушается через четыре года”. Свидетель отговаривается забывчивостью, да еще путает имя Чарушина.

Первоприсутствующий, сенатор К.К. Петерс:

– “В прочтенной части показания говорится, между прочим, что после уроков читали книгу про Стеньку Разина, а после прочтения учитель стал объяснять, что вот были люди, которые хлопотали о пользе крестьян. Так это было?”

– “Да, так было”.

– “Далее в показаниях говорится, что теперь таких людей нет, и назвал Стеньку Разина освободителем. Так это было?”

– “Не могу припомнить, по нашему, он разбойник, так и в книжке написано: Стенька Разин – разбойник”.

Свидетель Иван Терентьев.

– “Когда жили за Невской заставой, там слух прошел, что есть бесплатное училище. Нас и собралось человека четыре. Отправились туда. Приходим туда, нас спросили: “Чему вы желаете учиться?” Мы говорим – писать. Дали нам бумаги и перо… Потом, где неправильно было написано, поправили. На другой вечер я пришел, учитель стал говорить о неправильностях, что в какой-то губернии был голод и правительство неладно распорядилось. Потом некоторые слова говорили, что какой-то министр один получает несколько тысяч жалования, а с мужика берут их…”

– “Не говорили ли о том, зачем много войска? Как сказал?”

– “Вот, говорит, у нас много войска: в случае, на захотите подати платить или встанете против правительства, которое отягощает вас, то войско это вас и станет бить…”

– “Не говорили ли вам, что следует всем быть равными?”

– “Да… Он говорил, что, например, фабрикант держит несколько тысяч народу, собирает деньги, наживает их много один, а рабочим платит мало, что надо сделать так, как в Америке. Что здесь рабочие работают семнадцать часов в сутки, а там только семь или восемь часов”.

– “Что же для этого нужно сделать?”

– “Согласно всем действовать, что один человек не может, то все могут”.

– “Кто был этот учитель?”

– “Не помню”.

– “Где это было?”

– “За Невской заставой, на девятой версте, в том доме, где телеграфная станция”.

Свидетель Павел Корюшкин (был завербован в осведомители) о Чарушине:

– “Говорил, что нужно нас разослать в разные стороны, чтобы уговорить народ сделать переполох и в одну кучу собрать. Тогда, говорят, мы можем сделать что-нибудь”.

Свидетель Егор Кудряшов.

– “Насчет Чарушина могу сказать… С нашей деревни в этом доме жил земляк.… Мы ходили вместе в трактир чай пить с Крюковым и там встретили одного мужчину. Я спросил его, кто это? Он говорит – это Чарушин… Потом он сказал нам, чтобы ходить в Крапивный переулок, мы ходили и читали эти самые книжки”.

– “Кто там жил?”

– “Кажется Худяков или Хохряков, забыл. Ну а читали там книги и было объявление супротив правительства”.

– “Какие именно книги читали?”

– “Извольте, я скажу – “Историю французского крестьянина”.

– “Еще какие книги?”

– “Еще “Сила солому ломит”.

– “Говорили, как нужно исправить дело?”

– “Говорили, что нужно против правительства восстать”.

– “А для этого что нужно было?”

– “Не могу знать, потому в забвении, четыре года”.

– “Кто собственно говорил, припомните, это важно суду знать”.

– “Знаю”.

– “Ну так скажите”.

– “В то время были Чарушин, Купреянов, Клеменц, Бородулин, Шишко”.

Свидетель Матвей Тарасов, тоже завербованный в осведомители.

– “Я с Чарушиным познакомился в трактире “Александрия”. Там сидел Кондратьев и он пригласил Чарушина чай пить. Чарушин спрашивал: “Каково вам живется?” Я говорю:“Совершенно плохо”. Он говорит: “Все зависит от самих рабочих, нужно взяться за ножи, а потом все будет хорошо”. Когда стали уходить из трактира, дал книжку и велел приходить к себе. На другой день мы опять пошли в трактир, сидели там, пили чай, он опять дал книжку “Стеньку Разина”, назад потом пошли, песню пели “Барка” [1] и потом “Становой”. Потом он говорил, как поучитесь, нужно вам разъехаться в разные стороны. Потом стали к ним ходить Чарушин с Шишко, тоже говорили, что нужно разъехаться по разным городам, чтобы нужду народу разъяснять. Потом познакомил нас с Клеменцем и Бородулиным и с Марией Андреевной. Ходил к ним на квартиру, давали деньги, носили книжки, читал их: “Самарский голод”, “Четыре брата”, “Стенька Разин” и пр. Купреянов и Бородулин также читали сочинение “Пугачев”, написанное карандашом”.

– “Они вам говорили, что нужно разъехаться? Куда же?”

---

[1] “Барка”, написанная предположительно Клеменцем и Синегубом, пелась на мотив “Дубинушки”, подлинной бурлацкой песни. Она часто упоминалась в обвинительном акте по “процессу 193-х”. “ – *Ой, ребята, плохо дело // Наша барка на мель села… // Чтобы барка шла вернее – // Надо лоцмана в три шеи!”*

– “В разные стороны, где кому знакомее, чтобы читать книжки и приглашать народ…”

– “Предлагал вам Чарушин куда-нибудь ехать?”

– “Да, в Костромскую губернию, спрашивал, там ли я жил, и говорил, что нужно разъехаться туда, кто где жил…

Свидетель Никифор Кондратьев, также завербованный осведомитель, рассказал, что получал от Чарушина книжки “Сила солому ломит” и “Клод Ге”. Чарушин будто бы пел в трактире песню “Долго нас помещики душили…” Потом Кондратьев, длительное время не видя Чарушина, спросил о нем у рабочего Якова Иванова: “Куда же этот господин девался, посулил нам придти, а самого нет”. Иванов пригласил Кондратьева на встречу в трактире с каким-то молодым человеком. Им оказался Шишко. Он будто бы сказал: “Вы, ребята, не робейте, Чарушина забрали, а все-таки надо продолжать дело. Чарушин говорил, что нужно квартиру нанять, вы будете учиться, и мы будем вас в провинцию рассылать… Некоторое время Шишко общался с рабочими, а потом сказал, что за ним следят, и будет к ним ходить Бородулин (Кропоткин)”.

28 октября читали протокол обыска у Чарушина, предъявлялись вещественные доказательства по его делу. Товарищ прокурора потребовал обратить внимание отобранное у Чарушина при обыске письмо, в котором вырезаны фамилии, и на записку карандашом, в которой говорилось, что податель ее общий друг Чарушина и Чайковского.

“Все эти показания, – замечает Н.А. Троицкий, – наряду с агентурными донесениями, протоколами обысков и разного рода вещественными доказательствами, позволили властям довольно полно, хотя и неточно, с подтасовкой и домыслами, обрисовать пропаганду “чайковцев” среди рабочих (главным образом), интеллигенции и крестьянства” [1].

В Доме предварительного заключения у Чарушина отняли переписку с другими арестантами. Среди изъятого оказалось несколько писем от Кувшинской. “Считает себя его невестой”, пишет “о любви, о необходимости законного брака между ними”, – заключили дотошные участники обыска. “Милый, хороший мой, как мне хочется иметь твое изображение, – писала Анна. – Поговори с Аркадием... Он уже выразил свою готовность смастерить портрет”. Кроме того Кувшинская просила Чарушина обратиться к управляющему Дома предварительного заключения о переводе Шишко в соседнюю с ним камеру, мотивируя тем, что Леониду в таком соседстве будет лучше. Спрашивала, готов ли отчет о начале суда для заграничной и местной прессы, который также требовала и вольная печать. Интересовалась Анна и подготовленностью подсудимых: “Что наши ораторы, здоровы ли?”

В конце ноября Чарушина, Волховского, Синегуба, Рогачева, Чудновского снова перевели в Петропавловскую крепость, где они пробыли до суда в полной изоляции друг от друга и от внешнего мира.

---

[1] Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 14.

23 января 1878 года судилище завершилось. Через годы Чарушин оценил “процесс-монстр”:

“Четырехлетние усилия почти всего правительственного аппарата по искоренению крамолы, которую хотели было демонстрировать перед обществом не только не пропали даром, но дали как раз обратные результаты. Демонстрация не удалась, и поругание крамолы и крамольников не состоялось. Фактически же все три месяца в устрашающем и непривлекательном виде демонстрировали себя не подсудимые, а правительственная власть и ее исполнительный орган – Особое присутствие Сената”.

Во второй половине марта объявили приговор Особого Присутствия Правительствующего Сената. И хотя “верхи” ожидали более суровых приговоров, на процессе выяснилось, что большое число подсудимых просидело до суда лишь за нахождение у них запрещенной книги или брошюры уже четыре года в предварительном заключении. Наказание таким подсудимым ограничилось отбытым сроком. III отделение опротестовало ходатайство суда об уменьшении наказания для половины осужденных, включая приговоренных к каторге, кроме Мышкина. Шеф жандармов Н.В. Мезенцев и министр юстиции К.И. Пален настояли на том, чтобы император отклонил ходатайство суда. Из 193-х подсудимых трое умерли во время суда, 90 человек были оправданы, 39 приговорили к ссылке, 32 - к заключению на срок от 3,5 до... 5 дней, один к отрешению от должности и штрафу и лишь 28 к каторге сроком от 3,5 до 10 лет. Дмитрий Рогачев, Ипполит Мышкин, Порфирий Войнаральский, Сергей Ковалик, Митрофан Муравский были осуждены на десять лет каторги. Николая Чарушина, Сергея Синегуба, Леонида Шишко и еще троих подсудимых приговорили к девятилетней каторге. По ходатайству Особого Присутствия Правительствующего Сената о смягчении наказания осужденным Чарушина предполагалось отправить в ссылку в Тобольскую губернию, Синегуба тоже в “места не столь отдаленные”. Но по докладу министра юстиции было “высочайше повелено” обоих послать “в каторжные работы на десять лет” [1]. При этом характеристику Николаю дали нелестную, припомнив его “дерзкий характер” [2].

Анне Кувшинской засчитали предварительное заключение. (Из вятчан, проходивших по “процессу 193-х”, были оправданы Евгений Овчинников, Анна Якимова, студент Петр Неволин, “распропагандированный” сапожник Гаврила Прокофьев. Предварительное заключение зачли пропагандистам, действовавшим в Вятской губернии, Соломону Аронзону, Владимиру Осипову, Сергею Голоушеву. Некоторые из участников суда отбывали потом ссылку в Вятской губернии).

Двадцать четыре осужденных перед отправкой на каторгу и в ссылку обратились с завещанием к “товарищам по убеждениям”: “...Уходя с поля битвы пленными, но честно исполнившими свой долг, по крайнему нашему убеждению,

[1] ГАРФ. Ф. 109. Д. 144. Ч. 16. Т. 2. Л. 47-47 об.

[2] Там же. Ч. 1. Л. 76 об.

уходя, быть может, навсегда, подобно Купреянову, мы считаем нашим правом и нашею обязанностью обратиться к вам, товарищи, с несколькими словами... Мы по-прежнему остаемся врагами действующей в России системы, составляющей несчастье и позор нашей родины, так как в экономическом отношении она эксплуатирует трудовое начало в пользу хищного тунеядства и разврата, а в политическом – отдает труд, имущество, свободу, жизнь и честь каждого гражданина на произвол "личного усмотрения". Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха.… Петропавловская крепость. 25 мая 1878 г." [1]

Анну ожидала ссылка в Тобольскую губернию, но Правительствующий Сенат смягчил решение, "вменив в наказание предварительный арест". В одном из очередных прошений шефу корпуса жандармов Н.В. Мезенцеву Кувшинская писала: "Пятый год я разлучена с моим женихом Николаем Аполлоновичем Чарушиным. За все время, проведенное обоими в тюрьме, тоска о дорогом друге не покидала меня, постоянно терзала боязнь за его здоровье, болела душа о его безотрадном положении – без слова привета, без радостных светлых минут, горячо желанных свиданий. Со времени же нашей встречи на суде, со времени его перевода снова в Петропавловскую крепость, я не знаю ни на один день покоя: его болезненный, утративший силы, исстрадавшийся образ стоит передо мною. Я боюсь, что продолжительность пребывания его в крепости будет непосильна при его общей усталости и изнуренности, что силы ему окончательно изменят и меня ужасает мысль об утрате моего любимого друга навеки. Насколько эта мысль тяжела и ужасна, может сказать та, которая жила все годы заключения надеждою, лелеяла мечту соединиться с дорогим человеком. Теперь, когда окончено судебное следствие и этим устранены причины необходимой изолированности между подсудимыми, от Вас зависит разрешить нам свидания. Не откажите, Ваше Высокопревосходительство, в моей усерднейшей просьбе: дайте мне возможность внести в дорогую для меня жизнь искру отрады, дайте возможность горячим словом привета рассеять безотрадность положения моего жениха и облегчить мою наболевшую душу... Дом предварительного заключения. 15 января 1878 г" [2]

Сразу по выходе на волю Анна начала добиваться разрешения на брак с Чарушиным. Архивы сохранили ее прошения, переписку тюремного начальства. 10 февраля прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты А.А. Лопухин обратился в управление III отделения: "Г. Министр юстиции уведомил меня, что им разрешено содержащемуся в Санкт-Петербургской крепости, осужденному по обвинению в государственном преступлении Николаю Чарушину вступить с брак

[1] Троицкий Н.А. Указ. соч… С. 276-277.
[2] ГАРФ. Ф. 109. Д. 144. Ч. 16. Т. 2. Л. 292.

с дочерью священника Анною Кувшинскою, с тем, чтобы брак этот был совершен до 15 сего февраля. Сообщая о сем Вашему Превосходительству, имею честь покорнейше сделать зависящее распоряжение о переводе Чарушина из С.-Петербургской крепости в Дом предварительного заключения для совершения 12 февраля в церкви оного обряда венчания Чарушина с Кувшинскою и о возвращении Чарушина обратно в крепость после совершения означенного обряда” [1].

11 февраля управляющий канцелярией III отделения известил управляющего Домом предварительного заключения: “Препровождается при сем в С-Петербургский дом предварительного заключения осужденный по обвинению в государственном преступлении Николай Чарушин, которому разрешено министром юстиции поступить в законный брак с дочерью священника Анной Кувшинской. Обряд венчания будет совершен 12 февраля в церкви дома предв. заключения, и затем Чарушин должен быть передан предъявителю настоящей бумаги, жандармскому офицеру для доставки в крепость [2]”. Впечатляет другой документ, посланный вдогонку предыдущему, в котором управляющий канцелярией III отделения сообщал, “что Чарушин будет возвращен в Петропавловскую крепость через два дня по совершению разрешенного министром юстиции обряда венчания его, Чарушина, с дочерью священника Анною Кувшинскою”, которые он может провести с женой. Но это благое намерение не осуществилось, поскольку Чарушин вспоминал, что после обряда венчания его отвезли в крепость, а Анна вернулась “на свою вольную квартиру”.

После венчания Кувшинская начала хлопоты о разрешении отправиться с мужем в Сибирь. Но бесконечные хождения и прошения не могли отстранить ее от драматических событий, которыми жила радикально настроенная молодежь столицы. 31 марта Кувшинская выступала как свидетельница известной “боголюбовской истории” на суде по делу Веры Засулич, обвинявшейся в покушении на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Она рассказала, как на протест арестантов Дома предварительного заключения против наказания розгами студента А.С. Боголюбова по приказанию Трепова тюремные надзиратели готовились было наказать и других заключенных: “Я, собственно, видела приготовление к сечению… я видела как вяжущие пучки делали жесты применения розог и делали угрожающие жесты по направлению к мужскому отделению и к нам…” После дачи показаний Кувшинская находилась по

[1] Там же. Л. 382. А.А. Лопухин позднее служил директором Департамента полиции, а потом привлекался к ответственности после оказания помощи В.Л. Бурцеву в разоблачении провокаторства Евно Азефа в 1908 году. Особым присутствием Правительствующего Сената Лопухин был присужден к ссылке в Сибирь, в 1912 году помилован, служил в Москве вице-директором Сибирского торгового банка.

[2] Там же. Л. 383.

агентурным данным в толпе, собравшейся у здания окружного суда в ожидании сообщения об исходе судебного заседания [1].

Главной же заботой Анны оставалась судьба Николая. В мае она снова писала шефу корпуса жандармов Н.В. Мезенцеву: “Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить мне следовать за моим мужем Николаем Чарушиным... Слишком четыре года муж мой содержался в предварительном заключении... арест расстроил его здоровье и довел до физического и нравственного изнеможения. В несчастии мужа для меня укрепляющим утешением может быть только возможность исполнить в отношении его долг жены, готовой по чувству любви и скорби к его горькой участи разделить ее с ним, служить для него поддержкой в тяжелом испытании. Движимая этим священным долгом покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство о дозволении не разлучаться мне с моим мужем во время отбывания им срока каторжных работ” [2].

Кувшинская и ее воспитанница по епархиальному училищу Лариса Чемоданова-Синегуб, муж которой тоже получил каторжный срок, преодолели все препоны, добиваясь аудиенций у Н.В. Мезенцева, К.И. Палена и, наконец, у личного секретаря императрицы графини А.А. Толстой. Успеху хождений способствовала и обаятельная внешность Анны Дмитриевны. Именно к этому времени относится ее словесный портрет, составленный Розой Плехановой: “Высокого роста, красивая, стройная, она одевалась с большим вкусом и по моде, голос ее был мягок, манеры светские...”[3] Своим обликом Кувшинская никоим образом не соответствовала расхожим представлениям о “нигилистках”, “стриженых девках”. Можно представить, с каким трудом ей удавалось одеваться “по моде”. Но ведь было необходимо производить благоприятное впечатление при аудиенциях у высокопоставленных лиц. Помогали природный артистицизм и такт. Отсюда и “манеры светские”. Графиня Толстая сумела повлиять на супругу наследника престола, которая собственноручно сделала надпись на прошении Кувшинской шефу жандармов: “Прошу исполнить”. Мезенцев не мог отказать будущей императрице.

Осужденных на каторгу тревожила мысль о месте отбывания каторжного срока. 16 июня шеф жандармов распорядился “о ссылке Чарушина... для отбытия наказания не в Новобелгородскую тюрьму, а в Сибирь”. Настойчивость Анны спасла мужа от этой тюрьмы, где условия содержания узников в одиночных камерах, по словам историка царской тюрьмы М.Н. Гернета, скорее напоминали карцеры по образцу Алексеевского равелина.

Отправления в Сибирь Чарушин дожидался в Петропавловской крепости, а Кувшинская в Литовском замке, куда ее поместили как жену, которая должна

---

[1] См.: Кони А.Ф. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 2. М., 1966.. С. 117-118, 409-411.

[2] ГАРФ. Ф. 109. Д. 144. Т. 16. Ч 2. Л. 410.

[3] Кулябко-Корецкий Н. Мои встречи с В.И. Засулич // Группа “Освобождение труда”. Сб. III. С. 76. Примечание Р.М. Плехановой.

последовать за мужем-каторжником. Теперь они уже не имели возможности встречаться. В бумагах III отделения сохранилось письмо Чарушина жене, которое она не получила скорее всего из-за нерадивости мелкой сошки в тюремной администрации. Датировано оно седьмым июля, а отправка произошла в ночь на 23-е.

“Спасибо тебе, дорогая моя, я не ожидал никаких писем от тебя из места твоего добровольного заключения. Но во всю эту неделю еще не терял надежды увидеть тебя здесь. Как назло и по совершенно непонятным для меня причинам и мой братец не показывается ко мне уже вторую неделю, уж не думает ли он, что мы уже отправлены. Когда наша отправка ничего неизвестно. Мы ждем ее с нетерпением каждый день и все-таки не можем дождаться. Очень возможно, что мы здесь еще проболтаемся недели две, а то и все три. Для нас это, конечно, не слишком большая потеря... А вот нашим злополучным жинкам это едва ли понравится... Живем все в чаянии близкой отправки. Ради Бога, не беспокойся обо мне, будь уверена, что буду жив и здоров... Ну, а пока, прощай, моя дорогая. Писать много не буду. Будь же здорова, бодра, указаний и советов я тебе никаких не даю, да ведь ты на них и не обратишь, как водится, никакого внимания. Весь твой Н. Чарушин. Ты, кажется, все еще думаешь, что для меня безразлично, куда бы я ни попал. Это совсем неверно. Я смею тебя уверить, что возможность быть с тобой для меня все. Ну еще раз обнимаю тебя, моя милая” [1].

Наступил день отправки.

“В ночь на 22 июля отворяется моя камера, и меня ведут в какой-то большой мрачный зал, тускло освещенный, где за большим столом сидели какие-то чиновные люди. Вижу далее разложенную арестантскую амуницию и тут же висевшие кандалы, а недалеко от стола на полу, что-то черное, что оказалось потом наковальней, – необходимая принадлежность при заковке в кандалы... Какой-то человек берет мою ногу, а потом другую, надевает каналы и приступает к заклепке. Но первые же удары молота по наковальне, гулко раздающиеся в пустой и мрачной комнате при гробовом молчании всех, присутствующих как бы при отходе умирающего, как-то особо действуют на меня, внутри как будто что-то обрывается, и я остро и со всей реальностью начинаю видеть ту пропасть, которая вырастает между моим прошлым “я” и теперешним...”

[1] ГАРФ. Ф. 109. Д. 144. Ч. 16. Т. 2. Л. 271.

В СИБИРСКОЙ ДАЛЬНЕЙ СТОРОНЕ

“Арестантский вагон, предназначенный для нашей партии, куда меня ввели в ночь на 23 июля 1878 г., стоял где-то далеко от Николаевского вокзала на запасном пути. Здесь мне прежде всего бросилось в глаза обилие жандармов, среди которых постепенно стали вырисовываться знакомые фигуры в арестантских халатах. Тут – Синегуб, Квятковский, Брешковская, отправляемые вместе со мной на каторгу. Стаховский – на поселение, Скворцов – на житье в Тобольскую губернию, и наши жены, незадолго перед этим привезенные из Литовского замка. Мы опять вместе и на продолжительное время, почему настроение наше невольно поднимается, и только что пережитое отодвигается куда-то вдаль. Позвякивая своими кандалами, мы передвигаемся с места на место, чтобы повидаться со всеми и перекинуться несколькими словами… После довольно долгих ожиданий вагон наш, прицепленный к товарному поезду, наконец, тронулся”.

Анну Чарушину, Ларису Чемоданову-Синегуб и жену народника Тимофея Квятковского тревожило намерение III отделения отправить их отдельно от мужей с тем, чтобы лишь от Тюмени разрешить дальнейший проезд вместе. Женщинам предписывалось ехать отдельно без конвоя с выдачей открытых листов или подорожных, а также, если они отправляются на казенный счет, денег на проезд до Нижнего Новгорода по железной дороге, далее до Перми на пароходе, затем до Тюмени на почтовых лошадях. Затем они должны продолжать путь вместе с мужьями. Все же возобладало решение отослать женщин “при общих арестантских партиях, посредством конвойных команд”.

В жандармском донесении об отправке сообщалось: “В ночь на 23 сего июля отправлены по назначению государственные преступники Синегуб, Чарушин, Квятковский, Стаховский, Брешко-Брешковская и Скворцов, а так же жены первых троих и Скворцова. Из числа этих лиц первые четыре взяты из крепости, все остальные из Литовского замка. Отправление началось в 11 часов, и кончилось лишь во втором часу ночи. Поезд с арестантским вагоном тронулся в поле в 2 1/2 часа. Вообще все преступники вели себя хорошо и не позволили себе, исключая Скворцова, никаких разговоров относительно арестантской одежды и заковки. В частности, Квятковский и Стаховский не сказали ни слова. Брешковская просила позволения взять свои вещи, Синегуб – съестное и табак, Чарушин – очки, интересуясь сверх того знать, поедет ли вместе с ним жена” [1]. Тревогу Николая Аполлоновича можно понять. Даже по пути в Москву мужчины опасались, что их могут отправить все же в Новобелгородскую тюрьму, а жен в сибирскую ссылку.

“По мере приближения к Москве наше тревожное настроение все возрастало. Но вот, наконец, и Москва. Здесь нас всех перевезли на Нижегородский вокзал, – значит не централка, а Сибирь, и мы успокоились”.

---

[1] ГАРФ. Ф. 109. Д. 144. Т. 16. Ч. 2. Л. 213.

Чарушин отметил поведение охраны – конвоиры были “корректны и вежливы”. По железной дороге будущих каторжан провезли до Нижнего Новгорода.

“В Нижнем нас пересадили на арестантскую баржу, в трюм кормовой части; носовая же половина была занята уголовными арестантами, от которых нас тщательно изолировали. Помещение довольно просторное, но полутемное, с очень маленькими окнами, через которые все же можно было любоваться волжскими и камскими берегами. В трюме, где помещались и жандармы, душно, и нас время от времени выводили на палубу подышать чистым воздухом, что после многих лет тюрьмы доставляло нам несказанное удовольствие”

(Можно сравнить положение отправляемых в Сибирь народников с положением “политических” в сталинское время, когда их преднамеренно помещали с уголовными элементами, да еще и натравливали “уркаганов” на “контрреволюционеров”). От Перми Чарушина и его товарищей на почтовых тройках довезли до Тюмени, а далее снова на арестантской барже по Туре, Иртышу, Оби и Томи и снова на тройках до Иркутска.

“…путь нудный и скучный, особенно по великой сибирской реке Оби. Она многоводна, как море, но печальна и пустынна, с плоскими, едва приметными болотистыми берегами с скудной растительностью, на которых лишь изредка попадаются жалкие поселения вроде Сургута или Нарыма”.

В Томске от народника Григория Мачтета, отправлявшегося в ссылку, за участие в подготовке побега Сергея Ковалика и Порфирия Войнаральского, Чарушин и его друзья узнали об убийстве средь бела дня прямо в центре Петербурга шефа жандармов Мезенцова. Удачливым террористом оказался Сергей Кравчинский, входивший в петербургскую группу “чайковцев”, а затем ставший землевольцем.

Путь до Иркутска при чудесной погоде был бы хорош, если бы не излишняя подозрительность начальника арестантской партии, которому казалось, что возможна попытка отбить арестантов их единомышленниками, остававшимися на свободе.

“К концу пути, верст за 200 до Иркутска, я почувствовал себя плохо, а на последних станциях при переменах лошадей, меня выносили из экипажа почти в бессознательном состоянии. Я заболел тифом и конца пути не помню… Но благодаря протесту жены и лечившего меня доктора Рейхмана, с партией меня не отправили, а оставили в Иркутске до выздоровления. Так же смутно припоминаю, как все мои товарищи по партии приходили ко мне прощаться и, как передавали потом, не надеялись, что я останусь жив”.

Узнав о болезни Чарушина, начальник арестантской партии, жандармский ротмистр все же настаивал на том, чтобы он, несмотря ни на что, продолжал путь вместе со всеми. Более того, Николая Аполлоновича даже повезли из Иркутска и возвратили обратно лишь с берега Байкала от селения Листвянки. Начальник партии, оставляя его больным в Иркутске, лишился бы тысячи рублей, которая,

как говорили, была обещана ему за своевременную доставку каждого из отправляемых на каторгу. Если обещана такая крупная сумма или пусть меньшая, при чем тут здоровье человека?

Петров сообщил в Петербург телеграммой: “Прибыв в Иркутск, больной заболел горячкой, удостоверенной врачами, по выздоровлении будет отправлен с женой по назначению с местными жандармами при офицере”. Сохранилась еще одна телеграмма: “По внезапной болезни Ч. с женою отправлены в Иркутск при четырех человеках. 1 сентября 1878”. В Иркутске Чарушных поместили в отдельной камере. Ежедневно, а иногда и по несколько раз в день его навещали доктор или фельдшер, при визитах которых обязательно присутствовало тюремное начальство. Причина столь строгих порядков объяснялась тем, что начальник партии, раздосадованный, тем, что Чарушина не удалось взять с собой, нафантазировал иркутским жандармам о намерении Анны Дмитриевны устроить побег мужу. По этой же причине, несмотря даже на ходатайства доктора перед самим генерал-губернатором, кандалы с Чарушина не снимали и в самый тяжелый период болезни. Сделано это было лишь, когда он начал поправляться. Лишь в половине ноября Чарушины продолжили почти тысячеверстный путь по Забайкалью.

“Верст двести мы сделали по берегу Байкала, то поднимаясь на крутые отроги гор, то спускаясь с них и пересекая узкие долины, имея с правой стороны горную глухую тайгу, покрытую глубоким снегом, а слева – мрачное и холодное в это время года море, окаймляемое цепью едва видимых белоснежных гор. Дорога совершенно пустынна, лишь на известном расстоянии друг от друга ее разнообразят одинокие почтовые станции.

Мы быстро проделываем по Забайкалью почти тысячеверстный путь до Кары. Редкие забайкальские города – Верхнеудинск, Чита, Нерчинск, а затем и казачья станица Сретенск – уже позади. Последние сто верст мы едем по льду реки Шилки, так как другого пути нет… Вот уже и Усть-Кара – преддверие нашей каторги”.

К счастью, на Каре уже не было Маркова, “коменданта-зверя”, а его преемнику, коменданту каторжной тюрьмы Владимиру Осиповичу Кононовичу, старавшемуся облегчить пребывание на каторге политических, приходилось опасаться из-за этого неприятностей от вышестоящего начальства. Поскольку Чарушины прибыли после девяти часов вечера, а с этого часа доступ в тюрьмы прекращался, Кононович пригласил всех к себе. Чарушиных впечатлил прием, оказанный Кононовичем, ужин за отлично сервированным столом.

“Все более и более выяснялось, что на посту коменданта карийской каторги, к немалому нашему изумлению, находился не “держиморда”, как это по русским условиям должно бы быть, а человек интеллигентный, образованный, с независимым характером и умный. Коннонович все время по отношению к нам оставался любезным и гостеприимным хозяином, ни жестом, ни взглядом не намекая гостю в кандалах о том, кто он такой и зачем привезен на Кару… Так

необычайно встретила нас Кара, где мы рассчитывали встретить совершенно иной прием, много более суровый, чем в петербургских тюрьмах, далеко не отличавшихся мягкостью и человечностью”.

На другой день по распоряжению коменданта в кузнице с Чарушина сняли кандалы, поскольку “испытуемый срок”, в который включалось время предварительного заключения, окончился. После расковки Чарушина отвели в тюрьму, где находились его товарищи, прибывшие на Кару раньше, а Анну Дмитриевну поселили с женой каторжанина-нечаевца Петра Успенского.

Карийская политическая каторжная тюрьма просуществовала с 1873 по 1890 год. Через нее прошло 211 приговоренных к каторжным работам. Среди “карийцев” оказались нечаевцы, долгушинцы, участники процессов “50-ти” и “193-х”, народовольцы... Каторга состояла из нескольких поселков. Усть-Кара – “преддверие каторги”; далее верстах в десяти одна из каторжных тюрем – “Новая тюрьма”; еще дальше в трех-четырех верстах – Нижняя Кара, центр управления всей карийской каторгой, где размещались здание управления, комендантский дом, офицерская гауптвахта, дома для служащих, приют для детей ссыльнопоселенцев, лазарет, а за “официальной частью” поселка хибарки вышедших в “вольную команду”... Еще дальше располагалась Средняя Кара, где кроме каторжной тюрьмы находился еще центр приисковых работ, а также управление горного округа, ведавшее всеми карийскими приисковыми работами. В глубине тайги на Верхней Каре и Амуре тоже размещались каторжные тюрьмы. Всего карийские каторжные поселения растянулись верст на тридцать...

“Специальной политической тюрьмы на Каре еще не было, а потому большинство арестованных было размещено в офицерской гауптвахте, небольшом деревянном здании, совершенно открытом со всех сторон, недалеко от комендантского дома. Встреча с товарищами была радостная: они уже не чаяли видеть меня в живых. Здесь, кроме Синегуба, Шишко, Квятковского, Союзова, моих сопроцессников, были Терентьев и помощник присяжного поверенного Семяновский, осужденные по другим делам”.

Теперь, зная об условиях в местах заключения советских времен, удивительно читать о том, как жили тогдашние политкаторжане. На гауптвахте для них отвели три комнаты. Часть остальных помещений служила им общей столовой и клубом. Помимо участников “процесса 193-х” на Каре ко времени приезда Чарушиных жили уже в “вольной команде” каракозовец Николай Ишутин, нечаевцы Петр Успенский и Алексей Кузнецов. Из женщин на Каре, кроме Брешко-Брешковской, находились жены, последовавшие за мужьями в “добровольное изгнание”.

Чарушины не застали тяжелые времена карийской каторги с полным бесправием каторжан, о которых с горечью и сознанием полной беспомощности поведал врач Владимир Яковлевич Кокосов.

“Никаких принудительных работ для нас не было, а жизнь в стенах нашей тюрьмы ничем не стеснялась. Мы во всякое время могли свободно общаться

между собою, беспрепятственно заниматься, устраивать при желании общие чтения, беседовать, спорить, сколько угодно петь или попросту балагурить, в особенности, во время наших общих чаепитий и обедов. Недостатка в книгах и журналах не было; разрешалась и переписка с родственниками и знакомыми, проживающими в России и Сибири. Раз в день нас выводили под конвоем на прогулку... Два раза в неделю жены приходили к нам на свидания, которые происходили в наших помещениях. Надзора при этом не было никакого... С вопросом о питании дело обстояло также благополучно. Казенного стола у нас не было, а нам выдавали полагающуюся провизию на руки, к ней мы прибавляли кое-что от себя и готовили сами… Таким образом, жизнь наша в карийской тюрьме обставлена была весьма сносно, в особенности, если сравнивать ее с жизнью в российских, и, в частности, в петербургских тюрьмах. Но это благополучие было чистой случайностью и всецело зависело от заведующего карийской каторгой, полковника Кононовича, несомненно благожелательно, относившегося к политикам".

Правда, Кононович просил карийцев не писать в Россию ничего лишнего о карийской жизни, дабы не создать "нежелательных, с точки зрения начальства, представлений о ней". Но подчиненные коменданта, привычные к жестоким мерам управления, не одобряли его человеческого отношения к каторжанам.

Примером порядочности Кононовича стала история с подкопом, который рыли несколько каторжан. Позднее в Нерчинске Владимир Осипович рассказал Чарушину, что он случайно узнал о готовящемся побеге, но ограничился лишь советом каторжанам засыпать подкоп. В августе 1881 года Кононович покинул Кару, получив новое назначение. Американский публицист Джордж Кеннан, автор книг о сибирской каторге, писал о нем: "Политические заключенные, честные чиновники, порядочные люди вообще всегда объявляли мне в один голос, что это был гуманный, симпатичный человек и смелый, умный совершенно неподкупный чиновник... Его страшно не любили за то в среде взяточников и иных "дельцов" худшего бюрократического типа". Гуманизм Кононовича, когда тот был начальником сахалинской каторги, оценил А.П. Чехов: "Он производит впечатление человека искреннего, проникнутого гуманными стремлениями" [1]. Позднее М.Н. Гернет отзывался о Кононовиче: "Это был гуманный человек, не боявшийся нарушать жестокие требования закона о каторжном режиме. Его фигура резко выделяется среди общей массы начальников каторжных тюрем, исправительных арестантских отделений и исправительных тюрем царской России... В узниках Кононович видел не преступников, а людей, заслуживающих внимательного и бережного отношения" [2].

"Его отношение к нам, особенно во время, когда в правящих сферах господствовало исключительно злобное чувство к политическим врагам, выгодно выделяло Кононовича из среды администраторов того времени. Не разделяя,

[1] Чехов А.П. Остров Сахалин. Собр. соч. в 12-ти тт. Т. 10. М., 1956. С. 59.

[2] Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5-ти тт. Т. III. М., 1961. С. 317.

разумеется, наших убеждений, он умел относиться с уважением к людям, исповедующим их и пострадавшим за них. Он всеми доступными ему средствами старался облегчить и очеловечит наше пребывание на каторге. Соблюдая по возможности форму, чтобы не дать своим многочисленным врагам из местного чиновного люда лишний козырь для сыпавшихся на него доносов, он предоставлял полную свободу вкладывать в эту форму свое содержание. И мы прекрасно понимали, что будь на месте коменданта кто-либо другой, наш каторжанский период жизни протекал бы в обстановке, может быть, не менее убийственной, чем это было до Кононовича или после него".

Ветеран "Народной воли" И.И. Попов, вспоминая об отношениях Чарушиных с Кононовичам, писал, что "некоторые ссыльные это знакомство ставили Чарушиным на вид… совершенно напрасно". Он сравнивал Кононовича с комендантом Нерчинских рудников и Петровского завода С.Р. Лепарским, гуманно относившимся к декабристам [1].

В советские годы Чарушина упрекали за знакомство с Кононовичем. Участник польского революционного движения Феликс Кон, тоже отбывавший каторжный срок на Каре, а после революции работавший в Наркомпросе, в предисловии к одной из книг Чарушина, посвященной пребыванию на каторге и поселении, высказался о Кононовиче вполне соответственно духу большевистской эпохи: "Что представлял собой Кононович? Он гуманно относился к политкаторжанам, т.е. к врагам того строя, слугой которого он был"… "Человеческое" ему не было чуждо, и этого было достаточно для того, чтобы его выделить из среды тех... "животных", какими были все слуги царевы" [2]. Однако добрую память сохранил Чарушин и о Кононовиче, и о враче Кокосове, старавшемся в меру возможности облегчить участь каторжан.

Политические много занимались самообразованием. Не жалея времени, Синегуб читал слабому зрением Леониду Шишко, занимался вместе с ним французским и английским языками. Кое-кто столярничал, переплетал книги, иные напрашивались, к примеру, на колку дров.

Синегуб составил словесный портрет своего друга времен пребывание на Каре: "Один из самых ранних и самых выдающихся чайковцев. Стройный, высокий, с благородными движениями, с крупным, умным упорным лбом, осененным в молодости эффектной мягко-огненного цвета шевелюрой, – и с твердым и решительным взглядом голубых глаз". Чарушин запомнился Синегубу молчальником, корректным, всегда сдержанным человеком, одновременно сердечным, нежным, но не любившем "миндальничать". "Строго логичный и не поддающийся порыву, в особенности в "деле", он не одобрял экспансивности и "скоростремительности" и в других... Выдержка, стойкость, держание себя в руках, поменьше разговоров, побольше думы и дела – вот Чарушин" [3].

---

[1] Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. П.Г., 1924. С. 95.

[2] Кон Феликс. Предисловие к кн.: Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1931. С. 3-4.

[3] Синегуб С.С. Воспоминания чайковца // Былое. 1906. № 10. С. 39-40.

Среди женщин-каторжанок и последовавших за мужьями, отношения были не всегда благоприятными. Сплачивала их Екатерина Брешко-Брешковская.

“Эта удивительная женщина, с ее достоинствами и недостатками, никогда не теряла ни веры, ни бодрости, в каких бы условиях она не находилась, была всегда деятельна… она успела завоевать себе общие симпатии, в особенности, простых людей… Каждому она находила ласковое слово и помогала, чем только могла… Одетая до крайности просто и даже убого, эта, когда-то принадлежащая к аристократическому обществу женщина ходила обычно в больших мужских сапогах, повязанная платочком или шалью и прикрытая одеждой, по преимуществу, из арестантских материалов”.

В марте 1879 года Чарушина, как перенесшего тяжелую болезнь, выпустили в “вольную команду”. Правда, это решение Кононович принял на собственный риск, предупредив новых “вольнокомандцев”, что если на Кару нагрянет начальство, то они должны сказаться больными и лечь в лазарет, будто бы переведенные из тюрьмы для лечения”.

Весной и летом уже без надзора вчерашние каторжане совершали прогулки по живописной Карийской долине.

“Мы в буквальном смысле упивались ярким солнцем, чистым горным воздухом, роскошными девственными хвойными лесами, перемежающимися с ароматной лиственницей, обилием и разнообразием цветов. Роскошные букеты лилий, пионов никогда не переводились у нас, а позднее, когда поспевали грибы, не было, кажется, ни одного, кто не увлекался бы их сбором. Почти ежедневно ранним утром с корзинами в руках мы направлялись в сопки и через какой-нибудь час или два уже возвращались домой с переполненными корзинами”.

Появилась возможность зарабатывать. Анна Дмитриевна, начинавшая посещать медицинские курсы в Петербурге, работала в лазарете, да еще добывала некоторые средства к существованию вышивкой. Николай Аполлонович устроился табельщиком в горном ведомстве, а помимо того давал уроки. Также поступали и другие “вольнокомандцы”. П.Г. Успенский обучал детей карийских служащих, его жена служила фельдшерицей в лазарете, чета Синегубов занималась воспитанием и обучением ребятишек в детском приюте, Шишко обучался столярному делу у рабочего Союзова, став его лучшим помощником. Условия пребывания в вольной команде устраивали бывших каторжан – никакого надзора в переписке, свободное перемещение в дозволенных пределах, свободные знакомства с местными жителями.

“Жизнь наша на Каре, по выходе в вольную команду, слагалась, таким образом, из платной работы, дававшей нам необходимый для нашего существования заработок, блужданий по карийским окрестностям, увлекавших нас, в особенности, в первое лето, чтения, процветавшего, по преимуществу, в зимнее время, и общения, главным образом, между собой. Связи же с обывательской публикой плохо вытанцовывались, благодаря слишком большой разнице в степени развития и миропонимания”.

В 1880 году “вольнокомандцам” пришлось вступить в конфликт с командиром казачьего батальона на Каре Руденко, заместившим уехавшего в отпуск на три месяца Кононовича. “Верный Трезор” разлютовался, приказал назначать политических, уже отбывших каторгу, на работу, как каторжан, запретил ходить группами по три человека и больше. Так продолжалось до приезда Кононовича. Но террористические акции народовольцев негативно отразились на положении Карийской каторги. Пришло распоряжение о том, что политические каторжане не могут пользоваться правом выхода в вольную команду и весь срок обязаны отбывать в тюрьме, закованными в кандалы. У большинства “вольнокомандцев” каторжный срок заканчивался через три-четыре месяца, их новые приказы не пугали. Но один из них, Евгений Семяновский воспринял ужесточения слишком впечатлительно, поскольку ему еще предстояло отбыть на каторге три года. В подавленном состоянии духа Семяновский покончил с собой. Происходили и другие трагедии, тяжело переживаемые Чарушиными.

С уголовными, вышедшими в “вольную команду”, политические общались мало.

“Это был настоящий муравейник с своеобразной жизнью, где порой совершались ужасающие преступления с целью грабежа. Живя на казенном пайке, пополняемом небольшим заработком, который давала работа на приисках или в мастерских, многие уголовные, не довольствуясь этим, имели другие, более прибыльные заработки. Торговля, разного вида спекуляция, хищническая промывка золота или скупка его были очень распространенными занятиями среди них. Но самым выгодным, хотя и наиболее рискованным и опасным занятием, была торговля спиртом, сопряженная с проносом его по секретным таежным тропам из мест продажи спирта на Кару. Спиртоносы и торговля спиртом жестоко преследовались: за спиртоносами охотились не только казаки, находящиеся в составе полицейской стражи карийского полицмейстера, но и их же товарищи по каторге и опасному промыслу. Выследив и подкараулив спиртоноса где-нибудь в укромном месте тайге, его убивали, а спирт делался достоянием убийцы. Несмотря на всю опасность и трудности спиртного промысла, водка всегда была в изобилии на Каре, хотя и продавалась на вес золота. Пили ее в вольных поселениях Кары, пили в тюрьмах, куда она довольно свободно проникала большей частью через ту же стражу”.

Доканчивать каторжный срок Николаю Аполлоновичу пришлось в тюрьме на Средней Каре.

“Состав сидельцев был самый разнообразный как по своему образованию, степени развития и своим моральным качествам, так и по своему социальному положению. Тут были интеллигенты, занимавшие уже на воле известное общественное положение, бывшие студенты, офицеры, рабочие, крестьяне, матросы, был даже один дьякон, один оперный певец и один из бывших уголовников (Овчинников), сделавшийся потом революционером”.

Доходили до Чарушина и его товарищей известия о революционных событиях.

“Наша жизнь была тиха и спокойна, но события в далекой России, где снова закипала борьба, смутные отголоски, которой докатывались и до нашего гиблого места, не могли не волновать нас. Видимо, революционная Россия, уставшая от тщетных усилий революционизировать народные массы и возмущенная беспощадными преследованиями правительства, разрушавшими сегодня то, что было сделано вчера, вступала в новый фазис борьбы… Становилось, таким образом, все более и более очевидным, что основная идея движения – стремление разрешить все злободневный социальные и политические вопросы при активном и сознательном участии организованных народных масс – в своем чистом виде не выдерживает критики и требует поправки. Азиатско-деспотический режим в России, подозрительно и косо смотревший даже на чисто культурную работу, не оставлял в этом отношении почти никаких иллюзий. Поэтому совершенно естественно, что волей-неволей выдвигались, как первоочередная задача, оздоровление политической атмосферы России и активная борьба за политическое освобождение.

Подготовительная работа в рабочей и крестьянской среде при новой постановке дела, разумеется, не отрицалась, но уже в силу необходимости отодвигалась на второй план и тоже принимала уже определенную политическую окраску. Но совершенно исключительные политические условия, в каких находилась страна, вынуждали вылиться эту политическую борьбу в своеобразные и исключительные формы, среди которых политический террор начинал играть крупную роль…

Доходившие до нас отрывочные сведения о начавшейся в России героической борьбе определенно политического характера сравнительно небольшой группы людей со всесильным русским правительством не могли не вызывать среди нас, с одной стороны, искреннего сочувствия, а с другой – и некоторого сомнения в правильности метода борьбы и опасения за исход последней. Но там, в передовом отряде, стояли наши прежние товарищи, которых мы уважали и любили, в которых верили, и которых беспощадная русская действительность из стойких и убежденных народников, как Перовская, Желябов и многие друге, превратила в идейных террористов, вопреки их природе и склонностям. Стало быть, иначе уже было нельзя, выхода другого не было Много оживленных разговоров и споров вызывали в нашей карийской среде эти русские события… Но, подготовленные собственным нашим опытом в революционной работе прежних лет, а затем и долгими размышлениями в тюремных казематах, мы не могли не приветствовать открытого перехода к политической борьбе, а следовательно, несмотря на все наше отвращение к убийствам и к террору, так как иных путей для активной политической борьбы мы тоже не находили… Даже Синегуб, один из самых твердокаменных народников, еще не так давно

умолявший из крепости Кравчинского оставить мысль о казни шефа жандармов Мезенцова, теперь уже становится сторонником террора”.

Известие об убийстве народовольцами Александра II застало Чарушина в тюрьме почти накануне окончания каторжного срока.

“Велико было волнение в нашей тюрьме, когда известие о первомартовском событии долетело и до нас. Что будет дальше, как отразится на судьбах России это событие, разыгравшееся на улицах Петербурга среди белого дня? Едва ли ошибусь, если скажу, что многие из нас, в особенности, в первые дни, искренно верили в могучее воздействие этого события на коренное изменение внутренней жизни страны. Но были и скептики, которые, учитывая слабую подготовленность России, сомневались, чтобы она сумела использовать российскую катастрофу в освободительных целях. Были, наконец, и такие, которые опасались, что страна, в массе еще монархически настроенная, может прежде всего ответить на цареубийство погромами интеллигенции, в особенности, если для этого будет дан соответствующий сигнал свыше”.

Весной 1881 года закончился срок каторги для Чарушина. Из ссыльно-каторжного он стал ссыльнопоселенцем. Николая Аполлоновича причислили к одной из волостей Забайкальской области, где и надлежало отбывать поселенческий срок.

“Наступил день моего освобождения. Я снова на свободе. Но к радостному чувству по случаю освобождения примешивается и грустное, и какая-то неловкость, что ты выходишь один, оставляя своих товарищей томиться в каземате еще долгие-долгие годы!.. За эти почти три года пребывания нашего на Каре много было пережито тяжелого и хорошего, благодаря чему образовалась какая-то привязанность к этому месту скорби и печали, с которым до некоторой степени и жаль было расстаться… В первой половине мая 1881 г., когда все приготовления к отъезду были закончены, наступил и день нашего выезда с Кары. Сказаны были последние “прости” остающимся товарищам и Кононовичам, пришедшим попрощаться с нами и пожелать счастливого пути”.

Чарушины покинули Кару с малолетней дочерью Лидой. Уже без них там произошли трагические события – убийство политкаторжанами нечаевца Успенского, заподозренного ими в выдаче подкопа в Средне-карийской тюрьме, неудачный побег нескольких политических во главе с Ипполитом Мышкиным... Еще более тяжелые события пережила Кара в 1888-1899 годах, когда протестуя против телесного наказания одна из политкаторжанок отравилась. Ее примеру последовали две подруги по заключению. В солидарность с узницами женской тюрьмы приняли яд заключенные целой камеры мужской тюрьмы, причем двое из них умерли.

Начались годы жизни на поселении. Сначала Чарушины получили от властей разрешение поселиться в селении Горбица на Даведендских золотых приисках

верстах в семидесяти ниже от Усть-Кары. Управляющий отвел для них небольшой домик, примыкавший к таежному лесу. Анна Дмитриевна стала давать уроки дочерям управляющего прииском, а Николай Аполлонович занимался непривычной ему канцелярской работой.

“Утром – служба, а все остальное время даже не знали куда девать. От убийственного однообразия и глупости жизни спасали отчасти семья и книга, но этого было недостаточно. Потребность в обществе людей, в более содержательной работе оставалась неудовлетворенной... Невольно при этом вспоминался наш карийский период, когда мы жили в кругу духовно близких людей”.

Жизнь приисков, которую довелось увидеть Чарушиным, походила на сцены романа Вячеслава Шишкова “Угрюм-река” – тот же рискованный труд, соблазн скорого обогащения, дикий пьяный разгул…

“Маленький приисковый мирок жил своеобразной жизнью, обособленной от всего остального мира. Служба, карты, выпивка и золото заполняли всю жизнь служилого люда. Умственных запросов не было; книги, журналы и газеты являлись большой редкостью… Живя у золота, люди заражались золотой горячкой, и все помыслы их невольно обращались к этому источнику обогащения. Скупка по дешевке хищнически добытого золота, приобретение его какими угодно средствами были обычным явлением”.

Осенью промывка золота оканчивалась.

“…начиналась лихорадочная, хоть и кратковременная жизнь в Горбице, этом первом населенном торговом пункте, которого ни один приисковый рабочий не мог миновать. Здесь тщательно готовились к их приходу, зная, что эти люди с деньгами или золотом захотят после тяжкой приисковой работы отвести душу и показать свою удаль и молодечество и подле них, следовательно, можно будет поживиться. Торговцы запасаются всевозможными товарами, спиртными напитками, приготовляют квартиры, приезжают женщины, устраиваются притоны… начинается великий разгул, где каждый старается на ударить лицом в грязь и развернуться во всю ширь, чтобы удивить эксцентричностью своих выходок. Лавки быстро пустеют, вино выпивается, и пьяные группы приискателей, увешанных часами и цепочками, с песнями и под гармонику шатаются по Горбице в обществе своих временных подруг. Неделю, иногда две длится этот бесшабашный разгул, а затем жизнь снова входит в свою обычную колею”.

В 1881 году Чарушины получили разрешение поселиться в Нерчинске, где прожили четыре года. Они сняли маленький флигелек, который сменили на более удобное жилье, когда в 1883 году родился сын Леонид. Анна Дмитриевна начала зарабатывать репетиторством, фактически взяв на себя содержание семейства. Николай Аполлонович на первых порах не мог определиться с работой – “спроса на интеллигентный труд, кроме уроков, которые меня не привлекали, не было”. Но вскоре занятие для него сыскалось.

В Нерчинске уже около двух лет жил выехавший с Кары нечаевец Алексей Кириллович Кузнецов, который помимо многогранных общественных дел увлекся фотографическими работами.

“Часто захаживая к А.К. Кузнецову, я невольно присматривался к его работе фотографа и немало завидовал ему. Делом своим он, видимо, увлекался и старался его совершенствовать: оно его кормило, не посягая на его независимость, и в довершение всего ему не приходилось искать работы, так как она сама шла к нему. Но была одна затруднительная сторона в этой профессии: для первоначального оборудования фотографии самым необходимым материалом требовалось не менее двух тысяч рублей. Для нашего брата, голытьбы, это были “бессмысленные мечтания”. Несмотря, однако ж на их нереальность, я с течением времени все больше и больше заинтересовался этим делом и знакомился с ним при содействии А.К. В то время фотографы работали еще мокрым способом, о пленках, сухих пластинках и готовых проявителях, так сильно упрощавших дело, еще никто не знал, и фотографу почти все нужное для работы приходилось приготовлять самом. Это требовало известных знаний, опыта и тщательности в работе”.

Сейчас трудно представить условия, в которых приходилось работать фотографам былых времен. Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона определял фотографию как “совокупность всех методов получения рисунков при помощи света”… Энциклопедия подробно объясняла принцип “светописи”; свойства светочувствительного азотнокислого серебра, чернеющего со временем, особенности объективов (анастигматы, двойные анастигматы), затворов (падающих, вращающихся, шторных), фотографических камер, пластинок (сухих броможелатинных, ортохроматических), сообщала сведения об экспозиции, о проявлении пластинок (негативный процесс), о печатании снимков (позитивный процесс). Вот как, к примеру, рассказывалось о фотографической камере – “род раздвижного ящика или меха – есть часть фотографического аппарата, внутри которой подвергается действию света чувствительная пластинка… В камере обыкновенного устройства заднюю часть образует откидывающееся на шарнирах матовое стекло. Сдвигая и раздвигая камеру, всегда можно добиться резкого изображения снимаемого предмета на матовом стекле, или, как говорят, навести данный предмет на фокус”.

В качестве помощника Кузнецова Николай Аполлонович летом 1885 года совершил длительную поездку для фотографических работ на прииски, где ему приходилось работать и самостоятельно.

Иногда Чарушину удавалось выезжать в Читу, где он виделся с Синегубом и Шишко. При встречах друзья обсуждали положение в России. “Народная Воля” агонизировала в неравной и трагической борьбе против самодержавия. Среди демократической интеллигенции постепенно набирала силу “теория малых дел”.

“Мы были молоды и полны энергии, общественные инстинкты и вера, воодушевлявшие в нас идеи, не иссякали, а практического приложения для них не

было. Не радовали и вести из России. По тем скудным сведениям, которые доходили до нас, мы видели, что там движение не росло, а, наоборот, убывало и сопровождалось репрессиями со стороны слуг старого режима. Нас охватывало тяжелое настроение и лишь необходимая работа да общение с близкими по духу людьми вносили некую живую струю в нашу монотонную жизнь".

В Нерчинске судьба снова свела Чарушиных с В.О. Кононовичем, который получил назначение на должность атамана одного из отделов Забайкальского казачьего войска. Кононовичи уговорили Анну Дмитриевну заниматься с их детьми, что во многом решало денежные затруднения в чарушинском бюджете. Чиновники в Нерчинске ненавидели Кононовича за его честность и гуманизм. Неприязнь дошла до того, что ночью злоумышленники облили стены дома Кононовича керосином, двери приперли кольями и подожгли. Чарушины потеснились, предоставив у себя дома приют бывшему карийскому коменданту.

В конце 1885 года Чарушин встретился с американским путешественником и публицистом Джорджем Кеннаном, собиравшим материалы для книги "Сибирь и ссылка", которая сразу по выходе в свет получила широкое признание. Кеннан заранее обзавелся рекомендательными письмами и списком ссыльных (до 700 имен) по всей Сибири, поэтому знал к кому из ссыльных следовало обращаться за необходимыми сведениями [1]. Кеннана сопровождал художник Джордж Фрост. Кеннан рассказал хозяевам о ссыльных, которых повидал во время странствий по сибирским просторам, о том, как он вначале относился к ссыльным предвзято, но затем изменил свои взгляды. Из понятной предосторожности американцы навещали Чарушиных по вечерам, всякий раз выражая опасения, не роется ли кто в их багаже, оставленном в гостинице.

"Под вечер мы посетили двух политических ссыльных – Чарушина и Кузнецова, – вспоминал Кеннан. – Это были образованные люди, интересные и приятные в обращении собеседники, и мы с удовольствием проводили с ними целые часы во время нашего трехдневного пребывания в городе. Оба они были политкаторжане, отбывавшие ссылку в рудниках и жившие теперь в Нерчинске в качестве ссыльно-поселенцев. Здесь они со своими семьями устроились сравнительно удобно и жизнь их, конечно, суровая и уединенная, казалась нам все-таки выносимой. Правда, корреспонденцию их продолжали контролировать, но полиция разрешала им некоторые занятия – уроки и фотографию, обычно запрещавшиеся ссыльным. На Каре им пришлось вынести немало тяжелого" [2].

Покидая Нерчинск, Кеннан, по его словам, "с сожалением расставался с добрыми и славными Чарушиными, к которым мы успели привязаться".

---

[1] См.: Меламед Е.И. Джордж Кеннан против царизма. М., 1981. С. 36.

[2] Кеннан Дж. Сибирь. Т. 2. СПб., 1906. С. 163-164. См. также: Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886). Т. II. СПб. Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ. 1999. С. 224, 225.

“МОИ ВЗОРЫ ОБРАЩЕНЫ НА УРГУ”

“Мы стали… готовиться к переезду на новое место, где я мог бы использовать приобретенные познания и опыт профессии фотографа. При выборе места мы остановились на Троицкосавске, расположенном в юго-западной части Забайкалья, где не было фотографа. Это был один из наиболее значительных и бойких городов области, славившийся своей слободой Кяхтой, ведшей обширную чайную торговлю.

Выбрали мы этот отдаленный пункт Забайкалья, чтобы не создавать конкуренции Кузнецову, который за недостатком работы в самом Нерчинске вынужден уже был предпринимать поездки для летней работы в другие населенные пункты Забайкалья. Я подал забайкальскому губернатору заявление о разрешении переселиться в Троицкосавк на постоянное местожительство и на право открытия там фотографии”.

Из денежных затруднений, связанных с расходами на приобретение фотографического оборудования, Чарушина выручил один из нерчинцев, учитель Благовещенский.

“Я знал, что у нашего приятеля это было все, что ему удалось сберечь на черный день; он был уже стар и сбережения эти во всякое время могли ему потребоваться… Мы долго колебались, но наконец решились взять у него деньги и незадолго до отъезда из Нерчинска я выписал необходимые фотографические принадлежности… В начале лета 1886 г., покончив со всеми делами и сборами, мы выехали в Троицкосавк”

Проезжая Читу, Верхнеудинск, Селенгинск – классические ссыльные места Чарушины вспоминали декабристов. Они узнавали вести о ссыльных позднейшего времени. Кое-кто из них занимался крестьянскими работами, кто-то с трудом перебивался на грошовом заработке.

Троицкосавск был расположен на китайской границе. (Теперь это граница России с Монголией, которая тогда входила в состав Цинского Китая). К Троицкосавску примыкала слобода Кяхта, славившаяся на всю Россию торговлей чаем, который привозили из Китая. Городок вместе со слободами Кяхтой и Усть-Кяхтой насчитывал до восьми тысяч жителей. ,

“Город Троицкосавск, куда мы, наконец, прибыли, расположенный в песчаной котловине, окруженный со всех сторон лесистыми горами, был довольно бойким торговым городком с 3-4-мя тысячами жителей. К немалому нашему удивлению, в нем кроме начальных школ имелись и женская гимназия и реальное училище. Рядом с Троицкосавском, на той же речонке, в 3-4 верстах от него, соединенная шоссе, находилась известная в России слобода Кяхта, состоящая из 15-20 домов, населенных исключительно крупными чаеторговцами, а дальше рядом с ней, стоило лишь перейти через дорогу, расположен был уже китайский городок Маймачен с своими крупными торговыми чайными фирмами, а еще дальше раскинулась монгольская степь с видневшейся на горизонте цепью гор. Много

своеобразного было в жизни в новом нашем местожительстве на границе с Монголией, совершенно открытой для свободного общения подданных России с поданными Китая”.

Что представляла Кяхта по описанию Чарушина?

“Главенствовала над всем маленькая, но богатая Кяхта, населенная почти исключительно чаеторговцами и их служащими. До двух десятков домовладений кяхтинцев, с десяток домов служащих, аптека, общественное собрание, пожарная команда, гостиный двор, собор – вот и вся слобода Кяхта. В ней, в сущности, была лишь одна широкая улица с бульваром посредине, по сторонам которой и вытянулись кяхтинские дома с их флигелями и многочисленными надворными постройками. Немного в стороне высился великолепный кяхтинский собор, а дальше – обширный гостиный двор, похожий на крепость. Это было складочные место для огромных партий чая. Здесь производилась и его “ширка” – зашивка цибиков в кожу, здесь же хранилось и кяхтинское добро и ценности, не находившие места в жилых помещениях или сложенные сюда для большей сохранности.

Ведя обширную торговлю китайскими чаями со всей Россией и Сибирью, маленькая Кяхта давала хороший заработок населению Троицкосавска и окрестных деревень на “ширке” чаев и на извозном промысле по транспортированию их в Россию… Огромные караваны с чаем почти непрерывно тянулись на кораблях пустыни – верблюдах – из Китая через Калган, пустыню Гоби и Монголию в Кяхту, а оттуда, по заширке чаев, они отправлялись дальше такими же большими караванами, но уже на лошадях, на русских подводах и с русскими возчиками.

На улицах Троицкосавска и Кяхты беспрерывно сновали толпы самого разнообразного люда. Тут были русские, буряты, китайцы и монголы в своих национальных костюмах, пешие и конные, оглашающие воздух разнообразными выкриками. Здесь восток тесно соприкасался с западом, здесь, где когда-то по прилегающим монгольским степям двигались воинственные полчища Чингисхана и других, не менее его свирепых завоевателей, теперь царили вполне мирные и благодушные отношения между той и другой стороны”.

После немалых поисков Чарушины сняли почти в самом центре города верхний этаж дома под жилье да старенький флигель для фотографического павильона и лаборатории. Вначале Николай Аполлонович оказался перед проблемой приобретения фотографических материалов. Выручила Анна Дмитриевна, сумевшая достать ссуду в 500 рублей. В заказах недостатка не было. Особенно желали запечатлеться владельцы богатых дач, расположенных в тридцати верстах от города. Помогло и участие ссыльного народовольца И.И. Попова, который еще в Петербурге женился на дочери богатого кяхтинского чаеторговца А.М. Лушникова..

“Вероятно, не без содействия Ив. Ив. я получил приглашение сделать съемку усть-керанских дач, и с ними и их обитателей… Работы оказалось много, так

как почти все владельцы дач, которых было свыше десятка, пожелали в снимках увековечить себя и свои многочисленные семьи. Это давало солидный заработок, который при нашем безденежьи был весьма кстати”.

Так окончились финансовые затруднения семейства. В помощники Чарушин пригласил опытного фотографа из Иркутска Ивана Федоровича Федорова. Новая профессия принесла Николаю Аполлоновичу материальную независимость, самостоятельность. До сих пор у старожилов Кяхты хранятся фотографии их предков чарушинской работы, так же, как теперь старожилы Вятки хранят фотографии, снятые П.Г. Тихоновым и С.А. Лобовиковым.

“...я имел возможность близко познакомиться с кяхтинцами. Это были почти все миллионеры, жизнь которых напоминала помещичью. Отличные дачи, просто, но весьма недурно обставленные сады и богатые цветники, экипажи, конюшни, полные лошадей, и массы прислуги, отношения к которой, кстати сказать, были в большинстве случаев просты и человечны. Но что всего более поражало, это – сравнительная культура кяхтинцев, резко отличающая их от русского купечества. В каждом доме имелась хорошая библиотека, музыкальные инструменты, картины. Книга здесь не покоится мирно в книжном шкафу, но ходит по рукам… Одной из отличительных черт кяхтинцев была их щедрость в деле просвещения и благотворительность, результатом которой было, сравнительно с другими городами, обилие разного рода учебных и благотворительных заведений не только в Троицкосавске и Кяхте, но и в уезде”.

Причину этого феномена Чарушин усматривал во влиянии декабристов.

“Мне казалось несомненным во всем этом огромное влияние декабристов, память о коих чтилась во всем Забайкалье. В Петровском заводе, где декабристы отбывали каторгу, в Чите и Селенгинске, где они жили на поселении, а также и в Кяхте, куда некоторые из них наезжали погостить, были еще живы люди, лично знавшие многих декабристов, с великой признательностью вспоминавших о них и считавших себя их учениками. Следы этого влияния сохранились и до наших дней. Мы, ссыльные позднейшего времени, почти всюду встречая в Забайкалье доброжелательное к себе отношение, не в малой мере, вероятно, обязаны тем же декабристам”.

Кяхта была одним из центров сибирского купечества, вошедшим в историю культурной жизни России. Образованное кяхтинское купечвество выписывало газеты, журналы. Еще в 1862 году стал выходить “Кяхтинский листок”, первая забайкальская газета.

И.И. Попов, так же как и Чарушин, рассказал о культурно-общественной жизни тех мест: “Декабристы очень много сделали для Забайкалья и оставили по себе глубокую борозду. Позднейшее поколение революционеров проживало в Забайкалье короткое время и уезжало. Но если кто задерживался за Байкалом, занимался делом, то кяхтинцы относились к таким людям прекрасно. Они ценили, напр., нечаевца А.К. Кузнецова, поставившего музей в Нерчинске и Чите; Н.А. Чарушина и его жену Анну Дмитриевну, урожденную Кувшинскую,

С.Г. Стахевича и др. По отношению к этим людям они не считались и с “полицейской опаской” [1].

“Оба Чарушины были выдающиеся люди, много видавшие на своем веку, образованные... – вспоминал Попов. – А.Д., благодаря своей воспитанности и тактичности сошлась с кяхтинскими дамами, которые, несмотря на ее острый язычок, относились к ней с симпатией и уважением... Приезд их был во время. В Кяхте не было фотографии, и чарушинская была первой. Чарушин сделал хорошее дело. Вначале его работы были невысокого качества, но Н.А. был в душе художник и не мог удовлетвориться своими первыми работами. Он много работал, читал, совершенствовался и, в конце концов, в относительно короткое время, достиг большого совершенства. В былые времена в Кяхту наезжали фотографы, но с открытием чарушинской фотографии уже никто из фотографов не решался приезжать в Кяхту... Чарушины наняли в Троицкосавске на горе отдельный дом, устроили фотографическое ателье и зажили, в общем, хорошо”.

Поездки Чарушина по Забайкалью еще до переезда в Кяхту, связанные в основном с занятиями фотографией, способствовали появлению широкого круга знакомств во всех слоях общества. Из немногих ссыльных и поселенцев Чарушин общался с Иваном Поповым, Сергеем Стахевичем, женатом на одной из сестер Фигнер – Евгении. У Чарушиных в разные времена гостили ссыльные народники Дмитрий Клеменц, Феликс Волховский, Екатерина Брешко-Брешковская.

Вот что представляла обстановка их дома по воспоминаниям Попова: “Квартира Чарушиных стала постоялым двором. Монголы, китайцы, буряты, русские крестьяне, казаки, кяхтинцы... сменяли друг друга”.

Проходили через Кяхту экспедиции, с участниками которых Чарушины были знакомы. По возвращении из отдаленных местностей Центральной Азии желанными гостями у них были географ-путешественник Григорий Николаевич Потанин и его жена Александра Викторовна.

“За время своего пребывания Потанины вращались преимущественно в нашем кружке, и мы искренно полюбили их, в особенности Гр. Н. за его удивительную скромность, чистую душу, полную непритязательность к житейским удобствам и стойкость убеждений, которые не сумела сломить суровая русская действительность и вынесенные им испытания”.

Потанин в свою очередь вспоминал об “обаятельном обществе” Чарушиных. Однажды И.И. Попов пригласил его поселиться в доме своего тестя-миллионера, где уже были приняты две приезжие певицы. Григорий Николаевич деликатно ответил: “Спасибо, но я одичал в Монголии... Я и прежде не особенно умел обходиться с дамами, а артисток всегда боялся, теперь же совсем сконфужусь... Вот Чарушины тоже приглашают. Вы не сердитесь, мы переедем к ним”.

В совершенный восторг от общения с Потаниным приходили дети Чарушиных Лидия и Леонид. В один из приездов Григорий Николаевич

[1] Здесь и далее воспоминания И.И. Попова приводятся по кн.: Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Пг., 1924.

пообещал детям прислать ослика. В письмах Чарушина Григорию Николаевичу Анна Дмитриевна обычно делала приписки, интересуясь, когда Потанины смогут быть у них, благодарила за внимание к детям. На одном из писем Чарушина (10 октября 1889) рукой Анны Дмитриевны сделана приписка: “Осел пришел, и Леонид уже три раза падал, гарцуя на нем”. В приписке к другому письму (12 ноября 1889) она извещала Потанина: “Ленька так польщен Вашим письмом, что теперь считает себя “ученым”. Но написать дети все так и не соберутся. Писали с сестрой много, все выходит разноречие относительно текста и даже почерка”. Но все-таки письма от детей Чарушиных Потанин получал. Одно из них на тетрадном листе в клетку, старательно написанное крупными буквами, сохранилось:

“*Григорий Николаевич! Благодарю Вас за письмо. Осел здоров. Катаюсь еще плоховато. Летом букашек буду собирать, камушки и раковины. Леонид Чарушин*”.

(Позднее, закончив вятскую гимназию, Леня стал студентом Горного института. Наверняка, одной из причин тому было общение в детстве со знаменитым ученым-путешественником).

В 1888 году Потанин намеревался совершить поездку до Урги (ныне столица Монголии Улан-Батор). Урга влекла и Чарушина, он сообщал Григорию Николаевичу: “...летом будет необходимо куда-то двинуться для работы и пока мои взоры обращены на Ургу. Есть некоторые основания, что там будет порядочная работа, а затем возможность составить интересный альбом видов и коллекции типов. Я слышал, что и Вы тоже нынешним летом собираетесь туда же, что еще более укрепляет меня в моем намерении. При Вашем содействии мне было бы легче ориентироваться в незнакомом месте, а, главное, я мог бы воспользоваться непосредственными Вашими указаниями при съемке видов. Полагаю, что и Вам как исследователю, было бы тоже нелишне иметь под рукой фотографа, всегда готового исполнить Ваши желания при воспроизведении нужных Вам видов и типов. Если моя поездка в Ургу действительно может представить для Вас какой-нибудь интерес, то научите, как мне получить разрешение на означенную поездку. Я – кяхтинский мещанин, через год, вероятно, уже буду иметь право вернуться в Россию (по смыслу манифеста), а пока имею из Департамента полиции разрешение на производство фотографических работ в пределах Восточной Сибири и Приамурского генерал-губернаторства, но Урга – ведь это уже заграница, правда, безобидная, но попасть туда, вероятно все-таки потребует некоторых хлопот” [1].

Чарушин просил Потанина заблаговременно озаботиться разрешением для него как ссыльнопоселенца выезда на территорию Монголии: “Буду надеяться, что Вы не замедлите написать мне по этому вопросу и сделаете кое-какие

[1] В Российском Государственном архиве литературы и искусства хранятся 15 писем Н.А. Чарушина Г.Н. Потанину – Ф. 381 (Г.Н. Потанина). Оп. 1. Ед. хр. 176. Большинство их не датировано.

указания, в особенности, в виду ожидаемого к нам приезда графа Игнатьева, к которому, может быть, следовало бы мне обратиться...” Договоренность с Потаниным была достигнута.

“Он звал и меня в качестве фотографа, чтобы сделать ему коллекцию антропологических снимков, а попутно и монгольских монастырей и других характерных достопримечательностей Монголии. Я охотно согласился, но при условии, чтобы хлопоты о разрешении моей поездки заграницу он взял на себя”.

Потанин, сам в молодые годы принимавший участие в кружке сибирских сепаратистов и поплатившийся за это арестом и ссылкой в Вологодскую губернию, понимал затруднения Чарушина по выезду за пределы Российской империи.

Чарушин – Потанину: “Вы как-то спрашивали, от кого будет зависеть разрешение на мою поездку в Ургу. Право – не знаю. Очень может быть, что такое разрешение может дать губернатор, а может быть, что без высшего разрешения он и не решится на это. В таких сомнительных случаях гораздо лучше обратиться к центральной власти, а в данном случае – в Департамент полиции. В Иркутске нашему брату часто отказывают в пустяках. Из Департамента же и по гораздо более существенным вопросам я еще не получал отказа. Очень возможно, что успех мой в Департаменте зависел главным образом от того, что обращения мои туда в большинстве случаев шли через В.Ос. Кононовича, в лице которого я всегда имел умного комментатора и защитника моих интересов. В данном случае я мог бы просить Вл.Ос. депешей, но будет еще гораздо внушительнее, если бы это смогли сделать Вы”.

Чарушин даже приложил к письму Потанину составленный им проект прошения: “Много обяжете похлопотать в Департаменте о разрешении фотографу Чарушину на совместную со мною поездку в Ургу летом”.

Дозволение на выезд Николай Аполлонович получил благодаря помощи ученого, путешественника и государственного деятеля Петра Петровича Семенова Тян-Шанского. В ожидании разрешения он успел со своим помощником Федоровым летом 1887 года побывать с фотографическими работами на золотых приисках кяхтинского миллионера Я.А. Немчинова. Чарушин и Федоров проделали путь по Лене и Витиму до Бодайбо, почти за две тысячи верст к северу от Кяхты.

Николай Аполлонович намеревался заработать фотографированием жителей приисков, поскольку необходимо было вернуть невыплаченные долги. Груз он вез преогромный – пудов в пятьдесят, “главным образом из стекла и других принадлежностей фотографии”. Помимо фотографирования рабочих на приисках предполагалось также снимать виды Сибири. Для части пути приобрели вместительную телегу, запряженную тройкой лошадей. Чарушин проехал Верхнеудинск, Селенгинск, Иркутск, где повидался с ссыльными Соломоном Чудновским и Марком Натансоном. Далее он двинулся по Якутскому тракту до

Лены, затем на лодке до Усть-Кута, оттуда триста верст проплыл на пароходе до Киренска, где встретился с Михаилом Сажиным, тоже отбывавшем ссылку.

Путешествие продолжалось. Вошли в устье Витима, знаменитой “Угрюм-реки”. *“Здесь царство медведей, которых мы с парохода иногда видели спокойно разгуливавшими по берегу”.*

(Диких зверей можно было видеть не только с парохода. Однажды И.И. Попов возвращался с женой из Селенгинска в Кяхту. Их тарантас окружили двенадцать-двадцать волков. К счастью, навстречу попался длинный обоз с чаем и волки ретировались. Описал Иван Иванович также встречу на почтовом тракте с медведем).

Наконец, Чарушин с Федоровым прибыли в Бодайбинскую резиденцию при устье золотоносной речки Бодайбо, правого притока Витима, оттуда добрались до Немчиновских приисков. Провели они там около трех месяцев в непрерывной работе. Вернулся Николай Аполлонович из поездки лишь осенью.

Велись в среде поселенцев и политические разговоры. Попов рассказывал, как Г.Н. Потанин, страстный сторонник областничества, утверждал приоритет местных интересов, ставя их во главу общественно-политической деятельности, напоминая о моральном идеале (“Иначе легко впасть в неразумную жестокость, как бывало при всех революциях. Якобинская тактика никогда ничего прочного не создавала”). Эти мысли он принялся было высказывать даже в публичной лекции. В воспоминаниях Попова переданы слова полицмейстера, присутствовавшего на лекции: “Я должен бы остановить Г.Н. и даже прекратить лекцию, но у нас жандармов и доносчиков нет. Только, когда будете писать в газеты, обойдите молчанием эти острые места лекции”. Видимо, встречались и такие “стражи порядка”. Полицмейстер Д.А. Писарев был “не вредным человеком”, на многое смотрел “сквозь пальцы”, прося только не подвести его.

Вряд ли соответствуют действительности встречающиеся утверждения о том, что Г.Н. Потанин пытался будто бы содействовать побегу Чарушина. Когда в 1889 году встал вопрос о назначении Д.А. Клеменца на должность правителя Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества, Потанин поставил ему непременным условием “оставить всякое участие и делах партии” из-за тесных связей Клеменца с радикально настроенными политическими ссыльными [1]. Некоторые ссыльные предпринимали попытки побега, а кое-кому это удавалось. Около месяца в 1889 году прожил у Чарушиных Феликс Волховский, самовольно приехавший из Иркутска, где находился под полицейским надзором. Вскоре Волховский, добравшись до Владивостока, переправился в Японию, а оттуда в Канаду.

Готовясь к экспедиции, Потанин испытывал существенные денежные затруднения. Письма Чарушина свидетельствуют о его посильном участии в подготовке экспедиции: “Теперь о Вашей поездке в Ургу. Насколько я понимаю,

[1] Федорова В.И. Д.А. Клеменц в минусинской ссылке // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 131-132.

вся остановка у Вас за материальными средствами. Я считаю так же, что по этому поводу Вы уже обращались сюда к Осокину… Я не думаю, чтобы Кяхта не могла обеспечить Вашей поездки в Ургу... Буду просить Вашего разрешения пустить в обществе идею о подписке “для ученой поездки г. Потанина в Ургу”. Я почти уверен, что сделать это будет нетрудно... Так никто единолично не решится дать рублей 400-500, а подписать 50-100 рублей могут многие. Сам я в этом деле останусь в стороне, будут действовать люди с весом Уведомите же меня о Вашем решении по этому поводу, если возможно, с первой же почтой, чтобы до отъезда кяхтинцев на дачи можно было покончить все это дело, а затем определить сумму, которая потребуется Вам на означенную поездку”.

В одном из последующих писем Чарушин сообщал: “Могу порадовать Вас, что денежный вопрос вырешился уже и притом так скоро в благоприятном смысле. Еще до получения Вашего последнего письма я говорил со здешним полицмейстером Писаревым по этому поводу и он выразил почти полную уверенность в возможности сбора рублей 500 на ургинскую поездку, и готов был взять на себя инициативу этого дела...” Действительно, обращение к людям “с весом” возымело действие. Благоприятно отозвался городской голова Кяхты купец Осокин. “Изложив обстоятельства дела и Ваше затруднительное положение, – я обратился к нему с просьбою разрешить материальные затруднения для предстоящей ургинской поездки, устроив для этой цели подписку между кяхтинцами”. Осокин не только содействовал организации подписки на сбор средств, но и сам взялся дать 300-500 рублей.

Историк отечественной фотографии С.А. Морозов замечал: “Представьте себе фотографа той поры, собирающегося в путешествие. Портативных аппаратов не было. Он брал с собой камеру такого же размера, что стояла в портретных павильонах, запасался портретным и ландшафтным объективами; тяжелый треножник с черным покрывалом дополнял снаряжение. Стеклянные, большого размера пластинки надо было тщательно, с осторожностью упаковывать в особый ящик, а если предстояло снимать много, то брали два тяжелых ящика с пластинками. Кроме того нужна была складная палатка для лабораторных работ. Брали еще бутыль с коллодием и склянки для растворов соли галоидов, очувствлявших пластинки. Затем разливалось по склянкам еще несколько растворов, все это тоже упаковывалось. Снаряжение фотографа весило пуды, а для больших экспедиций составляло такую тяжелую кладь, что исследователь вынужден был зачастую отказываться от помощи фотографа” [1].

Путешественники отправились в путь до Урги летом 1888 года. Там по существующему этикету они наносили визиты местным сановникам, русскому консулу, ургинскому амбаню, помощнику “великого цзянь-цзюня”, командовавшему войсками, некоторым влиятельным ламам. Много интересного довелось повидать Чарушину в путешествии.

[1] Морозов С.А, Русские путешественники-фотографы. М., 1953. С. 20-21.

“Нас ехало трое: Потанин, я и мой помощник Федоров. Собрались вглубь первобытной Монголии без всякой охраны, я на всякий случай запасся револьвером большого калибра.

В то время мое знакомство с монголами было еще очень ограниченное. Я их часто видел, но, не зная монгольского языка, близко с ними не сталкивался, а потому правильного представления о характере этих номадов у меня не было. Я считал их дикарями. Но, попав в Монголию и немного ознакомившись с населением этой страны, я устыдился, что взял револьвер, который так и не вынимал из своего чемодана.

Нам нужно было проехать триста верст по прекрасной монгольской степи, беспрестанно пересекаемой кряжами гор, северные склоны которых всегда покрыты лесом, а южные – голые. На всем протяжении от Кяхты до Урги нам встретилась лишь одна небольшая деревенька, заселенная китайцами, выходцами из застенного Китая…

Но вот и Урга – столица северной Монголии, конечная цель нашего путешествия. Уже при перевле последнего хребта гор она была вся перед нашими глазами, широко раскинувшись на обширной равнине, окаймленной с севера и юга цепью гор. Оригинальной первобытностью, гармонирующей с бытом кочевого народа, повеяло и от его столицы. Ничего похожего на наши европейские города здесь не было и в помине. Основными постройками собственно монгольского города были те же войлочные юрты, что и в остальной Монголии, изредка деревянные строения вроде наших курных бань внутри маленького четырехугольника, окруженного невысоким частоколом. Среди этих жалких построек резко выделялось белое здание тибетской архитектуры – храм Майдари и некоторые другие кумирни да дворцовые постройки богдо-гэгэна.

Остановились мы в двухэтажном деревянном доме – фактории кяхтинского коммерсанта И.А. Басова… Урга была нашей основной базой, откуда время от времени мы совершали кратковременные экскурсии в ее окрестности, где расположено было немало монгольских монастырей.

Потанин с утра до вечера возился с монголами, записывая их сказки, предания и песни. Среди монголов у него было немало знакомств, заведенных еще раньше. Мы же занялись устройством лаборатории и легкого павильона для съемки. Первоначально основная работа наша – антропологические съемки монголов – шла очень туго. Дело в том, что фотография в Монголии была делом невиданным и против нее существовало серьезное предубеждение. По понятию монголов, каждый, позволивший сфотографировать себя, тем самым уже терял власть над своей душой. Не помогало даже и обещание им того или другого вознаграждения. Немало усилий стоило поэтому, особенно в первое время, изменить это убеждение. Не помогало даже и обещание им того или другого вознаграждения. Наконец, нашлись из знакомых Потанина смельчаки, решившиеся на эту опасную операцию. Пример оказался заразительным, за ними

последовали другие. К концу нашего пребывания в Урге, несмотря на все препятствия, мне все же удалось составить весьма значительную коллекцию антропологических снимков монголов, вполне удовлетворившую Потанина…

Однажды мы были свидетелями благословения богдо-гегеном народа. На обширном плато, недалеко от его летней резиденции, был поставлен крытый павильон, где в особом кресле или троне восседал богдо-геген в окружении лам, разодетых в парадные, разноцветные шелковые одежды. Перед палаткой склонились многочисленные коленопреклоненные ряды народа. По особому знаку ламы подняли богдо-гегена вместе с его сидением и понесли его по этим рядам. Обряд благословения был несложен. Богдо-геген, еще совсем молодой человек, неподвижный и молчаливый, держал в руках нечто вроде посоха, длиной немного больше аршина, к обоим концам которого были привешены легкие шарики. По мере движения процессии они скользили по головам верующих, в этом и состоял обряд благословения. Каждый из этих верующих, явившихся на поклонение богдо-гегену, обычно приносил и дар ему… Подарки эти, которых набиралось множество, принимались ламами.

Я собирался сфотографировать церемонию, но меня попросили не делать этого. Пришлось подчиниться.

Об ургинском богдо-гегене, а также и его чудачествах немало рассказывали в городе. Говорили, что он человек с сильным характером и доставляет немало хлопот своим пестунам-ламам. Рассказывали, как о курьезе, что он нередко облачался в подаренный ему консулом Шишмаревым европейский костюм, и приводил этим в немалое смущение своих опекунов….

Живут монголы крайне просто. В каждой юрте, кроме очага и котла посредине, прямо против входной двери – божница с предметами культа и ярко окрашенные сундуки с одеждой. Направо от двери – женская половина, налево – мужская. На женской половине тотчас от входа размещаются разные хозяйственные принадлежности… На мужской прежде всего располагаются сбруя, седла и арканы, дальше охотничьи принадлежности и несложные орудия ремесла… Надворных построек нет никаких, изредка лишь встречаются плетневые загородки для мелкого скота. Скот и зиму и лето находится на подножном корму… Обычная пища монголов – кирпичный чай с молоком и солью, иногда с маслом. Более зажиточные питаются молочными продуктами, а богатые, хотя и редко, едят и мясо, всегда в вареном виде, по преимуществу баранину…

Пребывание наше в Урге подходило к концу. Но нам пришлось побывать еще на большом монгольском празднике Цам, напоминающем некоторыми своими сторонами олимпиады, где видную роль играли различные состязания и скачки, в которых принимали большое участие лошади богдо-гегена из его многочисленных табунов.

К этому празднику, который происходил верстах в семи-восьми от города, на огромной долине, лежащей между двумя хребтами гор, стекается до двухсот

тысяч человек из Урги и отдаленных местностей Монголии. Еще накануне по направлению к этой долине все время двигались верхом живописные группы монголов и монголок в своих лучших разноцветных шелковых нарядах. Выезжал на этот праздник и сам богдо-геген со своею свитой. Поздним вечером на второй день праздника двинулись туда же и мы, и на всякий случай захватили фотографический аппарат. Дорога лежала через горы, нас все время обгоняли шумные кавалькады разодетых монголов…

Долина была полна народа. По отлогостям окружавших ее гор яркими пятнами выделялись костры, в свете которых виднелись люди и коновязи с привязанными к ним лошадьми… Долина ожила и была полна звуками. Грустные и хватающие за душу, монотонные песни монголов гармонировали с печальной природой пустынного края…

Нервное возбуждение нарастало по мере приближения часа, когда должны были начаться скачки. К сожалению, теснота и многолюдность толпы, плотным кольцом окружавшей ставку богдо-гегена, не позволяли нам видеть все, что творилось в этом дирижирующем центре. И нам ничего более не оставалось, как взобраться на возвышенное место и отсюда наблюдать за всем происходившим”.

Эти талантливо написанные строки напоминают описания наших замечательных путешественников по Азии – Н.М. Пржевальского, самого Г.Н. Потанина.

Экспедиция оказалось плодотворным для Потанина и для Чарушина. Николай Аполлонович приступил к спешной подготовке альбомов ургинских снимков, которые нужно было послать Русскому Географическому обществу и его иркутскому отделению, Московскому и Томскому университетам.

“Географическое общество и Академия Наук признали коллекцию фотографий в научном отношении ценной, – воспоминал о результатах этого путешествия И.И. Попов. – Из поездки в Монголию Н.А. не извлек никакой материальной пользы, – им исключительно руководил научный интерес. Правда, кяхтинцы, различные приезжие, преимущественно иностранцы, приобретали фотографии, но эти покупки не компенсировали расходов Чарушина по поездке”.

В письмах Николая Аполлоновича Потанину содержатся известия о работе по изготовлению альбомов, рассказывается о трудностях, связанных с отсутствием необходимых материалов, вплоть до картона для паспарту (“эти злополучные картонки могли бы быть давно у меня... о надписях и говорить нечего: всякая типография изготовила бы их давным-давно”). Следует иметь в виду, что дело происходило в конце 1880-х годов на далекой окраине России.

Помимо изготовления альбомов Чарушин предлагал свои фотографии к потанинским статьям в журнал “Ниву”, в газету “Восточное обозрение” (по фотографиям можно было выполнить рисунки). Обсуждал он с Григорием Николаевичем возможность передачи его статьи Джорджу Кеннану для публикации в американском журнале: “Анна Дмитр. как-то писала Вам – не

согласитесь ли Вы передать Вашу статью об Урге для американского иллюстр. журнала, где участвует Кеннан. Он (Кеннан) переведет ее и поместит вместе с иллюстрациями к ней. По-моему это было бы недурно”. Работа с изготовлением фотографий велась тщательно и до и после поездки в Ургу. (“Типы в общем выходят, пожалуй, более чем удовлетворительно, впрочем, это скоро Вы сами увидите”... “Девятипудовый хамба лама вышел благополучно, рисунок с него сделан и в скором времени вернется обратно вместе с несколькими новыми типами бурят”... “Занимают меня картонки и подписи к видам и типам. То и другое хотелось бы получить скорее, так как из-за них теперь остановилась работа. Виды уже почти все приготовлены, т.е. напечатаны, а наклеивать их не на что; типы и начинать печатать до получения ожидаемых картонок не будем. Не знаю, в каком положении у Вас дело с картонками... Хорошо бы получить все это поскорее, а то выставка Ваша, в особенности, типов, может затянуться”). Деятельную помощь Чарушину в снабжении его необходимыми материалами оказывала жена Потанина, что приводило Николая Аполлоновича в немалое смущение: “Мне очень совестно, что Александре Викторовне приходится бегать из-за моего картона”.

Внимательно относясь к работам этнографического характера, Чарушин письменно консультировался с Потаниным, как следует производить съемку (анфас, в профиль, с головным убором, без него), как составлять аннотации и т.д.: “1. Нужны ли типы бурят, о которых Вы в своем письме ничего не говорите. 2. Можно ли хоть слегка ретушировать типы, не изменяя, разумеется, характера физиономии. 3. Требуются ли обязательно съемки типов без головных уборов, т.е. шапок и пр. Или же можно при съемке анфас в шапке, а в профиль без нее или же наоборот. 4. В каком количестве желательно было бы иметь (снимок) типов каждой народности. 5. При наклейке рисунков не лучше ли помещать оба изображения (анфас и профиль) на одном картоне, а не отдельном. 6. Достаточно ли под типами такой, напр., лаконичной подписи: тибетец...”

Кроме фотографирования монголов, бурят, тибетцев, Чарушин переснимал, например, картины, доставленные ему тибетским ламой, с изображением мест, которые, по словам ламы, почитались из-за знаменитых ламаистских кумирен.

В процессе съемок нередко возникали затруднения. Причины заключалась не только в громоздкости фотографических аппаратов. “Что касается типов, то в этом случае я нахожусь в большом затруднении, при всей искренней готовности исполнить просьбу Вашу, пока я ничего не могу сделать, – извещал Чарушин Потанина еще до ургинской экспедиции. – Дело в том, что монголов чрезвычайно трудно, оказывается, снять несмотря на то, что прибегал к содействию лиц, имеющих с ними дело”. Однако, обоюдные контакты все же устанавливались. Известный публицист и исследователь Сибири, один из идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцев писал о бурятах: “Русские фотографы к ним имеют беспрепятственный доступ, доказательством чему служит масса фотографий, снятых г-ном Чарушиным”.

Чарушин интересовался и другими планами Потанина по исследованию Центральной Азии: “Другой Ваш проект – фотографическая поездка в Карокорум гораздо более удобоисполнима, и если у Вас составится экспедиция... то я с большим удовольствием примкну к ней и на этот раз с лучшим и удобным вооружением, чем в нашу ургинскую поездку”. Занятие фотографией давало доход. Николай Аполлонович сообщал Потанину расценки – фотографии “типов” – по 80 коп., с пересылкой и упаковкой – 1 р. 35 коп.

В 1892 году Николай Аполлонович посетил бурятско-ламаистский праздник в знаменитом Гусиноозерском дацане, расположенном в глуши, в стороне от почтового тракта, куда еще не заглядывали путешественники с фотоаппаратом. Изготовленный Чарушиным “Ургинский альбом” был разослан по назначению. Спрос на его фотографии увеличивался. Фотографии в Москву Николай Аполлонович отправлял на имя этнографа Д.Н. Анучина. На Географической выставке 1892 года в Москве экспонировались 132 чарушинских снимка “видов и типов” Монголии и Забайкалья.

Помимо этнографических и антропологических снимков Чарушин преуспел и в пейзажной съемке.

“Однажды я предпринял поездку по Купеческому тракту, именуемому Удунгинским, проложенному кяхтинскими купцами в целях сокращения пути для караванов чая через горную и дикую тайгу к Байкалу. Результатом этой поездки по пустынным удивительно живописным местам была большая коллекция (снимков) Удунгинского и Круглобайкальского трактов”.

Фотографии из этой поездки Чарушин расположил в альбоме типа ширмы. На двух сторонах были наклеены снимки. С.А. Морозов оценил качество фотографий: “При технической трудности передачи в то время лесных ландшафтов Чарушину все же удалось показать таежную чащобу, сквозь которую прорублен путь и проложен новый Удунгинский тракт. С другой стороны альбома – виды Круглобайкальского тракта. Здесь показаны долины реки Темник, виды берегов рек Удунги и Мысовой, перевозов через реки. На некоторых фотографиях видны буреломы в тайге. Чарушин знакомит с Шаманским мысом, со скалой Наддачина близ Селенгинска, показывает верблюжьи караваны. Заканчивается альбом видом Иркутска” [1]. Снял Чарушин долину реки Селенга от Усть-Кяхты до Верхнеудинска, спустившись по реке на лодке.

Заслуга Чарушина в деле российской фотографии несомненна. О применении фотографических съемок в исследованиях, в географических путешествиях заботились П.П. Семенов-Тян-Шанский, Н.А. Северцов, Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, Д.Н. Анучин, И.В. Мушкетов, В.Л. Комаров, Л.С. Берг. Фотографированием в экспедициях занимались В.И. Роборовский, Г.Е. Грум-Гржимайло, П.К. Козлов, В.А. Обручев.

Письма Николая Аполлоновича Потанину содержат интереснейшие сведения о культурной жизни Кяхты и Троицкосавска, о непосредственном участии самого

[1] Морозов С.А. Русские путешественники-фотографы. М., 1953. С. 40.

Чарушина в организации общественной библиотеки. “О нашей новорожденной библиотеке. Вы уже кое-что знаете из корреспонденций. Скажу со своей стороны, что для начала обставлена она очень хорошо. Большая коллекция книг (хотя многие отделы очень бедны)”.

“В городе не было хорошей и доступной библиотеки. Мысль об ее устройстве была подхвачена в нашем кругу, и работа закипела. Книги и журналы собирались среди кяхтинцев и свозились в одно помещение, где производилась их разборка, а на денежные средства производилось пополнение библиотеки… Город бесплатно отвел под библиотеку удобный и поместительный дом и постановил субсидировать ее ежегодно по 600 р. Такую же субсидию назначило и кяхтинское общество. Эти субсидии, членские взносы, сборы с лекций, спектаклей и концертов, устраиваемых в пользу библиотеки, пожертвования отдельных лиц и подписная плата, когда и библиотека уже стала функционировать, давали при небольших расходах на ее содержание, возможность выписывать множество книг и все лучшие журналы и газеты. Наконец, библиотеку открыли. Уютно обставленные комнаты, богатство книг, журналов и газет сразу же привлекли весьма значительное число подписчиков с каждым месяцем все увеличивавшееся. Библиотека была открыта с двух до восьми часов вечера и сделалась любимым местом для собраний, заменяя отчасти клуб. Сразу же замолкли голоса скептиков, не веривших в ее жизнеспособность...”

И.И. Попов рассказал об организации библиотеки: “Мы были заняты организацией общественной библиотеки в Троицкосавске, которая своим существованием всецело была обязана Чарушиным, мне с В.А. (Вера Алексеевна – жена Попова – В.С.) и затем учителям. Мы начали с того, что собрали у кяхтинцев ненужные им книги. У кяхтинцев в кладовых оказалось немало ящиков со старыми журналами и книгами, между которыми попадались и ценные издания. Наше начинание поддержал городской голова М.О. Осокин. Он отвел нам помещение для разборки книг. Большинство кяхтинцев, ссылаясь на опыт 60-х гг., говорили, что библиотека в Троицкосавске не пойдет, потому что у самих кяхтинцев хорошие домашние библиотеки, а в реальном училище и женской гимназии великолепные библиотеки, книгами из которых прямо или косвенно пользуются и горожане. Эти возражения не остановили работу по сбору и разбору книг и составлению каталога. В этой работе проявила большую энергию А.Д. Чарушина и городские учителя. Я собирал книги, рылся в амбарах и чердаках и пропагандировал идею библиотеки. Мы с Н.А. составили устав, какого, кажется, еще не было в России”.

За выдачу книг на дом библиотека брала по 50 коп. в месяц. Читальней кяхтинцы пользовались бесплатно. Средства для библиотеки собирали также с любительских спектаклей и по подписным листам. Г.Н. Потанин в один из приездов в Кяхту выступил в городской думе с докладом о пользе библиотеки. Чарушину и Попову выступать было нельзя, как “политикам”. Библиотеке отвели

дом и городская дума дала субсидию в 600 рублей в год. Такую же субсидию дало и кяхтинское купеческое общество. На стенах библиотеки красовались портреты писателей. Хотя был нанят библиотекарь, члены библиотечного комитета дежурили в библиотеке, рекомендуя читателям книги. Работала библиотека в двух часов дня до восьми вечера.

Принимал Чарушин также участие в создании в Кяхте естественно-научного и этнографического музея и отделения Русского Географического общества. (У колыбели музея стояли сын декабриста Н.А. Бестужева Алексей Старцев, ученые с мировым именем Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, Г.Н. Потанин, В.А. Обручев). На открытие отделения РГО откликнулась газета “Восточное обозрение” (1894): “Июль. Сегодня торжественно открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела РГО… Большое стечение публики… Восторженное настроение граждан”. Музей в Кяхте, открывшийся одновременно с созданием Географического общества, был необычайно интересным. Потанин и Клеменц читали здесь лекции о значении музеев. Кяхтинцы дарили для музейной экспозиции предметы этнографии, гербарии, шкурки и чучела зверей. (Удивительны были и сами кяхтинские дома с обилием китайских и японских изделий, а иногда и с рисунками декабристов. Перед зданием гимназии стояла каменная баба, а в окрестностях Кяхты и Троицкосавска часто находили ценные археологические древности – наконечники стрел, каменные ножи, ступки, песты).

В 1891 году Кяхту посетил профессор Дижонского университета Жюль Легре. Он удивлялся, как в таком отдаленнейшем месте можно сделать жизнь интересной. И.И. Попов передавал слова француза, обращенные к нему и Чарушину: “В больших городах, как в Париже, большой человек незаметен, а напр., в Дижоне он уже играет значительную роль, а в маленьком поселке он становится всем. Вот Вы, большие преступники, ссыльные, а какое громадное влияние имеете в городе. Вы здесь “особы”. О Вас говорят и в Иркутске, и в Чите и советуют повидаться и познакомиться с Вами. А потом сколько научного и общественного интереса вокруг вас...” Общественная жизнь Кяхты и Троицкосавска иногда оживлялась приездами музыкантов. Попов рассказал о приезде гастролера-виолончелиста: “Я более двух лет, а Чарушин десять лет не слыхал хорошей музыки. Мы посещали все концерты Вербова, но нам было еще приятнее, когда он приезжал к нам с виолончелью и играл то, что мы просили его”. (С Адрианом Федосеевичем Вербовым, талантливым виолончелистом и педагогом, Чарушин мог встречаться и после возвращения в Вятку, где Вербов выступал в 1901 году, а в 1916-м преподавал там в музыкальных классах, в музыкальной школе, выступал в концертах).

Трогательны были встречи со старыми друзьями. Дмитрия Клеменца, например, Чарушин не видал со времени своего ареста. Но общественно-политическая жизнь в России давала о себе знать. Гнетущее впечатление произвело на народников отступничество Л.А. Тихомирова, действовавшего в кружке “чайковцев”, а позднее входившего в Исполнительный комитет

“Народной воли”. В 1882 году Тихомиров эмигрировал в Швейцарию, в 1888-м подал на “Высочайшее имя” прошение о помиловании и возвращении в Россию. Поворот от революционной деятельности к рьяному “охранительству” впечатлил бывших единомышленников Тихомирова.

“Успех нередко кружит голову. Так и на этот раз случилось с нашими правящими кругами. Им мало показалось одного тихомировского отречения, захотелось такого же массового со стороны своих политических пленников, рассеянных по всей Сибири, и этим уж окончательно завершить свою победу и на моральном фронте. С этой целью посылается в Сибирь... генерал Русинов с поручением объехать всю политическую ссылку и постараться склонить ее на подачу прошений о помиловании с обещанием в случае согласия немедленного же восстановления во всех правах, даже по телеграфу”.

Русинов посетил и Троицкосавск, вызвал по одному ссыльных, уговаривая подать прошение... Но на генеральские уговоры поддался лишь один рабочий, которому в ссыльной среде и ранее прощались “кое какие его прегрешения против этики”. После подачи требуемого прошения он через день-два получил по телеграфу помилование. Чарушин же заявил, что не пойдет на “моральное самоубийство”.

Ударом для семейства в конце 1888 года стала смерть дочери.

“В конце ноября и начале декабря, когда в Троицкосавске свирепствовали уже морозы, нередко с пронзительными ветрами, дочь Лида, уже гимназистка, стала жаловаться на ноги. У нее оказался ревматизм в очень сильной форме. Болезнь прогрессировала, и развязка скоро наступили, сердце не выдержало, и нашей Лиды не стало”.

“Смерть нашей Лидушки совершенно выбила нас из колеи, – делился Чарушин своим горем с Потаниным. – Даже и теперь все еще живем в каком-то чаду и не можем очнуться от поразившего нас удара” И.И. Попов вспоминал: “Особенно мы боялись за Н.А., который казался хрупким, больным, надломленным...”

Николай Аполлонович стал настаивать на поездке Анны Дмитриевны и Леонида в Россию. На Вятке еще была жива ее мать, которая не видела дочь более семнадцати лет. Сам он предполагал выехать из Сибири года через два-три.

“Мысль о поездке, видимо, улыбнулась А.Д., но в то же время и устрашила. Как же оставит меня одного, уже привыкшего к семейной жизни, может быть, на долгие годы? Я уверял ее, что в разнообразной работе, при наличии друзей и хороших знакомых время пролетит незаметно и скучать мне будет некогда. После долгих колебаний поездка, наконец, была решена. Весной 1889 г. все было готово к отъезду. С тяжелым чувством расставалась А.Д. с близкими ей людьми и своим пепелищем, где не мало было пережито и радостного и печального… Я провожал их до Иркутска… В Иркутске мы большую часть времени проводили в кругу близких нам людей. Время летело незаметно, но подошел и день отъезда. Я поехал проводить А.Д. с сыном до первой станции, откуда повернул обратно в

Лиственничное. Здесь мне пришлось ждать парохода. Так как делать было нечего, то я принялся бродить по берегу Байкала, внимательно следя за подъезжающими экипажами в надежде встретить знакомых. Вдруг я увидел экипаж, в котором узнаю сына и А.Д. Бегу к ним встревоженно:

– Что это значит? Не случилось ли чего?

– Не могла ехать дальше, тоска одолела, и со второй же станции мы повернули обратно".

До конца пребывания в Забайкалье Чарушиным оставалось немного. Родился сын, названный Владимиром.

В 1890 году И.И. Попов, к тому времени завершивший срок ссылки, побывал за границей. По пути он останавливался в Нижнем Новгороде, где встречался с В.Г. Короленко. "Много слыхал о нем, – передавал Попов слова Владимира Галактионовича о его кяхтинском товарище, – говорят, интересный и недюжинный человек. Михайловский рассказывал много интересного о Чарушине". Оказавшись в Париже, Попов посетил патриарха народничества П.Л. Лаврова: "Он особенно интересовался Чарушиным, Натансоном, Чудновским, Волховским". Надо полагать, Николаю Аполлоновичу небезразличны были рассказы вернувшегося из поездки Попова о том, что его знают и помнят многие из замечательных людей России.

В 1895 году по случаю проезда по Сибири наследника престола вышел манифест, под который попал и Чарушин. Он получал право въезда в Европейскую Россию с выданным мещанским паспортом, и мог жить там помимо столиц, столичных губерний и университетских городов и некоторых промышленных районов под негласным надзором полиции.

"Перед нами вплотную стал вопрос об отъезде в Россию, и его надо было решить так или иначе. За семнадцать лет жизни в Сибири мы успели ее полюбить, она стала нашей второй родиной, и расставаться с ней было нелегко. Здесь мы уже пустили корни, обжились, тесно связались с людьми, имели обеспеченный заработок и чувствовали себя почти полноправными гражданами… Привязывала к Сибири и богатая природа и самые люди, которые здесь были менее забиты и больше сознавали свое человеческое достоинство, которые к нам относились всегда доброжелательно. И вот теперь все это надо бросить и ехать туда, откуда нас восемнадцать лет тому назад с позором выбросили, как неугодный и преступный элемент, но куда, несмотря ни на что, все эти годы нас непрестанно тянуло. Что же ждет нам там в далекой России, в каком-нибудь провинциальном городе, где обывательская публика робка, а власти услужливо-подозрительны? Найдем ли мы там то, что имели здесь, будет ли работа, чтобы существовать?

Но как будто общественное настроение теперь снова понималось и Россия оживала. Чувствовалось это и по текущей прессе, по рассказам приезжающих и по получаемым из нее письмам. Звали нас и наши родственники и наши старые товарищи, обнадеживая даже работой в земстве. И зов первой родины оказался

сильнее привязанности ко второй. Мы решили ехать в нашу старую бедную Вятку, с которой связано было немало светлых воспоминаний нашей юношеской поры... В конце июня 1895 г. вся подготовка к переезду была покончена: имущество ликвидировано, закуплены кое-какие подарки для родных, приобретен вместительный и надежный тарантас для четверых седоков. Последнее "прости" с близкими людьми и знакомыми – и тройка почтовых лошадей уносит нас – меня, жену и двух сыновей, 12-ти и 5-ти лет, – в неизвестное будущее".

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВЯТКУ

"Бесконечно длинный переезд из Сибири в Россию окончен… Мы останавливались в Селенгинске, затем в Иркутске… От Томска мы ехали по целой системе рек до Тюмени, главным же образом, по Оби, которая производила такое же унылое впечатление, как и семнадцать лет тому назад, когда нас везли по ней в арестантской барже, закованными в кандалы… От Тюмени до Перми мы уже едем по железной дороге, незаметно вступая в пределы Европейской России. 16 августа 1895 г. мы прибыли в Вятку, которая встретила нас приветливо и радушно. Длинный путь окончен. Мы – у пристани, где нам снова предстоит налаживать свою жизнь и определять свое место в ней.

Сибирь со всем пережитым и перечувствованным уже позади, но мы все еще полны ею. Как-то жаль становится и необъятного сибирского простора, после которого здесь кажется ужасно тесно… Но сожаление о прелестях покинутой Сибири скоро теряет свою остроту. Новая жизнь с ее новыми задачами и устремлениями, более разнообразными и сложными, чем там в Сибири, постепенно захватывает и уже не оставляет места для сожалений о том, что осталось позади…"

"…совершив многотысячный обратный путь на лошадях, мы снова в Вятке, которую в последний раз я видел в 72 г. Сверх всякого ожидания Вятка, этот по преимуществу чиновничий город, встретила нас приветливо, а местный губернатор (Ф.Ф. Трепов) даже не оказал никакого препятствия моему поступлению на службу губернского земства, председатель управы которого А.П. Батуев, подбирал тогда себе идейных работников для выполнения широких земских замыслов".

Препятствия к поступлению на земскую службу Чарушину власть предержащая действительно не ставила, но еще за четыре месяца до приезда семейства бывшего "царского преступника" в Вятку он оказался в списке тех, над кем надлежит установить надзор.

Архивные материалы сохранили следы пристального внимания "синих мундиров" к его личности: "24 апреля 1900. Николай Аполлонович Чарушин, кяхтинский мещанин. Под негласным надзором с 24 апреля 1895. Живет в Вятке,

служит страховым агентом от губернского земства по Вятскому уезду. Поведения хорошего”. Начальник Вятского губернского жандармского управления сообщал: “Учреждено негласное наблюдение за кяхтинским мещанином Николаем Аполлоновичем Чарушиным. В виду того, что в образе жизни, сношениях и деятельности Чарушина ничего предосудительного не замечено... не будет ли признано возможным снять таковое наблюдение?”

Из департамента полиции последовал ответ: “В продолжении секретного наблюдения за мещанином Николаем Чарушиным надобности не встречается” [1].

И все же фактически Чарушин еще долго оставался “под колпаком”.

“Россию я нашел уже не ту, какую оставил 20 слишком лет назад Она, даже судя по Вятке, много выросла. Выросло вместе с ней и наше земство, успевшее развернуть за это время свою деятельность в разных областях, в особенности же в деле народного образования.

Вступив в среду земского третьего элемента и располагая по характеру своей службы в достаточной степени свободным человеком, я быстро связался с представителями его и вошел в земскую жизнь, а также и в частнообщественную. С тех пор я делаюсь постоянным обитателем Вятки и остаюсь на земской службе в течение 12 лет, до начала 1907 г., когда я должен был оставить ее по требованию вятского губернатора кн. Горчакова, посланного усмирять вятскую революцию, а с ней и вятское земство.”

В Вятке из-за слабеющего зрения Николай Аполлонович не стал заниматься фотографией. Пришлось объявить о распродаже части фотографических камер и объективов. Однако интересоваться любимым делом Чарушин продолжал. В Вятке он познакомился с Сергеем Александровичем Лобовиковым. Этот крупнейший мастер отечественной фотографии выполнил один из лучших портретов Николая Аполлоновича. Приезжая в родной Орлов, Чарушин давал обстоятельные советы увлекшемуся фотографированием учителю городского училища Александру Васильевичу Сергееву, деду автора этих строк.

Связи с Кяхтой у Чарушиных не прерывались. Анна Дмитриевна стала посредницей в Вятке по торговле китайским чаем.

С 1896 по 1907 год Николай Аполлонович находился на службе в Вятском губернском земстве в должности земского статистика и страхового агента.

“В тот же период, именно с конца 1905 г. и до половины 1908 г. мне пришлось вести и другие ответственные обязанности. В 1905 г. губернию постиг неурожай, а затем и голод. Общеземская организация, членом которой состояло и Вятское губ. земство, предложила мне быть ее уполномоченным по оказанию помощи вятскому населению. Я не счел для себя возможным отказаться от избрания. Почти одновременно такие же обязанности возложены были на меня и Вольно-Экономическим обществом. Длительная продовольственная кампания, для которой я располагал суммой до 235 000 р., требовавшая разъездов по губернии и организации комитетов на местах, была

[1] ГАКО. Ф. 714. Оп. 431. Д. 970. Л. 192-193, 209.

мною благополучно закончена, и ответственные обязанности губ. уполномоченного были, наконец, в половине 1908 г. с меня сняты”.

Историю Вятского края невозможно представить без политических ссыльных. С ними юному Чарушину доводилось общаться еще будучи гимназистом и студентом. После убийства народовольцами Александра II политически неблагонадежных стали ссылать, главным образом, в Сибирь. Из губерний же Европейской России местом ссылки были оставлены Архангельская, Вологодская, Астраханская и северная часть Новгородской. Однако, несмотря на юридическое исключение Вятской губернии из числа ссыльных, здесь продолжали находиться ранее высланные[1]. На рубеже XIX-XX столетий численность ссыльных в Вятке, в уездных городах и в уездах увеличилась, чему способствовало усиление общественно-политического движения в стране.

В начале 1897 года по “высочайшему повелению” Вятская губерния снова превратилась в место политической ссылки, но с изменением характера общественного движения изменился состав ссыльных.

“Вятка и вся Вятская губерния того времени была местом усиленной политической ссылки, по преимуществу нового марксистского направления, и наш семейный дом вскоре превратился как бы в политический клуб, куда охотно собирались представители народнических и марксистских течений. Нередко на этих собраниях возникали и жаркие споры, не приводившие, разумеется, к соглашению, но не нарушавшие установившихся дружеских отношений. Пунктом разъединения служил, конечно, крестьянский вопрос. Однако скептическое отношение марксистов, составлявших едва ли не большинство вятских ссыльных, к крестьянству не мешало им усердно работать на пользу вятского мужика, забывая в практике жизни свои теоретические построения. Многие из этих ссыльных на долгие годы оседали в губернии, занимая ответственные должности в земстве, многие из них впоследствии выдвинулись на общественном поприще, как, например, Стучка, Громан, Гурвич (Дан), Потресов, Воровский, Вашков и многие другие.

С наплывом ссыльных жизнь оживилась еще больше. Возникли партийные организации, завязывались связи с рабочими и крестьянством. Так тянулось до половины 900-х годов, когда наши неудачи в войне с Японией взбудоражили общественное мнение и подняли настроение. Конституционный вопрос становился лозунгом дня. Вместе со всеми бурлила и Вятка, а вместе с нею и вятское земство. Атмосфера, в особенности после выступления петербургских рабочих 9 января 1905 г., накалялась.

Будучи по основным своим взглядам народником, но относясь отрицательно к современному террору, сделавшемуся уже массовым, и в особенности же к экспроприациям, я и многие из близких мне вятичей не могли примкнуть к эсеровской организации. Поэтому мы образовали особую нелегальную

[1] См.: Луппов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 26-27.

организацию “Вятский Демократический Союз”, который потом слился с Народно-Социалистической партий, по образованию последней в 1906 году”.

Программа “Вятского Демократического союза” содержала доступно изложенные общедемократические требования. Основные цели “Союза” – полное народовластие и социализм, национализация земли, созыв Учредительного собрания “для установления основных законов государства и общих оснований разрешения земельного вопроса”, “пробуждение и объединение крестьянства на почве его экономических требований”. В программе оговаривалось, что “Вятский демократический союз” – лишь временная политическая провинциальная организация, готовая примкнуть к однородной партии. Вряд ли все же “Союз” вел какую либо практическую работу [1].

О собраниях в чарушинском доме много лет спустя, в марте 1924 года вспоминал в письме Николаю Аполлоновичу из Калуги бывший эсер Афанасий Гаврилович Соболев: “Я никак не могу припомнить, о чем был спор на учительском съезде, который был у Вас в саду, между мною и Горбачевым”. Видимо, тогда произошел типичный для тех годов спор социалиста-революционера с руководителем местной социал-демократической организации. О беседах, спорах у Чарушина мог вспомнить не только Соболев.

Дочь издателя Николая Поликарповича Ложкина в 1906 году напоминала Чарушиным в письме: “Сегодня ровно семь лет, как мы познакомились с Вами у Мих. Павл. (Бородина. – В.С.), и этот вечер со всеми подробностями так и вспоминается, помню ту радость, которую испытывала, что мне пришлось встретиться с людьми так много видевшими и испытавшими”. Через год она же писала Чарушиным: “Сколько хороших людей включал тогда Ваш кружок и как судьба расселяла всех в разные стороны… Хотя живу третий год в Петербурге, но остаюсь все еще вятской патриоткой”.

Чарушины поселились во втором этаже дома, принадлежавшего члену губернской земской управы Ключареву. Дом находился довольно далеко от центра города на Острожной улице почти на пересечении с Николаевской. Квартира Чарушиных стала местом сборов демократически настроенной интеллигенции. Потому-то “синие мундиры” уделяли ей повышенное внимание.

“12 мая 1901. Начальнику Вятского Губернского Жандармского Управления. Наблюдением установлено, что в квартире негласного поднадзорного Николая Аполлоновича Чарушина происходили собрания поднадзорных. 9-го в квартире Чарушина собирались негласно поднадзорные: Шестопалов, супруги Яринские; гласно поднадзорные Вашков, Всеволжский, супруги Феофановы, Лосева, Ванеев, Вильямсон, прибывшие на время из г. Слободского Василевский и другие. Приходили разновременно 2-3 человека, а так же и расходились.

[1] См.: Вятская жизнь. 1906. № 21. Приложение; Балыбердин Ю.А. Возникновение и деятельность политических партий в Вятской губернии в период первой русской революции (1905-1907 гг.). М., 1994. С. 140-141.

Собрание продолжалось до 1 часу ночи... О вышеизложенном доносим Вашему Высокоблагородию. Унтер-офицер В. Садаков. Унтер-офицер Ф. Труфакин” [1].

Публика в доме Чарушина собиралась разная, и ветераны-народники, и эсеры, и социал-демократы. А посещавший Чарушина М. Вильямсон оказался доносчиком. Правда, вскоре ссыльные и их вятские товарищи разоблачили его. После одноо из собраний, когда участники стали расходиться, кто-то случайно надел пальто Вильямсона. В кармане оказался листок бумаги, содержание которого не вызывало сомнений, что Вильямсон “стучит”. Информация о доносчике незамедлительно попала на страницы “Искры”.

Об обстановке в доме Чарушиных по возвращении их в Вятку вспоминал двоюродный брат Николая Аполлоновича Вячеслав Юферев. Это его отцу Ивану Львовичу принадлежал каменный двухэтажный дом в Орлове, где жило семейство Аполлона Ивановича и Екатерины Львовны. После окончания агрономического отделения Рижского политехнического института Юферев некоторое время работал на вятской сельскохозяйственной опытной станции. Сначала он нанял в городе комнату с обедом за 9 рублей и начал ходить на станцию, расположенную недалеко за городом. Но потом и место жительства и работы пришлось переменить. По рекомендации Чарушина Юферев перешел в вятскую губернскую земскую управу в бюро по производству оценочно-статистических работ, которым ведал эсер Александр Гурьев.

“Жил я в это время в семье Николая Аполлоновича Чарушина, – вспоминал Юферев, – снимал комнату с полным пансионом. Одновременно по комнате снимали зав. кустарным складом Михаил Павлович Бородин и губернский кустарный техник Дмитрий Петрович Бирюков. Жена Ник. Аполл. была умная женщина, она последовала за ним в Сибирь на каторгу и в ссылку. Как пострадавшая за политические убеждения, она имела несколько непримиримые взгляды на жизнь и на людей. С этой односторонней точки зрения она и расценивала окружающих, – раз придерживается то или другое лицо революционных взглядов, значит это хороший, заслуживающий внимания человек, обыкновенные же люди, беспартийные, уважением у ней не пользовались. Оба их сына, других детей у них не было, учились в это время в реальном училище. Старший уже кончал. Затем он поступил в Горный институт в Петербурге. Это был очень умный, развитой юноша…

У Чарушиных собирались земцы, прогрессивные деятели. Сам Ник. Аполл. в это время был фактическим редактором местной газеты “Вятский край” и находился, конечно, в центре и в курсе всех событий и интересов края.

В то время страна готовилась к проведению выборов в Государственную Думу. Земцы, посещавшие Ник. Аполл., оживленно обсуждали вопросы, возникавшие в связи с выборами, в частности, и вопрос, к какой партии примкнуть.

---

[1] ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 431. Л. 249.

В результате обмена мнений была, кажется, выработана программа какой-то новой партии. Но кого кроме местных людей могла привлечь какая-то провинциальная, никому неизвестная партийная группа.

Я хотя зачастую и присутствовал при обсуждении всех этих злободневных для того времени вопросов и был уже полноправным гражданином, но как-то не имел влечения к общественным делам. Ни меня не старались привлечь к этому, ни я не обнаруживал желания кипеть в этом котле различных мнений. Вообще к партийным делам у меня никогда никакой склонности не было. Работа по службе, писательство по специальным и экономическим вопросам, чему я впоследствии стал уделять довольно много времени, и немногочисленные увеселения – вот чем я заполнял свое время, свои досуги” [1].

Вспоминал Вячеслав Иванович и кое-кого из тех, что бывали дома у Чарушиных: “Работая в бюро, я как-то получил письмо от Н.Н. Бушена с запросом, не может ли и он устроиться на работу в вятской статистике. Я переговорил по этому поводу с Гурьевым, и Бушен приехал. Начав работать, он быстро познакомился кое с кем из вятской молодежи, и у него на квартире стали устраиваться собрания. Собирались лица с различными, по-видимому, направлениями – и социал-демократы и социалисты-революционеры. Бушен им что-то рассказывал, в чем-то просвещал, словом, был организатором и руководителем кружка. У него хранился гектограф, на котором отпечатывались листовки революционного характера. Я на этих собраниях никогда не бывал. Слышал, что революционная кличка Бушена была “товарищ Иван”. К Бушену за время пребывания его в Вятке приезжала его жена – интеллигентная, видная дама. Он меня с ней познакомил. Она, однако, скоро уехала и больше, кажется, не приезжала. Впоследствии уже после 1905 г. Бушен с каким-то партийным поручением уехал в Пермь и потом в Вятке не показывался. Слышал, что после первой русской революции Бушен, равно как и некоторые другие деятели, от революционной работы отошел.

Следом за Бушеном через его посредство потянулись на Вятку и другие рижские студенты. Приехал В.А. Всеволжский, В.А. Горбачев В.А. Первый также одно время работал в Вятской статистике, Горбачев же был лидером вятской социал-демократической организации. Он принимал активное участие в революции 1905 г., выступал в Вятке на митингах и организуя социал-демократические собрания. В конце названного года он ездил в Таммерфорс (в Финляндии) на большевистскую конференцию в качестве делегата от Вятского комитета, а в марте 1906 г. покончил с собой выстрелом из револьвера, оставив записку: “В смерти прошу никого не винить, – устал жить”.

Н.А. Шевелкин также студент Рижского Политехникума приехал в Вятку уже после того, как я выехал оттуда, поэтому встретиться с ним в Вятке не пришлось. С переездом в Вятку все четыре названных лица бросили свое учение – оказались недоучками – и помимо работы в бюро ушли с головой в партийную

[1] Юферев В.И. Воспоминания. Архив Н.А. Колеватова.

деятельность. Так четверо рижских студента, далекие от интересов Вятского края, никогда не бывавшие здесь, бросив учение, окунулись в самую гущу местной общественно-политической деятельности, сыграли в ней ту или другую роль, а затем, по-видимому, разочаровавшись, отошли от этой деятельности в сторону".

Об упомянутых Юферевым социал-демократах с пиететом писали в советские времена местные историки в книгах типа "Очерки истории Кировской областной организации КПСС". В воспоминаниях Вячеслава Ивановича содержится иная оценка "пламенных революционеров".

Но Чарушиных навещали и деятели революционного движения общероссийского масштаба. Юферев вспоминал: "У них в доме собирались некоторые политические деятели, земцы. Приезжала однажды "бабушка русской революции" Брешко-Брешковская, помню фамилию Потресова. Я реалистом изредка бывал у них, но чувствовал себя среди таких умных людей довольно стесненно и, конечно, ни в какие разговоры не вступал".

Из родственников Чарушина в Вятке жила его сестра Юлия Аполлоновна, бывшая замужем за чиновником Хорошавиным, и младший брат архитектор Иван Аполлонович. Братья Чарушины, оба незаурядные и способные, были тем не менее совершенно разными по характеру. Вячеслав Юферев вспоминал об Иване Аполлоновиче:

"Он за предыдущие годы окончил Академию Художеств в тогдашнем Петербурге, по окончании был назначен на Сахалин на должность сахалинского архитектора. Отбыв там положенное время, вернулся в Вятку и устроился здесь в качестве губернского архитектора. На Сахалине он женился, жена родила ему дочку – Катю, а сама вскоре на Сахалине же умерла от туберкулеза. Вот он и приехал с совсем маленькой девочкой, по-видимому, по второму году в самый разгар зимы к Хорошавиным. С ними была взята с Сахалина нянька. Ехали они морем на Одессу, а затем по железной дороге. К самой же Вятке подъехали уже на двух тройках, т.к. Иван Аполлонович вез с собой много багажа. По пути в портовых городах Китая, Индии он накупил много диковинных вещей, и мы впоследствии, когда он устроился с квартирой, не уставали любоваться и восторгаться различными удивительными ракушками, китайскими изделиями и множеством всяких других вещей. Девочку, несмотря на ее младенческий возраст, он довез благополучно. Иван Аполлонович вскоре женился, и появился в Вятке еще один родственный дом.

Заработки у Ив. Аполл. были хорошие, да и с Сахалина он, по-видимому, привез кое-какие деньжонки, поэтому через недолгий промежуток времени он купил каменный дом с большим садом. В парадных комнатах во множестве были размещены вывезенные заграничные диковинки. Но в этом доме, хотя он и был родственным, не было той простоты отношений, как у Хорошавиных. Ив. Аполл., хотя и плебей по происхождению, стремился вращаться среди сливок вятского

общества. Он был принят у губернатора. Губернаторша нашла и сосватала ему невесту. Заказчиками на постройку церквей по губернии были разные протоиереи и благочинные. Чтобы принимать их, нужно было держать фасон.

Когда Ив. Аполл. еще не был женат, к нему на продолжительное время пожить и поруководить хозяйством приезжала его мать Екатерина Львовна. Тогда нас, молодое поколение, звали к ним пить чай, чем Ив. Аполл., по-видимому, не весьма бывал доволен. В последних классах я у него немножко работал по выполнению различных чертежей, он за эту работу платил мне небольшие деньги".

Ивану Аполлоновичу явно не повезло в юферевских воспоминаниях.

"Круг его познаний ограничивался его специальностью – архитектурой, но вместе с тем он был ловким человеком, умел приспосабливаться к жизни, к людям. Близкие ему люди, в особенности из родни, считали его милым добрым человеком. Они ошибались, это была лишь личина, в душе он был искательным человеком, черствым, холодным. По приезде в Вятку постарался проникнуть в окружение губернатора, бывал у пароходчика Булычева".

Думается, Вячеслав Иванович не во всем был прав. Сама специальность архитектора требовала общения с заказчиками, которыми могли быть влиятельные люди из гражданского и духовного ведомства. К тому же Николай Аполлонович всегда находился в оппозиции к любой власти, не в пример общительному брату-архитектору, а Вячеслав Иванович впоследствии вдосталь хлебнул от власти, уже советской, пробыв в тюрьмах, лагерях и на поселении без малого тридцать лет. А отношение к старшему брату Иван Аполлонович, как увидим далее, достойно проявил в гражданскую войну, заступаясь за него перед ЧК и большевистским начальством губернии.

В целом вятское общество было бесконечно далеко от общественных проблем. Людей творческих и мыслящих угнетала убогая сущность обывателей "с положением". Фотограф С.А. Лобовиков оставил впечатляющие дневниковые записи начала века. Вот одна из них, относящаяся, вероятно, к 1902 году: "Ужасно тяжело мне приходится, когда бываю в клубе: в зале все "образованные", "воспитанные", боишься к ним подойти "быть может, не так скажешь, не так руку подашь". В буфете, в столовой все жирные, вспотелые туши пьют да жрут, в остальных углах карты – эх, как все это противно, глубоко противно. Что же делать мне там? Говорить не умею, играть в карты тоже, остается пить и есть, но и к этому нужна привычка, правда, труда тут не нужно… Где уж тут добро, отчего же тут быть чему-нибудь доброму" [1].

По окончании вятской гимназии Леня Чарушин поступил в Горный институт в Петербурге. Третьекурсником он отправился на Апшеронский полуостров в

[1] Личная жизнь. Из дневника молодого Сергея Лобовикова // Сергей Лобовиков – русский мастер художественной фотографии. Киров, 1996. С. 223-224.

экспедицию от Геологического комитета по исследованию нефтеносных месторождений. Вскоре произошла трагедия. Николай Аполлонович в “Автобиографии” написал об этом сдержанно: “В августе 1903 года, участвуя в геологической экспедиции Голубятникова, погиб на Кавказе, в Бакинской степи, наш старший сын Леонид”. “Вятские губернские ведомости” поместили скупые строки: “Из Баку сообщают, что там 21 августа обнаружено убийство. В шурфе, залитом водою, найден с простреленной головой студент 3-го курса Горного института Чарушин, состоявший помощником геолога Голубятникова. Родители Чарушина проживают в Вятке”.

Причиной гибели Лени стал затяжной армяно-азербайджанский конфликт в Закавказье, который выражался в многочисленных массовых столкновениях с большим количеством жертв. О том, что произошло в Баку, Николаю Аполлоновичу и Анне Дмитриевне написал геолог О. Голубятников, сообщивший родителям горестную весть о гибели их сына во время резни армян в Азербайджане. Первое письмо Голубятникова не сохранилось. Вместе со вторым он прислал фотографию могилы Лени. Читать строки письма тяжело, возникает впечатление, что написаны они не в начале XX века, а в его конце.

“Дорогие Анна Дмитриевна и Николай Аполлонович!

Письма Ваши я все получил, не отвечал потому, что тяжело писать. Грустный и тяжелый вопрос, кто виноват – не устранить. Вопрос же будет возникать при каждом воспоминании, так как утрата чрезвычайно велика и дорога. Найти виновника среди этих гнусных изуверов невозможно. Раньше я не смотрел так жестоко, так, может быть, с историч. точки зрения, несправедливо на это дикое отребье человечества. Я старался увидеть в них людей и мне тяжело было заниматься сыском. Дни армянского погрома 6-9 февраля, пережитые мною, совершенно выбили из меня чувство меры и, может быть, справедливости к этим извергам татарам и русским [1]. На эти дикие морды татар и русских в Баку я не могу теперь смотреть без содрогания, без ужаса. В каждом из этих зверей я вижу убийцу сознательного, хладнокровного. Эти звери три дня и три ночи почти занимались истреблением армян как крамольников. Убито армян около 600 человек, большинство беззащитных стариков, женщин, детей. Сказки в газетах, что громилы – черная сотня, – предводительствовали ордами убийц миллионеры, приставы, учителя инженеры. Представьте ужас: обыватель боится говорить – ему грозит смерть неминуемая. Бакинское интелл. общество хлопотало перед власть имущими о врем. устройстве всей администрации, чтобы дать

[1] Татарами часто именовали мусульман, представителей разных национальностей Кавказа. В бакинской трагедии 1903 г. против армян действовали представители азербайджанского и русского охлоса. Такое происходило и позднее. В феврале 1905 г. в Баку четыре дня шла резня. К середине месяца было убито 108 и сожжено 27 армян, более сотни получили ранения Количество пострадавших азербайджанцев не было установлено. Всего жертв было до 500 человек. (См.: Аманжолова Д.А. Этносы и власть в России: очерки истории и законотворчества. XX век Т 1. Киров, 2003. С 42).

возможность обывателям открыть рот. Русские же гнусно вели себя. Татары же послушные исполнители администрации, они уничтожали врагов, крамольников, и русские смеялись, глумились: “Ловко всадил армяшке, не оживет теперь”. Грабили убитых, улюлюкали на татар, давших промах. Если смотреть с историч. точки зрения, то татары были “человечнее” русских. Татары убивали, русские радовались. Это такой позор, такой ужас, что не искупить его русским никогда. Я с несколькими армянами был осажден трое суток. Нас угощали и залпами, и ружейными и револьверными выстрелами, выбивали окна комнат и заставили укрыться в центральной комнате, где мы и ожидали с часу на час поджога. Спаслись каким-то чудом. Какие массы погибли беззащитных. Один мой знакомый посетил армянское кладбище. С него он воротился стариком. Все кладбище было завалено трупами – это была гора из трупов. Многие изуродованы, без головы, без рук, с вырезанными грудями, внутренностями. Кто видел ужасы, того не убедишь, что человек высшее создание. Кто видел, как отрезали головы, руки и бросали в пылающий дом, кто видел, как по крыше горящего дома бегала армянка и умоляла о спасении, а орда татар гоготала в ответ, кто видел, как из горящего дома выбегали в ужасе армяне, а их тут же расстреливали татары при участливом нейтралитете русских обывателей, солдат и полиции, тот без ужаса, негодования, презрения не может смотреть на двуногую тварь, именующую себя человеком. Наш следователь офицер и пристав Кикоидзе оказались не последней мерки мерзавцами. Вы правду сказали, дорогая Анна Дмитриевна. Зачем мы дали им возможность копаться в письмах Лени? Эти господа не в состоянии понять психику не твари, а человека, да притом такого высокого типа, как Леня.

В половине сентября я и мои товарищи и товарищи Лени пришли на могилу Леонида поклониться ему. Об этом я не мог писать тогда – тяжело было, а к тому же я враг всякой, может быть, кажущейся только образности и искусственности. Этот прошлый год я почти все время пробыл в Баку, и могила Лени тянет к себе, как тянет все дорогое, чистое, хорошее”. Далее Голубятников рассказал о друзьях Лени, снятых у его могилы. Один из них – горный инженер Григорий Арутюнов. Ко времени отправки письма за речь на сходке рабочих во время забастовки его выслали из Баку в Дагестан. Второй – студент горного института Николай Шадлун, к тому времени исключенный на два года за участие в “беспорядках”. Письмо заканчивалось словами: “Оба – мои помощники и товарищи... все они помнят и любят Леонида и шлют Вам сердечный привет. Посылаю Вам ключ от памятника и венка. Венок в жестяном футляре с толстым стеклом. Это предохраняет от Norda. Это лето снова буду в Баку. Как самочувствие Володи? Сердечный привет Вам от моей семьи и от меня.” [1] На фотографии видна надпись на памятнике: “Геологический комитет. Дорогому товарищу, студенту

[1] РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Ед. хр. 94. Письмо О. Голубятникова не датировано. Н.А. Чарушин проставил на нем дату получения – 29 апр. 1903.

Петербургского горного института. Леонид Николаевич Чарушин. 1883 – 1903 15 VIII”.

Леню Чарушина помнили и его вятские товарищи. В ноябре 1907 года Александр Вертячих, ставший социал-демократом меньшевистского толка, делился в письме Анне Дмитриевне и Николаю Аполлоновичу своими впечатлениями от молодежи: “Вот хотя я и молод, и среди теперешней молодежи (хотя бы в институте) ходишь, точно в лесу... Другая психология, иные методы мышления, действий, совершенно другое воспитание – все это настолько отделяет от современной молодежи, что иной раз кажется, будто на другую планету попал. Отчасти это объясняется еще тем, что за период юности я кроме Леонида ни с кем не сошелся (он вполне заменял для моей внутренней жизни общество...) Он ушел из жизни, и мне кажется, что утерялась связь с людьми, связь внутренняя, идейная – интеллектуальная. Во всяком случае теперь уже не может быть такой связи и прежде всего потому, что Леонида второго я вряд ли когда либо могу надеяться встретить”.

Надвигались события первой революции. В Вятке оживлялась работа кружков различных политических направлений. Социал-демократы Николай Бушен и Александр Левентон организовали кружки, преимущественно состоявшие из гимназистов, гимназисток и реалистов, хотя на собрания приходили и люди старшего возраста. Участники кружков придерживались различных политических направлений. Многие из них знали Чарушина, а некоторые часто бывали в его доме, такие как Александр Вертячих и Екатерина Лосева, Азарий Шкляев, ставший впоследствии известным большевистским деятелем; эсеры Афанасий Соболев и Никодим Крестьянинов.

В августе 1903 года был создан первый Вятский комитет РСДРП (активную роль в работе его сыграл упоминавшийся выше Василий Горбачев). Ощутимые контакты ссыльные наладили с местной интеллигенцией оппозиционного настроя, многие представители которой были связаны с земством.

Кому должен был отдать свои симпатии Чарушин? Он вошел в “Союз освобождения” [1]. Это нелегальное политическое объединение либеральных земцев и буржуазной интеллигенции в 1904-1905 годах выступало за установление конституционной монархии со всеобщим избирательным правом. “Союз” предполагал создавать и местные группы.

Одно из ведущих мест среди политических партий революционного толка занимала партия социалистов-революционеров, эсеров. Среди них четко проглядывались два типа: “старики” – народники 70-80-х годов и молодежь, приобщившаяся к освободительному движению в начале 1900-х. Среди “стариков”, связавших свою судьбу с партией эсеров, оказались многие знакомцы Чарушина, вроде Анны Якимовой, которую он знал еще по своим беседам с воспитанницами епархиального училища в Вятке. В эмиграции работал близкий к

[1] Архив УФСБ РФ по Кировской области. Д. СУ-4577. Л. 94 об.

эсерам “Фонд вольной русской прессы”, в котором действовали давние друзья Николая Аполлоновича со времен “чайковцев” – Феликс Волховский, Леонид Шишко, Николай Чайковский. Бывший же “чайковец” Марк Натансон стал одним из лидеров эсеровской партии. Популярность эсеров возрастала в условиях оживления общественной жизни начала века. Для усиления работы в деревне в 1902 году был образован Крестьянский союз партии эсеров. Всероссийский крестьянский союз возник летом 1905 года. В октябре-ноябре стали создаваться его местные организации. Чарушин стал одним из деятелей и организаторов Крестьянского союза на Вятке [1].

Общественное оживление нарастало в Вятской губернии. В феврале 1905 года у учащихся сельскохозяйственного училища изъяли гектограф. В частности, ими был отпечатан “протест против ненормальных условий жизни, стиснутой в рамки бюрократически-полицейского деспотизма”. 4 августа вечером в городском саду учащаяся молодежь пела “Рабочую Марсельезу” – “Отречемся от старого мира…” А в другом месте сада ученический оркестр исполнял ее же. Всех, и певцов и исполнителей выдворили из сада. Но в тот же вечер учащиеся с несколькими мастеровыми в двух верстах от города собрались и организованно с оркестром пробились к городу, где их разогнали конные стражники.

Власть давала следующую аттестацию фрондирующей учащийся молодежи: “Главный элемент, наполняющий все учебные заведения Вятской губернии, кроме классической гимназии, составляет крестьянское сословие. Грубое, заносчивое, склонное доходить до крайностей, крестьянское население Вятской губернии является спокойным элементом, пока живет силою традиций, но если только в нем возникает сомнение в достоверности преданий и непреложности форм государственной и общественной жизни, – оно быстро способно перескочить к самым крайним положениям анархизма”.

Во всех “крамольных делах” лидировали ученики сельскохозяйственного промышленного училища. Они-то, по словам губернатора, и представляли “самую благодатную почву для восприятия и развития социалистических и анархических учений, которые и пустили идеи в них уже в настоящее время глубокие корни”.

Губернатор Левченко доносил в Петербург о настроениях учащейся молодежи: “Под влиянием этих учеников, носящих при себе обыкновенно финские ножи и револьверы, попадает множество учащихся и других учебных заведений гор. Вятки. Я не рискую преувеличением, если скажу, что Вятская губерния в настоящее время представляет школу для образования социалистов. Вятская губерния уже дала Халтурина, теперь с соединением Вятки железною

[1] Там же.

дорогой с С.-Петербургом, я слишком опасаюсь, судя по характеру населения, чтобы не родились здесь другие, подобные ему личности” [1].

“Вятский вестник”, ставший консервативным приложением к губернской газете, отражал перемены в обществе, ведущие, увы, не к лучшему. Наблюдалось, к сожалению, падение нравов. Вятский уроженец Д.К. Зеленин, талантливый этнограф, диалектолог и фольклорист, присылавший свои материалы из Юрьевского (Дерптского) университета в Прибалтике (совр. Тарту в Эстонии), привел в “Вятском вестнике” записанные на его “малой родине” частушки о “демократах”, бомбистах, прокламациях. Чего стоил такой разухабистый перл:

Не ходите вы, девчонки,
С демократами гулять.
Демократы вам насуют
Прокламации в карман.

О нарушении народной нравственности вследствие того, что фабрика и город “изуродовали… физически и нравственно” рабочих, недавно пришедших из деревни, сетовал еще за четверть века до первой русской революции журналист В.О. Михневич: “К сожалению, в развитии образованной народной массы повторяется, в основных чертах, тот же процесс “отсебятины” и разрыва с родной “почвой”, который пережила в свое время верхушка русского общества при восприятии западной цивилизации” [2].

“Вятский вестник” (апрель 1905) поместил зарисовку “с натуры” в одном из вятских уездов, описав питейное заведение – “казенку”: “Хлопанье пробок от удара рукой под донышко бутылки, звон разбившегося стекла “упрямой” сороковки и затем переливание “в утробу грешную” прямо из горлышка”. (Однако в том же газетном номере помещена заметка противоположного содержания “О грамотности” из того же уезда. “С распространением школы в деревнях распространяется грамотность не только среди подрастающего поколения, но и среди взрослых. Так один крестьянин выучил своего отца и 6-летнего братишку читать и писать. В другой деревне одна девочка, еще ученица, выучила свою маленькую сестренку). Еще одна заметка в том же “Вятском вестнике” (декабрь 1905) называлась “Деревенские мотивы”: “Хулиганство сильно развивается в деревне. В селе Ильинском шесть человек нападают во главе с так называемым “главнокомандующим Линевичем” на крестьянина, наносят ему побои, обращают в бегство, отбирают воз хлеба, который, впрочем, великодушно возвращают побежденному”. (Видно, что сельские обыватели

[1] Семаков С. Из революционного прошлого молодежи Вятской губернии (1905-1908 гг.). Вятка, 1926. С. 29.

[2] Михневич В.О. Извращение народного песнетворчества // Исторический вестник. 1880. Т. 3. С. 755.

находились под впечатлением недавно закончившейся русско-японской войны, потому и предводитель “озорников” именовался одним из ее генералов).

Для умонастроений определенной части населения была характерна “Новая сказка о Крамоле”, записанная в Уржумском уезде со слов некоего “знахаря и колдуна” крестьянским поэтом-самоучкой Андрем Грудцыным. В сказке злодействуют дочери царя Мирона (Нерона) – Крамола, Лихоманка и Кикимора. О Крамоле говорилось: “Мечется она по свету да кровавством занимается: убивает она министров, воевод да бунмистеров… По городам да заводам Крамола шляется; оборачивается она, окаянная, где сорокой, где совой, а где емназисткой-барыней, где купчиком, а где и барином с кокардой”. С Крамолой бороться трудно, в частности, от неумения нерасторопных “скурятников” (урядников) [1].

“Революцию 1905 г. мне пришлось приветствовать в Москве, куда я приехал накануне 17 октября на съезд “Союза освобождения”. На другой же день вся Москва была уже на улицах, всюду радостные лица, а на Театральной площади с импровизированных трибун уже раздавались пламенные речи. Мечта молодости, казалось, осуществлялась и даже ранее, чем тогда предполагали. При виде проснувшихся народных масс, воодушевленных освободительной идеей, воодушевлявшей и нас, невольно чувствовалась необычайная радость и удовлетворение от сознания, что бесчисленные жертвы, принесенные во имя ее не пропали даром, а дали, хотя и через несколько десятков лет, ожидаемые плоды.

В течение почти месяца я был свидетелем событий, нередко величественных, как баумановские похороны, или трагических, омрачавших праздничное настроение, когда на сцену стала выступать черная сотня

Но, усердно посещая многочисленные митинги и разного рода большие и малые совещания, я немало огорчался тем, что у революционной публики и их вождей не только не было какого-нибудь объединяющего центра с единой направляющей программой, но все они вели ожесточенную междупартийную борьбу, как бы забывая о существовании общего врага, борьба с которым еще далеко не была закончена.

Но, как бы то ни было, факт народного пробуждения был налицо, и какая бы судьба в ближайшее время, думалось мне, не постигла первую русскую революцию, неизгладимые следы ее в народном сознании останутся и рано или поздно приведут к победе.

Вятка, как и вся Россия, по возвращении моем из Москвы, тоже кипела и была сильно возбуждена и нервно настроена, будучи еще полна впечатлениями от черносотенного погрома, имевшего место в мое отсутствие, 22 октября”.

Вот что произошло в Вятке в отсутствие Чарушина. В ответ на царский манифест, провозгласивший демократические свободы, в Вятке стали устраиваться политические демонстрации. Сталкивались противоположные

[1] Вятский вестник, 1908, № 35.

стороны. Солдаты запасного батальона избили учеников Вятской земской фельдшерской школы, участвовавших в сходке. 18 октября в зале губернской земской управы и с ее балкона выступали социал-демократы В.А.Горбачев, В.А.Всеволжский, несколько эсеров, среди которых был упоминавшийся уже А.Г. Соболев. На другой день снова состоялся митинг. По жандармским сведениям в толпе собравшихся численностью до двух тысяч "преобладала учащаяся молодежь средних учебных заведений, фельдшерских школ, печной мастерской, часть железнодорожных рабочих, руководимая поднадзорным элементом и земскими статистиками" [1]. Над манифестантами виднелись более десяти красных флагов и один черный с надписями "Земля и воля", "Долой самодержавие!", "Да здравствует демократическая республика!" Некоторые из консервативно настроенных горожан, оказавшихся свидетелями происходившего, "выражали презрение ораторам".

Губернатор Левченко, заступивший в должность в феврале 1905 года, докладывал в Петербург: "18 и 19 октября происходили в г. Вятке демонстрации социалистов-революционеров с красными флагами и речами, произносимыми с балкона губернской земской управы; в речах говорилось, что не надо самодержавие... Социалисты, опираясь на манифест 17 октября, отказались исполнять всякое требование полиции о прекращении митингов на улице, говоря, что ныне манифестом предоставлена полная свобода сходок и свобода слова, причем они грозили, что при употреблении против них силы, они вызовут кровавое столкновение" [2].

20 октября собрался уже третий митинг и прошла демонстрация по главным улицам Вятки. Распространился слух, будто бы "политики" совершили кощунство – изломали икону и испортили царский портрет. Губернатор выпустил объявление о том, что эти слухи ложны, призывал население города к спокойствию, к воздержанию от всякого насилия. Но взбаламученную толпу сдержать было уже невозможно. События нарастали с угрожающей силой. В этот день к губернатору явилась "громадная толпа народа с портретом Государя и иконой, требуя разогнать демонстрантов". Предвидя возможный отказ, "представители народа" заявили о том, что разделаются с "крамольниками" самочинно. Левченко отдал распоряжение закрыть винные лавки и поручил командиру запасного батальона иметь наготове 200-300 солдат.

Но 22 октября в Вятке все же прошли бурные выступления городского "охлоса", ставшие реакцией на митинги и демонстрации социал-демократов и эсеров. Вряд ли верны объяснения историко-партийных авторов вроде того, что "напуганные размахом борьбы вятские власти, как и контрреволюция всей страны, организовали расправу с наиболее активными участниками

[1] Балыбердин Ю.А. Указ. соч. С. 88-89.

[2] Судовиков М. Черные дня 1905 года // Складчина. Журнал вятской интеллигенции. № 1. Киров, 1994. С. 57.

революционного движения”, что черносотенный погром был подготовлен “губернатором, церковниками и полицией” [1].

После молебна на площади у Кафедрального собора толпа разгоряченных манифестантов устремилась по улицам Вятки с пением молитвы “Спаси, Господи, люди твоя…” и гимна “Боже, царя храни”. Манифестанты числом до тысячи человек с царскими портретами и трехцветными флагами двинулись от собора вверх по Московской улице. Затем они разделились “на несколько частей, причем некоторые из толпы начали набрасываться на всех, кто не снимал шапки и не крестился, или кого она подозревала в сочувствии к социал-революционерам”. Поводом к выплеску страстей стало то, что, по словам одного из полицейских, кто-то будто бы выстрелил в толпу. Наиболее яростные элементы стали громить магазины, повыбивали стекла в Бермановской аптеке на Николаевской улице. В этот черный для Вятки день в результате трагических событий, которые нельзя назвать иначе как погром, было убито шесть человек (из них три подростка) и ранено двадцать девять [2]. Среди убитых оказался судья 2-го участка Вятки, домовладелец, сын торговца, двое учащихся – гимназист и реалист, аптекарский ученик. Еще один пострадавший, сын священника умер в больнице.

Следует отдать должное жандармскому подполковнику Массалитинову и полицейским чинам, старавшимся воспрепятствовать разгулу толпы. Массалитинов свидетельствовал: “22 сего октября около часа дня, после благодарственного молебна… я возвращался домой в гостиницу Чучалова. Не доходя шагов 150 до подъезда, на мостовой Спасской улицы посреди толпы я увидел распростертого на земле изуродованного от побоев умирающего человека, оказавшегося мировым судьей Коробовым. Повода к этому самосуду никто из окружающей толпы объяснить мне не мог. Вслед за этим я увидел, что толпа бросилась во двор Чучалова через ворота, ведущие в него с Николаевской улицы…” Массалитинов заметил, как некоторые из озверевшей толпы свалили на землю какую-то женщину, “стали наносить ей жестокие побои руками и ногами; некоторые становились на нее ногами и подпрыгивали, чтобы всею тяжестью нанести возможно сильнее повреждения своей жертве”. Городового, бывшего рядом с подполковником, избили. Массалитинов и помогавший ему вахмистр все же сумели спасти женщину и укрыться в номерах Чучалова. Подполковник едва спасся от “черной участи”, хотя и получил сильные ушибы в голову.

Рота Котельничского батальона не смогла защитить горожан от погромщиков. Губернатор приказал установить в городе ночное дежурство военных, взять под охрану водопровод, электрическую и телефонную станции, гостиницу Чучалова, фельдшерскую школу, общежитие реального училища, а позднее и вокзал. Под

[1] Очерки истории Кировской организации КПСС. Часть первая (1898-1918). Киров, 1965. С. 156.

[2] Судовиков М.С. Черные дни 1905 года… С. 57.

охрану взяли также квартиры городского головы Якова Поскребышева и члена губернской земской управы Ключарева.

Следующий день прошел вроде бы спокойно. Епископ Вятский и Слободской Павел в “Вятском вестнике” (1 ноября 1906) осудил деяния погромщиков: “Горе тем, которые вызвали к этому преступлению, так и тем, которые совершили его”. Еще он сказал, что Россия переживает “тяжелое и скорбное время”, что после войны с Японией власти приходиться бороться с еще более опасным врагом, который, желая ниспровержения “векового строя”, “производит… среди мирных граждан и тружеников-мирян смуты, волнения, насилия и даже кровопролития… Русь наша святая во время своего тысячелетнего существования стояла и стоит по сие время на трех коренных и основных началах – это на вере православной, крепком и тесном единении со своим царем и искренней неподдельной любви к своей родине – своему отечеству”.

Губернатор советовал горожанам “не останавливаться на улицах и площадях, избегать сборищ и участия в толпе и быть на улице осторожными”. А по городу распространялись тревожные слухи о предстоящих избиениях и новых погромах. В ночь на 24 октября в городе раздались выстрелы. Стрелявших не нашли. Был всего лишь разбит уличный фонарь. Этим пока все и закончилось.

Донося в столицу о происшедшем, Левченко писал о либеральной настроенности земской и городской управ, о том, что, “оставаясь глубоко приверженным самодержавию, население грозит истреблением всех социалистов”. Прокурор Вятского окружного суда предложил провести следствие “о беспорядках, имевших место 22-го октября 1905 года в городе Вятке, при которых совершен ряд убийств, истязаний, грабежей и других насильственных действий…” [1] (Позднее чарушинский “Вятский край” поместил информацию, посвященную рассмотрению дела о погроме Вятским окружным судом. В 1907 году по делу о погроме суду предали 30 человек).

Драматические события прокатились и по уездным городам. В Уржуме, по свидетельству городского головы, “по два дня была уличная демонстрация с пением революционных песен, учебные заведения по требованию демонстрантов были закрыты. В городе образовалась противная партия, которая ходит по улицам с шумом, избивает демонстрантов и разбивает окна в их домах”.

В другом уездном городе Нолинске прошло собрание “политиков”. Они сначала пропели “гимн свободе”, затем начались речи с обвинениями царя, с объяснениями, что манифеста 17 октября добились “благодаря многих жертв”. Устроителей собрания попросили запеть “Дубинушку”. В знак протеста кто-то затянул “Боже, Царя храни…” “Социалисты” якобы запретили петь царский гимн. Недовольный “певун” разразился “скверноматерной бранью”. Началось выбивание стекол в домах “политиков”. На другой день “хулиганы” осадили квартиру секретаря уездной земской управы. Тогда же был избит прямо на глазах полиции учитель. Председатель земской уездной управы написал письмо

[1] Вятская речь. 1905. № 226. 25 окт.

губернатору с просьбой принять “незамедлительные и энергичные меры против хулиганского движения”. Он сообщал, что нолинская полиция отказалась составить протокол о погроме в одной из квартир “политиков”. Мотивация “стражей порядка” была бесподобна – “теперь свобода, и полиция ничего не может”. В консервативной среде нолинцев раздавались такие суждения: “Следовало бы этих политиканов хорошенько поучить, как их поучили в Вятке”.

Обошлось все спокойно в Слободском. В Яранске три социал-демократа получили подметные письма. Одному из них грозили свернуть шею, а еще велели передать его другу, что если тот “будет говорить увлекательные речи и привлекать на свою сторону крестьян”, то с него с живого шкуру сдерут, как с зайца, и повесят на березе. Еще одного “политика” грозили пристрелить, а еще одного утопить в проруби, а какому-то “яранскому пролетарию” обещали раскроить череп “за его речи бестолковые и за бунтующие слова”. Завершалось послание словами: “Да здравствует батюшка-царь, долой внутренних врагов-бунтовщиков”. Под письмом стояла подпись – “Яранский комитет черной сотенки” [1].

На родине Чарушина в Орлове ходили слухи, что “партия черной сотни” собирается громить уездную земскую управу, народный дом, общежития учащихся. Будто было замечено “прибытие в город босяков”. Но все же особых происшествий не случилось. Правда, один ученик рассказал учителям, что повстречал какого-то человека, который, замахнувшись как бы для удара, крикнул: “Бунтовщик! Приехал из Вятки сюда бунтовать”. Священник-просветитель о. Николай Блинов, живший тогда в Орлове, вспоминал: “В дни “свобод” хотя и появлялись хулиганства, но зверства, как в Вятке не было… В городе хоть хулиганы – мужички-пьянчужки и пытались что-либо сделать дурное, но не смогли. К нам даже приходили двое. Кухарка сеяла муку, они рассыпали ее, шумели: “Нам все дозволено, нам ничего не будет, от губернатора приказ”. Но через парадный ход позвали полицейского, безобразие прекращено” [2].

События же в самой Вятке принимали все более угрожающий характер.

“Публика вооружалась для защиты от черносотенцев, а также и для охраны крестьянского съезда, имевшего собраться в декабре. В этом же месяце, по связи с Москвой, и здесь в Вятке имело место вооруженное выступление эсеровской молодежи и участников крестьянского съезда. С арестом повстанцев, движение, охватившее все слои населения, не прекращалось. Живое участие в различных общественных начинаниях пришлось принять и мне”.

В конце ноября – начале декабря прошел губернский съезд Крестьянского союза с четырьмя сотнями представителей от шести уездов. Съезд, собравшийся без разрешения губернских властей, постановил присоединиться к Всероссийскому Крестьянскому союзу, избрал постоянный комитет. Среди

[1] Судовиков М. Черные дни 1905 года… С. 58, 59, 60.

[2] Блинов Н.Н. Дань своему времени. Архив Е.Д. Петряева.

инициаторов созыва съезда Крестьянского союза в Вятке был Афанасий Соболев, учитель Петр Куличенко, крестьянин Иван Майоров... Полиция, да и сам губернатор возможно излишне тенденциозно аттестовали эту организацию: “Так называемый Крестьянский союз состоит почти исключительно из социалистов, что в нем больше лиц других сословий, чем крестьян” [1]. Вятский комитет партии социалистов-революционеров отпечатал листовку, датированную 29 ноября, в которой говорилось, что губернатор не имеет права разгонять съезд, поскольку это противоречит царскому манифесту от 17 октября [2].

Съезд принял несколько резолюций. В одной из них о манчьжурской армии были такие слова: “Правительство боится, что приехав из Манчьжурии, солдаты будут стоять заодно с народом против правительства и полиции”. Другая резолюция “По поводу ильинских событий” касалась местных дел. Она так передавала слова вице-губернатора Мирковича, возмущенного тем, что крестьяне, подогретые пропагандой эсеров, оказывали неповиновение властям.: “Нужно выбить всю эту дрянь. Всех политиков выбьем, всех перехватаем. Теперь вот стражников прислали. Но у царя-батюшки есть солдаты и казаки” [3]. Крестьян жестоко избивали, более тридцати из них бросили в тюрьму и продержали там около четырех месяцев. Такие акции, происходившие не только в Ильинской волости, лишь умножали ненависть крестьян, а особенно деревенской молодежи, которую настраивала революционная пропаганда.

Кроме крестьян на съезде присутствовали рабочие, солдаты, служащие. Охраняли съезд солдаты 231-го Котельничского батальона, самовольно оставившие казарму. Они высказывали сочувствовавшие эсерам. Командир батальона полковник Нестеренко заявил губернатору, что не ручается за своих солдат. Губернатор не решился разогнать делегатов съезда. Он сообщил в Департамент полиции, что “батальон вообще недисциплинированный… третья, четвертая и пятая роты по имеющимся агентурным сведениям на стороне социал-революционеров… в настоящее время роты не позволяют арестовать начальству известных уже агитаторов” [4]. Вольноопределяющегося Шубина и солдат Фабричного, Захаровича, как наиболее революционно настроенных, решено было перевести в другие части. Фабричного признали больным, но он сбежал из больницы, а 18 декабря смертельно ранил командира батальона. Петр Васильевич Нестеренко, отец семерых детей, скончался на другой день в губернской земской больнице, куда его перенесли для операции. (Убийца полковника, окруженный ореолом “революционного героизма”, отбывал каторгу, а в советские годы, вступив в “Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев”, помещал в журнале “Каторга и ссылка” статьи о пребывании на каторге).

---

[1] Балыбердин Ю.А. Указ соч. С. 112.
[2] ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 129. Л. 34.
[3] Там же. Л. 33.
[4] Балыбердин Ю.А. Указ. соч. С. 113.

Город был встревожен известиями о происходящем. Некая мещанка, прибиравшаяся в магазине компании “Зингер”, сказала служащей магазина: “Что у нас делается в Вятке, убили полковника”, а в ответ услышала крамольные слова: “Надо еще убить губернатора”.

В тот же день, когда был убит полковник Нестеренко, произошло вооруженное столкновение боевой группы эсеровской молодежи и участников крестьянского съезда с полицией и войсками. По архивным данным дело обстояло так... Еще 15 декабря на Московской улице в квартире Куличенко, одного из организаторов Крестьянского союза в Вятке, был произведен обыск. Оказалось, что предыдущей ночью эсеры привезли сюда винтовки, похищенные, как выяснилось позднее, двумя днями ранее со склада уездного воинского начальника в городе Слободском. Всего тогда похитили 313 винтовок. (Правда, называлось и гораздо большее их количество). В похищении винтовок подозревался Афанасий Соболев.

К дому, где квартировал Куличенко, явились полицмейстер, два полицейских чиновника, исправник, двадцать шесть городовых и десять стражников. Сорвали крюки черного входа. В квартире обнаружилась целая толпа, вооруженная винтовками с примкнутыми штыками. Сдаться боевики отказались. На помощь полиции прибыла рота Котельничского резервного батальона. Солдаты, отбиваясь от штыков оборонявшихся, заняли помещение. С обеих сторон оказались легко раненые. Двадцать пять арестованных отправили в тюрьму. В доме были взяты тридцать две винтовки, револьвер, пачки патронов. Кроме того там нашли массу прокламаций и брошюр [1].

18 декабря в пять часов утра на городской водокачке под крутым обрывом, спускающемся к реке, собрались вооруженные винтовками боевики. Местные социал-демократы не оказали содействия эсерам, отговаривая от этого и рабочих. Более того, боевая дружина Вятского комитета РСДРП отказалась пойти на выручку эсерам.

В помощь полиции подошла рота Котельничского батальона. На предложение сдаться боевики ответили, как и на Московской улице, отказом. В 10-11 часов выручать засевших на водокачке вышла группа дружинников человек в тридцать, вооруженная винтовками. При виде солдат, они укрылись в одном из домов на Кикиморской улице. (Известный в Вятке доктор Мышкин в детстве жил в этом доме. В 1960-х годах он рассказывал автору этих строк, как забежавшие в дом боевики приказали жильцам лечь на пол, чтобы не попасть под пули стрелявших с улицы солдат и полицейских. В конце 70-х годов при рытье траншеи возле этого дома был найден заржавленный револьвер). Перестрелка продолжалась около часа, после чего дружинники сдались. Двадцать два боевика были схвачены полицией. Остальные сумели спуститься с крутого обрыва и сбежать по льду за реку. В перестрелке боевики убили двух солдат и нескольких ранили. Среди дружинников оказались девять раненных. Боевикам, окруженным на

[1] ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 47. Л. 1.

водокачке, в двенадцать часов дня было предложено сдать оружие. Они ответили отказом, заявив, что скорее погибнут. По просьбе дружинников на переговоры был приглашен Александр Гурьев, служивший в губернской земской управе и аттестованный по полицейским документам, “как лицо в городе, пользующееся наибольшим доверием среди революционной массы”. С полномочиями, полученными от боевиков, он встретился с губернатором.

Левченко пообещал выпустить дружинников на честное слово с условием сдачи оружия. Однако во время разговора Гурьева с губернатором тому доложили, что народ и нижние чины Котельничского батальона озлоблены на боевиков за убийство двух солдат и за раненых в перестрелке. Тогда Левченко заявил Гурьеву, что берет свои слова назад. Гурьев ответил: “Я передам это, но имейте в виду – жертв и кровопролития будет много”. После окончательных переговоров Гурьева и городского головы Якова Поскребышева с дружинниками, те сдались [1].

Скромные похороны пятнадцатилетнего крестьянского паренька Петра Пахомова из Сарапульского уезда, попавшего то ли под пули боевиков, то ли солдат совпали с торжественными похоронами полковника Нестеренко, начинавшего свой воинский путь еще в русско-турецкую войну на Балканах, и двух солдат, погибших в перестрелке.

В числе задержанных боевиков оказались крестьяне, мещане, учащиеся реального и технического училищ, два студента, бывший почтово-телеграфный чиновник, который незадолго до этого стрелял в своего начальника по службе. Среди них попался 17-ти летний Ярослав Авейде, сын участника польского восстания 1863 года Оскара Авейде, “адвоката для бедных”, добрая память о котором долго сохранялась жителями Вятки и губернии. (В июне 1906 года Ярослава освободили из тюрьмы залог в 500 рублей, однако он сбежал, был задержан в Самаре, срок ему за побег увеличили. К трем годам и четырем месяцам прибавили еще полтора года). Были в числе задержанных в доме Мышкина студент Медицинской академии Никодим Крестьянинов и нолинский мещанин Сергей Крестьянинов, возможно, братья. Никодим в перестрелке был ранен, отправлен в губернскую больницу, откуда совершил побег, скрылся за границу, долго пребывал в эмиграции. Имя Сергея Крестьянинова еще возникнет в связи с Чарушиным.

Министерство Внутренних Дел объявило Вятскую губернию в состоянии усиленной охраны. 28 декабря губернатор отдал распоряжение: “Во избежание могущих быть беспорядков никаких собраний в городе Вятке не будет разрешаться до особого распоряжения. Всякого рода сборища на улицах, площадях и проч. воспрещаются и будут рассеиваться, а в случае сопротивления будут приниматься решительные меры”.

Тем не менее, “сборища” продолжались. 24 марта в четыре часа пополудни на берегу Вятки около тюрьмы собралось до двадцати учащихся из реалистов и

[1] Там же. Оп. 168. Д. 438. Л. 12.

“техников” – воспитанников технического училища. Они слушали, как из тюрьмы в открытые окна раздавалось пение “Марсельезы”… Видимо, с наступлением теплой погоды “сборища” у тюрьмы становились все многолюднее… 13 апреля 1906 года от реки к тюрьме подошли группы рабочих и кричали арестантам, что завтра они работать не будут, что явятся полторы тысячи человек для освобождения всех заключенных. Стражников окружила возбужденная толпа, и они оказались бессильны навести порядок. Далее с 14 по 18 апреля продолжались беспорядки у тюрьмы. Около пяти часов дня к берегу против тюрьмы подплывали лодки, люди в них размахивали красными флагами, пели революционные песни. Собравшихся насчитывалось от ста до двухсот человек, преимущественно учащихся, а частично рабочих. Арестанты выставляли из окон, стекла в которых были выбиты ими же, красные лоскуты материи на древках, тоже пели, как и находившаяся у тюрьмы публика, революционные песни. (В тюремных окнах было выбито 150 стекол). В конных стражников и тюремную стражу летели камни. Многие из стражников получили серьезные ушибы камнями, одному из них пущенный острый камень пробил щеку. Раны и повреждения наносились и проходившим мимо тюрьмы людям. Около восьми часов вечера разгоряченная публика удалялась в расположенный неподалеку Александровский сад, где продолжались антиправительственные речи и соответствующие песнопения. Обыватели с улиц, находившихся близ тюрьмы, возмущенно говорили о полном бессилии администрации и даже правительства, а “малоразвитая публика” среди этого населения, по сообщению начальника Вятского губернского жандармского управления прокурору, была “близка к проявлению актов самосуда, подобных происходившим в Вятке 22 октября” [1].

ГАЗЕТНОЕ ДЕЛО

“В конце 1905 г. были изданы “Временные правила о печати”. Группа сторонников открытой политической деятельности, в числе которых был и я, пользуясь открывшейся возможностью, предприняла издание в Вятке общественно-политического органа печати левого демократического направления с народническим уклоном, но беспартийного. Еще в бытность мою в Москве я получил на издание от известного издателя А.П. Чарушникова, вятича по рождению, 2 000 р. Кроме того, было собрано до десятка сторублевых взносов от сочувствующих изданию в самой Вятке. В декабре этого года была выпущена ежедневная газета “Вятская жизнь”.

Первая революция оказала сильнейшее воздействие на жизнь столичных и провинциальных газет. Важнейшим событием для развития печати стал Манифест от 17 октября 1905 года. Затем вышли “Временные правила о печати”.

[1] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 60. Л. 118, 121, 126, 126 об.

“24 ноября 1905 г. специальным указом декларировалось устранение административного вмешательства в дела прессы, восстанавливался порядок судебной ответственности за преступления в печати. На работников печати могли накладываться денежные штрафы, арест до трех месяцев, тюремное заключение от двух месяцев до полутора лет, ссылка на поселение. Оставалась в практике Главного управления по печати МВД и полиции конфискация номеров, приостановка неугодных изданий, закрытие типографий… Одновременно все чаще стали практиковаться субсидии изданиям правительственной, консервативной ориентации” [1].

Появилась возможность развития легальной многопартийной печати без предварительной цензуры. Оппозиционные силы Вятки не преминули воспользоваться “Временными правилами о печати”. До этого в губернии выходили официальные “Вятские губернские ведомости”, земство выпускало “Вятскую газету”, печатным органом вятского духовенства были “Вятские епархиальные ведомости”. По новым правилам о печати в Вятке начала выпускаться “Крестьянская газета” проэсеровского направления, издателем которой стал статистик Александр Александрович Гурьев, а редактором инженер-технолог Дмитрий Петрович Бирюков. Однако репрессии, обрушившиеся на “Крестьянскую газету”, вынудили Бирюкова покинуть Вятку и редакторские обязанности взял на себя юрист Иосиф Андреевич Владиславлев. В противовес демократической повременной печати выходил консервативный “Вятский вестник” – “общественная и литературная газета, особое издание неофициальной части “Вятских губернских ведомостей”. Издавались и другие газеты, просуществовавшие, правда, краткое время. Подпольно печатался большевистский “Вятский листок”, позднее названный “Рабочим листком”.

В Вятской губернии либерально-народническая печать интенсивно поддерживалась земством, заслуженно снискавшем прозвание “мужицкого”, интеллигенцией и грамотными крестьянами, которых в крае становилось все больше.

Задумал издание собственной газеты и Чарушин. Газеты “Вятская жизнь”, “Вятский край”, “Вятская речь”, выходившие последовательно с конца декабря 1905 по конец декабря 1917 года, душой которых стал Николай Аполлонович, имели достойную предшественницу – газету “Вятский край” (1895-1898), издававшуюся вятчанином, уроженцем Омутнинского завода Петром Александровичем Голубевым, ранее участником народнического движения. Опыт газетного дела у Голубева имелся. Еще в период ссылки в Томск он успешно сотрудничал в “Сибирской газете”.

О голубевском “Вятском крае” среди крестьян ходили своеобразные слухи. Вот какую “народную легенду” услышал от крестьянина-пациента народный врач и просветитель Савватий Иванович Сычугов. В бумагах Голубева сохранилось письмо Сычугова земскому и городскому деятелю города Орлова М.Н. Булычеву.

[1] Есин Б.И. История русской журналистики (1703). М., 2000. С. 60-70.

Оно отражало народные взгляды “на вновь возрождающиеся социальные явления, в данном случае, на возникающую независимую газету”.

“Сообщу Вам прекурьезную вещь, – писал Сычугов. – В моей амбулатории мне удалось услышать целую легенду относительно “Вятского края”. Какой-то серый мужичок рассказывал другому следующее…”

Узнав, что в Вятской губернии бедный люд страдает от злоупотреблений и лихоимства чиновников, царь выбрал из своих генералов “самого справедливого и доброго до мужиков”, и сказал: “Поезжай в Вятку, узнавай все, что делают чиновники с мужиками и не давай их в обиду”. По прибытии в Вятку царский посланец повсюду разослал “надежных людей”, дабы они, занимаясь как бы своими делами, все выглядывали, “не кривит ли кто душой, не обижает ли нашего брата”. Он разослал повсюду “надежных людей, которые как будто занимаются своим делом, а сами все выглядывают, да вынюхивают, не кривит ли кто душой, не обижает ли нашего брата”. И как только они что-нибудь узнают, так сейчас и пишут царскому посланцу. “А он велит об этом напечатать в газете, которую и посылают батюшке-царю”. К сожалению, Сычугов не успел поговорить с рассказчиком, так как пока занимался с очередным пациентом, тот с товарищем ушел. Рассказанное относится к 1895 году, к началу издания голубевского “Вятского края”.

Передавая этот характерный для неизжитой наивной крестьянской психологии того времени “слух”, Сычугов тогда заметил: “Знаете, я думаю просить губернатора, не разрешит ли он выписать в библиотеку “Вятский край”. Думаю написать ему письмо пообстоятельнее, да, может быть, сообщить ему и самую легенду, чтоб показать, что лучше будет, если крестьяне сами будут читать легендарный орган. Те из них, которые часто трутся в правлениях, и теперь имеют возможность читать “Вятский край”. Лучше было бы, если бы удалось лично поговорить с губернатором, но это невозможно. В поддевке к нему неприлично, а сюртука у меня нет”.

Речь шла о библиотеке, созданной врачом-подвижником в селе Верховино в северной части Орловского уезда, где практиковал народный врач. Оказывается, власти чинили препятствия проникновению демократической газеты к крестьянам.

Просветитель-подвижник Сычугов умер в 1902 году. “Нам неизвестно, – комментировал Голубев его письмо орловскому земцу и саму легенду, – добился ли покойный осуществления своего желания, как неизвестно, продолжает ли в с. Верховинском существовать устроенная им и обеспеченная капиталом народная библиотека”. Библиотеку, земство расширило. С 1907 года она стала называться “Народной библиотекой имени врача С.И. Сычугова”.

“Легенда-то легендой, а ведь мысль-то в ней хорошая”, – заключил ее изложение Савватий Иванович, имея в виду, конечно, не “батюшку-царя”, якобы

заинтересованного узнать о жизни народа, а идею правдиво рассказать в доступной всем газете об “увиденном-услышанном” [1].

Продолжая голубевские традиции, но в совершенно иных условиях приступал к газетному делу в конце 1905 года Николай Аполлонович. Он обратился к губернатору с прошением об издании общественно-политической газеты: “Я намерен с декабря месяца сего года издавать в г. Вятке без предварительной цензуры ежедневную общественно-политическую и литературную газету под названием “Вятская жизнь” ценою в 6 руб. в год, причем ответственным редактором выставляю заведующего оценочной статистикой Александра Александровича Гурьева. Печататься газета будет в типографии П.Д. Харитонова. 23 ноября 1905. Николай Аполлонов Чарушин” [2].

Чарушин должен был торопиться. Почта в тех сложных условиях действовала ненадежно. Поэтому губернатор А.Г. Левченко не преминул известить Управление Министерства Внутренних Дел, что в Вятке еще не получен номер “Правительственного Вестника” с новым законом о печати, вероятно, по причине утраты почтой пакета: “Между тем, имеются крайне настойчивые ходатайства на издание местных газет. Прошу разъяснения могут ли выдаваться мною такие удостоверения до получения в губернию закона и напечатания его в “Губернских ведомостях”, в виду такого исключительного обстоятельства” [3].

22 декабря Чарушин получил свидетельство от губернатора: “На основании статьи 4-й закона 24 ноября 1905 года дано это свидетельство проживающему в Вятке Николаю Аполлоновичу Чарушину в том, что он состоит ответственным издателем разрешенной мною к выпуску в свет в городе Вятке общественно-политической и литературной газеты под названием “Вятская жизнь”, а А.А. Гурьев ответственным редактором этой газеты”.

Чарушин изложил губернатору программу газеты. В ней намечалось публиковать информацию о действиях и распоряжениях правительства, телеграммы, статьи по внешним, внутренним и местным вопросам, внутренние и иностранные известия, сообщения о местной жизни, городской и сельской, обзоры писем, предполагались публикации литературного и научного характера, библиографический и справочный разделы.

А.А. Гурьев, уроженец г. Ялуторовска в Сибири, ушел с III курса Технологического института. Находился под негласным надзором полиции в Вятке. Служил заведующим оценочным статистическим столом в губернской земской управе. Он успешно редактировал голубевский “Вятский край” на закате его существования, был издателем “Вятской газеты”. Выбор Чарушина оказался далеко не случайным. Вятский полицмейстер давал Гурьеву, придерживавшемуся “крайне либеральных взглядов”, да вдобавок находившемуся под негласным

[1] Голубев П.А. Народная легенда о Вятском крае (К истории вятской прессы) // Вятская речь. 1909. № 153.

[2] ГАКО. Ф. 582. Оп. 166. Д. 184. Л. 1.

[3] Там же. Л. 3.

надзором, следующую аттестацию: “Посещая бывшие в Вятке в 1905 году митинги, считал для себя необходимым сказать на них что либо могущее служить к ослаблению власти высших административных лиц” [1].

В первом номере “Вятской жизни” сообщались условия подписки: годовая – 6 р.; на полгода – 3 р.; 3 мес. – 1 р. 75 к.; мес. – 65 к.; 1 номер – 5 к. Было объявлено, что газета выходит ежедневно кроме праздничных дней. “Цель газеты – всестороннее освещение местной жизни, служение нуждам и интересам местного населения. Газета будет отстаивать народовластие в государственном и местном управлении и национализацию земли в экономической жизни”.

Редакция извещала: “Вятская жизнь” является уже вторым независимым органом в г. Вятке. Ее предшественником был “Вятский край”, просуществовавший три с небольшим года (2 марта 1895 – 2 июня 1898 г.) Смерть его, как и большинства подобных независимых газет в России, была насильственной... Настоящие политические условия, при которых возникает “Вятская жизнь”, совершенно отличны от тех, что были 7-8 лет тому назад, как со стороны требований читателя, так и с внешней стороны. Если прежде перед провинциальным органом стояла лишь мирная культурная работа, то теперь перед ним выступает ответственная задача политического воспитания народа... Возникая в губернии с населением, почти исключительно крестьянско-земледельческим, “Вятская жизнь” уже этим самым должна будет уделять главнейшее свое внимание на крестьянский вопрос...

Суть этого вопроса заключается в благополучии крестьянства, его политическом возрождении и экономической обеспеченности. Для политического же возрождения крестьянства, кроме обещанных уже гражданских свобод, требуется уничтожение сословности, снятие с крестьян бюрократической опеки и предоставлении им одинаково с прочими участия в государственном управлении... Земля, как не изменяющийся количественно основной источник существования всего народа, не должна быть предметом частной собственности, отчего и происходят наши главные социальные неустройства. Она должна находиться в пользовании каждого, желающего ее обрабатывать или эксплоатировать собственными силами. Приступая к работе, мы просим у друзей своих их содействия и сотрудничества”.

Уже в послереволюционные годы Чарушин писал о направленности своего издания в рукописи “Краткие сведения о газетах “Вятская жизнь”, “Вятский край” и “Вятская речь” [с 24 дек. 1906 по 20 дек. 1917]”: “Одной из главных задач новой газеты ставилось продвижение в народные массы основных лозунгов революции в области социально-экономической и политической… Инициаторы и руководители газеты совершенно сознательно не пожелали приурочивать свое издание к какой-нибудь из определенных политических группировок левого течения, по существу родственных в социально-экономических заданиях и почти

[1] Там же. Оп. 168. Д. 438. Л. 1.

тождественных в политической области, полагая, что при данной конъюнктуре, в особенности в крае, только начинающем жить политической жизнью, не следует бить на разъединение и развитие междупартийной страсти, ослабляя тем самым напор общего врага”[1]. Такая позиция, давала ряд преимуществ: не препятствовала участию в газете представителей различных политических течений левого лагеря, обеспечивала возможность ее широкого распространения и влияния на население губернии.

Какие преимущества видел Чарушин в таком подходе? Не препятствовать участию в газете разных политических течений левого лагеря; обеспечивать легальный выход газеты и возможность широкого ее распространения и влияния на народные массы и общественные круги.

“Вятская жизнь” выходила с 24 декабря 1905 г. по 22 августа 1906-го. Редакторами ее последовательно работали А.А. Гурьев, П.А. Голубев И.А. Владиславлев. Издателем газеты стал Николай Аполлонович.

ИЗ ПЕРВОГО НОМЕРА “ВЯТСКОЙ ЖИЗНИ” (24 декабря 1905).

Последние известия.

“В Преображенском лейб-гвардии полку среди солдат возникло брожение, вызванное мерами предостережения возможности солдат знакомиться с текущим настроением общества. Меры эти выразились в запрещении солдатам читать и приобретать газеты, кроме некоторых, одобренных для чтения”.

“5-го декабря во всех полках Московских гренадерских дивизий царило спокойствие. Офицеры и фельдфебели находятся все время в казармах и зорко следят за своими подчиненными…”

“Москва. 17 декабря. Сегодня с 6 часов утра со стороны Пресни начали доноситься раскаты новой канонады. Орудия заговорили с такой силой, какой Москва, ко всему уже привыкшая, до сих пор еще не слыхала. Пресня берется штурмом. Подведены пушки и пулеметы… В Москве творится нечто ужасное. Город представляет из себя непрерывный ряд баррикад со многими разрушенными зданиями. “Работают” там казаки и драгуны, не остаются без дела хулиганы”.

“В Саратовской губернии разгромлено 59 имений, в Тамбовской – 43 усадьбы”

“В Симферополе распространился слух, что капитан Шмидт (на самом деле – лейтенант. – В.С.) вместе с 17 -летним сыном бежал из Очаковской

[1] Чарушин Н.А. Краткие сведения о газетах “Вятская жизнь”, “Вятский край” и “Вятская речь” [с 24 дек. 1906 по 20 дек. 1917]. РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1. Машинопись с правкой Н.А. Чарушина.

крепости. И с ним бежал и карауливший их конвой. Проверить этот слух, разумеется, нет возможности…”

“В Москве стоят не отправленными 26 вагонов почт”.

Местная хроника.

“Зверские избиения интеллигенции черной сотней, бывшие 22 октября и обнаруживающие при этом бездействие властей, заставили граждан озаботиться приобретением средств самозащиты”.

“18 декабря рядовым Фабричным был смертельно ранен командир 321-го Котельничского батальона полковник П.В. Нестеренко… На другой день полковник скончался в больнице губернского земства, куда был перенесен для операции…”.

“Наблюдатель 5-ти рублевой библиотеки в селе Покровском Котельничского уезда просит губ. управу увеличить количество книг в библиотеке. В виду громадного спроса на книги в деревне существующие библиотеки оказываются недостаточными и просителям часто отказывают в книге”.

Телеграмма из Вятки С.Ю. Витте. “Представители общественных учреждений, групп и организаций, входящие в состав думской комиссии текущих дел, обсудив вопрос об учреждении городской охраны, между прочим, признали, что поведение вице-губернатора Вырковича, под руководством которого производились насилия полиции над крестьянами Слободского уезда и который братался 22 октября с участниками патриотической манифестации, производившими убийства, насилия и грабежи на улицах города, является позорным для администрации”.

“22 декабря в помещении губернской управы состоялось организационное собрание конституционно-демократической партии… Записалось до 30 человек. (Присутствовало до 40)”.

Из стихотворения поэта Павла Второва, сотрудничавшего в чарушинских газетах:

И вожделенный миг настал,
Народ разбил свои оковы.
Свободы первый яркий луч
Блеснул, прорезав мрак суровый

Возникал насущный вопрос о средствах на издание газеты. Чарушин вспоминал, что прогрессивный книгоиздатель Александр Петрович Чарушников, вятчанин по рождению, уроженец Глазова, обещал ему “и в будущем содействовать покрытию неизбежных, в особенности в первые годы, убытков по изданию. Этим содействием А.П. Чарушникова финансовые затруднения в значительной степени устранялись”. Поддержку газетному делу Чарушина

оказывал также крупный пермский судовладелец Н.В. Мешков. Для покрытия дефицита по изданию газеты Чарушину приходилось ежегодно совершать поездки в Москву и Петербург, чтобы, “тормошить своих состоятельных приятелей, никогда, правда, не отказывавших, по сочувствии к газете, в этой маленькой для них услуге”. Помощь газете и позднее поступала от самых разных людей. Ф.И. Шаляпин обращался к Николаю Аполлоновичу в “Вятской речи” (1908, 24 ноября): “Позвольте мне, как вятичу, принести посильную помощь Вашей газете – я знаю как читающая публика нуждается в Вашем печатном органе. Прилагаю при сем 200 (двести) рублей. Артист Федор Шаляпин. 20. XI. 1908. СПб”.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ “ВЯТСКОЙ ЖИЗНИ”

1905.

№ 4. 29 декабря. “Петербургская газета” передала, что герой Чемульпо, бывший командир крейсера “Варяг”, капитан первого ранга, георгиевский кавалер и флигель-адъютант В.Ф. Руднев лишен придворного звания и исключен из службы за отказ от командировки в Кронштадт для усмирения взбунтовавшихся матросов во время последних беспорядков”.

№ 5. Подробное описание перестрелки эсеровских боевиков с солдатами и полицией у дома Мышкина на Кикиморской улице в Вятке.

№ 11. Объявление подписки на журнал “Былое”, – “журнал внепартийный и посвященный истории освободительного движения в России”.

№ 12. В январе газета вспомнила годовщину “кровавого воскресенья”, перепечатала петицию рабочих, шедших к Зимнему дворцу, поместила стихотворение П. Второва “Жертвам 9 января 1905 г.” Корреспонденция из Ижевского завода сообщала о расправе полиции над рабочими, решившими отслужить панихиду по погибшим год назад в Петербурге. Рабочих избивали, “многие из избитых, вероятно, останутся калеками на всю жизнь”

№ 23. Перепечатка стихотворения в прозе И. Тургенева “Порог”.

1906.

№ 45. 18 февраля. “Пробуждение деревни”. Корреспонденция из Слободского уезда. “Крестьяне с жадностью набросились на газеты и книги, на всякий случайно подвернувшийся под руку лоскуток печатной бумаги. Они во всем и всюду ищут ответа на “проклятые” вопросы, сверлящие их упрямый мозг… Они ценят тех людей, которые осмеливаются честно и открыто, несмотря на гонения и репрессии, сказать им эту желанную правду!..”

№ 52. 26 февраля. “Зверства полиции (Письмо из Слободского). “Во всех концах Слободского уезда свищут нагайки и всюду несутся вопли и стоны избиваемых... В с. Сезеневе был избит крестьянин д. Росляковской, у которого были страшно исполосованы лицо и голова. У одного новобранца была ранена грудь... В с. Трехключинском в субботу на масленой был зверски избит четырьмя командированными туда стражниками десятник Федот, крестьянин д. Строгали. Его лицо иссечено вдоль и поперек и представляет одну страшную кровавую рану... Один пьяный стражник вскочил на лошади даже на лестницу, гоняясь за народом... Свидетельница этого, девятилетняя девочка, была так напугана, что не могла, говорят, успокоиться целый день. Возвращаясь, стражники встретились с крестьянином Евдокимом Павловым Поскребышевым, который ехал со своей женой. Он не успел во время своротить – и один из стражников хлестнул женщину нагайкой по лицу, которое сразу залилось все кровью... Такие же избиения были в с. Совье, где конные стражники хлестали кого попало... Я вот всажу в тебя все пули и мне ничего не будет, такая мне власть дана! – грозит урядник крестьянину Е.В. с. Шестаково револьвером. Дикий произвол развернулся во всю. Но приходит ли в голову нашим укротителям... мысль о том, что не всегда же будет длиться такое время, что, несмотря на все плети, скоро наступит иной порядок? Думают ли они о том ответе, какой им придется держать перед народными представителями? Вспоминают ли они, разнуздавшиеся насильники, русскую пословицу: “Отольются волку овечьи слезы”?

№ 59. 7 марта. Корреспонденция из села Шешурга Яранского уезда. “Между полицией и крестьянами в числе около 400 чел. произошло настоящее сражение, на котором был побит становой пристав, прогнан помощник исправника, убит один стражник и десятеро ранено”.

№ 63. 11 марта. “9 марта воспитанники семинарии просили ректора отслужить панихиду по погибшем за свободу русского народа П.П. Шмидте. Ректор не решился разрешить панихиду собственной властью, но обещал походатайствовать перед епископом. Ответ получился, конечно, отрицательный. Любопытно, что распоряжением епархиальной власти от 23 января 1906 г. разрешено было служить панихиды даже по социал-демократам, а П.П. Шмидт был только конституционалист-демократ”.

№ 61. 9 марта. Павел Второв. “Кто он?”

Он сегодня радикал,
Завтра консерватор…
Кто ж, скажите, – флюгер он
Или провокатор?

Правды он не говорит,
Вечно лицемерит,
И давно его словам
Уж никто не верит…

Он с эсерами эсер,
И кадет с кадетом,
С земцем – “красный либерал”
И эсдек при этом.

С патриотом – патриот,
И в экстазе рьяном
Он готов идти на бой
Вместе с хулиганом”.

№ 72. 22 марта. Информация о том, что газету “Вятская жизнь” не допускают к продаже не вокзале. (А в Котельничском уезде ее отбирали у крестьян при обысках).

Газета сообщила и об проведении 26 марта 1906 года собрания Вятского отделения партии террористов-монархистов. На нем присутствовало около 50-ти человек, председательствовал П.Г. Тихонов [1].

№ 77. 28 марта. “Когда крестьяне близ Борисоглебска узнали о покушении на Луженовского – послали в город ходоков узнать имя покушавшегося. – “Мария” – это имя заносили в святцы в поминание “о здравии болящей Марии” [2].

№ 8. 14 мая. “Вот собственноручное письмо жены губернатора Левченко к г-же Ясинской, матери убитого 22 октября гимназиста 8-го класса, в котором она просит безутешную мать не очень винить ее, так как все ее участие в этом деле заключалось в угощении народа водкой”.

№ 103. 3 июня. “По Царевской улице бешено гнали три казака, в то время как по Спасской тихо ехал крестьянин по направлению к берегу. На перекрестке одному из казаков вздумалось показать казацкую удаль – перепрыгнуть через ехавшего крестьянина; он, таким образом, наскочил

[1] Талантливый вятский фотограф Тихонов имел многие награды за свое мастерство, в т.ч. золотую медаль и звание Члена Национальной Академии в Париже. В 1918 году большевики расстреляли Петра Григорьевича за его монархические убеждения.

[2] Мария Александровна Спиридонова (1884-1941), член партии социалистов-революционеров. В 1906 г. совершила покушение на советника Тамбовского губернского правления, мстя ему за жестокие экзекуции крестьян. Отбывала каторгу. В 1918 г. участница антибольшевистского мятежа левых эсеров. Расстреляна сотрудниками НКВД близ г. Орел при подходе фашистских войск.

на дроги мужичка, которые с лошадью перевернулись, а мужик оказался под телегой, получив основательный ушиб в голову. Не время ли убрать от мирных вятчан этих достойных блюстителей порядка, которые от безделья приходят в бешенство”.

№ 113. 12 июня. “Из тюрьмы по болезни и под зачет 500 руб. освобожден 17-летний Ярослав Авейде, взятый в доме Мышкина 18 дек. 1905 года”.

№ 136. “Газету можно “прекратить, сотрудников ее можно силой заставить молчать, но ведь все это ровно ни к чему не приведет. Слово неуязвимо”.

№ 139. 9 августа. “При обыске в помещении, занимаемой типографией Вятской социал-демократической организации, найдено кроме прочего 9 пудов шрифта и сверстанный номер “Рабочего листка”.

№ 152. 15 августа. [О покушении на П.А. Столыпина 12 августа на его даче на Аптекарском острове]. “Мы никогда не были поклонниками террора. Насилие, в какой бы форме оно не проявлялось, а тем более смерть и разрушение, всегда были нам чужды. Но в то же время мы прекрасно понимаем, что все эти удавшиеся и неудавшиеся покушения вызывались полным и безграничным отчаянием”. Выход для общества в создавшейся критической ситуации, по убеждениям газеты, виделся только в одном: “Установление в России незыблемых начал гражданственности и свободы. Без них мир невозможен”.

Интересна в “Вятской жизни” перепечатка из журнала “Русское богатство” рассказа полковника Г.В. Винникова об отказе Чернышевского подать прошение о помиловании в передаче В.Я. Кокосова.

Помещала газета и корреспонденции из бытовой жизни Вятки и губернии.

На страницах “Вятской жизни” вышло десять номеров сатирического отдела под названием “Крутогорский Ерш”, который вел поэт Павел Второв. С щедринской едкостью “Ерш” возгласил о своем назначении: “Газета, имеющая специальную цель открывать и прославлять не в меру скромную добродетель…” Рубрика “Телеграммы сорочьего агентства” помещала “вести” из Вятки и уездных городов. Например: “Вятка. Городская дума, пылая гражданским негодованием, протестует против введения в губернии усиленной охраны и посылает для выражения своих чувств депутацию в Петербург”.

Города *Котел*, *Оков* (или *Оковск*), *Красносанск*, откуда шли “корреспонденции”, это – Котельнич, Глазов, Яранск. Яранцы – *красносанцы* по вятским присловьям, а *Ершеедский* уезд – Орловский (орловцы – *ершееды* по тем же присловьям). Было от чего приходить в негодование губернатору и правым силам, сторонникам партии правового порядка, местные организации которой возникли в губернии в декабре 1905 г.

1906. 3 марта. Хроника. “Моему ндраву не препятствуй!” “Это, конечно “ндраву” Кузьмы Лаптева, который все-таки разъезжает на своей колымаге, удивляя почтенную публику и увеча людей. 1 марта при его проезде на автомобиле по Московской ул. против д. Желиховского и Шубина испугавшаяся лошадь опять выбросила и ушибла о тумбочки крестьянина с ребенком. А наш любитель диковинок промчался как ни в чем нее бывало. Но что же это такое? Неужели и здесь жителям самим нужно будет прибегать в самообороне: с бадогами и бревнами выходить против любителя забавляться? Почему бы ему для прогулок не избрать свободные теперь поля вокруг города?”

19 марта 1906 г. газета посвятила “подвигам” первого в Вятке автолюбителя заметку “Наш спортсмен” и сатирическое стихотворение “Адская машина”, а “Крутогорский Ерш” от лица “соседа” Лаптева заступился за купчину-самодура: “Однако вятские лошади и велосипеда побаивались” [1].

Пикировалась газета с консервативными повременными изданиями. “Крутогорский Ерш”передавал информацию к Пасхе из *Большекукарска* (это, конечно, слобода Кукарка): “Залежалый товар в совершенно новых пакетах из “Вятского слова” и большой “За веру, царя и отечество” предлагают публике торговцы толкучего рынка”. (“Вятское слово” – газета консервативного толка).

№ 59. 7 марта. “В Вятке начала выходить “Крестьянская газета” под редакцией Д.П. Бирюкова. Едва успели выйти два номера, как губернатор на основании 20 ст. Положения об усиленной охране предложил губернской земской управе уволить от службы кустарного техника Д.П. Бирюкова”.

№ 113. 15 июня. “От конторы “Вятской жизни”. №№ 101, 102 и 104 “Вятской жизни” разошлись все и высылаться подписчикам не будут”.

Гурьев недолго занимал пост редактора “Вятской жизни”. “Для большего обеспечения правильной постановки дела, – вспоминал Чарушин, – в состав редакции и работников газеты был приглашен опытный в газетном деле и знаток края П.А. Голубев, проживавший в это время в Петербурге. Голубев охотно откликнулся на мой призыв и приехал в Вятку, когда газета уже выходила и оформила свое направление. С первого же февраля 1906 года газета стала уже выходить под его редакторством, продолжавшемся до 29 апреля того же года” [2].

С приближением выборов в I Государственную Думу состав редакции, по словам Чарушина, выступал “за деятельное участие в выборах, открывавших в широких размерах возможность легальной политической агитации, в

[1] Иначе вел себя знаменитый фотограф Сергей Александрович Лобовиков, который жил как раз на Московской улице. “Мотоцикл в те годы на улицах Вятки был крайне редким явлением, поэтому на дорогах возникали “конфликты”: пугались лошади, и Сергею Александровичу приходилось обычно при встрече глушить мотор и пережидать, когда подводы пройдут мимо” (Сергей Лобовиков. Русский мастер художественной фотографии. Киров, 1996. С. 165).

[2] Чарушин Н.А. Краткие сведения о газетах… РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5.

особенности, для газеты". Но П.А. Голубев и М.П. Бородин, следуя решению ЦК партии эсеров, не приняли определенного решения. В результате оба старых друга народнического закала вышли из состава редакции, известив о причине такого поступка читателей газеты. "Позднее, – вспоминал о Голубеве Чарушин, – уже живя в Уфе и видя кругом газетные гекатомбы и не желающую умирать одну из преемниц "Вятской жизни", в письме ко мне он откровенно признавался в своей былой ошибке, когда настаивал на партийных лозунгах для газеты, признавая в то же время, что взятый нами курс при ее основании был совершенно правильный, и благословлял на дальнейшую борьбу за свободное слово" [1].

В ответ на роспуск I Государственной Думы Чарушин незамедлительно опубликовал в "Вятской жизни" обращение группы от думских депутатов, получившее известность как "Выборгское воззвание", принятое в Выборге 10 июля 1906 г., которое призывало "граждан всей России" до созыва новой Думы не давать "ни копейки в казну, ни одного солдата в армию". (Против подписавших было возбуждено уголовное преследование. Особым присутствием Петербургской судебной палаты 167 из 169 подписавших "Воззвание" были приговорены к трем месяцам тюремного заключения, что лишало их избирательных прав при выборах в Думу и на общественные должности).

Сразу после выхода газеты начались нападки на нее. Архивные документы хранят массу свидетельств недовольства газетной деятельностью Чарушина. В марте 1906 г. слободской уездный исправник рапортовал губернатору: "Одним из главных проводников вредного движения в народе, как против платежа податей, так и по другим вопросам, служит бесплатное распространение в деревни и сельские библиотеки изданий "Вятская жизнь" и "Вятская газета", а также брошюр: приложение к "Вятской газете" и издания "Донской речи" [2]. Особенно развращающим образом влияет на простой народ разная лживая корреспонденция или заметки, помещаемые в газете "Вятская жизнь"... "Вятская жизнь" своим направлением в данное время действует на население значительно успешнее, чем подбрасываемые ранее прокламации такого же направления. Те были чужды для большинства крестьян, как подпольные, и в очень частых случаях приходилось наблюдать истребление их нечитанными. Напротив, "Вятская жизнь", обращается открыто, выпускаемая беспрепятственно, благодаря широкому и бесплатному распространению ее, приобрела значительный авторитет. Она читается с живым интересом и все печатанное в ней принимается за чистую правду" [3]. Тогда же

[1] Там же. Л. 5 об.

[2] "Донская речь", издательство в Ростове-на-Дону, организованное в 1903 г. предпринимателем Н.Е. Парамоновым, в то время сочувствовавшим революционному движению. В 1905 г. он фиктивно продал издательство другому лицу. "Донская речь" выпускала много дешевых по цене изданий революционной направленности, среди которых преобладали эсеровские.

[3] ГАКО. Ф. 582. Оп. 166. Д. 184. Л. 30.

один из земских начальников в Малмыжском уезде писал: “Я просил на точном основании 1033 ст. уложения о наказаниях привлечь к ответственности не редакторов, а издателя Чарушина (конечно и авторов корреспонденций и Гурьева с Голубевым)” [1].

Номера “Вятской жизни” часто конфисковывались, на них налагались аресты. Вот как вышло, к примеру, со 109-м номером. Полицмейстер извещал губернатора, что всего отобрано 908 номеров, из них 188 оставлены в почтово-телеграфной конторе, а 720 в полицейском управлении. Уездные исправники получали предписания установить наблюдение за почтовыми посылками земских управ. Из Нолинска исправник докладывал губернатору, что “№ 139 с почтой получен не был, но по слухам доставлен из г. Вятки с нарочным и через кого-то из земских служащих распространен среди неблагонадежных в политическим отношении лиц”. Чарушин замечал позднее, что на основании еще весеннего циркуляра губернатора, “земские начальники потребовали от волостных правлений не выписывать газет противоправительственного направления, в том числе, конечно, и “Вятскую речь”. То же делали и чины министерства народного просвещения и даже некоторые уездные земские управы”.

Губернским и уездным властям поперек горла приходились острые корреспонденции “Вятской жизни”. Уездные исправники жаловались на тенденциозность газетных корреспонденций вроде помещенной в № 52: “Зверства полиции (Письмо из Слободского)”.

“Вятскую жизнь” городские власти запрещали продавать на вокзале, а в уездах отбирали у крестьян при обысках. (Так же точно позднее местные “унтеры Пришибеевы” отнимали у разносчиков “Вятскую речь”).

Однако выносить сор из избы негоже. Потому котельничский уездный исправник жаловался на корреспонденцию из Котельнича, где говорилось, что “битье нагайками составляет обыденное занятие”: “За все время моего служения в Котельничском уезде я не получал ни от кого заявления, чтобы кто-либо из моих стражников, как во время Алексеевской ярмарки... так и в продолжении остального времени, позволил ударить кого-нибудь нагайкой”. Высказывал недовольство и командир 15-го Оренбургского казачьего полка: “Редактор Гурьев... выставляет имя казака в смысле нарицательном, выставляет как бы вредный элемент” [2]. Конечно, и уездные исправники и тем более командир казачьего полка не понуждали своих подчиненных бить нагайками крестьян. Но власть хама с нагайкой над безоружным мужиком-“лапотником”, как это случилось в Вятке на углу Спасской и Царево-Константиновской улиц, куда как упоительна.

Видя усиление инсинуаций вокруг “Вятской жизни”, Чарушин решил незамедлительно передать газету жене. В их совместном заявлении 13 марта 1906 года губернатору говорилось: “Я, Николай Аполлонов Чарушин, издаваемую в

[1] Там же. Л. 33.

[2] ГАКО. Ф. 582. Оп. 166. Д. 184. Л. 113.

г. Вятке газету “Вятская жизнь”, передаю в полную собственность жене моей Анне Дмитриевне Чарушиной, а я, Анна Дмитриевна Чарушина, означенную газету приобрела, о чем и имею честь сообщить... Жительство имеем в г. Вятке на Острожной улице в д. Ключарева” [1].

Теперь за газету отвечала якобы Анна Дмитриевна.

1906. № 19. 30 мая – “Издание газеты “Вятская жизнь” временно остановлено вятским окружным судом, возобновляется с 1 июня с.г. Издатель А.Д. Чарушина”.

Подобную тактику Чарушин выбрал неслучайно. Позднее в докладе П.А. Столыпину вятский губернатор С.Д. Горчаков писал: “Борьба с названной газетой (в данном случае имеется в виду уже “Вятская речь” – В.С.) представляется особенно трудною потому, что ее главный деятель – Чарушин совершенно неуязвим, так как официально стоит как бы совсем в стороне от газеты. Не имея возможности наложить то или иное взыскание на главного деятеля газеты, я волей-неволей караю лишь подставных...” [2]

По требованию Горчакова Анну Дмитриевну как издательницу “Вятской жизни” должны были выслать в Пермь, хотя она серьезно болела. Одновременно высылке подлежал и очередной редактор газеты И.А. Владиславлев. 19 августа 1906 года Чарушин обратился к губернатору: “Жена моя совершенно больной человек, для которой высылка, сопряженное с ней нравственное потрясение и лишение тщательного домашнего и медицинского ухода будет равносильно смертному приговору. Справедливость всего сказанного удостоверена прилагаемым при сем медицинским свидетельством врачей, пользовавших жену мою в течение многих лет” [3].

Исполняющий должность губернатора не преминул отписать полицмейстеру, что это ходатайство “признано не подлежащим удовлетворению”, добавив при этом: “Истребуйте от г. Чарушина две гербовые марки по 75 коп и таковые доставьте в мою канцелярию”. (До сих пор эти две марки хранятся в архивном деле). Полицмейстер предписал “произвести самое строгое расследование о врачах Левитском, Красовском, Аксакове и Рязанцевой, выдавшим Чарушиной 28 августа свидетельство о болезни”.

9 сентября Анна Дмитриевна выехала в Пермь, где жил ее брат. Впервые со времени “процесса 193-х” она оказалась в долгой разлуке с Николаем Аполлоновичем.

Бывший редактор “Вятской газеты” Д.П. Бирюков опасался, что губернская власть вышлет из Вятки самого Чарушина: “Думал, что Вас куда-нибудь эти либеральные помпадуры угнали”, а известие о высылке Анны Дмитриевны прокомментировал так: “Какая одержана победа. Они вперемежку спешат к той

[1] Там же. Л. 39.

[2] Петряев Евг. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970. С. 200.

[3] ГАКО. Ф. 5822. Оп. 166. Д. 279. Л. 2.

яме, которую роют”. Этой акцией возмущались оппозиционно настроенные вятчане. Из Москвы написал Чарушину литератор Александр Баранов: “Надеюсь только, что настоящее поганое время скоро минет. Не может быть, чтобы такое безобразие длилось”.

Чарушиным приходилось расставаться и раньше, но ненадолго. Еще до высылки в Пермь Анна Дмитриевна писала Николаю Аполлоновичу, уехавшему в Петербург (июнь 1906): “Бери от столицы все, что тебе хочется, обо мне не беспокойся”. Теперь предстояла длительная разлука. В Российском Государственном архиве литературы и искусства хранятся 23 письма Анны Дмитриевны мужу и сыну.

Друг семейства Чарушиных Вера Васильевна Танаевская в октябре писала из Вятки в Пермь: “Изредка заходит к нам Николай Аполлонович. Он бодрится, но видно, что душа у него болит... Газете не сдобровать, так круто принялся на нее Сережа”. (Сережа – новый губернатор С.Д. Горчаков, проявлявший крутой нрав по отношению к либеральным элементам во вверенной ему губернии). Сообщала Танаевская о вятских новостях: “Узнать новости – это значит узнать, кого собираются арестовать, обыскать, выслать и т.д. Никакой другой жизни и нет”. В другом письме, датированным 14 декабря 1906 года, Танаевская писала: “Николая Аполлоновича вижу часто. Он очень худ и нервен. Да наша жизнь теперь хоть кого сразит”.

(В этом же письме поделилась Танаевская впечатлениями о гласных в земском собрании: “Состав гласных возмутителен, особенно ужасны “мужички”. Ведь к генералам мы уже притерпелись, и ничего от них не ждем. Тогда как мужик… Но мужик ли это? Не суррогат ли его? Один – бывший урядник, два волостных писаря, 7-8 маклаков-кулаков и т.д. Но вот из Орлова как будто больше похожи на настоящих мужиков: “пинжаки” работы деревенских швецов валенки серые и волосы в скобку. …До чего озлоблены, недоверчивы, невежественны, дики. Это уж и не описать кратко. По их мнению, все земские служащие только тем и заняты, что разувают и раздевают их, мужиков, и последний кусок хлеба у мужика из глотки рвут. Страшно! …на генералов – смотрят эти звери подобострастно, – враги у них одни – земские служащие. Коршикская учительница вызывает у них ненависть. Ужасно испытывать бесконечную и, пожалуй, беспредметную злобу…”) Не такой ли “народ-богоносец” и проявил себя позднее, в 1917 году?

Александра Николаевна Праздникова сообщала в Пермь (9 марта 1907): “У Вас дома все хорошо, все по-старому. Ник. Аполл. много очень работает, не мешало бы его придержать”. Рассказала она Анне Дмитриевне об своей отсидке как редактора в заключении: “Тюрьма не произвела на меня того угнетающего впечатления, которого, я, признаюсь, ожидала… Были припасы провианта”.

Николай Аполлонович присылал жене номера своих газет, которые выходили, несмотря на все препоны губернской администрации. Она внимательно их прочитывала, делилась впечатлениями, беспокоилась о вятских друзьях

семейства, интересовалась здоровьем Михаила Павловича Бородина, в ранней юности организатора народнических кружков учащейся молодежи, а теперь заведующего земским кустарным складом: “Что с М.П.? Сходил бы к нему, он очень болен”.

А положение газеты становилось все сложнее. Для выживания предстояло выискивать средства для покрытия дефицита по изданию газеты, ведь ее тираж составлял от двух до трех тысяч. Чарушин вынужден был, по его словам, “тормошить своих состоятельных приятелей, никогда не отказывавших, по сочувствию газете, в этой маленькой для них услуге”. “Газета наша идет понемногу, – извещал он в октябре Анну Дмитриевну, – подписка в этом месяце во всяком случае не будет меньше сентября, объявлений же больше. Написаны письма мною в Москву Ч-ву и Пад-ну (А.П. Чарушникову и Н.А. Падарину. – В.С.) о высылке денег, так как в запасе на октябрь всего осталось 1300 р., то есть хватит только на октябрь, до конца же года потребуется еще 2-2 1/2... А сохранить газету необходимо, ибо скоро выборы” [1]. Речь шла о выборах в III Государственную Думу.

В ноябре Чарушин сообщил в Пермь: “Финансовые наши с газетой поправляются. Я уже писал тебе, что Алекс. послал тысячу, а вчера и от Мешкова 300 р. и остальные двести вышлет в декабре. Теперь, значит, во всяком случае, если не закроют, дотянем до года, а там уже опять жить будем с запасами” [2]. А.П. Чарушников продолжал помогать газете, несмотря на собственные денежные затруднения. (Осенью 1906 года он, к примеру, выплатил гонорар А.А. Богданову за издание его “Курса экономической науки”, тому самому, который основательно раскритиковал книгу В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”).

Писал Николай Аполлонович и о вятских новостях... “Князь (губернатор Горчаков. – В.С.) путешествует по губернии... Позавчера у нас беседовали с двумя американцами, путешествующими по России... Один из них прекрасно говорит по-русски, куда лучше Кеннана, а другой знает, кажется, ровно одно слово – спасибо... Сегодня был у меня Ив[ан]. Ап[оллонович], недавно вернувшийся из Орлова... разумеется очень огорчен нашими делами”

Чарушин высылал Анне Дмитриевне книги и журналы. 3 ноября собирался написать побольше, но пришла почта с номерами “Былого” и “Русского богатства”, он увлекся чтением, тем более, что в “Былом” оказались воспоминания о народниках-семидесятниках, а в “Русском богатстве” воспоминания Леонида Шишко. Так Николай Аполлонович дождался возвращения Володи из театра со спектакля по пьесе Горького “На дне”. Извещалась Анна Дмитриевна и о делах газеты: “...до сегодняшнего дня было перемирие, а сегодня открыты опять военные действия”.

---

[1] Чарушников А.И. Издатель А.П. Чарушников. Л., 1991. Машинопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. С. 6.

[2] Там же. С. 7-8.

Анна Дмитриевна внимательно читала “Вятский край”, так теперь стала называться чарушинская газета. В начале января она писала: “Хороша новогодняя ваша передовица, но статья о Плеханове мне не нравится, и я прямо удивляюсь, как ее могли поместить, тем более, что она фактически неверна. Плеханов вовсе не был главным и единственным устроителем той демонстрации, чтобы возводить его в герои факта” (Имелась в виду первая политическая демонстрация 6 декабря 1878 года у Казанского собора в Петербурге, организованная и проведенная народниками-землевольцами и участниками рабочих кружков).

Письма Анны Дмитриевны мужу и сыну и их письма в Пермь исполнены обоюдной любви, беспокойства и заботы. 12 сентября 1906: “Как я рада, Коля, твоему письму, не могу сказать! Настроение мое довольно трудно уразуметь. Усталость ли, тупость ли, чужая ли обстановка – только получив и прочитав твое письмо, я будто вернулась к чему-то своему, живому… Не хватает мне страшно и Вас двоих, и всех тех, кого я привыкла видеть у нас, всего того особого, чем отличается наш дом от других… Как вы-то? Как Володя? Как все у вас? Ужасно многое все хочется знать. Не хочется иметь дела с внешним миром. Конечно, больно за эту дикую разлуку, но как вспомнишь все то, что творится, стыдно охнуть, не так ли?”

Жила Анна Дмитриевна в доме брата. Она огорчалась, что кроме семьи Владимира Дмитриевича, вроде никому не полезна в Перми.

Житейские заботы о поневоле оставленном семействе не покидали Анну Дмитриевну: “Володе нужны сапоги. Заказали ли?”… “Посылаю Володе рубаху, м.б. носить не будет… Остатки штанов пойдут на рукава к другим рубахам. Иду кое-что вам купить. День хороший. Сухо, солнце и тепло. Окна еще не запечатаны… Табак очень хороший и курить его нужно осторожно, не как мох, ибо дорог!.. А где Володя спит? Устроился ли у тебя? Заказали ли капусту? Володю прошу посмотреть твои носки, и если потребуется в чинку отдать... Наволочку сшила Володе, у него их, кажется, нехватка. Если в чем-то недостаток – пишите – сошью и пришлю. В комоде в передней есть накидки на подушки, достань, как будут твои грязны”. Заботилась Анна Дмитриевна и о прислуге, посылала ей фартук: “Катерине скажите, что я ее целую и очень благодарна, что она без меня так аккуратна”. “Катерине поклон. Спасибо, если все в порядке. Цветы как?”

Интересовалась Анна Дмитриевна газетами, но не всегда имела возможность читать их. “Газет столичных нет, журналов нет, ибо в библиотеке ремонт, и она закрыта”. Тревожилась неспокойной обстановкой. “Сейчас принесли снятую со столба прокламацию черной сотни. Очень ясного погромного призыва… Слухов масса. Настроение неспокойное” В октябре, вспомнив, что год назад в Вятке был черносотенный погром, написала: “Боюсь за ваши октябрьские дни. Бога ради, береги себя и Володю. Почему-то всегда ждут погромов и боятся взрыва патриотизма именно в это время”.

С нетерпением Анна Дмитриевна ждала известий о вятской жизни. “Твои письма меня как-то совсем не удовлетворяют – мало ты пишешь и выходит так, точно у вас ни жизни, ни народу, как и у меня”. Вспоминала она Петра Александровича Голубева, Афанасия Гавриловича Соболева, Михаила Павловича Бородина. (“Что с М.П.? Сходил бы к нему”). Просила присылать ей все интересное – письма, брошюрки. Присылка писем становилась праздником. “Сию минуту получила от ваши письма. Очень рада. На два дня хорошее настроение”

2 декабря 1906 года: “Дорогие мои, давно я толком не беседовала с вами и стало очень и очень скучно… Да, жизнь идет… Уносит знакомых и друзей, и кажется, что около тебя образуется пустое место. Вятка? Не потеряет ли она в скором времени всю прелесть родственного, близкого для нас, когда всех близких разгонят? А по старости я чувствую по опыту, трудно сознавать новые связи, трудно находить новых друзей. Так-то, дорогой Коля. Соскучилась я по твоим хорошим письмам и все кажется, что я где-то от вас страшно-страшно далеко”.

Анна Дмитриевна старалась следить за чтением сына, делилась впечатлениями от прочитанного: “Я теперь читаю романы Достоевского. Не читай их. Это автор не для вас, молодежи. Что-то все больное, ломаное, ужасное”. “Скажи Володе, – писала она Николаю Аполлоновичу, – что в “Исторических письмах” есть глава “Критически мыслящие личности” и у Михайловского есть на эту тему”...

Володя сообщал матери вятские новости, рассказывал о круге чтения (“Думаю достать Ключевского, Милюкова”), писал об учебе, о гимназической жизни, в которую так или иначе вторгались “знамения времени”.

6 декабря 1906 года: “Сегодня кончил сочинение, вышло в восемь листочков. Я очень доволен, что, наконец, развязался с ним. Теперь хоть будет свободное время, а то совершенно некогда было читать, и я порядочно давно уже не читал. Кончаю Клейна “Астрономические вечера”. Пока думаю почитать по естественным, хотя и думаю прочесть Михайловского статьи о “герое и толпе”. У нас среди учащихся в последнее время пошли обыски. Кажется, их было семь. Двоих взяли: Хейфеца и гимназиста Левицкого. У последнего, говорят, найдена винтовка и браунинг, но не знаю, правда ли...”

История, сообщенная Володей матери, имела трагическое продолжение. Действительно, 3 декабря 1906 года у гимназиста Иосифа Левицкого при обыске обнаружили четыре револьвера, трехлинейную винтовку с укороченным стволом, морской кортик, значительное количество патронов, а также два красных флага на одном из которых была надпись “Земля и воля”, на другом – “Долой царизм. П(артия) С(оциалистов) Р(еволюционеров). Земля и воля”. Нашли еще коробку с набором гуттаперчевых литер, шесть экземпляров опросных листов Вятского комитета РСДРП. У воспитанника реального училища Александра Хейфеца при обыске изъяли прокламации и его собственные рукописи [1]. Левицкого, сына

[1] ГАКО. Ф, 33. Оп. 2. Д . 1033. Л. 8.

статского советника, арестовали и освободили из-под стражи лишь 14 апреля 1907 года под залог в 100 рублей. Хейфеца отдали под особый надзор полиции.

17 октября 1907 года Левицкий метнул бомбу в губернатора Горчакова.

Вятский полицмейстер сообщал о покушении так: “Сего числа в первом часу, в то время, когда Его Сиятельство г. Вятский губернатор князь Горчаков возвращался после молебствия в Кафедральном соборе в коляске вместе с супругою домой, было совершено покушение на его жизнь, при следующих обстоятельствах: когда коляска с князем и княгиней поравнялась с лавкой торговца Казенина на Московской улице около кустарного склада, неизвестный молодой человек, одетый в гимназическую форму и оказавшийся бывшим учеником VII класса Вятской мужской гимназии Левицким, бросил по направлению к коляске бывшую у него в руках заряженную бомбу; последняя ударилась о колесо коляски, но не взорвалась; произвел только легкий взрыв привинченный к бомбе капсюль, который и отлетел в сторону. После взрыва капсюля Его Сиятельство г. губернатор, выйдя из коляски, направился к гимназисту Левицкому, но последний произвел по направлению князя выстрел из револьвера, но не попал в него; в то же время соскочивший с козел коляски и сопровождавший г. губернатора черкес быстро подбежал к Левицкому, выстрелил в него из револьвера и убил его”. Телохранитель губернатора Хаджи, именуемый в архивных документах то черкесом, то чеченцем, после выстрела в неумелого террориста для верности нанес ему еще два-три удара кинжалом.

Как выяснилось позднее, выбор исполнителя террористического акта в эсеровской боевой группе пал сначала по жребию на техника В. Крюгера, однако Левицкий настоял на том, чтобы ему поручили главную роль в совершении покушения, поскольку он дал клятву расправиться с Горчаковым за то, что просидел три месяца в тюрьме и за репрессии “против левых при умиротворении губернии”.

Местные газеты отозвались на покушение. “Вятский вестник”: “Около 12 часов дня вчера разнесся слух, что совершено злодейское покушение на жизнь г. губернатора, Его Сиятельства князя С.Д. Горчакова. К несчастью, слух этот подтвердился. Покушение совершено, и исполнитель предначертаний негодяев, скрывающихся за кулисами революционного брожения, явился 17-18-летний юноша, безусый гимназист, исключенный из приютившего его учебного заведения за его противоправительственную деятельность еще задолго до совершенного им преступления… Где же истинные виновники гибели этого юного злодея? Они живы, здравствуют и, может быть, в пьяном угаре изливают бессильную злобу на то, что их адский план расстроен рукою Провидения…”

Губернатор телеграфировал министру внутренних дел П.А. Столыпину: “Сегодня после молебна… возвращаясь с женой из собора в наш экипаж была брошена бомба… бывшим гимназистом в форме гимназиста. К счастию, бомба только отчасти взорвалась, не причинив никому вреда. Злоумышленник убит моим казаком, соскочившим с козел остановившегося экипажа. Прошу Ваше

Высокопревосходительство повергнуть к стопам Государя Императора, что я готов служить Его Величеству, никакая угроза и покушения не заставят меня изменить мою беспредельную преданность Престолу”.

Анна Дмитриевна извещала мужа и сына о пермских делах. В уральских лесах действовали отряды Александра Лбова. “Лесные братья” устраивали дерзкие экспроприации на пароходах, в заводских конторах. В Перми проходили судебные процессы над участниками революционных выступлений. Племянник Анны Дмитриевны попал в тюрьму за эсеровские прокламации,

Письмо Володи (февраль 1907): “Почитал салтыковскую “Пошехонскую старину”... Читаю сейчас Михайловского “Борьба за индивидуальность”. Мало что-то остается в голове, а в целом ничего нет. Пожалуй, Михайловский-то еще не по нам. Лучше почитать, пожалуй, Лаврова “Задачи понимания истории”. У него, судя по “Историческим письмам”, все гораздо систематичнее, нет такой разбросанности, как у Михайловского, благодаря чему в голове остается гораздо больше...”

Интересен рассказ Володи о поездке с отцом в Слободской на пароходе в первый день Пасхи 1907 года. Из Вятки выехали в 6 часов вечера, добрались же до в Слободского только в пять утра. Посуху же этот путь чуть более 30 верст.

А самому Николаю Аполлоновичу, пока он служил по страховым делам в земстве, приходилось много колесить по губернии. Письма от него приходили из Уржума, Сарапула, Елабуги... “Вернулся вчера вечером из Просницы. Погода почти все время была отвратительная”... “Веду настоящий кочевой образ жизни... Из Уржума до Малмыжа пришлось ехать на лошадях... Чувствую себя хорошо”.

13 января 1907 года Николай Аполлонович написал в Пермь о своем отстранении от службы в земстве: “Вот и мой черед пришел... По предложению губернатора я уволен... до марта я пользуюсь назначенным отпуском и имею в кармане за январь и февраль жалованье, а там дальше – видно будет... На днях сдам все дела и буду свободным гражданином; перспектива свободы, хотя и кратковременной, мне даже улыбается... Газета пока держится, подписка вообще не определилась и дошла пока до 2 000. Туго приходится”. Об этом же написал Володя: “Папу уволил губернатор. Я его спрашивал, что он хочет теперь делать, но он и сам не знает. Вначале у него был утомленный вид, но теперь ничего. Как обыкновенно, его трудно застать дома – то в редакции, то где-нибудь в другом месте”. 20 января Чарушин сообщил Анне Дмитриевне: “Окончательно расстался с земством, сдал дела и деньги... Планы – остаться при газете”.

Вынужденный уход Николая Аполлоновича с земской службы и угроза существованию газеты обеспокоили Анну Дмитриевну.

15 января 1907 года: “Самое неприятное – это не быть вместе в это время, когда надо все обсудить, взвесить, на что-то решиться, что-то сделать”. Пошатнулось и без того неблестящее материальное положение семейства. Возникала опасность лишиться квартиры, из-за невозможности ее оплаты. Все это тревожило Анну Дмитриевну: “Не скажу, дорогой Коля, чтоб твое известие

обрадовало меня. Ведь в сущности случилось то, что было страшно – мы выброшены на улицу и должны думать о заработке. Нервы мои расхлопаны. Жаль квартиру... Хорошо, если бы нашелся квартирант на две комнаты – зал и маленькую... Но где его взять? Ведь даже заработка грошового у меня здесь нет. Зачем тебе ехать сюда? Не понимаю. Повидаться? Самое неприятное – это не быть вместе в это время, когда надо все обсудить и взвесить, на что-то решиться, что-то сделать. А что? По-моему, тебе нужно сейчас искать места. С редакторством в Вятке вряд ли что будет – не пропустит тебя Горчаков... Бога ради, сохрани все реликвии Леонида... Буфет жаль. Куда бы его на время... Иван Аполлонович должен дать место для нашей мебели. Иначе он будет тот же Горчаков. Ах, мерзавец, так ему хочется крикнуть в рожу. И терпит же Бог его людоедство. Ведь Вятская губерния стала каким-то болотом…”

Анна Дмитриевна была озабочена возможностью лишиться квартиры. “Публикуй продажу… Рояль устрой…” Ее брат Владимир Дмитриевич Кувшинский приглашал семейство Чарушиных в Пермь.

Несмотря на неблагоприятные вести из Вятки, Анна Дмитриевна с нетерпением ожидала писем из дома. 16 февраля 1907 года: “Володя, дорогой мой! Ты меня прости. Все я не пишу тебе так, как следует – подробно, ласково и покойно. Твоим письмам я очень рада и ценю их. Я уже писала как-то, что через них я порой как бы переживаю старое, когда я была богаче радостями и надеждами, когда я была счастливее. Спасибо тебе за это умение возвращать меня к прошлому”.

Кроме писем из дома Анну Дмитриевну поддерживали и вести от друзей. “Мне больно было видеть, – обращалась к ней из Архангельска знакомая по Вятке Лариса Чеботаева, – что не сумела дать Вам понять, хоть и приблизительно, что чувствовала, переступая порог Вашего дома: для меня Вы и Ваш муж не были чужими – я любила и уважала Вам обоих за Вашу стойкость страданиям и за неослабную энергию, с которой Вы шли вперед на все тяжелые испытания”

Из Томска 24 ноября 1906 года написала Лариса Васильевна Чемоданова-Синегуб: “Признаться, не ожидала я, что и Вы попадете в ссылку: я ведь не знала, что Вы – издательница “Вят. края”. Впрочем, теперь это становится обычным явлением: не пощадили же Сергея Силыча и подвергли изгнанию, а ведь за ним ровно никаких “поступков” не числилось”. (Синегуб шесть месяцев пробыл в ссылке, и ко времени письма Ларисы Васильевны третий месяц находился дома).

Сообщала она о своих детях. “Евгений тоже бьется, не имея постоянных заработков. Лев, кажется, устроился в Петербурге, а то ведь и им надо было помогать! Маруся тоже сейчас без заработка: здесь ничего не находится, а в Москву она не вернулась. Курьезно. Знаете, Анна Дмитриевна, помните, как наше поколение барышень рвалось из дому… Очень уж вообще странное, ужасное время переживаем, что личные “крахи” как-то мало пугают: двум смертям не

бывать, одной не миновать, а жизнь теперь – копейка! И разве можно с уверенностью сказать, что будет через месяц, через полгода!”

Лариса Васильевна рассказала об Омске и Чите… Всюду проходили митинги, демонстрации. Сообщила, что плох живущий в Акатуе Алексей Кириллович Кузнецов, у которого Чарушин начинал обучаться фотографическому делу.

Поведала она о поисках сына Толи через эмигрантскую газету “Воля”, выходившую в Японии в Нагасаки. Она посылала запрос в японский генеральный штаб. В списках убитых, умерших и пленных Анатолий Синегуб не значился. Командир Синегуба (“очень хороший человек”), отметил его “пропавшим без вести” в ночной разведке. “Сергей Силыч давно примирился с мыслью, что Толя умер. Но я все еще чего-то жду и всегда у меня заплетается язык, когда я хочу сказать “покойный Толя”. Было это мое любимое детище! А красота какая была…”

В другом письме (16 января 1907) Лариса Васильевна сообщила о мечтаниях мужа перебраться в Пермь. Чарушины предложили Вятку. Синегубы все же решили не трогаться с обжитого места. “Какое это обеспеченное положение при нынешних временах? Он потратится на дорогу… а через месяц газету прихлопнут. Много вероятностей, что редактора вышлют. Сотрудников высылают… кто поручится, что не будет устроен всероссийский погром и разгром редакций, учебных заведений и вообще всяких культурных учреждений? Ведь только это и осталось: смести с лица русской земли всю интеллигенцию. С темным рабским народом можно еще пожить, поцарствовать…”

В этом письме она пожаловалась, что не пишут сыновья Евгений и Лев. “Может, через кого узнаете в Петербурге? Как хорошо было, Анна Дмитриевна, когда ребята были маленькие… А теперь вечное беспокойство”

После смерти мужа в октябре 1907 года Лариса Васильевна отозвалась на заметку о нем Николая Аполлоновича, помещенную в “Вятском крае”: “Много у меня вырезок из газет – русских и наших (*наших* – это сибирских. – В.С.). Замечательно много теплых слов… Много любви к нему высказано… Помню, в вятской заметке есть пробел его житья в деревне, его влияние на крестьян. Между тем, какая это интересная страница жизни С.С. Тогда тридцать лет тому назад мы покинули деревню, несколько разочарованные в ней, хотя и снискавшие хорошее отношение к себе. Деревня нам показалась неподатливой, невосприимчивой”.

Далее Лариса Васильевна рассказала, что крестьяне села Губин Угол Тверской губернии, где когда-то она с мужем вела народническую пропаганду, разыскали Синегуба: “Через “Былое” завязалась переписка с бывшими учениками и просто жителями. Они и сейчас мне пишут, узнавши из газет о смерти С.С. Переписка обещала быть очень интересной: произошла большая перемена в деревне, люди только в последнее время поняли, кто был у них тридцать лет тому назад. Сергея Силыча это тронуло и порадовало. Он даже ответил им стихами. После напомните – я спишу и пришлю”.

Лариса Васильевна сообщала, что смерть мужа была моментальной от паралича сердца. “35 лет 6 месяцев жили, делили горе и радость… Жить я остаюсь в Томске… Работа куска ради… Здесь мы не одиноки”.

Сергею Синегубу не дано было знать о трагической судьбе сына Льва, который вошел в Северный боевой летучий отряд эсеров. Хотя большинство боевиков не были официально членами партии социалистов-революционеров, и вступили в отряд, исходя из самых различных причин, в частности, “от избытка юношеского революционного задора”. “К январю-февралю 1907 г. только двое из десяти членов группы были “идеологически убежденными эсерами” [1].

Во главе отряда стоял боевик, латыш Альберт Трауберг (“Карл”) В числе планируемых акций, предполагалось бросить бомбу в правую секцию зала заседаний Государственной Думы, где сидели консерваторы, а также и министры. После ареста Трауберга отряд стал готовить покушение на великого князя Николая Николаевича, дядю царя, и на военного министра И.Г. Щегловитова. Но 7 февраля 1908 года боевиков выдал властям провокатор Евно Азеф. Петербургский военно-полевой суд, состоявшийся через неделю, приговорил семерых террористов к смертной казни (среди них был Лев Синегуб), троих к каторге на 15 лет. Прокурор, наблюдавший за казнью 17 февраля, сказал о приговоренных: “Как они умирали… Ни вздоха, ни сожаления, никаких просьб, никаких признаков слабости”. Потрясенный судом и казнью Леонид Андреев написал “Рассказ о семи повешенных”.

…Примечательно описание быта Ларисы Васильевны в письме Николаю Аполлоновичу (25 апреля 1909): “Я нарочно опишу Вам один из обычных моих дней: встаю в 6-7 час., топлю печь, ставлю самовар, открываю ставни, иду в лавку, дою корову, кормлю ее, убираю за ней. Затем, когда встанут домочадцы, готовлю обед, убираю дом. Сажусь часа на полтора заниматься с Лидой; шью, починяю (на всех), мою посуду, опять самовар, опять возня с коровой, ношу на утро дрова, весной – убираю во дворе. Затем надо же проглядеть газеты (я получаю четыре), читать журналы (пять – каждый месяц), составлять два ежемесячных обозрения для “Сибирской Жизни” и для “Восточного обозрения”. Я же всю зиму хожу за дровами, за сеном… И так я кручусь изо дня в день, больная ли, здоровая ли. Я же мою пол за редким исключением. Только не стираю белье. Мне очень трудно урвать время на письмо. Ложусь я всегда в 12-ть часов, а иногда и позднее, когда работа. Думаю ныне продать корову, тогда, может быть, свободнее будет. Но тогда придется больше писать, чтобы заработать на молоко Такой нелегкой жизни, как у меня трудно придумать! И нет выхода, пока ребята не разошлись из семьи. Все жду, когда они вырастут окончательно, и я останусь только с Лидой…” Лариса Васильевна делилась планами и маршрутом поездки из Сибири – Петербург, Смоленск, Псков, Москва. Предполагала на обратном пути побывать в Вятке.

---

[1] Гейфман Анна. Революционный террор в России. 1894-1917. М., 1997. С. 378.

Невеселые мысли о грядущих потрясениях, ожидающих Россию, поневоле одолевали Анну Дмитриевну

22 февраля 1907 года: “Коля, миленький, ничего не понимаю и боюсь я грядущего. Боюсь возможных ужасов, разрыва, провала Думы… Конституция – Сцилла и Харибда, и нет у меня ясных представлений тех приемов, которые готовит хитроумный Одиссей для избегания этих опасностей. Не знаю. Все в ожидании и тревоге”. Не покидали Анну Дмитриевну тяжелые предчувствия: “Я ощущаю свой упадок сил, смотрю в глаза скорому концу...”

Губернское начальство предлагало Анне Дмитриевне подать прошение о возвращении из ссылки. Она известила об этом мужа: “Я дам подписку, что не уеду (из Перми – В.С.) или что там надо, но только прошение писать Горчакову не буду”. Губернатор все же и без этого разрешил Анне Дмитриевне вернуться в Вятку 30 апреля 1907 года, пояснив, что близится 6 мая – день рождения царя. Она приехала домой с основательно подорванным здоровьем.

“Вятскую жизнь” приостановили определением Казанской судебной палаты в мае 1906 года. Несколько номеров с начала мая по конец апреля Чарушин все же сумел выпустить под названием “Вятский край”. Потом газета снова стала издаваться как “Вятская жизнь”, покуда ее окончательно не закрыли в августе 1906-го.

Журнал “Былое”, посвященный истории освободительного движения, издававшийся В.Л. Бурцевым, сообщал: “В Вятке исполняющий должность губернатора граф Комаровский закрыл на месяц типографию Харитонова, где печатались “Вятская жизнь” и “Крестьянская газета”. Типография никакого повода к закрытию на давала. Вятка останется без газеты на все время усиленной охраны, ибо теперь ни одна типография не возьмется печатать прогрессивную газету” [1]. (В этом же номере “Былого” говорилось о репрессиях властей против других газет оппозиционного направления. Это были конфискации номеров, приостановки издания, привлечение к ответственности редакторов. Вот неполная география этих акций – Петербург, Москва, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Царицын, Пермь, Екатеринбург, Омск, Красноярск, Чита, Тула, Брянск, Ревель, Рига, Митава, Вильно, Варшава, Харьков, Таганрог, Екатеринослав, Одесса, Симферополь, Ялта, Новороссийск, Владикавказ, Тифлис, Кутаис… 11 июля по телеграфным сведениям в городах России, за исключением Петербурга, было закрыто 17 газет. На петербургских вокзалах полиция осматривала тюки газет, отправляемых в провинцию для розничной продажи багажом).

С сентября 1906 года чарушинская газета снова издавались под названием “Вятский край”. В 1906 году вышло 114 номеров, в 1907-м – 254. О “Вятском крае” сообщалось, что это “газета внепартийная” и выходить будет “по прежней программе”. В новой газете работали почти все прежние сотрудники “Вятской

[1] Современная летопись // Былое. 1906. № 8. С. 317.

жизни”. Редакторы – ссыльный Г.И. Яринский, А.Н Праздникова, Н.И. Новиков, А.И. Столбова, снова Новиков. Секретарем редакции стал бывший преподаватель вятской женской гимназии А.А. Лучинин. Издателем значилась Праздникова. Это помогало Чарушину, поскольку формально он не имел причастия к газете.

Газета сообщала о событиях в политической жизни стране, о побеге Троцкого из ссылки, о IV съезде РСДРП…

“Статьи газеты, – сообщал вятский полицмейстер в апреле 1907 года, – воочию проводят самые животрепещущие вопросы социал-революционной и социал-демократической платформы. Лучинин, заручившись сотрудничеством апостола революционаризма Чарушина, Падерина и других более или менее известных вятских революционеров, популяризировал газету среди либеральной части общества губернии так, что все читатели верят в этот печатный орган, слушают его и гордятся его открытой борьбой с правительством; под влиянием “Края” убежденные читатели его охотно выполняют миссию пропаганды, занося вычитанное из газет в такие глухие углы губернии, где раньше народ жил толькоо личными интересами…” [1]

Судьба “Вятского края” оказалась схожей с его предшественницей. В декабре 1906 года администрация оштрафовала Яринского на 500 рублей, а Лучинину было предложено выехать в село Зюздино-Афанасьево. Тот отказался подчиняться распоряжению до получения ответа от министра внутренних дел. Тогда по приказу губернатора в сопровождении городовых Лучинина выпроводили из Вятки. Итогом стала его статья “Путешествие поневоле в Зюздинский край”. Последний номер “Вятского края” вышел 28 ноября 1907 года, а постановлением Вятского окружного суда от 14 декабря газета была закрыта.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ “ВЯТСКОГО КРАЯ”

1907. № 7. 11 января. Объявление о подписке на факсимильное издание герценовского “Колокола” к 50-летию его издания.

1907. № 48. 11 марта. Материалы английской газеты “Times”:

“Расценивая тактику министра Столыпина, “Times” констатирует следующее: “Остракизм, которым поверглись оппозиционные партии, – говорит газета, – оказал правительству печальную услугу. Прежде всего, оно совершенно ошиблось в настроении страны, а в особенности крестьян. Затем, преследуя умеренную оппозицию (т.е. партию народной свободы), правительство играло на руку крайним левым. Губернии Вятская и Петербургская являются конкретным примером. Правительство причисляло вятичей к крайним монархистам, а они подавляющим большинством выбрали левых”.

[1] Луппов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 194.

1907. № 117. 31 мая. О вятской депутации у Столыпина 25 мая. “Столыпин удивился революционности Вятки и губернии, которая раньше отличалась своим спокойствием и благонадежностью, при этом высказал, что настоящий революционный подъем он считает искусственным делом рук агитаторов”.

1907. № 143. 4 июля. “Село Суна Нолинского уезда, как и многие другие, приняло в число своих обитателей до 40 человек “невольных” жителей, политических ссыльных из разных мест России. Нужда между ними сильная, мало того, ужасно трудно найти подходящие выражения для описания того, как дети двух семей тотчас по приезде в село, сойдя на зеленую лужайку, бросились есть траву”.

[Чарушинские газеты были переполнены сообщениями о ссыльных. В одном из номеров говорилось: “Ссыльные все прибывают и прибывают… теперь в арестантских ротах находятся сосланные в Вятскую губернию из Красноярска и Томска. Из Сибири ссылают в Вятку!” Было много высланных с Кавказа. Отмечалась особенность – среди ссыльных много рабочих, но интеллигенция совершенно отсутствовала].

1907. № 151. 13 июля. Совет редакторам провинциальных газет .

Чтоб не прихлопнули газету
И не сидеть тебе в тюрьме,
Последуй доброму совету,
И скажешь ты спасибо мне!

Печатай мелкие рассказы
С порнографическим душком;
А пьяных стражников проказы
Ты обходи всегда молчком…

Отдел “Нам пишут”, сколь возможно,
Из рук своих не выпускай,
И чуть известие тревожно:
Тотчас в корзину и бросай!

1907. 8 авг. № 169. Слободская экспроприация. “Вот уже два дня весь город занят небывалым происшествием. В четырех верстах от Слободского на большой дороге среди бела дня совершена крупная экспроприация. 3 августа в 10 часов утра служащий Белохолуницкого завода г. Перминов получил из казначейства для Холуницких заводов… 17

тысяч рублей… В сопровождении одного стражника он выехал из Слободского по направлению к Холунице. С ним был случайный спутник гимназист Войницкий. Версте на четвертой-пятой перед мостом из лесу на ехавших напали несколько вооруженных человек (приблизительно человек пять). Стражник был убит наповал пулей в висок… Нападавшие продолжали стрелять, и, ранив Перминова и Войницкого, подхватили саквояж и исчезли в лесу… Следы экспроприаторов пока еще не отысканы” [1].

1907. № 169. 8 августа. Арест и вооруженное сопротивление.

“В ночь с 6 на 7-е около 1 часу на Гласисной улице между Спасской и Копанской жандармским полковником и полицией 1-й и 2-й ч. в кв. Волонихиной произведен был обыск. Дом был окружен пешей и конной полицией (от 50 до 100 чел.), но квартира, где должен бы быть произведен обыск, оказалась запертой. Когда полиция приступила к выломке дверей, из квартиры произведен был ряд выстрелов, которыми опасно ранен в живот городовой В. Семушин и полицейский 1-й части Ширяев в руку – двумя пулями. Арестованы и препровождены в тюрьму 5 человек – трое мужчин (Попов, Наумов, Антоновский и две женщины (Смирнова и Волонихина). Отобрано 4 револьвера и, как говорят, найдены 2 бомбы. Обыск продолжался до 11 часов дня”.

1907. № 110. 23 мая. Из речи прокурора на суде по делу подпольной типографии Вятского комитета социал-демократической партии.

“Останавливаясь на программе РСДРП, я вижу, что с.-д. добиваются политического переворота посредством рабочих и крестьян. Сами с.-д. ничего не делают, в борьбу не идут, и, благодаря крестьянам и рабочим, хотят доехать до светлого рая. Но когда они до него дойдут, тот там окажется пустыня, а не зеленый остров, о котором они мечтают… Социал-демократы говорят: нужно пользоваться всеми непорядками, чтобы дойти до светлого рая…”

1907. № 242. 11 ноября. Возвращение конфискованного номера. “Вчера по постановлению члена окружного суда по Вятскому уезду, признавшего задержание № 230 “Вятского края” незаконным, конфискованный номер был возвращен полицией”.

---

[1] Михаил Лобовиков, член большевистской партии с 1905 года, вспоминал (сам он в экспроприации не участвовал): “Мигом чемодан был в руках боевиков. Два прыжка – и ищи-свищи ветра в поле!.. На следующий день эти семнадцать тысяч были внесены в кассу Вятского комитета РСДРП… А затем почти вся сумма полностью распределена среди отъезжающих за границу товарищей Леготкина, Катюхина, Шубина, Маркова, Ясинского и других” (Лобовиков М.К. На заре. Киров, 1967. С. 47-48). Захваченные боевиками деньги кассир вез для расчетов с рабочими.

Условия подписки на “Вятский край”. “С пересылкой и доставкой: На год – 6 р. На полгода – 3 р. 50 к. На 3 месяца – 1 р. 75 к. На 1 месяц – 65 к. 1 номер – 5 к. Редакция на углу Николаевской и Пятницкой ул., д. Либерман. Подписка принимается на сроки только с 1 числа какого угодно месяца. Прием подписки в конторе редакции производится ежедневно с 8 ч. до 3 ч. дня и с 5 ч. до 7 ч. вечера. По воскресеньям и праздничным дням с 8 ч. до 12 дня. Для личных объяснений по делам редакции редактор принимает с 12 до 2 ч. дня”.

“Плата за объявления за строку петита: а) в губ. Вят., Перм., Волог. На первой странице. За один раз – 15 к. За последующий – по 10 к. На последней странице. За один раз – 8 к. За последующий – по 5 к. За рассылку отдельных объявлений при газете весом не более 1 лота взымается 10 р. с тысячи экземпляр. б) в остальн. губ. вдвое”.

ОБЪЯВЛЕНИЯ И РЕКЛАМА

“Открываю начальную школу для мальчиков и девочек с 3-х месячным курсом по программе для поступления в средние учебные заведения. Плата 5 рублей в месяц. Заведующая школой К.А. Луппова”.

“Большой выбор в магазине Д. Каценеленбогена. Спасская ул., д. Чучалова, рядом с магазином Зингер. Часы золотые, серебряные и оптические вещи; граммофоны и пластинки. Специальная часовая и ювелирная мастерская под личным наблюдением. ЦЕНЫ ОЧЕНЬ ДЕШЕВЫЕ”.

После закрытия “Вятского края” тотчас же начала выходить достойная преемница двух первых чарушинских газет – “Вятская речь”. До 31 декабря 1907 года вышло 13 номеров “Вятской речи”. Ее редакторами последовательно работали Н.И. Попов, Т.И. Овсяникова, И.И. Гневашев, Е.И. Локтина, Н.И. Новиков, В.И. Веснина, снова Новиков, В.Т. Франжоли, Н.А. Глущук, Н.А. Падарин, В.И. Сперанский. Разновременно – Н.Н Бакин, А.М. Столбова. Издателем был назван Н.И. Попов, а с 257 номера в 1910 г. Н.А. Чарушин.

В “Кратких сведениях…” Николай Аполлонович отмечал, что репрессии над “Вятской речью” были еще большие, судебные и административные, с преобладанием административных в виде штрафов на редакторов до 5 тысяч рублей с заменой арестом до трех месяцев. Свирепствовала “штрафная вакханалия”. Сотрудники газеты приняли решение отбывать наказания “натурой” по причине отсутствия денег на уплату штрафов. “Наши редакторы почти не выходили из заключения, иногда их скоплялось там по два, по три и даже по четыре одновременно”.

Об одних редакторах ничего неизвестно, некоторые сыграли определенную роль в общественной жизни Вятки. Владимир Франжоли был сыном ссыльного народника Тимофея Франжоли, известного в свое время на юге России, и, конечно, разделял его взгляды. Николай Падарин – педагог и литератор, кроме редакторской работы ведал в газете литературным отделом.

“Вятскую речь” пришлось выпускать в более трудных условиях. По циркулярным предписаниям губернатора земские начальники запрещали волостным правлениям выписывать ее. Так же поступали чины министерства народного просвещения и даже некоторые уездные земские управы. Затруднения заключались и в том, что многих сотрудников чарушинских газет выслали за пределы губернии. “В усмиренной и обезглавленной губернии, – с гордостью писал Чарушин, – бельмом на глазу у администрации оставалась лишь ненавистная ей газета, не хотевшая умирать, против которой теперь и были направлены всевозможные стрелы с целью покончить и с нею”[1].

За время первых семи лет существования “Вятской речи” в ней сменились двенадцать редакторов. В среднем длительность редакторского стажа была всего семь месяцев. Поэтому редакторы, начиная с “Вятской речи”, почти все были со стороны, непричастные или мало причастные к газетной работе. С глубокой признательностью вспоминал об их самоотверженности Николай Аполлонович уже в послереволюционные годы: “Охотно шли они за небольшое вознаграждение, или совсем без оного, по сочувствию к той борьбе, какую вела газета, отлично зная, что их за это ожидает”[2].

Чарушин приводил примеры расправы с газетой. За публикацию статьи о голоде в № 3 от 4 января 1908 г. редактора Н.И. Попова оштрафовали на 500 рублей, а за неплатеж штрафа (у редакции тогда не оказалось должной суммы) он попал под арест на три месяца. Затем губернскому начальству показался неуместным фельетон в № 4 от 5 января. Придрались к тому, что номер вышел за подписью под газетой арестованного редактора. Поэтому в качестве наказания выход “Вятской речи” закрыли на месяц. Причем это самоуправство властей произошло уже после двукратного определения окружного суда о бесспорном праве на подпись редакторов, находящихся под арестом, поскольку они этого права не лишались. Лишь 9 февраля вышел следующий номер. Очередного редактора Т.И. Овсяникову оштрафовали тоже на 500 рублей за публикацию статей “К приостановке “Вятской речи” и “Перечисление главных событий за месяц”. У редакции снова не оказалось возможности уплатить штраф, а поскольку не было запасного редактора, то выпуск газеты приостановили до 26 февраля. Затем после пяти-шести благополучно вышедших номеров – новый штраф в 500 рублей за передовую статью в № 12 от 2 марта и за напечатание слова “высочайше” с маленькой буквы.

[1] РГАЛИ. Чарушин Н.А. Краткие сведения о газетах… Ф. 1642. Оп. 1. Л. 2.

[2] Там же. Л. 4.

В редакторы Чарушин приглашал было жену Гурьева. Тот написал, что она готова стать редактором, но оговорил: “Считаю необходимым обратить Ваше внимание на следующее: моя жена может быть только подставным редактором, на техническую роль для нее я совершенно не согласен, находя это совершенно излишним… Выставление моей жены редактором Горчаков может счесть прямо вызовом ему. Вы не можете гарантировать моей жене того, что ее не посадят в тюрьму… Затем Вы не можете гарантировать, что она не получит от Горчакова каких либо оскорблений в случае вызова к нему”.

Вскоре по возвращении Анны Дмитриевны из Перми Чарушин отправился в Петербург и Москву, где пробыл лето и осень. В Москве он встречался с А.П. Чарушниковым для получения денег на газету. Открытки, посылаемые Чарушиным из поездок, кратки. Он сообщал Анне Дмитриевне, что сумел повидаться с Чарушниковым, Н.В. Мешковым, с вятчанином, одним из ведущих актеров Малого театра Н.М. Падариным, с другом по Кяхте И.И. Поповым, с участницей кружка “чайковцев” А.И. Корниловой-Мороз, которая передала ему давние фотографии Анны Дмитриевны. В квартире Чарушникова после 34-летнего перерыва произошла встреча Чарушина с Н.В. Чайковским, нелегально возвратившемся в Россию. Николай Васильевич, узнав, о приезде давнего знакомца в Москву, сам разыскал его.

“Внешне он, конечно, сильно изменился, но был бодр и полон энергии и веры. Помню, он целый вечер развивал мне свой план организации на Урале партизанской борьбы с оружием в руках и отстаивал возможность выполнения такового, ссылаясь на практику Лбова, сумевшего сделаться недосягаемым для властей в течение долгого времени. Горы и таежная местность, говорил он, благоприятствуют такому предприятию. Не разделяя его иллюзорных представлений, я, помню, пытался охладить его пыл, но Чайковский, видимо, оставался при своем, пока личная его поездка на Урал не убедила его в необоснованности его планов”.

(Инсуррекционные замыслы всегда были свойственны Н.В. Чайковскому. В августе 1905 года он принял участие в попытке пересылки оружия и боеприпасов из Англии для польских социалистов, финских боевиков, эсеров и большевиков на пароходе “Джон Графтон”. Рискованное предприятие закончилось неудачей. Пароход разбился о камни у берегов Финляндии. Деньги на закупку и снаряжение экспедиции как будто бы были получены от японского атташе в Стокгольме полковника Акаси [1]).

Некоторые члены “Союза освобождения”, в котором состоял Чарушин, такие как Н.Ф. Анненский, А.В. Пешехонов, после прекращения его деятельности в 1906 году вошли в Трудовую народно-социалистическую партию. Народные социалисты (энесы) выделились из правого крыла партии эсеров, что дало повод Ленину назвать их “эсеровскими меньшевиками”. Энесы вынашивали идею

[1] См.: Павлов Д.Б., Петров С.А. Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904-1905 гг.) // История СССР. 1996. № 6. С. 62, 64.

создания открытой народнической партии. Однако I съезд партии эсеров воспротивился этому. Тогда же группа журнала “Русское богатство” покинула съезд. Но попытка создать широкую легальную партию не заглохла. Еще в I Государственной думе сложилась группа последователей Н.К. Михайловского, сплотившихся вокруг “Русского богатства” (Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов, В.И. Семевский, В.Г. Тан-Богораз, С.Я. Елпатьевский), которым представлялось, что крестьяне настроены на мирную реформу, с передачей им основной части помещичьей земли, но без всеобщего “поравнения”. При подготовке к выборам во II Государственную думу эта группа создала партию народных социалистов, “отличавшуюся от эсеровской тем, что она предпочитала легальные формы организации и борьбы, была сторонницей преобразований не явочным, революционным путем, не “снизу”, а “сверху”, с помощью государства, отстаивая принцип не социализации, а национализации земли”. В 1906-1907 годах оформились петербургская, московская и ряд местных организаций, в том числе и вятская.

Энесам не удалось создать широкую крестьянскую партию. В их рядах насчитывались 56 местных групп и 1,2 тысячи членов (интеллигенция, земские служащие и очень мало крестьян). Именно такие умеренные “эсеровские меньшевики” и могли привлечь ветеранов народничества типа Чарушина. Он приезжал в Петербург по делам создававшейся Трудовой народно-социалистической партии, в ее штаб-квартире встретил М.А. Натансона, с которым виделся в последний раз еще в Иркутске. Примкнув к энесам, Чарушин содействовал организации местного отдела в Вятке, был членом центрального и председателем Вятского комитетов. В 1905 году он стал одним из деятелей и организаторов Крестьянского союза, был выбран председателем губернского организационного комитета Крестьянского союза (до преобразования его в 1917 году в Совет крестьянских депутатов).

Николай Аполлонович пользовался авторитетом среди участников революционного движения, и, не разделяя леворадикальных взглядов, в некоторых случаях оказывал им необходимую помощь.

В конце 30-х годов следователи НКВД выбивали от Владимира Чарушина признания об активном участии в некоей антисоветской организации. Попутно был задан вопрос о причастности Владимира Николаевича к террористическим актам дореволюционного времени. Получив от подследственного отрицательный ответ, следователь, спросил об известной ему поездке Чарушина-младшего на Урал. Тот ответил: “Я могу рассказать о своей поездке в Екатеринбург. В моей жизни был такой случай, что к нам из Москвы или Ленинграда (тогда, конечно, Петербурга. – В.С.) приехал старый народоволец. Это было вскоре после того, как стало ясно, что Азеф – провокатор, примерно в 1908 или в 1909 году. Я только что поступил учиться в институт. Фамилию этого народовольца я не помню, он ехал в Екатеринбург для того, чтобы предупредить екатеринбургскую организацию о провале, о том, что Азеф – провокатор. Об этом мне говорил отец.

Заехал он к нам только потому, что лично знал отца, и не рискнул ехать дальше. Отец тогда спросил меня, могу ли я выполнить поручение, если человеку грозит опасность. Я ответил, что могу. Тогда он сказал мне, что нужно съездить в Екатеринбург сказать о том, что Азеф оказался провокатором. Это поручение было мной выполнено. Это единственный случай в моей жизни в то время связи с эсеровской организацией” [1].

Владимир Чарушин, “кяхтинский пограничный мещанин”, поступивший после окончания вятской гимназии в Московский сельскохозяйственный институт, снискал репутацию неблагонадежного. В 1910 году ему временно воспретили жительство в Москве на основании Положения об усиленной охране, а в Вятке тогда же было предписано установить над ним негласное наблюдение. В полицейских донесениях говорилось, что Чарушин-младший “ведет знакомство с лицами политически неблагонадежными и придерживается крайне левых убеждений” [2]. Иного настроения от сына ветерана-народника ожидать властям московским и вятским не приходилось. Не был ли посетивший Николая Аполлоновича “старый народоволец” М.П. Сажиным? (В “Народной воле” он, конечно, не состоял). Но в Вятку Сажин действительно приезжал. Свидетельством тому – снимок, выполненный известным вятским фотографом С.А. Лобовиковым, на котором Михаил Павлович, знаменитый “Арман Росс”, сражавшийся некогда на баррикадах Парижской Коммуны, бывший в рядах итальянских анархистов и герцеговинских повстанцев, запечатлен вместе с Чарушиным.

Вспоминая о своем участии в думской деятельности, лидер партии кадетов П.Н. Милюков замечал: “На конфликте по аграрному вопросу было построено самое существование Третьей Думы... На долю нашей фракции – на этот раз вместе с левыми – выпало передавать эти крики русской действительности через Государственную Думу... Главной формой этих обращений была так же, как и в предыдущих двух Думах, форма запросов” [3].

Одним из острых запросов, рассматриваемых в III Государственной Думе, стал запрос депутатов от Вятской губернии. Известность он приобрел помимо активности самих депутатов, благодаря неутомимой газетной деятельности Чарушина. В “Вятской речи” появилась серия публикаций о том, как в 1908 году по распоряжению губернатора Горчакова в уездах проводилась кампания по усиленному выколачиванию недоимок, сопровождаемая нещадными экзекуциями крестьян-неплательщиков.

“Слухи, а затем и крестьянские корреспонденции об этих истязаниях стали доходить и до редакции газеты, умолчать об этом газета не могла, хотя и знала, что за разглашение надо будет ждать исключительных репрессий. Обстоятельная

[1] Архив УФСБ по Кировской области. СУ-4577. Л. 164.
[2] ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 970. Л. 7.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. II. М., 1990. С. 47, 53.

статья за полной подписью крестьянина Василия Созинова, нашего сотрудника, объехавшего с целью обследования целый ряд деревень Котельничского уезда, особенно подвергшимся зверским экзекуциям. Хорошо обоснованный, с целой массой проверенных фактов, обвинительный акт на вятскую администрацию, отвечать на который немедленными репрессиями, без кажущейся проверки правильности обвинения не местах уже не представлялось возможности. Сам Горчаков двинулся на проверку в Котельничский уезд – вся статья об экзекуциях была объявлена вздором и клеветническим выпадом крамольной газеты” [1].

Созинова немедленно выдворили за пределы губернии. Его ходатайство с протестом против предания суду “за клевету в печати” было оставлено без внимания. Выход номеров “Вятской речи” губернские власти приостановили, типографию, где она печаталась, закрыли. Однако тема успела проникнуть во многие газеты за пределами губернии, став достоянием широкой гласности. Из Котельничского и других уездов поступали новые свидетельства об экзекуциях, они сосредоточивались в руках членов Государственной Думы. Все это и послужило основанием для думского запроса о незаконных действиях вятской администрации.

Посредником в этом деле стал думский депутат от Вятской губернии, выпускник Московской духовной академии, кандидат богословия, преподаватель и инспектор Вятского духовного училища Сергей Семенович Липягов, состоявший во фракции кадетов.

Вятские депутаты, возмущенные известиями о бесчинствах полиции, отправили Столыпину докладную записку с приложением вырезок из “Вятской речи”, требуя строго расследовать происшедшее и принять меры к недопущению впредь ничего подобного. Известие об отправлении Столыпину сведений об избиениях крестьян депутаты от Вятской губернии отправили в редакцию ведущей кадетской газеты “Речь” и других газет.

“Мы далеки от мысли ожидать быстрых и решительных результатов от предпринятого нами шага, – сообщил Липягов Чарушину 26 января 1909 года, – но рассчитываем обратить внимание правительства и общества на творимое вятской администрацией и предусмотреть возможные со стороны последней репрессии над многострадальной “В.Р”.

Затем депутаты отправили Столыпину по телеграфу просьбу об аудиенции для личного ходатайства о делу “Вятской речи”. “Материалы будут нами посильно использованы и в печати, и в комиссии, и на трибуне, – извещал Липягов Чарушина 6 февраля. – “Вятские избиения” заинтересовали прессу, и газеты пока охотно берут у нас сведения по этому делу. Думаревский (уездный исправник в Слободском уезде. – В.С.), приставы, стражники – не более как добросовестные исполнители приказа свыше. Их деяния - только очень яркий штрих в общей картине беззакония и произвола... Откуда, на самом деле, взялась такая психология у полиции, что она напоминает опричников и при упоминании

[1] РГАЛИ. Чарушин Н.А. Краткие сведения о газетах… Ф. 1642. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

о законе показывает нагайку? Материал убедителен, вполне достаточен и разнообразен... крестьяне не отказываются показывать и свидетельствовать губернскому чиновнику об избиениях и обидах”.

Помощника слободского исправника Гептнера Чарушин, оказывается, знал еще по Троицкосавску и Кяхте, где тот …преподавал немецкий язык в реальном училище.

“Через несколько лет он оказался в г. Слободском, Вятской губернии, на должности помощника исправника; правда, он был благодушен и доброжелательно относился к многочисленным политическим ссыльным в городе и уезде. При случайной встрече со мной в Вятке он казался очень сконфуженным и оправдывался передо мной за свой мундир тем, что нужда заставила его поступить на полицейскую службу”.

Липягов сообщил, что крестьяне не будут отказываться от показаний по фактам избиений. 10 февраля вятский запрос был роздан депутатам, поступил в комиссию по запросам. На заседаниях III Государственной Думы он нашел сочувственное отражение в выступлениях видного статистика В.И. Покровского, членов ЦК партии кадетов Ф.И. Родичева и А.И. Шингарева, одного из лидеров меньшевизма Н.С. Чхеидзе. Напротив, П.А. Столыпин взял под защиту действия Горчакова.

При разборе запроса не обошлось без откровенных инсинуаций. Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов П.Г. Курлов не преминул задеть Чарушина: “Можно ли доверять какой-то провинциальной газете, издаваемой и руководимой бывшим политическим каторжанином и соучастником в цареубийстве?” Николай Аполлонович отнесся к словам Курлова иронически: “Этот “соучастник в цареубийстве” с 1874 г. был изъят из обращения, а 1 марта 1881 г., когда совершилось цареубийство, находился за много тысяч верст от Петербурга в Карийской каторжной тюрьме” [1]. Неуклюжая попытка жандарма опровергнуть факты насилия над крестьянами основывалась на тенденциозной информации, представленной Горчаковым и командированным в Вятскую губернию чиновником из Петербурга.

14 февраля Липягов начал письмо к Чарушину: “12 февраля получил от Столыпина приглашение явиться к нему 14 февраля, т.е. сегодня в субботу в 4 ч. дня… тотчас по возвращении от Столыпина письмо будет продолжено”. Письмо Липягов продолжил через день, подробно рассказав Чарушину о посещении Столыпина. В назначенное время вятскую делегацию “с соблюдением известных в таких случаях формальностей” впустили в Зимний дворец. Ожидать пришлось недолго.

“После моего заявления, что мы явились просить об отмене распоряжения кн. Горчакова и когда я начал кратко излагать обстоятельства этого дела, Столыпин перебил меня заявлением, что по-видимому связь с разоблачениями и об избиениях и закрытием типографии хоть чувствуется, но он хорошо знает, что

[1] РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3. Чарушин Н.А. Краткие сведения о газетах…

такое “Вятская речь”. Это самая революционная провинциальная газета в России, где тщательно собирается и преподносится вся грязь (премьер сделал при этом соответствующий жест) читающей публике. Правительство называется не иначе как “кровавое” (его подлинное выражение)”.

Липягов заметил, что в течение последнего года газета только один раз подвергалась судебному преследованию, но если бы дело дошло до Сената, то окончилось бы в пользу Горчакова. “Вятская речь”, как и многие другие оппозиционные газеты, подвергается репрессиям, но жалобы на них обычно опровергают губернаторы.

“В данном случае, – продолжал Липягов, – Вы, вероятно, уже получили сведения, доказывающие справедливость газетных разоблачений об избиениях”. – “Нет”, – отвечал Столыпин и даже начал речь о недостаточности наших законов о печати. Он заявил: “Вы, депутаты Вятской губернии, вы все – крайне левые, у вас в губернии очень спокойно только, благодаря Горчакову. От некоторых правых из вашей губернии я слышал, что только теперь можно вечером спокойно выходить на улицу, не опасаясь нападений…” Депутаты стали возражать, говоря о несправедливости такой оценки положения дел в губернии.

“Под общий говор всесильный временщик встал, показывая, что аудиенция кончилась”. На просьбу Липягова отменить постановление Горчаков к газете, Столыпин ответил, что должен получить объяснения от Горчакова. Напоследок премьер сказал депутатам: “Если бы вы были министром внутренних дел, вы бы сделали точно так же”. Во время встречи Липягов защищал “Вятскую речь”, заявляя, что “газета подвергается репрессиям за разоблачения”, что “справедливость сообщенного газетой подтверждается подробным изложением фактов с точным указанием имен и всех обстоятельств дела”.

“Мы решили, – завершил письмо от 14-15 февраля Липягов, – что образ мыслей и настроения премьера не дают надежд на решение в ближайшие дни нашей просьбы в желательном для нас смысле, но с другой стороны, – рассуждали мы, ведь он же нас принял на другой день после речей Маклакова, Родичева, Милюкова, где в лицо ему были брошены неотразимые упреки, как узурпатору власти, союзнику убийц и предателей… Вот есть же и у Столыпина нервы и сердце, ведь самая толстая кожа поддается могучим уколам”.

Шесть дней спустя Липягов вновь обратился к Чарушину: “Мы не имеем письменного списка и указаний на лица по избиениям в Медведевской волости, где особенно усердствовали стражники. Есть ли какая либо возможность пополнить этот пробел?”

27 февраля Липягов известил Чарушина: “На днях произошел выбор докладчика по вятскому запросу. Маклаков и Пергамент, занятые одесским процессом над профессорами, отсутствовали. Избранным оказался С.И. Комсин, прогрессист, бывший член суда… Наш запрос будет поставлен на повестку. Приблизительно мы наметили и темы наших речей. Бакин возьмет на себя изложение фактической стороны избиений, по документами данным, а Кропотов

– о недоимках, я – характеристика кн. Горчакова, о. А. Попов – оценка деяний князя с государственной и юрид. точки зрения и т. п.”

Что представляли собой депутаты-вятчане?

Егор Павлович Астраханцев. Работал слесарем на Ижевском оружейном заводе Вятской губернии. Фракция социал-демократов. Выступал с думской трибуны об избиении крестьян.

Матвей Петрович Бакин, выпускник Казанского университета, участник русско-японской войны, заведовал хирургическим отделением земской больницы в Малмыже. Фракция кадетов. Член земельной комиссии.

Василий Иванович Башкиров, из крестьян, городской голова Елабуги, уездного города Вятской губернии. Фракция кадетов. Член комиссии по борьбе с пьянством.

Священник Александр Александрович Попов. За политические взгляды уволен от учебной и миссионерской деятельности. Будучи беспартийным, примыкал к фракции прогрессистов, был секретарем церковного комитета и членом комиссии законодательных предложений.

Василий Петрович Путятин, работал чертежником на Пудемском заводе в Глазовском уезде. Племянник П.А. Голубева. Состоял во фракции социал-демократов и группе трудовиков.

Александр Егорович Кропотов, из крестьян. Окончил земскую школу, был писарем в волостном правлении. Участник русско-японской и первой мировой войн. Состоял в трудовой группе. Будучи членом земельной комиссии выступал против столыпинской аграрной реформы. В 1910 году был обвинен в подлоге имущественного ценза для избрания в Думу. Оправдан по суду в 1913 году. Его защитником на процессе был А.Ф. Керенский. В 1917 году Кропотова избрали членом Учредительного собрания от Вятской губернии, он участвовал в его первом и единственном заседании. Был председателем Уржумской земской управы. Во время антибольшевистского степановского восстания включен в состав “временного управления Южного округа Вятской губернии”. В 1919-1923 гг. арестовывался восемь раз [1].

25 февраля на речи А.И. Шингарева, Ф.И. Родичева, В.И. Покровского, Н.С. Чхеидзе отозвался товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов П.Г. Курлов. Липягов пересказал его слова в письме Чарушину – избиения крестьян в Вятской губернии не соответствуют действительности. Туда послан член Совета Министерства и правительство при предъявления запроса ответило на все обвинения. Речь Курлова прерывалась аплодисментами правых и некоторой части октябристов.

27 февраля Липягов известил Чарушина о получении от него заказного письма с новыми сведениями об избиениях и о том, что передал материал в редакцию газеты “Речь”: “П.Н. Милюков обещал на днях пустить ее (рукопись) в печать. Я

[1] См.: Марков А. [Справки о думских депутатах от Вятской губернии] // Знатные люди (Биографический словарь). Энциклопедия земли Вятской. Т. 6. Киров, 1996.

перечитал ее несколько раз. Без излишних нагромождающих подробностей сущность дела изложена умело”. В этом же письме Сергей Семенович упредил: “Опасаюсь излишнего любопытства к моим письмам. Письмо, посланное с месяц Кропотову, оказалось с явными следами вскрытия, о чем составлен акт. Посылаю письмо его для передачи Вам”.

Созинов за свои публикации оказался под арестом. 22 февраля Липягов написал Чарушину: “Горемыка” просит оказать материальную помощь его родственнику – Созинову, заключенному в узилище. Эта помощь будет для него и моральной поддержкой”. “Горемыка” – псевдоним крестьянина, активного корреспондента “Вятской речи”. Он был в Петербурге, у него производили обыск (Чарушин прислал с “Горемыкой” дополнительные материалы об избиениях).

События в Вятской губернии, ставшие предметом обсуждений в III Государственной Думе, вызывали пристальный интерес и за границей. Профессор русской истории Ливерпульского университета Бернард Перрис через одного из своих адресатов в России (письмо адресата В. Лебедева 19 марта 1909 года) обратился к Чарушину с просьбой “сообщить ему точные сведения о последних избиениях крестьян в Вятской губернии при получении с них недоимок”, он был бы “очень благодарен за сообщение точных фактов, как они есть”. Тема “вятских избиений” попала и на страницы английской газеты “Таймс”. “Скромные вятичи приобретают, благодаря политике Столыпина и много нашумевшей тактике кн. Горчакова теперь, очевидно, всемирную известность”, – перепечатывал “Вятский край” информацию из столичных газет.

Вполне возможно, что профессор мог знать о незаурядной личности Чарушина от народников-эмигрантов, живших в Англии, в частности, от Н.В. Чайковского или Ф.В. Волховского.

Судьба “вятского запроса” оказывалась схожей с аналогичными запросами, поступавшими в Государственную Думу из других губерний. “Их сила по-прежнему притуплялась тем, – вынужден был констатировать П.Н. Милюков, – что правительство могло отсрочивать свои ответы в течение месяца, – тогда запросы теряли значительную долю своей актуальности” [1]. (Но они не могли отстранить основной вопрос, мучивший миллионы крестьян по всей России – вопрос о земле).

Оценка же Столыпиным “Вятской речи”, как самой “революционной провинциальной газеты”, хотя без сомнения и она способствовала “раскачиванию” корабля российской государственности, конечно, не соответствовала действительности. Чарушин и его сотрудники решительно выступали противниками каких бы то ни было насильственных мер.

Если недовольство газетой высказывал всемогущий премьер-министр, то тем более она раздражала вятских губернаторов. Особенно доставалось ей при Горчакове. В “Памятной записке” губернатор извещал Столыпина: “Кяхтинский мещанин Николай Аполлонович Чарушин хорошо известен в революционном

[1] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 51-52.

мире как один из видных деятелей. Нигилизм семидесятых годов нашел в Чарушине и его жене своих самых верных и энергичных последователей.... Чарушин сделался негласным руководителем местной левой печати. Газеты “Вятская жизнь”, “Вятский край”, “Вятская речь” – это все в сущности детища Чарушина. Он получает средства, он и ведет все дело редакции. Редакторы же часто подставные лица, работающие как рядовые работники, по строго обдуманной программе, составленной Чарушиным... Редакция газеты “Вятская речь”, находящаяся в руках Чарушина, несколько раз навлекала на себя подозрение как складочное место прокламаций и место сбора учащейся молодежи. В Великую пятницу 1907 года через сотрудника вятским полицеймейстером было получено из редакции до 1 000 различных прокламаций, которые готовились к рассылке по Слободскому уезду. Прокламации были “О думе”, “О переделе земли”, изложенные в противоправительственном духе... В самый разгар действий ученических организаций у Чарушина в комнате рядом с кабинетом собирались учащиеся, обсуждая организационные вопросы, в которых принимал участие и сам Чарушин. С пресечением революционной деятельности Чарушина, несомненно, прекратится и выступление вятской левой прессы, так как заменить его будет некем, да и не всякий из имеющихся налицо вятских прогрессистов сумеет поставить дело борьбы с правительственной властью так, как оно стоит в данную минуту в руках Чарушина” [1].

Горчаков дал объективную с его позиций оценку “Вятской речи”. Извещая Столыпина о трудностях борьбы с “Вятской речью”, он писал, что наказывает лишь подставных лиц, “в той надежде, что рано или поздно иссякнет же контингент людей, готовых за чужие грехи томиться под арестом”. “Другого исхода у меня нет”, – вынужденно признавался губернатор [2]. (Странно читать подобные сентенции первого лица в губернии премьер-министру, зная о том, как действовали власти большевистской эпохи в борьбе с инакомыслящими).

В письме А.П. Чарушникову Николай Аполлонович рассказал, что Горчаков вызывал к себе редактора газеты А. Лучинина. Тот передал Чарушину, что губернатор “хвалил газету за серьезность и интересность”, но заметил, “что хроника составлена возмутительно в ней проводится систематическая травля его, князя, что если нападки не прекратятся, тот и он будет защищаться по своему... Газете придают большое значение. Говорят, что ей верят, что она имеет огромное влияние и что это только побудило его разговаривать с нами” [3]. П.А. Голубев сообщал об этом А.П. Чарушникову: “Что делает администрация с вятской печатью – уму непостижимо. Не считая судебных дел, по которым двое редакторов приговорены к отсидке, Горчаков засадил еще семь человек. Сейчас

[1] Цит.: Карачаров Ю.Г., Лахман А.И., Пономарев В.Ф. Еще раз о Чарушине // Кировская правда. 1989. № 98. 27 апр. С. 3.

[2] Петряев Евг. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970. С. 200-201.

[3] Чарушников А.И. Издатель А.П. Чарушников. Л., 1991. Машинопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. С. 14.

мои приятели заняты мыслью изыскать средства для содержания в тюрьме целого десятка редакторов и этим доказать нелепость действий вятского помпадура” [1].

“В этих-то тяжелых условиях приходилось продолжать издание уже под другими названиями, и в течение почти двенадцати лет претерпевать непрерывные преследования самого разнообразного характера, имевшие целью добить газету, которая не хотела умирать и продолжала борьбу с административным произволом. Облеченная особыми полномочиями власть ничем не стеснялась: преследования судебные, неоднократное закрытие типографии, высылки сотрудников и бесконечные аресты и штрафы, налагаемые на редакторов, в одиночку и пачками, как это имело место при губернаторе Камышанском, арестовавшем сразу восемь редакторов из которых только один был ответственный, а остальные запасные. При отсутствии средств у газеты и при постоянных дефицитах по изданию штрафы эти обычно отбывались натурою, благодаря чему, некоторые из редакторов почти не выходили из заключения. И только в самые последние годы местная администрация, как бы примирившись с неизбежным злом, стала прибегать к репрессиям реже”.

“Вятская речь” сообщала о произволе и насилии со стороны тех, кому поручена охрана порядка. Бесчинствовали в губернии не только стражники-казаки. 26 февраля 1908 года газета рассказала о преступлении конного стражника, чеченца Узаева, находившегося в распоряжении вятского полицмейстера. На Морозовской улице в пьяном виде он принялся избивать нагайкой проходившего человека. Чиновник Двинин, увидев это из окна своей квартиры, выбежал на улицу и стал заступаться за избиваемого. Стражник застрелил его, потом пошел по улице, ведя лошадь под уздцы, паля напропалую в прохожих. Он застрелил крестьянина Торбеева и ранил извозчика Киселева. Соплеменники убийцы предлагали вятскому адвокату Владимиру Васильевичу Белову взять на себя его защиту. Естественно, тот отказался. Дело завершилось тем, что местные власти отправили отморозка “на попечение родителей” в Терскую область Грозненского округа [2].

Трагедия на Морозовской улице, о которой подробно рассказала “Вятская речь”, не единична. В слободе Дымково стражники-чеченцы убили отца и сына Печищевых. 15 марта 1908 года газета поместила высказывания начальника Терской области: “При возбуждении уголовного преследования по обвинению некоторых туземцев в тяжких преступлениях, обвиняемые в самом начале расследования или во время производства дознания скрываются из пределов Терской области в Европейскую России, поступая там в стражники”.

Подобные публикации в чарушинских газетах вызывали у стражников соответствующую реакцию. Очередная издательница “Вятской речи” Александра

[1] Там же. С. 15.
[2] ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1319. Л. 27.

Михайловна Праздникова телеграфировала в Министерство внутренних дел, о том, что чеченцы врывались в редакцию, грозя учинить кровавую расправу за публикации об их беззаконных деяниях.

11 января 1909 года после долгой и тяжкой болезни на пятьдесят седьмом году жизни скончалась Анна Дмитриевна. Похоронили ее на Богословском кладбище, ныне не существующем. На гроб возложили венки… Один из венков был от редакции “Вятской речи”, другой от местной интеллигенции с надписью “Как тяжело жить на свете!”

В номере “Вятской речи”, где Николай Аполлонович с сыном известили вятчан о ее смерти, были помещены написанные, видимо, кем-то из сотрудников газеты прочувствованные строки: “Анна Дмитриевна отличалась редкой отзывчивостью на все светлое и чистое в жизни, всякая же несправедливость и насилие всегда глубоко волновали ее и заставляли страдать. До конца своих дней А.Д. сохранила в себе все эти качества и тот неистощимый запас идеализма, которым была проникнута вся ее столь богатая тяжелыми испытаниями жизнь”.

Через номер в газете было сказано о роли Анны Дмитриевны в чарушинских периодических изданиях:

“Анна Дмитриевна всегда поддерживала своей верой, давала советы, ободряла в дальнейшей работе и умела вдохнуть свежие силы, хотя сама же и была самым строгим судьей, т.к. малейшие промахи, неизбежные в спешной газетной работе, до боли ее задевали. Уже совсем больная, когда физические силы оставили ее, она и то не переставала интересоваться общей работой. Она болела одним горем с нами, радовалась одной радостью. Этой незаметной для посторонних глаз, но громадной по своему моральному значению поддержке во многом обязана газета и это составляет неоценимую заслугу Анны Дмитриевны перед местной прогрессивной печатью. При ее деятельном участии открылась первая местная прогрессивная газета “Вятская жизнь”, за издание которой она поплатилась восьмимесячной высылкой за пределы губернии. С тех пор Анна Дмитриевна все время твердо стояла на своем посту в борьбе за свободное слово и гласность. В истории вятской периодической печати имя ее сохранится навсегда и никогда не забудется”.

На смерть Анны Дмитриевны на страницах “Вятской речи” откликались самые разные люди от народника Л.Э. Шишко, написавшего биографический очерк “Анна Дмитриевна Чарушина. Одна из чайковцев”, до корреспондента газеты, подписывавшегося псевдонимом “Крестьянин Горемыка”.

“Вятская речь” помещала соболезнования Николаю Аполлоновичу от журналистов, литераторов, бывших участников народнического движения, представителей уездной интеллигенции, земцев, крестьян. “В эти тяжелые для Вас минуты – отозвался С.С. Липягов – примите, многоуважаемый Николай Аполлонович, наше искренне сочувствие Вашему мужеству и энергии в отстаивании правого народного дела”. Елена Соболева писала из Жигановска на

Лене, куда приехала к мужу-ссыльному: “Я считаю слишком бедной себя, чтобы уметь выразить сердечное сочувствие Вам по поводу случившегося. Дай Бог Вам сил перенести в это трудное время такое несчастье… Спасибо Вам, Николай Аполлонович, за долгую заботу и хлопоты о нас. Давно что-то не было Вашего детища видно – “Вятской речи”. Вы теперь еще больше уйдете в нее “.

Из Томска отозвалась Л.В. Чемоданова-Синегуб. Сообщив, что, что на смерть Анны Дмитриевны отозвался некрологом Г.Н. Потанин в газете “Молодая Сибирь”, она написала: “У меня был большой отрывок (очерк или повесть, не знаю, как назвать), в котором была выведена Ан. Дм. Тот отрывок был напечатан лет 10-11 тому назад в “Амурском крае”. Я могла бы направить его для сборника”. Предполагалось издание сборника памяти Анны Дмитриевны.

Из далекого Самарканда написал читатель “Вятской речи” Е.И. Новицкий: “Слова утешения не идут на язык, хотя душа болит за Вас. Хочется верить, что общественное дело, которому Вы отдавали и отдаете свою жизнь, и любовь к сыну помогут Вам перенести тяжелый удар судьбы и Вы сумеете снова бодро смотреть на жизнь. Вы слишком большую дань отдавали обществу и не можете не чувствовать, какой глубокой любовью и уважением полны к Вам все друзья и знакомые. О, если бы это сознание Вами живой связи с людьми могло хоть немного смягчить боль одиночества! Наше горячее пожелание Вам дожить до того хорошего времени, когда реакция будет побеждена и снова откроется возможность людям жить и работать в нормальных условиях общественной жизни, чтобы Вы могли по крайней мере видеть плоды своей общественной работы”.

Книгоиздатель А.П. Чарушников: “Не мог до сих пор писать Вам потому, что не чувствовал возможно ли выговорить какие-либо слова утешения в Вашем великом горе… Ваше горе, конечно, вызвало в сердцах друзей Ваших глубокое страдание. Могу лишь пожелать Вам силы перенести утрату дорогого человека”.

Из Петербурга послала соболезнование Вера Танаевская: “Может быть, Вы найдете спасение в газете, которую здешняя печать еще недавно называла “самой мужественной, смелой” из провинциальных, как раз за сообщение о карательной экспедиции...”

Позднее, в 1927 году, выражая сочувствие Ивану Ивановичу Попову, Николай Аполлонович писал: “По собственному и неоднократному опыту я хорошо знаю, что значит такая утрата... Время, дело, да собственное мужество – единственно верные лекарства при таких личных катастрофах. Надеюсь, что все это у Вас есть” [1].

Жизнь продолжалась... Помимо газетного дела Николай Аполлонович принимал участие во многих просветительских делах, в том числе в книгоиздательской работе вятских земцев. Обратимся к труду замечательного знатока книги, библиографа В.Г. Шумихина, посвященного книжному делу

[1] РГАЛИ. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 114. Письмо Н.А. Чарушина 17 июля 1927.

Вятского земства. “В короткий срок, – писал Виктор Георгиевич, – вятскому крестьянину было предоставлено около сотни книг самого разнообразного содержания, доступных по цене, добротных по редакционно-издательскому исполнению, с явно выраженным прогрессивным содержанием. (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Станюкович, Елпатьевский, Бичер-Стоу, Дефо, В. Скотт, Калмыкова, Горбунов-Посадов, Короленко и многие др.) Эти книги коренным образом отличались от лубочных изданий. Авторами многих из них были местные люди, хорошо знавшие край, нужды населения – земские врачи, агрономы, ветеринары, техники… За два года “Товарищество” издало 26 книг тиражом 190 тыс. экземпляров на 17 тыс. рублей при себе стоимости 7,5 тыс. Вятская администрация понимала суть деятельности “Товарищества” и делала все, чтобы помешать ей. Удаленность от центров России и отсутствие литературных сил давали себя знать. В 1905 году “Товарищество” перенесло свою работу в Петербург. За время работы в Вятке и Петербурге (по 1918 год) “Вятское товарищество” издало около 300 книг русских и переводных” [1].

Издательство помогало чарушинской газете. Примечательно разрешение части пайщиков “Вятского книгоиздательского товарищества” на заем для газеты “Вятский край” из его капиталов 16 сентября 1907 года: “Мы даем свое согласие на заем для нужд “Вятского края” из капитала “Вятского книгоизд. товарищества”, внесением наших паев в это товарищество, причем, если дела газеты будут так плохи, что она не будет иметь возможности выплатить этот заем – мы лично претензии к ней предъявлять не будем. Согласие наше находится только в зависимости от согласия пайщиков “Вятск. кн. товарищества” и согласие их не предъявлять претензий к нам, если паи наши газетою не будут возвращены” [2].

Сборники русских и иностранных писателей, рассказы авторов народнического направления, находили спрос, тем более, что продавались они по копеечной цене. Распространялись книги Вятским книжным складом и его отделениями в уездах губернии, а через прогрессивные книжные издательства в Москве и Петербурге. Вятские издания расходились далеко по стране. Со временем число пайщиков увеличилось, в конце 1904 года их стало сорок два.

Чарушин был среди первоначальных девятнадцати соучредителей, внесших свой пай. Ответственно работал он и по страхованию, и в эмиритальной кассе (средства ее составлялись из отчислений от жалованья государственных служащих на специальные пенсии для них), занимался организацией помощи голодающим.

Но главным делом оставалась газетная работа. Чарушинские газеты “Вятская жизнь”, “Вятский край”, “Вятская речь” последовательно издававшиеся с конца декабря 1905 по конец декабря 1917 года, являются настоящей энциклопедией

[1] Шумихин В.Г. Для жизни настоящей и будущей. (Книжное дело Вятского земства). Киров, 1996. С. 60-61.

[2] РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Ед. хр. 2.

вятской губернской жизни начала XX века. И не только губернской – в них тогдашний читатель мог найти массу общероссийского материала, перепечаток из столичных и провинциальных газет. Издание просто уникально. По сути дела – это одна “общественно-политическая и литературная газета”, только вынужденная из-за притеснения властей менять названия.

Однако номера чарушинских газет доходили до самых отдаленных мест губернии. Сотрудник редакции Аполлон Аполлонович Лучинин, высланный еще будучи секретарем “Вятского края” в село Зюздино-Афанасьевское Глазовского уезда (ныне центр Афанасьевского района), места, где почти четверть века назад отбывал ссылку В.Г. Короленко, вскоре по водворении написал Чарушину о ссыльном быте. “Раз в неделю, понимаете ли, всего раз в неделю с приходом почты выходили из равновесия. Дождь и холод. Выпал раз даже снег, мало того один день свирепствовала настоящая снежная вьюга, это в мае-то месяце… Станем зюздинскими обывателями”. Столоваться Лучинин был намерен у местного священника. Познакомился он с учителем (“очень обаятельный и радушный молодой человек”). В селе оказалась земская библиотека – “бесплатная народная”, помещавшаяся в одном шкафу, да книги, по словам учителя, наполовину были растеряны. Тем не менее библиотека выписывала “Вятский край”, а из центральных газет две кадетские – “Речь” и “Реформу”.

Библиотека находилась на втором этаже дома, а на первом располагалась чайная и читальня общества трезвости, в ней выписывались три газеты – “Вятский вестник”, “Русская земля” (издаваемая А.С. Сувориным) и “Сельский вестник”. Примечательны различия в выписываемых газетах – в земской библиотеке – либеральные издания, в чайной – консервативные. (Несмотря на общество трезвости, пили зюздинцы основательно. “Удивительно, сколько здесь покупают водки: и бутылками и четвертями. Не редкость видеть согбенного мужичка, который выходит из лавки с тремя четвертями разом: две подмышками и одна в руках”. Под жильем Лучинина происходит распитие водки скопом. “Народ – кулак, жох и пьяница… Вообще народ отличается хитростью, смышленостью, наклонностью к спиртным напиткам”).

Известность чарушинских газет выходила далеко за пределы губернии. Их материалы часто перепечатывались родственными по духу столичными и провинциальными газетами. На ее страницах печатались яркие публицистические произведения, и среди них знаменитая статья Льва Толстого “Не могу молчать!” о смертных казнях в России, помещенная в номере от 8 июля 1908 года.

Фельетоны “Вятской речи” вызывали яростные нападки на нее, редакторов подвергали штрафам, а за невозможностью их уплаты – тюремным отсидкам. И в самом деле, было отчего Горчакову и Столыпину возмущаться направленностью “Вятской речи”.

Иногда Чарушин посылал заметки в другие газеты. Из редакции “Новой газеты” в Петербурге его известили (22 февр. 1909), что заметка о карательных экспедициях “не пошла вследствие того, что не хотелось печатать факт, который

сам по себе не мог быть подтвержден, да притом он мало чего добавляет”. Не проявлялась ли тут излишняя осторожность редакции, опасение публиковать острые материалы? А в другом письме (19 апр. 1909) редакция “с чрезвычайным прискорбием уведомила, о “естественной” кончине газеты вследствие “истощения издательских ресурсов”. Правда, посланную корреспонденцию Чарушина все же поместили в последнем номере и сообщили, что готовы продолжать с ним сотрудничество по возобновлении газеты.

ИЗ ОТКЛИКОВ НА ЧАРУШИНСКИЕ ГАЗЕТЫ. РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА. Ф. 1642 (Н.А. Чарушина). Оп. 1.

Из Москвы И.Л. Братчиков (24 дек. 1907): “Аккуратно читаю “Вятской край” (теперь “Вятскую речь”) и от души жалею каждого нового редактора. Ведь и г. Попову придется тоже посидеть в месте злачном”.”.

Из Москвы Д.П. Бирюков (15 Марта 1908): “Получаю я опять “Вятскую речь” и вижу, как Вы цапаетесь с князюшкой”… (*То есть, с губернатором С.Д. Горчаковым).* Бирюков отметил ценность чарушинской газеты в освещении деревенской жизни: “По столичным газетам не видна жизнь деревни, низов…”.

После отъезда Горчакова Бирюков пожелал Чарушину “так же воевать с новым начальником губернии, как воевали с князем”. “Вздохнула ли малость газета при новом хозяине губернии? Вижу, что и этот хозяин является вашим постоянным сотрудником. Нигде, кажись, губернаторы не принимают такого участия в газете, не занимают так много мета, как у вас”. (Делился Бирюков новостями о репрессиях – арестованы А.В. Прибылев и И.И. Майнов. Прибылева выслали в Минусинск на пять лет, за нам поехала его жена Анна Павловна Прибылева-Корба).

В.В. Танаевская, только что приехавшая из Вятки в Петербург (27 сент. 1908): “Скажите Николаю Аполлоновичу, что я за время пути покупала все провинциальные газеты и читала, по возможности, сравнивая с “Вятской речью”. Я за время пути покупала все провинциальные газеты и читала, по возможности, сравнивая с “Вятской речью”. Никакие газеты, ни нижегородские, ни ярославские, ни костромские, ни рыбинские, не могут идти ни в какое сравнение с вятской, до того она полнее их и содержанием, а главное – проникнуты одним цельным направлением, при котором все – и известия, и статьи, и хроника даже, – все бьет в одну определенную точку” [1].

А.С. Шкляев, большевик, “работник по боевым организациям”, из ссылки в Тобольской губернии (1908): “Если еще дышит Ваша газета, мне

[1] Вера Викторовна Танаевская – близкий друг семьи Чарушиных, в 1917 г. издавала газету “Вятская мысль”.

бы хотелось ее получать с нового года. Подписную плату за 4 месяца вышлю не позднее 10 января” [1].

Эсер А.Г. Соболев (6 января 1909) откуда-то из ссылки в северо-восточной Сибири: “Завтра отсюда уходят первые партии в Киренский уезд. Когда двинут меня не знаю. Виду этого, т.е. возможности моего ухода отсюда, прекратите пока высылку “Вятск. Речи” и не пишите мне сюда до моего письма. Нельзя ли на адресе “Вят. речи” уничтожить слово “поселенец”?”

Соболев оказался в селении Жиганово на Лене за Полярным кругом. 17 февраля 1909 года он писал: “Если не прекратилась высылка “Вятской речи”, то и не прекращайте ее – это моя единственная связь с Вятским краем”. Позднее, будучи переведен на Ангару, Соболев писал и оттуда уже в июле: “Давненько я уж не видал родной газеты, но о подвигах ее осведомлен из столичных газет”. Он сообщал также о двух вятчанках-ссыльных – Корнильевой и Булыгиной, обе из Сарапула. “Первую Вы немножко должны помнить по 1904 году. Это жена бывшего депутата от Сарапульского уезда в 1-ю Гос. Думу”. (Сергей Михайлович Корнильев, – земский врач, весной 1906 года издавал в Петербурге газету “Народный вестник”, привлекался к процессу о “Выборгском воззвании” и об издании этой газеты, приговорен к тюремному заключению). Афанасий Гаврилович намеревался прислать Чарушину впечатления от одной смертной казни в вятской тюрьме, а также воспоминания о “днях свободы” в Вятке (события 1905 года)”.

Еще один ссыльный, эсер Владимир Макушин в январе 1909 года намеревался послать в “Вятскую речь” корреспонденции о ссылке в Верхоленском уезде в Сибири. Но его одолевали сомнения: “Будут ли они интересны. Этапы, пересыльные тюрьмы, конвои и т.п. Все эти впечатления дали довольно интересный материал, но вряд ли удобно было бы опубликовать его”. А сведения-то были любопытны. Например, ссыльные, видимо, для заработка создали оркестр, играют на свадьбах у чалдонов, коренных жителей Сибири… Писал Макушин о круге чтения ссыльных – “подобралась маленькая компания для чтения Михайловского, которого я, наконец-то раздобыл таки – все шесть томов основных…” Интересовался Владимир Николаевич также и делами с изданием сборника памяти Анны Дмитриевны (“хотелось бы и самому написать туда”).

Вятчанин, литератор А.Н. Баранов с Урала (29 мая 1909): “Из своего прекрасного далека я не перестаю внимательно следить за жизнью

[1] Азарий Сергеевич Шкляев (1879-1933), уроженец Вятской губернии, участник трех революций и гражданской войны. В конце января 1906 г. был в боевом отряде большевиков, напавших по решению Петербургского комитета РСДРП на трактир, где собирались члены монархического “Союза русского народа”. Жертвами террористов стали двое убитых, около двадцати человек получили ранения. В советские годы находился на руководящей работе.

“Вятской речи” и был очень опечален, когда мне написали из Вятки, что дела газеты находятся в критическом положении. Очевидно, кризис миновал, ибо газета продолжает выходить. Как-нибудь перебивайтесь Ведь одно последнее разоблачение избиений, вызвавшее перевод Горчакова, лучше всяких слов свидетельствует о значении газеты”. О новом губернаторе Баранов отозвался осторожно: “Ну станем уповать, что Камышанский не станет хотя бы сумасбродствовать, как нелепый Горчаков”.

Бывший сотрудник Чарушина Кара-Мурза из Уфы (5 сент. 1909) просит за свои “писания хотя бы самый малый гонорар” (стесненные обстоятельства), но вообще “без всяких гонораров на свете возлюбил я “Вятскую речь” и чтобы ни случилось, симпатии эти останутся нерушимы!” Кара-Мурза хотел бы вернуться в Вятку. “Не можете ли Вы представить мне какое-либо, хотя бы маленькое место, в Вашей редакции?” Берется за любую работу.

А. Рукин (1909): “К вам просьба, если найдете возможность, продлить нам выписку Вашей газеты, – будьте добры… К газете настолько привыкли, что за несколько дней неполучения начинаем по ней тосковать… “Заводите, Николай Аполлонович, скорее свою типографию. Наладите дело – получите простор”. Рукин делился опытом работы своей типографии. “Надо новые, а не старые машины. Подержанный шрифт хоть и стоит в половину, но лучше приобрести новый. Трудно типографию создавать, вдвое легче взять с рук, даже если она и была в беспорядке”. Очень важно взять толкового заведующего типографией. “В нем все. Тихонький систематик, пусть без образования, но со знанием типографского дела практически – вот лучший заведующий”. “Громадное значение имеет и умелое отношение к рабочим”. “Ваша газета поражает многих, совершенно чуждых Вятке лиц, своей живучестью. Вот эта, кажется, единственная “неумирающая…”

П.А. Голубев (1908) из Казани. “Прежде всего горячие пожелания здоровья, с которым связана судьба дорогой для всех лучших людей “Вятской речи”.

А. Левентон (6 янв. 1909) из Иркутска (на бланке редакции газеты “Сибирь”).

“Я Вятку особенно ценю. Туда я приехал первый раз для того, чтобы при помощи дяди сделать то, что называется карьерою… Всегда храню в памяти благодарность этому маленькому городу и интересным вятчанам”. Он поделился впечатлением от передовой статьи в рождественском номере “Вятской речи”: “За такую передовую у нас был бы полный разгром”.

Дочь издателя Н.П. Ложкина Елизавета из Петербурга: “Спасибо за газету. Она нам нравится, но приходит номера по три за раз и далеко не

вся… Вятички бегают читать ее к нам”. “Вятички”, а вернее “вятчанки” – курсистки.

“Вятскую речь” читали повсюду. Ее подписчики жили в Петербурге и Москве, на Урале, в Сибири и даже в Средней Азии. В Томске читал “Вятскую речь” историк, этнограф, путешественник Г.Н. Потанин, с которым Чарушин некогда путешествовал по Монголии.

Помещала газета статьи талантливого деятеля кооперативного движения, выходца из крестьян Котельнического уезда Павла Александровича Садырина, члена фракции кадетов в I Государственной думе, а позднее члена ЦК конституционно-демократической партии. Помимо “Вятской речи” он сотрудничал и с “Вятской газетой”.

2 ноября 1908 года Садырин известил Чарушина: “Заказной бандеролью выслал Вам шесть статей по кооперации для “В.Р.” Желательно бы их поместить в таком порядке: 1) “Кооперация”, 2) “Потребительские общества в Англии”, 3) “Потребительские общества в России”, 4) “Московский союз Потребительских обществ”, 5) “Положение сельскохозяйственной кооперации в Германии”, 6) “Кредитные кооперативные учреждения в сельском хозяйстве”. Далее Садырин дал адреса, по которым просил редакцию разослать номера газеты с его статьями. 40 экземпляров просил отослать в Курскую губернию Петру Дмитриевичу Долгорукому, активному пропагандисту кооперативного движения. “Все статьи написаны в тюрьме на бумаге даже со штемпелем тюрьмы. Тотчас по выходе я не имел возможности их отправить, а потому посылаю с замедлением. Если желаете, даты статей можно, конечно, не помещать... Цель моих статей – обратить внимание сородичей-вятичей на новую форму общественных отношений. В частности, и для Вятской губ. кооперация имеет громадное будущее... В заключение позвольте передать Вам и всей редакции мой привет и приветы многих москвичей, которые читают “В.Р.” Я говорю Вам не комплименты, что мы здесь удивляемся, каким образом удается Вам в провинции в таком небольшом городе вести газету так хорошо. Дай Бог Вам сил и средств продолжать дело в том же духе”.

Садырин 2 ноября 1908 года также поинтересовался у Чарушина: “Если бы “В.В.” так или иначе отозвался о моих статьях или вообще обо мне, – не откажите выслать мне тот номер “В.В.” (“В.В.” – консервативный “Вятский вестник”, приложение к “Вятским губернским ведомостям”). Газета Чарушина, конечно, поместила статьи Садырина (1908. 11, 13, 16, 18, 19, 20 сент.) [1].

[1] Дальнейшая судьба П.А. Садырина такова – в послереволюционные годы он работал председателем правления сельских кооперативов; входил в число членов Всероссийского комитета помощи голодающим; стал членом ЦИК СССР; в 1931 г. вместе с А.В. Чаяновым и

Чарушинские газеты подробно знакомили читателей с событиями общественно-политической жизни в России и, конечно, в Вятской губернии, причем акцент статей, заметок, информаций был выдержан с определенной тенденцией.

Помещались материалы об А.И. Герцене, П.Л. Лаврове, Н.Г. Чернышевском, Н.К. Михайловском, В.В. Берви-Флеровском, о чествовании народника Н.В. Чайковского. Интересна в “Вятской жизни” перепечатка из журнала “Русское богатство” рассказа Г.В. Винникова, адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири, об отказе Чернышевского подать прошение о помиловании.

Чарушин с благодарностью хранил память о людях старшего поколения, оказавших воздействие на становление его воззрений. В июле 1908 года “Вятская речь” вспомнила, что исполнилось пятнадцать лет со дня смерти Н.В. Копиченко. Он был памятен Чарушину готовностью помочь “чайковцам” в пересылке из Петербурга в Вятку изданий кружка. В строках, посвященных Николаю Васильевичу, не говорилось о его причастности к “Казанскому заговору” 1863 года и о том, что он отбывал ссылку в Вятке. Но читателя не могло не впечатлить, что Копиченко завещал городу “весь свой капитал и дом, в ныне помещается городская имени жертвователя богадельня “для престарелой женской прислуги”. Не преминула газета заметить , что, “несмотря на крупный дар, принесенный городу покойным, городская управа, по-видимому, забыла этот день, по крайней мере могила Н.В. носит на себе следы полного запустения”.

В этом снесенном ныне низеньком доме, находившемся на углу Царевской и Пятницкой улиц (совр. Свободы и Ст. Халтурина), помещалась первоначально редакция чарушинской газеты. (Будучи учеником начальной школы, автор этих строк проходил на уроки мимо бывшего дома Копиченко, любуясь нижними фиолетового цвета стеклами в оконах по фасаду, но узнал об истории дома лишь позднее от Евгения Дмитриевича Петряева). Летом 1906 года Николай Аполлонович приискал для редакции новое помещение – квартиру из пяти комнат в доме на углу Николаевской и Пятницкой улиц (совр. Ленина и Ст. Халтурина). Здание это в перестроенном виде сохранилось.

К 50-летию отмены крепостного права “Вятская речь” поместила очерк Петра Александровича Голубева “Введение воли. Рассказ заводского крепостного” о драматических событиях полувековой давности на родине Голубева в Омутнинском заводе, в описании которых с нескрываемой симпатией показан народный заступник, молодой волостной старшина Семен Сорокин.

Печатал Чарушин в “Вятской речи” отрывки из воспоминаний участника “Казанского заговора”, впоследствии талантливого статистика, публициста, историка и литератора Ивана Марковича Красноперова, не попавшие в

Н.Д. Кондратьевым подвергся аресту по делу Трудовой крестьянской партии, в 1934 г. освобожден, но в 1938 г. “за восстановление прежних связей” был вновь арестован и расстрелян в день вынесения приговора.

публикацию в журнале “Мир Божий” и не вошедшие позднее в его “Записки разночинца”, выпущенные уже в советские годы.

Не упускала “Вятская речь” возможности иронизировать над власть предержащими. Особенно доставалось губернатору Горчакову. Когда Горчаков покидал Вятскую губернию, газета рассказала о прощальных торжествах в его честь, о лукулловых обедах и подарках. Один обед при проводах Горчакова обошелся в 1 000 рублей, тогда как прибыль от благотворительного вечера в пользу “недостаточных” учеников составила 85 руб. 28 коп. [1]

Однако и при новом губернаторе П.К. Камышанском газете не стало легче. Штрафы, отсидка редакторов... Д.П. Бирюков написал на этот счет Чарушину (27 марта 1909): “Поздравляю и желаю здоровья и так же воевать с новым начальником губернии, как воевали с князем. Для пользы дела им снабдят Калужскую губернию. Расстаться с таким борцом за законность, очевидно, наше правительство не может. Пороло в Вятке, теперь будет пороть в Калуге. Только и всего”. Бирюков высказал сомнение и изменении общественного климата на Вятке: “… вздохнула ли малость газета при новом хозяине губернии. Вижу, что и этот хозяин является вашим постоянным сотрудником. Нигде, кажись, губернаторы, не принимают такого участия в газете и не занимают так много места, как у вас”. А сменивший Камышанского на посту губернатора И.М. Страховский, заявлял, что налагать штраф на редактора газеты не станет, но поступит жестче. Чарушин получил предупреждение – за публикации статей, дискредитирующих власти, он будет выслан за пределы губернии.

Отмечала “Вятская речь” памятные даты: в 1909, 1911 и 1912 годах столетние юбилеи Гоголя, Белинского, Герцена. В газете печатались произведения Горького, Короленко, Александра Грина. (Случаен ли выбор гриновского рассказа “Третий этаж”, помещенного в одном из номеров 1908 года, о боевиках, засевших в доме и отстреливавшихся от правительственного отряда? Уж очень это напоминает перестрелку в Вятке на Кикиморской улице). Помещала “Вятская речь” рассказы К.Ф. Жакова о жизни народностей Севера [2].

---

[1] О дальнейшей судьбе Горчакова. В новогодних пожеланиях на 1910 год “Вятская речь” пожелала экс-губернатору прославиться и в Калужском воеводстве, не менее, чем в Вятском, а когда придет срок выехать из Калуги на “Калужском воеводе”, намекая на отъезд Горчакова из Вятки на яхте “Вятский воевода”, изготовленной на Воткинском заводе. В Калуге Горчаков прославился тем, что намеревался при помощи казенных землемеров расширить свое имение за счет сопредельных владений. (См.: Зырянов П.Н. Столыпин без легенд // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 127-128). Пожелание “Вятской речи”, не сбылось. Неизвестно на чем выезжал “крутой Сережа” из Калуги, но жизнь его как “бывшего” завершилась в 1927 г. в ссылке на севере Тобольской губернии. (См.: Мусихин В.Е. Вятский губернатор С.Д. Горчаков // Из истории Вятского края. К пятилетию кафедры краеведения ВГПУ. Киров, 1997. С. 50).

[2] Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866-1926), – философ, писатель, педагог. По происхождению коми. Его статьи о народностях финно-угорской группы печатались и в

Приходилось помещать некрологи о людях, сделавших много доброго для чарушинских газет – об Александре Николаевне Праздниковой, Александре Петровиче Чарушникове, Петре Александровиче Голубеве…

Со страниц газеты можно узнать массу интереснейших сведений о жизни Вятской губернии и вятчан в начале XX века. Писала газета о работе Вятской ученой архивной комиссии, публиковала исследования местных авторов по истории края.

В газете помещалась полезная информация, к примеру, о движении омнибусов г-жи Пекарской от гостиничных номеров Макарова до вокзала Вятка-I; об одноконном дилижансе по маршруту Вятка-Слободской, отправлявшемся из Вятки четыре раза в день (билет стоил 1 рубль); о благотворительном “празднике белого цветка” в Слободском, посвященном борьбе с туберкулезом, чистая прибыль от которого составила 368 рублей; о гастролях знаменитого дрессировщика Дурова со зверями; о полете над Вяткой авиатора Васильева и о фотографических снимках этого полета... А разве можно не улыбнуться над заметкой от 3 августа 1908 года, сообщавшей, что у Театральной площади сметено уж три стога сена.

Несмотря ни на что, чуждалась газета и юмора.

“Вятскому вестнику”, предоставлялись абонементы на приглашение годового трубочиста (“много сажи накопилось)”, а его редактору – очередной чин, пять рублей награды и романс на слова Лермонтова “Сижу за решеткой...”

А вот какие пасхальные подарки предназначались самой “Вятской речи” в 1909 году – ария Ленского “Что день грядущий мне готовит?” Ее очередному редактору дарили псалтырь с закладкой на псалме 90 (в конце псалма говорилось: “Долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое”)... Газете советовали, заручившись терпением на целый год, со смирением нести свой крест, но имея в виду ограниченность мест заключения, ни в коем случае не иметь по семи редакторов. Редакторам же “Вятской речи” желали построить при полицейских участках собственные арестантские помещения и сидеть в них по обязательным постановлениям не свыше двенадцати месяцев. На новый 1911 год редакция “Вятской речи” пожелала сама себе “кабинет” при полиции без клопов, без забитой форточки и хоть чуточку подальше от буйных “коллег” по заключению. Всем же вятчанам предлагалось собрание сочинений Салтыкова-Щедрина...

Для разночинной интеллигенции Вятского края чарушинские газеты становились необходимейшим чтением, ведь они были гораздо интереснее официальных и сухих “Вятских губернских ведомостей”. (На одной из фотографий нашего семейного архива запечатлен мой дед Александр Васильевич Сергеев, преподававший в Орловском городском училище, с номером “Вятской речи”).

“Вятских губернских ведомостях”. В 1910-1914 гг. Жаков выступал в Вятке с лекциями. В настоящее время растет интерес к научному наследию ученого.

Чарушинские газеты охотно читались в крестьянской и рабочей среде. Естественно, их направленность вызывала недовольство у некоторых из “хозяев”. “Вятская речь” (1911, № 257) передала диалог между спичечным фабрикантом Лесниковым и одним из его рабочих:

“– “Ты выписал “Вятскую речь”? – “Выписал, да”. – “Ты, однако, бомбу бы выписал…” – “Мне бомбу, Фрол Петрович, не надо, а надо газету…” – “Я вот вам покажу газеты! Чтобы газет не было!”.

Понятно недоброжелательное отношение фабриканта к “Вятской речи”, которая сообщала, что на его предприятии трудятся до тридцати мальчиков 11-13 лет, хотя это воспрещено законом.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ “ВЯТСКОЙ РЕЧИ”

1908. 28 февраля. На имя Н.А. Чарушина от Московского управления общественной организации поступил перевод на 30 тысяч рублей для продовольственной помощи населению губернии.

1908. № 23. 15 марта. Арест Лбова. “Известный организатор разбойничьих шаек Лбов, терроризировавший население Пермской губернии и до сего времени ускользавший от преследования полиции, пойман в Вятской губернии. Как передают, Лбов арестован еще в половине февраля при убийстве им стражника, но долгое время личность его не была установлена. Последнее, по слухам, произошло только числа 12 марта. Из Нолинска 13 марта Лбов под сильным конвоем привезен в Вятку и заключен одну из местных тюрем” [1].

1908. № 36. 4 апреля. “Агентом охранного отделения в Петербурге на вокзале арестован прибывший из Вятки с вологодским поездом 29-ти летний Азарий Шкляев. По сообщению столичных газет Шкляев обвиняется в участии в военной организации. У арестованного конфисковано 275 р. денег и ящик с прокламациями к нижним чинам. Шкляев отправлен в охранное отделение”.

1908. № 86. “Вятская ученая архивная комиссии подносит на проводы губернатора Горчакова “вяземский пряник” длиной в 1 аршин и шириной в 1/2 аршина, художественно выполненный в кондитерской С.О. Якубовского” [2].

---

[1] Александр Михайлович Лбов (1876-1908), – участник первой русской революции, атаман отряда “лесных братьев” на Урале, экспроприатор. Задержан в Нолинске, повешен по приговору Казанского военно-окружного суда в Вятке.

[2] Аршин – 71, 12 см. Изготовлен этот пряник был с пряничной формы XVIII века, сохранившейся в коллекции одного из вятчан, увлекавшимся собиранием предметов старины. Подношение пряника являлось на Руси своеобразным ритуалом при расставании. Архивная

1908. № 124, 29 июля. “В четверг, 31 июля в семь с половиною часов вечера заседание Вятской ученой архивной комиссии в ее помещении во флигеле публичной библиотеки. Кроме рассмотрения текущих дел, если позволит время и здоровье референта, предполагается обсуждение реферата “Вятичи мы или вятчане”. В заседании могут быть и посторонние посетители.

1908. № 126. 1 августа. Освобождение “декабристов” – боевиков, взятых на водокачке. Просидели 2 года и 8 месяцев.

У Театральной площади сметено уже три стога сена.

1908. № 133. Кара-Мурза. “Старый знакомый”. О том, что местный унтер Пришибеев отнимает “Вятскую речь” у разносчиков.

1909. № 166. *Много ли пьют вятичи?*

Оказывается, по статистике менее других российских обывателей. В Европейской части России в год на душу населения потреблялось 57 соток вина, у нас – 40 [1].

1909. № 153. Освобожден из Вятского исправительного отделения 31 матрос Балтийского флота за восстание в 1906 году в Кронштадте. В заключении находится еще около 100 матросов.

1909. № 11. *17 мая. Хроника. Отказ от бесплатного освещения губернаторского дома.*

“В заседании вятской городской думы 16 октября 1908 г. было заслушано предложение вятского полицмейстера о принятии освещения губернаторского дома электричеством на счет города и о сложении недоимки за электрическую энергию, числящейся за вятским губернатором кн. Горчаковым в сумме 268 руб. Управа высказалась за удовлетворение ходатайства, а городской голова Синцов, поддерживая предложение полициймейстера, разъяснял думе, что кн. Горчаков очень много сделал для города, а потому и заслуживает со стороны думы особого внимания. И так как предложение это сделано было несомненно не без ведома и даже не без одобрения самого кн. Горчакова, то дума, несмотря на то, что законом строго воспрещаются всякие приношения и подарки начальствующим лицам, не решилась в данном вопросе

комиссия была небогата. А в целом прощание с Горчаковым сопровождалось вручением дорогостоящих подарков, обильными обедами (один из обедов обошелся до 1 000 рублей.

[1] В водочной бутылке помещалось 5 соток. То есть 40 соток – это 8 бутылок. 57 соток – это почти 11 с половиной бутылок. Много это или мало по сравнению с началом наступившего третьего тысячелетия?

руководствоваться точным смыслом закона и ходатайство вятского полициймейстера удовлетворила в полном объеме. Незаконное постановление это опротестовано не было, а потому долг кн. Горчакова городу за электрическую энергию в сумме 268 руб. был списан со счета, а в дальнейшем освещение губернаторского дома городом производилась уже бесплатно.

Ныне городской голова Синцов, желая, без сомнения сделать приятное и новому вятскому губернатору, выразил готовность продолжать освещать губернаторскую квартиру тоже бесплатно, но со стороны последнего встретил решительный отказ. На днях городской управой получено уже и официальное уведомление вятского губернатора об этом отказе, а вместе с тем и предложение подавать счета на электрическую энергию, расходуемую на освещение губернаторского дома.

И то, что считалось законным и приемлемым семь месяцев тому назад, оказалось теперь совсем неприемлемым, хотя соответствующие законы за эти семь месяцев остались те же".

1910. № 126. Выступление цирка В.Л. Дурова со зверями в Вятке.

1911. № 156. 22 июля. Полет авиатора Васильева.

"Еще с утра 20 июля в городе было заметно приподнятое настроение… У всех на устах один и тот же тревожный вопрос: "Состоится ли полет, не помешает ли неблагоприятная погода?"… Тысячи горожан, жаждущих увидеть человека-птицу, скопились возле ипподрома около загородного сада… Город совершенно опустел. Закрылись все лавки и магазины… В 7 1/2 час. вечера по всему ипподрому загудел 50-ти сильный мотор "Гном" на аппарате Блерио. Механик авиатора дает движение пропеллеру… Аппарат плавно поднимается в воздух, несется все выше и выше над ипподромом… прямо над многолюдной тысячной толпою зрителей… Толпа поражена. Громкие крики "Ура!", гром аплодисментов несутся вслед авиатору, а он… уже направляется в город. Пролетев над городом и описав, таким образом, по воздуху восьмерку авиатор снова появился над ипподромом… Авиатор останавливает мотор и красивым плавным спуском садится на землю. Так завершился первый полет в Вятке… Трудно передать те яркие ощущения, которые приходилось испытывать при виде летающего человека" [1].

1914 № 82. 17 апреля. "В четверг состоится только один концерт оригинальной русской народной певицы Надежды Васильевны Плевицкой".

[1] В 1908 г. "Вятская речь" сообщала (№ 98, 27 июня), что студент Петербургского технологического института К.Н. Платунов (выпускник Вятского реального училища) работает над устройством летательного аппарата.

ОБЪЯВЛЕНИЯ И РЕКЛАМА.

1909. № 12, 14 февраля. “Икра кетовая зернистая лучшая. Фунт 80 коп., при покупке не менее 10 фунтов отпускается по оптовой цене: 65 коп. фунт. Получена в магазине бр. Лаптевых”.

1911. № 256. 26 ноября. “Английский магазин. Спасская улица, дом Миронова.

“В виду затишья торговли с 19 ноября по 6 декабря 1911 г. назначена окончательная распродажа всех товаров. Скидка от 25% до 30 %”.

“Керченские сельди копченые и соленые получены в магазинах Р.М. Репиной”.

“Требуйте обязательно американскую овсянку “ГЕРКУЛЕС” в коробках. Только тогда вы получите наилучшую во всем мире овсянку. Остерегайтесь подделок, вредных для здоровья”.

“Получена материя для форм учащихся Мариинской гимназии в магазине А.А. Хлебниковой”.

“Дешевка в магазине А.Н. Бальхозиной в Вятке с 22 августа 1914 г.”

“Не тратьте времени на покупку электрических ламп. Звоните по телефону № 4-27 и вам пришлют на дом лучшие по свету и прочности лампы “Осрам”.

“Бритвы, ножницы, машинки для стрижки и другие приспособления у И.С. Кардакова”.

От “Вятской речи”. “Принятые рукописи могут подлежать сокращению и изменениям по усмотрению редакции. Обратную пересылку непринятых рукописей редакция на себя не принимает и в переписку по поводу их не вступает, не принятые заметки уничтожаются. Рукописи без обозначения гонорара считаются бесплатными”. “Подписка принимается: во всех почтовых и почтово-телеграфных учреждениях губернии и России, в конторе газеты, в магазине Т-ва Рязанцева, Спасская ул., в магазине А.Ф. Лаптева, Спасская ул., дом Миронова и в магазине Н.М. Рязанцевой, Спасская ул., рядом с клубом”.

Благодарность и поддержка читателей придавали уверенность Чарушину и его сотоварищам в борьбе за существование газеты. В “Кратких сведениях о

газетах...” Чарушин сообщал, что корреспонденты и кое-кто из сотрудников работали бесплатно, имея обеспеченный заработок где-либо. Оплачивался труд только постоянных работников, но не более 100 рублей в месяц. Когда после ослабления преследований газеты губернскими властями в 1910-х годах ее тираж возрос до десяти тысяч, “стало возможным увеличить и значительно заработок газетных работников”.

“Не считаясь официально издателем, – писал Николай Аполлонович в “Кратких сведениях о газетах…”, – не считал газету своей собственностью и в денежном отношении издательскими правами и преимуществом не пользовался. За свой труд я получал то же, что и другие. В последние годы, когда газета уже встала на свои ноги, вопрос о передаче ее в коллективное владение сотрудников встал вплотную и было приступлено уже к выработке устава, но, к сожалению, осуществление этого дела так и не удалось из-за смерти самой газеты” [1].

Чарушинская газета интересовалась состоянием дел у других газет. Как же выглядела “Вятская речь” среди других периодических изданий губернии? Издатели “Вятского вестника” в старании распространять его решились даже на снижение подписной цены на 30 % для учащихся начальных школ, сельского духовенства, низшего медицинского персонала, крестьян. Допускали они и рассрочку в оплате. Однако популярностью это издание все равно не пользовалось. Один крестьянин, волостной писарь, получавший газету бесплатно, отказывался от него: “Прошу редакцию “Вятского вестника” прекратить мне высылку газеты, она не удовлетворяет моим требованиям” [2].

Не пользовалось успехом и “Свободное слово” – печатный орган комитета “Вятской народной монархической партии”, начавший выходить с ноября 1907 года. После 72-го номера газета перестала существовать. Дело доходило до того, что экземпляры газеты бесплатно раздавали на пароходах. “На днях с возов по дешевке продавали остаток “Свободного слова” по 1 р. 50 к. за пуд”, – не преминула иронически высказаться “Вятская речь” [3].

Впрочем и эта газета в долгу не оставалась.

Из новогодних пожеланий газеты “Северное слово”. 1914. № 51. 1 января:

“Чарнецкому А.К. – открыть бациллу клеветы и привить ее своим “приятелям”.

Чарушину Н.А. – стать пациентом д-ра Чарнецкого”.

Не жаловались чарушинские газеты правой прессой. 31 декабря 1905 года “Вятский вестник” рядом со статьей консервативно настроенного журналиста М.О. Меньшикова “Народная оборона” напечатал фельетон “Письмо к тетеньке”, где содержался исполненный сарказма отзыв о газете “Вятская жизнь”. Некий

[1] РГАЛИ. Ф. 11642. Оп. 1. Л. 6 об. Чарушин Н.А. Краткие сведения о газетах…

[2] Вахрушев А.А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). Ижевск, 1994. С. 80.

[3] Вятская речь. 1909. № 35.

“племянник” сообщал “тетеньке”: “У нас в Вятке есть интересные новости. Город по распоряжению г-на министра внутренних дел объявлен на положении усиленной охраны. Это, видите ли потому, что “маненько” революционеры пошутили. Слышно еще, что скоро приедут казаки. Есть еще очень и очень интересная новость: появилась у нас революционная газета под названием “Вятская жизнь”. Ну, тетенька, и газета же это! Куда нашему “Вятскому вестнику”. В “Вятской жизни” пишут все люди передовые, идейные. Хотят они, видите ли, развить крестьян политически и дать им понятия социально-экономические. И чего-чего они не обещают мужику! И национализацию земли и освобождение от гнета…

Еще новая газета сильно защищает кражу казенных ружей из Слободского, и в оправдание кражи приводит слова арестованных “дружинников”, которые будто бы говорили прохожим: “Мы пришли охранять вас, защитите же теперь и вы нас”. Я вам, тетенька, опишу, как происходила сдача водокачки, в которой засели революционеры. Вот комедия-то!”

О молодых экстремистах, вовлеченных в перестрелку на Кикиморской улице в декабре 1905 года, “племянник” написал: “И таких юнцов вербуют в свои боевые дружины гг. революционеры для того, чтобы подставить их под пули!.. Здесь революционеры все маленькие, больше реалисты, техники, гимназисты и даже гимназистки. Юную неопытную голову легче вскружить всякими теориями…”

Противостоящие газеты постоянно укалывали друг друга. “Вятский вестник” с присущим ему консервативным направлением пикировался с “Вятской речью”, раздраженно утверждая, что “красная тряпка, которая болтается на знамени редакции этой газеты, окончательно затуманила головы ее юных сотрудников”. “Вятская речь” реагировала на подобные пассажи не менее ядовито. Не пользовался успехом и “Голос Вятки”.

Вятские социал-демократы издавали с марта 1906 года “Рабочий листок”. До разгрома подпольной типографии удалось выпустить пять его номеров, шестой полиция захватила в ноябре. Однако издание “Рабочего листка” возобновилось. В декабре 1907 – мае 1908 года большевики издали семь номеров. Восьмой номер “Рабочего листка” изготовили на гектографе, поскольку с усилением слежки ответственные за типографию вывезли за город и закопали часть оборудования.

“Крестьянская газета” эсеровского толка выходила с конца февраля 1906 года два раза в неделю. Издателем был А.А. Гурьев, редактором Д.П. Бирюков. На девятом номере губернские власти прикрыли было газету. Потом ее редактором стал И.А. Владиславлев. Репрессии на газету продолжались. И понятно за что. В одной из статей говорилось: “Если народу не уступают добром, то должны уступить силой”. Огромной популярностью у крестьянского читателя, и не только у крестьянского, имела “Вятская газета”, рассчитанная на распространение знаний, без какой-либо политической окраски.

Но наибольшим успехом у читающих вятчан, главным образом, у рядовой интеллигенции несомненно пользовалась “Вятская речь”, имевшая массу подписчиков по всей губернии.

В 1910 году начальник Вятской почтово-телеграфной конторы извещал губернатора: “В настоящее время рассылается почтой по уездам Вятской губернии всего 1 302 экземпляра газеты “Вятская речь”, из них в Глазовский уезд – 121; Малмыжский – 57; Нолинский – 116, Орловский – 149; Сарапульский – 96, Слободской – 247; Уржумский – 115; Яранский – 157; и Вятский – 1. По Вятскому уезду, нужно полагать, газета рассылается земскою почтою” [1].

Часть газет рассылалась редакцией безвозмездно по уездам. Орловский уездный исправник сообщал в 1910 году губернатору, что “Вятская речь” постоянно высылается в села Горохово и Березово ссыльным по одному экземпляру для каждой группы, кроме того “газета бесплатно адресуется редакцией в Орловскую почтово-телеграфную контору, которая сдает их на земскую почту, доставляющую газету по адресам”. В почтово-телеграфной конторе получалось 67 экземпляров “Вятской речи” – для города 12 и для уезда 55. Также газета высылалась ссыльным в виде премии за посылаемые ими в редакцию корреспонденции. Для образчика орловский исправник приложил к рапорту две бандероли с газетами, присланными редакцией “Вятской речи”. На газете наклейка – “Орлов. С. Горохово. Группа ссыльных”. И это все при том, что иные местные унтеры Пришибеевы отнимали чарушинские газеты у разносчиков. Не разрешали их продавать в привокзальных газетных киосках. Конечно, и высшие губернские власти бесцеремонно чинили всевозможные препоны газете, подвергая ее редакторов и сотрудников “штрафной вакханалии”, тюремным отсидкам и административной высылке. И все же судьба газетного дела Чарушина стала иной, чем у газеты Голубева, поскольку иным оказалось время.

В декабре 1917 года большевики закрыли “Вятскую речь”.

Чарушинские газеты – огромная культурная ценность Вятского края. “Вятская жизнь”, “Вятский край”, “Вятская речь” последовательно издававшиеся с конца декабря 1905-го по конец декабря 1917 г., являются настоящей энциклопедией вятской губернской жизни начала XX века. Их материалы часто перепечатывались родственными по духу столичными и провинциальными газетами. На страницах газет Чарушина помещались ярчайшие публицистические произведения начала XX века вроде знаменитого памфлета Льва Толстого “Не могу молчать!” о смертных казнях в России [1908, 8 июля].

В этих газетах, издававшихся в Вятке, тогдашний читатель мог найти массу общероссийского материала, перепечаток из столичных и провинциальных газет. Издание уникально. По сути это одна “общественно-политическая и литературная газета”, только вынужденная из-за притеснения властей менять названия.

[1] ГАКО. Ф. 582. Оп. 39. Д. 306. Л. 8.

Самому Николаю Аполлоновичу не довелось составить указатели своих газет, хотя он предполагал это сделать и даже приступал к их росписи.

Огромную, кропотливейшую работу по систематизации и росписи статей, очерков, заметок “Вятской речи” провела в 70-80-х годах библиограф Гали Федоровна Чудова. Ее труд представляет несколько объемистых машинописных томов, в которых материал систематизирован по тематическому принципу. Без газет Чарушина невозможно представить качественное изучение истории Вятского края.

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Симптомы грядущих “великих потрясений” ощущались еще до германской войны, до Февральской и Октябрьской революций.

Консервативная газета “Голос Вятки” (январь 1910) поместила корреспонденцию из Кирсинского завода на северо-востоке губернии под названием “Буйство рабочих”: “За последнее время как местная крестьянская молодежь, так и рабочие, прибывшие из других заводов, стали проявлять частые бесчинства и буйства, наводя страх на мирное заводское население. Пьянство на заводе усилилось. То и дело приходится слышать о том, как полупьяная толпа расходившейся молодежи выбила стекла в домах обывателей и у лиц, принадлежащих к администрации завода”.

Во время войны “падение нравов” умножилось. Выходившая в Вятке газета “Северное слово” (февраль 1914) дала заметку “Пьяная статистика”: “Последние базарные дни отличались небывалым количеством пьянки. Так, не считая тех, которые в состоянии передвигаться, в субботу, 1 февраля, было подобрано на улице полицией 36 человек пьяных. В воскресенье, 2 февраля, несмотря на то, что казенки в этот день закрыты, пьяных было тоже немало, и ночевало в частях 26 человек”. (Причина пьянки при закрытых “казенках” крылась в незаконной торговле выпивкой). Через девять дней новая заметка: “Пива пьют больше”: “Борьба, предпринятая городом против пивников, в конце концов, вряд ли будет иметь практический результат, так как, несмотря на малое количество пивных, в январе, по словам пивных заводчиков, потребление пива нисколько не снизилось, а склад Шнейдера за январь продал на 1 000 ведер более, чем в январе предыдущего года. Особенно ходко идет продажа пива в разлив”.

Война встревожила Вятскую губернию, как и всю страну. Из того же “Северного слова” (август 1915): “Ни для кого в городе не новость, что с конца прошлого года поднялись цены на белый хлеб в общем копейки по две на фунт”. “В губернской управе получена телеграмма о том, что в ближайшие дни в Вятку прибывают три поезда с беженцами”. “Дрова по продовольственным карточкам по полсажени в месяц на каждую карточку за 4 месяца вперед”.

Выходившая в Сарапуле газета “Кама” (март 1916) с тревогой писала: “До войны кумышку варили исключительно вотяки, русские этим не интересовались и на кумышку не обращали внимания. Но закрылись казенки и все набросились на кумышку. Дело пошло быстро: приобрели аппарат и варят, изобретая все новые и новые способы, совершенствуясь не по дням, а по часам. Результатов достигли действительно блестящих: так называемый “первачок” или первые капли не уступают по крепости казенному спирту”. (Кумышка – хмельной напиток, гнавшийся из хлеба, традиционно приготовлялся удмуртами).

Новогодний номер “Вятской речи” в 1917 году сообщал о боевых действиях на франко-германском театре войны, о налете германской воздушной эскадрильи на Париж, о потерях союзников в Средиземном море, о наступлении англичан в Месопотамии, о поражении турок в Египте, о положении на Западном, Румынском, Кавказском фронтах, о том, как “наша пехота успешно отражает атаки”...

Тут же газета напечатала расписание поездов в Петроград и из Петрограда. Кто-то из обывателей известил о потере портмоне, другой заявил о пропаже лошади. Какая-то дамочка дала объявление: “Ищу место кассирши, имею залог” (то есть не сбежит с деньгами из кассы)... Рядом предложение: “Обучаю и переписываю на пишущих машинках”. Здесь же информация о карточках на сахар...

Нашлось место и традиционным пожеланиям в наступающем году, ведь следовало надеяться на лучшее. За подписью “Старый рабочий” газета поместила строки, посвященные прощанию с уходящим годом:

Пробило полночь. Новый год
Вошел неслышною стопой.
Пусть счастье новое взойдет
С ним вместе над страной родной!

Кошмары тяжких старых дней
Уйдут, как этот старый год,
И пусть, как старый чародей,
Он мир для мира принесет…

Но в Вятке, как и во всей стране, уставшей от войны, было неспокойно. 3 марта посол Франции в России Морис Палеолог записал переданный ему разговор императрицы с вятским епископом, преосвященным Феофаном. Епископа удручали “ужасающие успехи деморализации народа”. Он говорил о небывалом числе “сенсационных преступлений, зарегистрированных за последние несколько месяцев не только в Вятской епископии, но и в соседних епископиях: в Екатеринбурге, Тобольске, Перми и Самаре. Смуту сеяли солдаты,

прибывающие из армии, больные, раненые, отпускные. Указал преосвященный Феофан и “на совсем недавно появившийся порок, о котором русские массы не имели даже никакого представления до последнего времени и который представляет для них гнусную привлекательность: морфий... все знали в Вятке кабаки, в которых производилась торговля морфием. У полиции были основательные причины для того, чтобы закрывать на это глаза...” [1]

Первые известия о революционных событиях в столице вятчане, как сообщала позднее “Вятская речь”, получили еще 25 февраля от приехавших из Петрограда. Официальных сообщений пока не поступало. Только в ночь с 27 на 28 февраля один из думских депутатов прислал на станцию Вятка-I телеграмму об образовании в Государственной Думе Временного комитета, взявшего в свои руки управление страной.

Телеграммы планировалось отдать в набор для газет следующего дня, но полиция отобрала их до решения особого совещания у губернатора. Однако уже 1 марта весь город знал, что в Петрограде старой власти больше нет. Из Вятки вести о свержении монархии быстро распространились по уездным городам. 3 марта губернатор Н.А. Руднев обсудил с председателем губернской земской управы и городским головой условия передачи власти. По уездам разослали текст манифеста об отречении царя от престола. На другой день “Вятская речь” опубликовала сообщения о беспорядках в столице, приведших к падению самодержавия.

В редакции “Вятской речи” в доме Бермана на углу Николаевской и Пятницкой царило радостное оживление. Интенсивно шел сбор денег в помощь освобожденным из тюрем политическим заключенным. Газета сообщала об аресте жандармов, о розысках оружия в полицейском управлении.

На страницах “Вятской речи” публиковались телеграммы “апостолу русского анархизма” П.А. Кропоткину от издателя историко-революционного журнала “Былое” В.Л. Бурцева и Г.В. Плеханову от редакции журнала “Современный мир”: “В этот исторический момент Ваше присутствие необходимо”. Один из номеров поместил портрет “бабушки русской революции” Е.К. Брешко-Брешковской. Перепечатывались плехановские статьи. Появилась в газете биография Н.В. Чайковского, поскольку он стал кандидатом в Учредительное собрание от Вятского отдела трудовой народно-социалистической по списку № 5.

Эйфория овладевала обществом. 106-й запасный полк объявил о взятии в свои руки охраны в городе. Организовывался Совет рабочих и солдатских депутатов. Учащиеся проводили митинги. В Орлове служащие земской управы утром 3 марта “от неожиданности такой крутой перемены строя России от радости настолько взволновались, что потом уже не могли продолжать свою обычную работу... Трудно описать то ликование, которое происходило у граждан города в

[1] Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции. М., 1991. Репр. воспр. 1923 г. С. 333.

эти дни”. Одна корреспонденция из родного города Чарушина называлась “Исторические дни в Орлове”.

“Отклики на падение самодержавия. Орлов (4 марта). С самого утра в городе оживление. Происходят шумные манифестации учащихся, произносятся речи, поют “Марсельезу” и другие песни свободы”. В городе организовали Временный общественный комитет, солдаты местной воинской команды разоружали полицию, во всех волостях решено было создать милицию и общественные комитеты. Подобное происходило и в других уездных городах губернии.

В воскресный день 12 марта в Вятке состоялся “Праздник революции”. На громадной площади перед Кафедральным собором собрались будто бы до 30-ти тысяч человек – рабочие, солдаты 106-го запасного полка, служащие. После военного парада торжествующие демонстранты продефилировали по Московской, Владимирской и Кукарской улицам на площадь перед Александро-Невским собором, где состоялся многолюдный митинг. “Праздник революции”” пришелся на яркий солнечный день, поэтому фотографии, запечатлевшие столь важное событие, вышли четкие… Солдаты, рабочие, интеллигенция. Видны даже матери с малыми детьми на руках… В одном из номеров “Вятской речи” появились патетические строки:

Что случилось? Проснулся народ,
Расправляет могучие плечи
И судьбу в свои руки берет,
Созывая народное вече.

Возвращались освобожденные революцией политические ссыльные. В марте на имя редактора сарапульской газеты “Кама” Виктора Пешехонова поступила телеграмма от некоего Мышкина: “Передай в газету, что я из далекой ссылки приветствую граждан Прикамья с новой эпохой в истории Великой России… В половине марта буду в Сарапуле”. То же самое происходило и в Вятке и по всем градам и весям страны…

Солдат четвертой роты 106-го запасного полка Леонтий Наумов обращался в газету “Вятская мысль”: “Прошу вас, г. редактор, в вашей уважаемой газете напечатать следующее: “Не найдется ли такое сочувствующее лицо, которое указало бы могилу казненного через повешение борца за свободу 4 февраля 1908 года Павла Петровича Наумова”. Справки наводит родственник, его двоюродный брат”. Такую же просьбу солдат послал и в “Вятскую речь”. (Павел Наумов – эсер. На его квартире в июне 1907 года хранились бомбы, оружие и нелегальная литература. Здесь же боевики разрабатывали план покушения на губернатора Горчакова. 7 августа полиция ворвалась в квартиру боевиков. Те отстреливались, но затем вынуждены были сдаться. Павла Наумова и Сергея Анатовского [Антоновского] по приговору суда казнили. Об этом деле писал в свое время чарушинский “Вятский край”).

Самого Чарушина выбрали председателем Вятского губернского Временного организационного комитета Всероссийского Крестьянского Союза. В губернии оформилась организация партии народных социалистов (энесов). Чарушин стал одним из ее создателей. К народным социалистам примкнули вятский уездный комиссар Павел Басов, земец из Орлова Алексей Лопатин (племянник Николая Аполлоновича), один из руководителей губернской кооперации Иван Дукуль. Народные социалисты склонялись к сотрудничеству с эсерами и меньшевиками, а на выборы в Учредительное собрание пошли в блоке с губернской организацией РСДРП. На выборах вятские энесы намеревались провести в депутаты Учредительного собрания Н.В. Чайковского. Несмотря на заявления о политической беспристрастности, “Вятская речь” все же проводила на своих страницах линию народных социалистов. Влияние энесов в губернии было несомненно связано с незаурядными личностями Чайковского и Чарушина. (Еще в 1916 году газета “Кама” сообщала, что в ознаменование юбилея Чайковского “правление петроградского общества оптовых закупок предложило Московскому народному банку открыть среди кооператоров всей России подписку для создания фонда имени Н.В. Чайковского. На проценты учредить стипендию для слушателей кооперативных курсов по выбору самого Чайковского”).

Николаю Аполлоновичу приходилось выезжать в Москву и в Петроград, где он виделся со старыми друзьями. Об одной из таких встреч с товарищем по кружку “чайковцев”, а ныне знаменитым теоретиком анархизма Петром Алексеевичем Кропоткиным. 14 июля “серебряный князь революции”, как называли его газеты, вернулся в Россию из Англии. На Финляндском вокзале Кропоткина встречали министры Временного правительства. Встречал его и Чайковский, который уже несколько лет жил в России и занимался организацией кооперативного движения. В это время общался с Кропоткиным приехавший в Петроград Чарушин. Позднее Николай Аполлонович рассказал об этом в письме В.Н. Фигнер, датированным 3 января 1924 года:

“И только почти через 45 лет я снова встретился с ним в Петрограде летом 1917 года, когда я посетил его на даче за Черной Речкой. Понятно, что за этот долгий промежуток времени он сильно изменился. Седина была и на голове и в бороде, черты лица его как бы расплылись, а здоровье видимо значительно пошатнулось. Говорил он со мной полушепотом (жаловался на простуду), хотя и собирался в тот же вечер выступать на одном солдатском собрании. Несмотря на его недомогание, встреча была сердечная. Та же простота, приветливость и задушевность, что было и раньше. Вспоминали далекое прошлое, затем он перешел к европейским делам, говорил о германском и английском рабочем движении, причем к характеру первого относился с видимым несочувствием за его планировку перестройки общества сверху вниз, и с несомненным сочувствием к характеру английского рабочего движения, где он видел нечто обратное в лице его производственных и иных рабочих организаций (снизу вверх), полагая, очевидно, что таким же порядком будет закончен и весь процесс

перестройки общества при наличии уже приобретенных навыков и выработанный практикой соответственной психологии”.

Тогда же в Петрограде произошла последняя встреча Чарушина с Чайковским.

“Уже летом 1917 г., когда страна кипела, раздираемая разными течениями, я, как-то возвращаясь с ним с одного многолюдного собрания, спросил его, какой прогноз он делает из всего происходящего в России на ближайшее будущее.

– Ну что ж, – ответил он, не задумываясь, – будет у нас буржуазная демократическая республика”.

“Когда разразилась февральская революция, то в Вятке, как и всюду, возникли самочинные революционные организации, в которых мне пришлось принимать самое живое участие, особенно же в исполнительном комитете. В целях организации крестьянства по моей инициативе был создан губернский организационный беспартийный комитет Крестьянского союза. Вскоре подобные комитеты возникли и на местах. Под моим председательством деятельность комитета продолжалась до июня 17-го года, когда созванный крестьянский съезд преобразовал союз в Совет Крестьянских Депутатов. Выбранный общим собранием в члены исполнительного комитета Совета, я в августе того же года вместе с социал-демократами и народными социалистами вышел из него, принявшего чисто партийную с.р. окраску и тактику, с которой в некоторых отношениях мы не могли примириться”.

“Вятская речь” давала место сведениям о деятельности всех политических партий. Когда в городе стали распространяться анонимные письма, угрожавшие населению поджогами, причастности к которым обвинялись большевики, Вятский комитет РСДРП (б) должен был защититься. 12 июля его опровержения напечатала “Вятская речь”. Помещала она и другие публикации, приносимые в газету большевиками.

Временное правительство, объявив войну до победного конца, старалось поднимать военные настроения. “Вятская мысль” сообщала: “20 июля в 1 час дня в летнем клубе был обед на средства секции “Помоги родине”, после которого доброволицы отправились на площадь Кафедрального собора, где преосвященный Павел отслужил напутственный молебен и благословил уходящих иконками от дамского кружка…” Через несколько номеров появилось такое объявление: “С 1 августа возобновляется запись женщин в женские маршевые роты”.

Однако разруха, вызванная войной, дестабилизация в стране принимала все большие и большие масштабы. Но обстановка в губернии стремительно ухудшалась – перебои с продовольствием, падение производства, отсутствие объективной информации о том, что происходит в центре.

В октябре прибывшим в Вятку представителям нижегородских легковых и ломовых извозчиков отказали в скупке овса, поскольку его на хватало в самой Вятской губернии. В деревнях шел “черный передел” земли. Крестьяне захватывали частновладельческие мельницы, маслобойные и смолокуренные заводы, хуторские и отрубные земли, покосы... Самовольно вырубались леса. Часто самоуправство оборачивалось смертоубийством. В Пижанской волости Яранского уезда крестьяне захватили мельницу, а ее хозяина-“кровососа” приговорили к смертной казни и тут же расстреляли. Каков бы ни был этот человек в глазах крестьян – налицо жестокий самосуд. Губернский комиссар Петр Саламатов получал от уездных начальников милиции и местных комиссаров известия о сопротивлении крестьян реквизициям, о неповиновении, грабежах. Попытки введения Временным правительством хлебной монополии не имели результата. На действия карательных отрядов крестьяне отвечали сопротивлением. Часты были случаи захвата крестьянами хлеба из хлебозапасных магазинов.

Процветали хищения, причем, в крупных масштабах. Еще 28 февраля вятская газета “Слово и жизнь” сообщала. “В последнее время в Вятской губернии наблюдается скупка лесных дач и лесных материалов приезжим спекулянтам с целью полной вырубки лесов и сплава их на лесные рынки…”

Это деяния крупных хапуг. Но вот выходки разгулявшегося “охлоса”… “Вятская речь” писала о положении на одной из спичечных фабрик: “В продолжение 8 1/2 месяцев рабочий люд, не имея над собою никакой государственной власти, не говоря уже о хозяевах, сбился на шаткий путь. За это время на фабрике усилилось хищение спичек, порча машин, станков и инструментов, часто наблюдается появление рабочих в нетрезвом виде”.

Что происходило в Вятке в исторический день 25 октября, когда жители ее еще не знали о том, что совершалось в столице? По сведениям “Вятской речи” в синематографе “Прогресс” демонстрировалась фильма “Колесо жизни”, в “Одеоне” картина – “От уст греховных к устам непорочным”, в “Колизее” – бытовая драма “Лихо одноглазое”. Было напечатано сообщение о похищенном в солдатском клубе удостоверении личности ефрейтора 106-го запасного полка Дмитрия Родыгина, которое следует считать недействительным. Кто-то поместил объявление: “Даю уроки английского языка”. Другое объявление – “Обучение печатанию на пишущих машинках”. Какое-то учреждение известило “Нужна барышня, умеющая быстро печатать на пишущей машинке”… В механическую мастерскую требовался “хороший слесарь, знающий токарное дело”. Тут же было сообщение городской продовольственной управы о том, что с 26 октября ржаная мука по хлебным талонам будет выдаваться по 10 фунтов на душу, а для занятых физическим трудом– по 15 фунтов.

Привела “Вятская речь” в этом номере слова П.Б Струве: “Большевизм – это смесь интернационалистического яда со старой русской сивухой… Этим

ужасным пойлом спаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, подкрепляемых кучей германских агентов”.

26 октября в Вятку из Петрограда по телеграфу пришло известие о захвате власти большевиками. Городской комитет РСДРП(б) обратился к жителям города с воззванием поддержать переворот. Но экстренная 59-я сессия губернского земского собрания осудила его. Председательствовавший на ней Петр Саламатов огласил две телеграммы. Первую со II Всероссийского Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о низложении Временного правительства, вторую от Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов о том, что захват власти большевиками – захват прав всего народа

Саламатов задал вопрос: “Как губернское собрание относится к захвату власти в Петрограде?” Один из земцев, кандидат в депутаты Учредительного собрания Павел Басов заявил: “В феврале мы приветствовали революцию и радовались, потому что революция совершалась во имя государственного начала. Мы считаем реформы большевиков несозревшими… Такая власть не может считаться общегосударственной и ведет к смерти. Мы должны заявить во всеуслышание на всю страну, что власти большевиков не признаем и подчиняться ей не будем”. Басов сослался на мысли Руссо о правильной и неправильной воле. Если события в Петрограде выражение неправильной воли, то следует выступить против них с позиций правильно организованной воли: “Будем работать на почве закона и только закона” [1]. Гласный Е.В. Серапихский провел параллель: “Вчера мы служили панихиду по покойном А.П. Батуеве. И вот невольно пришла в голову ужасная мысль: отчего умер Батуев. От выстрела безумного человека. И вот от такого же выстрела большевиков не погибнет ли свободная Россия... Ведь такие события, какие происходят у нас, невозможны ни в одной культурной стране. Мы знаем, что в Англии, например, отец и сын часто принадлежат по политической деятельности к разным партиям, но, сидя у себя дома, они мирно беседуют, ибо уважают друг друга. В России мы видим только одну вражду, и трудно встретить сейчас двух лиц мирно беседующих о политических вопросах” [2].

Чарушин, выступая на сессии, сказал: “Граждане гласные! То чего мы с тревогой ожидали и чего боялись – случилось. В Петрограде объявлена гражданская война. К внутренней общей разрухе на фронте и в тылу прибавилась еще горшая беда. Я думаю, что в этой беде повинен не только старый режим, но

[1] ГАКО. Ф.Р. 1322. Оп. 1. Д. 49. Л. 39.

[2] Там же. Л. 38 об.-39. Председатель Вятской губернской земской управы Авксентий Петрович Батуев, известный далеко за пределами “малой родины” подвижнической работой, скончался в тридцатитрехлетнем возрасте от смертельной раны, нанесенной психически ненормальным человеком 26 октября 1896 года. Земцы всей России скорбели о его безвременной кончине.

повинны и мы все. Мы все время только тем и занимались, что углубляли революцию и углубили ее до большевизма. Я думаю, что это уже конец, дальше идти некуда и мы с этого пункта повернем в обратную сторону. Я уверен, что у большинства пробудится государственный инстинкт и объединит все силы страны. Пройдет несколько дней или недель и этот кризис минует. Не вся же Россия заражена большевизмом. Переходя к конкретным предложениям, я должен сказать, что не согласен с мнением гласного П.Н. Чиркова о скорейшем роспуске губернского собрания. Я нахожу, что земское собрание в полном составе на ближайшие дни должно оставаться в Вятке. Необходимо выждать выяснения событий, что не заставит себя ждать. Ведь чрезвычайно важно сохранить спокойствие в Вятке, и если это спокойствие будет сохранено в Вятке, то можно будет надеяться, что оно будет сохранено и в уездах, поэтому я предлагаю гласным пока не разъезжаться, избрать и оставить здесь большой совет из представителей уездов и затем просить малый совет разработать план мероприятий по охране порядка и спокойствия и представить его завтра же на заключение земского собрания. Затем нам необходимо войти в контакт с демократическими организациями губернии для согласования действий по проведению означенных мероприятий” [1]. Еще Чарушин предложил: “Нам надо обратиться с воззванием к населению, обратиться в уездные управы о созыве уездных собраний, чтобы установить общую линию поведения, А затем необходимо избрать совет при городской управе” [2]. Слова Чарушина созвучны высказыванию Александра Блока (в передаче М. Горького): “Вызвав из тьмы дух разрушения, нечестно говорить: это сделано не нами, а вот теми. Большевизм – неизбежный вывод всей работы интеллигенции на кафедрах, в редакциях, в подполье…” [3].

Губернское земское собрание постановило – к попытке захвата власти “антигосударственными элементами” отнестись резко отрицательно, признать власть только Временного правительства, до создания нового правительства взять на себя власть в губернии, заняться ее организацией, для чего избрать Совет при губернском комиссаре. Среди избранных в состав Совета вошли П.С. Басов, Л.В. Юмашев, В.А. Трейтер, Н.А. Чарушин.

“В октябре 1917 г. впервые собирается обновленное земское собрание. В это время столица переживала смутное время, а вскоре началась и открытая борьба за власть советов. Деловая связь губернии с центром прервалась, вследствие чего губернское собрание вынуждено было взять на себя верховные функции и временно, до установления твердой власти в столице, объявить Вятскую губернию самостоятельной республикой, выбрав исполнительный

[1] Там же. Л. 39-39 об.

[2] Там же. Л. 41.

[3] Максим Горький. А.А. Блок // Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М., 1980. С. 329.

орган, Совет верховного управления губернией из 18-ти человек, в числе которых был и я”.

Программа Верховного Совета предусматривала обеспечение свободного проведения выборов в Учредительное собрание, а также порядка, спокойствия и слаженной работы государственных учреждений; принятие мер по преодолению продовольственного кризиса; обеспечение нормальной работы фабрик и заводов. Сначала Верховный Совет уповал на восстановление Временного правительства, беря на себя функции временного управления губернией. Затем старался сохранить существующий аппарат управления до установления центральной власти Учредительным собранием. В реальной жизни Верховному Совету было трудно оказывать сопротивление большевистской агитации. Ухудшалось обеспечение населения продовольствием. “Верховный Совет” постановил прекратить вывоз хлеба за пределы губернии, а заготовку хлеба возложить на особых уполномоченных. Население при содействии органов управления пыталось само наладить снабжение хлебом и обеспечение общественного порядка.

Верховный Совет принимал попытки борьбы с большевистской пропагандой, запретил распространение газеты “Деревенская беднота”. В ночь с 28 на 29 октября по приказу губернского комиссара был совершен налет на Вятский городской комитет РСДРП(б). Обыск продолжался 4-5 часов. Двое из арестованных комитетчиков, по словам большевика Петра Капустина, “отдежурили в тюрьме целую неделю”. Освободили их лишь по требованию полкового комитета 106-го полка, представитель которого был направлен на заседание “Верховного Совета”. Борясь с большевистской пропагандой, губернский комиссар Саламатов издал распоряжение начальникам почтово-телеграфных контор задерживать “все депеши от большевиков, именующих себя народными комиссарами или Военно-революционными комитетами” [1]. Неудачной оказалась попытка Верховного Совета создать отряд добровольческой охраны. Вместо предполагавшихся 800 человек набралось лишь около полутора сотни, преимущественно из учащихся и интеллигенции. Рабочие не откликнулись на призыв поступать в отряд: “...нам нечего охранять”.

Верховный Совет оказывался бессилен в пресечении анархии. Саламатов с тревогой констатировал: “День ото дня настроение становится тревожнее. Гарнизоны удерживаются от выступления случайным соотношением сил, каждый день ждем повторения Перми, где погром уже начался одновременно с выступлением большевиков” [2].

Опасаясь вероятности пьяного погрома, Саламатов распорядился вылить из городского склада спирт в реку Вятку. На прибрежном льду образовалось целое “спиртовое озеро”. Утром 11 ноября в субботу многие жители города и кое-кто из

---

[1] Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 1. Киров, 1965. С. 464.

[2] Тимкин Ю.Н. Смутное время на Вятке. Общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917 – осенью 1918 гг. Киров, 1998. С. 26.

солдат бросились на обильную дармовую выпивку. Начались драки. Не обошлось без раненых и даже убитых. Саламатов пребывал в состоянии полной растерянности. Пьянка продолжилась и на следующий воскресный день. Полковой комитет с большими усилиями предотвратил разгром винного склада, на содержимое которого устремились алчные аппетиты погромщиков. Последствия пьяного угара ощущались еще несколько дней. “За 11 ноября в вятскую губернскую земскую больницу были доставлены 10 человек, из которых четверо с разными легкими поранениями, а остальные как сильно пьяные”, – сообщала “Вятская речь”. В числе “сильно пьяных” оказался один мальчик.

Позднее официальные исследователи событий 1917 года в Вятке утверждали, что пьяный погром был ни чем иным, как провокацией со стороны Верховного Совета. Ведь все необычайно просто – споить город, настроить пьяных обывателей против солдат, инициировать погром и воспрепятствовать установлению власти большевиков. На самом деле Верховный Совет не был причастен к организации беспорядков. Ю.Н. Тимкин пришел к выводу: “Верховный Совет не был заинтересован в инициировании пьяного погрома в Вятке. Более того, провоцировать на погром город с почти 60-ти тысячным населением и большим гарнизоном, город, где имелась большевистская организация, на помощь которой уже шли силы из центра, делать это означало идти на опасную авантюру” [1]. Верховники старались предотвратить погром, но вылитый спирт остался на речном льду. Порядок действительно установил полковой комитет и большевики извлекли из этого немалую политическую выгоду. Авторитет Верховного Совета оказался подорван. Большевистское влияние усиливалось.

В уездном городе Слободском, по сообщению “Вятской речи”, 17 ноября толпа солдат, рабочих и жителей слободы Демьянки ворвалась во двор пивоваренного завода сбила замок от подвала и стала расхищать пиво… Вскоре новая толпа хлынула в еще большем количестве в подвал. Пиво набирали в чайники, ведра, бочки. Караул не выдержал и смешался с толпой…

Пьяные действа, подобные тем, что произошли в Вятской губернии, имели тогда место во многих городах России. Не стал исключением и Петроград. “Вот уже почти две недели, каждую ночь толпы людей грабят винные погреба, напиваются, бьют дуг друга бутылками по башкам, режут руки осколками стекла и точно свиньи валяются в грязи, в крови” – писал М. Горький в газете “Новая жизнь” [2].

Обстановка в губернии ухудшалась – перебои с продовольствием, падение производства, отсутствие объективной информации о том, что происходит в центре. Из Петрограда в Вятку прибывали, посланные Военно-революционным комитетом отряды матросов, солдат, красногвардейцев. Среди питерских посланцев приехал вятский уроженец, участник штурма Зимнего дворца Иван

[1] Там же. С. 27.

[2] Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуры. М., 1990. С. 98.

Деришев, которого младшие по возрасту единомышленники стали уважительно называть “дедушкой вятской парторганизации”. Интенсивную работу развернул в Вятке представитель ЦК РСДРП(б) Наум Анцелович. Все больше появлялось в губернии большевистских эмиссаров и агитаторов. По распоряжению Петроградского ВРК по железной дороге для помощи местным большевикам направился отряд балтийских матросов. Часть отряда в пятьдесят человек не позднее 15 ноября появилась в Вятке. “Вятская речь” объяснила приезд моряков необходимостью “получения в Вятской губернии хлеба для Петрограда”. Несколько дней спустя дней в Вятку, по информации чарушинской же газеты, прибыла еще одна группа “солдат и матросов во главе с комиссаром, командированная правительством Ленина в губернию за хлебом”. Трудно установить численность прибывавших матросов, солдат, красногвардейцев. Через город на восток проходили эшелоны с вооруженными людьми, часть их могла задерживаться в Вятке. Теперь вятские большевики приобретали мощную поддержку. В Вятке остался отряд Юрия Дрелевского, в Котельниче отряд Л. Журбы, третий отряд отправился в Слободской. Кроме того действовали отряды Лупарева (он полностью остался в Вятке), Запкуса и Павлова (они, оставив часть людей из своих отрядов в Вятке, вскоре проследовали далее).

“Человек с ружьем” решал теперь судьбы страны. Слабыми оказывались противодействующие ему силы. Большевики с прибытием “летучих отрядов” в Вятку укрепили свои позиции. Военно-революционный комитет, возникший 12 ноября, стал центром по захвату власти, организовал несанкционированные перевыборы Вятского Совета. Членами его стали большевики: землемер Михаил Попов, бывший рабочий Путиловского завода, один из участников революционной работы среди вятских железнодорожников в 1905 году, упомянутый уже Иван Деришев, маляр Василий Лалетин, фотограф Петр Фалалеев... Как расценивали эти люди происходящие события? Попов еще летом реалистически отмечал, что “проблески большевистского сознания” он видел только у рабочих двух индустриальных предприятий Вятки. Фалалеев уточнял: “… большевистские взгляды разделяли самые низы чернорабочих, самые забитые и униженные и ничего не понимающие”. Большинство же рабочих, те что из “самых низов”, удивлялись поведению Фалалеева: “Получает приличное жалованье и имеет свой дом, а связался со шпаной, мутит и бунтует”.

Еще 23 ноября на митинге солдат 106-го полка социалисты предупреждали, что переход власти к большевикам будет означать гибель революции. В этот день “Вятская речь” поместила статью “Самоубийство”, начинавшуюся словами: “Восстание большевиков, чем бы оно не кончилось, означает, что Россия занимается самоубийством. Она жжет себя, правда, на медленном, но довольно скоро делающем свое дело огне…” Но солдаты-запасники, не жаждавшие отправляться на фронт, поддержали большевиков и переход власти в руки обновленного Совета. 24 ноября ВРК на своем заседании принял решение, не дожидаясь открытия заседания Вятского Совета, брать власть в свои руки.

Вечером 25 ноября в здании “народного дома” открылось заседание Вятского Совета. Выступали представители различных политических сил. Н. Анцелович в двухчасовой речи потребовал перехода власти в руки Совета. Меньшевики оспаривали необоснованные, по их мнению, притязания большевиков на власть, утверждая, что лишь Учредительное собрание правомочно решать этот вопрос. (Примечательна эмоциональная окраска этого эпизода заседания Совета в официальном издании “Очерки истории Кировской организации КПСС” – “эсеро-меньшевистские соглашатели кричали, бесновались”). Однако за большевистскую резолюцию проголосовало 83 депутата, против – 37. Местная власть должна была, таким образом, перейти к Совету рабочих и солдатских депутатов в лице учрежденного Советом революционного исполнительного комитета. Меньшевики и эсеры покинули заседание в “народном доме”. В исполнительный комитет обновленного Совета вошли Попов, ставший его председателем, Деришев, Фалалеев, ученик реального училища Петр Капустин, и ряд других большевиков.

27 ноября, представители исполкома явились на заседание Верховного Совета, объявив его незаконным и подлежащем роспуску. Вот как рассказал об этом первый бюллетень Вятского Верховного совета: “Как известно, с восстанием в конце октября против воли народа большевиков и с устранением ими Временного правительства население Вятской губернии не признало большевистской власти. Поэтому Вятское губернское земское собрание, избранное тремя с половиной миллионами населения всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов согласно закона, тотчас же взяло управление губернией в свои руки, с тем, чтобы передать его затем в руки той правительственной власти, которую изберет Учредительное собрание...

Сначала Вятский Совет рабочих и солдатских депутатов признал Верховный Совет и избрал в него своих представителей, но в собрании своем 25 ноября изменил свое мнение и, решив идти против воли народа всей Вятской губернии, постановил взять управление губернией в свои руки. 27 ноября представители Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов солдат Юрьевский, рабочий Софронов и прапорщик Ложкин устно подтвердили это всему Верховному Совету в его заседании. Верховный Совет, “выслушав это заявление, не сложил своих полномочий, так как в губернии истинным выразителем народной воли является только лишь он” [1]. В одном из бюллетеней Верховного Совета появилось сообщение, что прапорщик Ложкин при царском режиме служил в полиции. Это известие попало и в “Вятскую речь”. Конечно, новая власть не могла спокойно читать бюллетени Верховного совета, где так характеризовались ее представители: “Кроме приезжего комиссара Лупарева в Совете солдатских и рабочих депутатов видную роль играет ныне вышедший из реального училища –

[1] ГАКО. ФР 322. Оп. 111. Д. 49. Л. 53.

юноша Капустин, землемер Попов и какие-то плохо говорящие по-русски иностранцы” [1].

Губернский комиссар Временного правительства Саламатов в ночь на 26 ноября тайком покинул Вятку. Главой Верховного Совета стал врач Вятских железнодорожных мастерских Василий Алексеевич Трейтер, которого знали и уважали жители Вятки и железнодорожных станций. В середине ноября в Вятке образовался комитет общественной безопасности, который должен был координировать действия по предотвращению захвата власти большевиками. “Верховники” старались принимать меры по снабжению города продовольствием, но на фоне всеобщей разрухи их результаты оказались тщетными. Верховный Совет ускорил роспуск солдат 106-го запасного полка, поскольку они жаждали отправиться по домам, а не ехать на фронт.

В создавшихся условиях большевики не могли допустить промедления. 27 ноября в Вятке они создали отряд Красной Гвардии из 55-ти “вполне зрелых рабочих”. В ответ на эти действия “верховники” обратились к горожанам за поддержкой в противодействии большевикам. Большевизирующийся исполком Совета назначил на 1 декабря вооруженную демонстрацию. Вятский городской комитет большевиков принял решение о разоружении воинских формирований Верховного Совета. Они ненамного уступали в численности большевистским силам, но противостоять отрядам солдат и матросов, прибывших из Петрограда не могли. Из Петрограда в Вятку прибывали посланные Военно-революционным комитетом отряды матросов, солдат, красногвардейцев. В конце ноября власть в Вятке перешла к большевизированному Совету рабочих и солдатских депутатов.

Демонстрация 1 декабря по официальной версии, принятой в местной исторической литературе, завершилась свержением власти Верховного Совета.

(В годы “застоя” огромные средства были потрачены на создание в областном центре диорамы, посвященной этому событию. Художники знаменитой грековской студии живописно изобразили два потока рабочих и солдат-запасников под красными флагами и соответствующими транспарантами, которые встречаются на перекрестке Николаевский и Спасской улиц. Среди демонстрантов женщины “простонародного” облика. Но вроде бы есть и курсистки. Испуганно и недоброжелательно взирают на шествие очкастые интеллигенты. Поспешно уезжая от опасного места, нахлестывает лошадку пригородный крестьянин, оказавшийся в Вятке в столь неподходящий день. В окнах Европейской гостиницы видны военные офицерского типа, явно будущие белогвардейцы. С крыши Кардаковского магазина вроде бы раздались провокационные выстрелы, потому в ту сторону целятся из винтовок от рядов демонстрантов революционные матросы в черных бушлатах. Возглавляют демонстрацию Деришев, Капустин в шинели ученика-реалиста и еще какие-то организаторы Советской власти…)

[1] Там же. Л. 58.

6 декабря матрос Лупарев, назначенный губернским комиссаром, телеграфировал в Петроград: “Борьбу мы не прекратим, несмотря ни на какие препятствия… И могу с уверенностью сказать, что непокорная Вятская губерния будет, в конце концов, управляться Советами рабочих и солдатских депутатов”.

Но большевикам до окончательной победы было еще далеко. Сказывалась малочисленность Красной Гвардии, отсутствие сколько-нибудь существенной поддержки горожан. Некоторые учреждения не допустили контроля над собой Вятского Совета, а те, которые были заняты большевиками, фактически бездействовали. Большевистские позиции среди рабочих слабели. На одном из заседаний Вятского Совета присутствовало всего 32 депутата – менее 1/3 состава. Депутаты-большевики договаривались даже до “гениальной идеи” кооптировать в состав Совета меньшевиков. В такой обстановке решающую роль стали играть жесткие люди типа первого советского губернского комиссара Лупарева, учащегося реального училища Петра Капустина, землемера Михаила Попова.

“В декабре губернское собрание собирается снова. Упразднив первый большой Совет верховного управления, оно выбрало новый, всего в составе 3-х человек от земства: Трейтера, Басова и меня, к которым должны были затем присоединиться по одному представителю от Вятской городской думы и партийных организаций. Я сознавал безнадежное положение нового Совета и долго отказывался от чести избрания, но в конце концов уступил просьбам собрания. Мои предвидения вскоре оправдались, и новому Совету фактически не пришлось даже и приступить к исполнению своих обязанностей”.

16-20 декабря в Вятке прошла последняя 60-я сессия губернского земского собрания, тактика которого заключалась в уповании на Учредительное собрание и поражение на нем большевиков. Чарушин был намечен кандидатом в члены Верховного Совета. 19 декабря он выступил с заявлением: “Г.г. гласные, и по своим летам и по состоянию своего здоровья мне самым категорическим образом надлежало бы отказаться от предложения выставить свою кандидатуру в члены Совета по управлению губернией. Но я понимаю, что в настоящем случае комиссия и собрание призывают к исполнению гражданской повинности, правда, может быть, и очень тяжелой, но от которой ни один гражданин не может отказываться. Как гражданин не мог отказаться и я, и свое согласие дал. Но, давая это согласие, я находился в уверенности, что земское собрание будет единодушно в оценке деятельности Верховного Совета. Но, как мы это видели, этого полного единодушия, по крайней мере в одном вопросе – о роспуске солдат не было. Хотя непосредственного участия в решении этого вопроса я может и не принимал, но ответственность за него, как члена Совета, я, само собой, принимаю и на себя. Между тем, при тех невероятно тяжелых условиях, в которых находился и находится Совет, только полная и единодушная поддержка губернского земского собрания может дать ему продолжать свою работу. В наличии же условным членом Совета я быть не могу и свою кандидатуру снимаю” [1].

[1] Там же. Л. 48 об.

О снятии своей кандидатуры заявил и В.А. Трейтер. Однако после “усиленных и единодушных просьб” членов Верховного Совета оба они взяли отказ обратно. Трейтер баллотировался на должность губернского комиссара, Чарушин – членом Совета. Верховный Совет был вынужден перейти на нелегальное положение, действуя сначала в Вятке, потом в слободе Дымково и в Слободском. Слабая организованность антибольшевистских сил, пассивное ожидание Учредительного собрания, невозможность противостоять “летучим отрядам” матросов и солдат определила поражение Верховного Совета.

Словно предчувствуя недалекое будущее, Чарушин на последней сессии земского собрания предложил в случае ареста членов Совета получаемое ими содержание выдавать членам семей арестованных. Вскоре действительно начались аресты членов Верховного Совета. Чарушина арестовали 20 декабря. Через десять дней во втором номере только что начавшейся выходить газеты “Вятская правда” (30 дек. 1917) под рубрикой “Арестованные” сообщалось: “Врач Трейтер и Чарушин арестованы как члены Совета по управлению губернией. Но раз в губернии существует истинно-народная власть – Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, то всякое попытки организовать другую власть – преступны”.

В очередном бюллетене Верховный Совет высказал отношение происходившим событиям: “От Совета управления Вятской губернией. Граждане! Насильники, захватившие власть в свои руки в г. Вятке и губернии, продолжают творить свое дело, черное дело. Кошмарный режим террора и диких насилий навис над беззащитным населением. Задушена вся местная печать. Арестован целый ряд видных граждан. Бандиты не пощадили даже старого революционера Н.А. Чарушина, всю свою жизнь положившего на борьбу за счастье народа и по знаменитому процессу 193-х (чайковцев) награжденного царским правительством многолетней каторгой... Демократическое городское самоуправление поругано и обезглавлено. Избранник всего населения – городской голова Н.П. Алеев – уже около месяца томится в тюрьме. В то же время повальные грабежи и вымогательства стали обычным явлением. Свобода собраний также уничтожена. Контрреволюционная шайка требует, чтобы на каждое собрание испрашивалось ее предварительное разрешение. Мало того, насильники фактически восстановили смертную казнь, но при этом в самой ужасной и дикой ее форме – форме самосуда. Жертвами ее пали уже трое (расстрел солдата Шутова и др.) Нагло прикрываясь именем рабочего класса, насильники лишили рабочий класс его основного права, завоеванного кровавыми жертвами – права стачек. Они угрожают стачечникам и их семьям расстрелом и под дулами винтовки заставляют работать, как они это сделали на водокачке и электростанции. Но это еще не все. Для замены бастующих рабочих они набирают штрейкбрехеров из военнопленных немцев. Этому преступлению нет имени. Рабочих, протестующих против наглых покушений на свободу печати, завоевания революции, они обрекают на голод, смерть, как это произошло в

губернской типографии. В своем циничном издевательстве над гражданами они превзошли все, что делалось в том числе, романовскими жандармами. Позор этим негодяям, проклятия этим изменникам революции…” [1]

Чарушин объяснял следствию: “Вся власть в стране должна принадлежать всенародно избранному Учредительному собранию... На власть Советов смотрю как на временную, которую должна сменить власть, организованная Учредительным собранием. Подтверждая показание, сделанное мной 20 декабря 1917 г., добавлю, что в Верховный Совет, избранный Вятским губернским земским собранием 19 декабря я пошел, уступая усиленным просьбам губернского собрания и распоряжений в этом Совете я никаких не делал, т.к. был арестован 20 декабря 1917 г. В Верховный Совет я пошел, зная, что в Вятской губернии существует власть Советов Рабочих, Солдатских депутатов. Я полагал, что власть в губернии должна принадлежать не Советам, а губернскому земскому собранию. К власти Советов я отношусь критически, но ей подчиняюсь. Соглашаясь быть избранным в члены Верховного Совета, я не знал в чем мог Совет (при бывших условиях) проявить свою деятельность и хорошо сознавал безвыходное положение Совета, но шел туда лишь уступая просьбам собрания” [2].

Чарушину пришлось заполнять вопросные листы...

“1. *Угодно ли Вам как члену Совета по управлению губ. сложить свои полномочия и не противодействовать власти Сов. Раб. и Солд. Деп.?*

– От избрания отказывался и согласился на него лишь после настоятельной просьбы собрания. Сложить эти полномочия не считаю себя вправе до губ. собрания.

2. *Каков состав нового Совета по управлению губ.?*

– Состав Совета еще не полный. Избраны лишь представители от земства. Представители от городов и партий еще не избраны.

3. *Как и на какие средства были организованы охотники (“Белая гвардия”).*

– К организации охотников ни Совет, ни земство никакого отношения не имели” [3].

В начале 1918 года Чарушина, Трейтера и Басова в числе двадцати других членов Верховного Совета судил революционный трибунал. 25 января “Вятская правда” под рубрикой “Народный суд (революционный трибунал)” сообщала о деле Верховного Совета. После оглашения обвинительного акта обвиняемым было предоставлено слово...

В.А. Трейтер заявил: “Членом Верховного Совета был, но не самочинно солдат не распускал; звания не присваивал; почетная должность была предложена. В составе Верховного Совета было 36 человек, а под суд попало почему-то трое… О новой власти Совета Народных Комиссаров знаю по газетам. Помощником губернского комиссара не считаюсь. Постановления Верховного

[1] ГАКО. ФРР 1322. Оп. 1. Д. 49. Л. 55.

[2] Там же. Л. 33-33 об.

[3] Там же. Л. 118.

Совета исполнял. О своей деятельности губернскому земскому собранию дал открытый отчет и на другой день был арестован” [1].

П.С. Басов говорил на суде о Верховном Совете: “Организация не заговорщическая, не тайная и не подпольная… Мы не были наймитами и дезертирами” [2].

Николай Аполлонович сказал: “Я не знал обвинительного акта, за собой вины не чувствую. Верховный Совет образовался во время губернского земского собрания. О нем писалось в газетах. План роспуска солдат выработала военная секция, в ней я не участвовал, и это был не роспуск, а отпуск: солдат держать было незачем. В издании бюллетеней может быть и участвовал, носили они осведомительный хронический характер. Отношение к власти народных комиссаров (советских) отрицательное, она как моровое поветрие, это вопрос совести. О белой гвардии Верховный Совет никаких суждений не имел” [3].

Не сходен ли приведенный Чарушиным образ морового поветрия с высказыванием адвоката В.Д. Спасовича о Сергее Нечаеве: “Мне кажется, Нечаев совершенно походит на это сказочное олицетворение моровой язвы”. В этом же номере “Вятской правды” помещено стихотворение под говорящим псевдонимом В. Заводский. Вот строки из этого ультра р-р-революционного опуса:

“Народ везет свободы колесницу.
Со злобой кружатся вороны, галки,
И клювами суют в колеса палки.
Напрасно, не сломать колес стальную спицу!”

Несомненно среди злобствующих пернатых, препятствующих ходу колес (конечно, красных) предполагался и Чарушин.

В качестве обвинителей высказывали желание выступить на суде большевики М.М. Попов, А.С. Трубинский, И.И. Рогалев и представители Вятского совета рабочих и солдатских депутатов. В протоколе Вятского революционного трибунала говорилось: “Предварительное заседание членов Революционного трибунала 27 января, обсудив детально дело “Верховного Совета”, постановило отложить рассмотрение его на неопределенное время до полного представления материала обвиняемости. Внесено конкретное предложение о выпуске из-под стражи гражданина Чарушина. Постановлено освободить его на поруки какого-нибудь общественного деятеля”. Таким стал В.В. Аммосов, которому Николай Аполлонович поручил свою защиту. Председатель губернского исполнительного комитета М.М. Попов все же предложил защите воздерживаться “от старого буржуазного судоговорения”. Тем не менее трибунал постановил – Чарушина и Басова считать оправданными, а Трейтера лишить всех политических прав, с

[1] Народный суд (революционный трибунал) // Вятская правда. 1918. № 14. 25 янв.
[2] Там же.
[3] Там же.

освобождением всех из-под ареста. Однако через два дня “Вятская правда” сообщила: “Постановлением Революционного Трибунала приговор о членах Вятского Верховного Совета Н.А. Чарушине, В.А. Трейтере и П.С. Басове кассируется перед Центральным исполнительным комитетом. Члены бывшего Верховного Совета снова были арестованы” [1].

В марте 1918 года опять заседал Ревтрибунал. Председатель объявил, что это дело разбирается уже второй раз. Из публики слышались возгласы: “Они заранее вынесли уже и приговор”. Вина подсудимых определялась следующим образом – они “стремились организовать восстание против нарождающейся советской власти, выпускали бюллетени (прокламации), позорящие советскую власть, и распуская солдат 106-го пехотного запасного полка как элемент ненадежный для поддержания Верховного Совета” [2].

Вятской революционный трибунал, признавая вину членов Верховного Совета... постановил: “1) лишить их всех политических прав на один год, 2) из под ареста освободить, 3) за попытку не подчиниться настоящему постановлению не останавливаться перед самыми решительными мерами”.

А “Вятскую речь” большевики в декабре закрыли. Расправа над ней стала одним из их первых деяний новой власти. То, чего не удалось совершить “царским сатрапам” вроде Горчакова, сделали большевики. “Вятская речь” прекратила свое существование, став достоянием истории. В издании вятских газет начиналась новая глава.

21 декабря 1917 года вышел первый номер большевистской газеты “Вятская правда” – органа Вятского комитета РСДРП(б), отпечатанный в бывшей епархиальной типографии. Вот начало статьи из ее первого номера под названием “Наша победа”: “Революционная борьба русских рабочих, солдат и крестьян за народный мир увенчалась крупной победой…” Во 2-м номере была помещена статья под названием “Большевики и деревня”: “В деревне все больше узнают, как большевики через самих рабочих и крестьян хотят помочь крестьянству…”

В “Вятской правде” можно было прочесть пожелания и “рождественские подарки”: “Не слезы, не горе, не кровь, не тоску души, потерявшей надежду, а звонкую песню свободы всем людям”, “Путь к счастью и свету трудовому народу”, “Совету рабочих и солдатских депутатов – энергию и силу на страх врагам народа”, “Духовенству – новые патриаршьи путы”, “Митинговым товарищам – узду на краснолайничество”, “Подпольным смутьянам и прочей братии, нарушающей общественный порядок, а также ворам со спекулянтами – кару беспощадную”, “Всему населению спокойный порядок”.

Нашелся и такой “рождественский подарок” – “Губернскому земству – мраморную доску на память потомству с именами Вятского верховного совета”. Упомянута была и газетная тема: “Местным газетам – путь должный без грызни”.

---

[1] Вятская правда. 1918. № 16. 27 янв.

[2] Вятская правда. 1918. № 34. 2 марта.

13 января 1918 года “Вятская правда” поместила объявление: “Российская соц.-дем. рабочая партия (большевиков) доводит до сведения членов партии и всех сочувствующих, что общее собрание партии состоится в помещении Окружного суда 14 января с. г. в 4 час. вечера. Явка всех членов обязательна. Комитет”.

В “Хронике” имелись такие сообщения: “Отдохнули”: “Земская управа прекратила забастовку.” “Телефон”: “Телефон исправлен и действует”. “Магазины”: “4 января магазины были открыты”. “Пекарни”: “Часть пекарен бастует. Хлеба в городских лавках нет, вследствие чего цена на рынке на него поднялась до 80 коп. за фунт”.

Кроме “Вятской речи”, почему-то именовавшейся в историко-краеведческой литературе кадетской, согласно постановлению Совнаркома “О печати” были закрыты “Вятские губернские ведомости”, “Крестьянская газета” Вятского губернского земства, орган эсеров “Народное дело”, меньшевистская газета “Вятский голос”, орган анархистов “Вятская свободная коммуна”. Таким образом, вятские газеты стали только большевистскими, грызться которым не было причины.

В юбилейном издании “Октябрь и гражданская война в Вятской губернии” (1927) говорилось: “Буржуазная печать была закрыта. Закрытием “Крестьянской газеты”, “Вятской речи” и “Вятской мысли” было вырвано ядовитое жало буржуазии”. Большевик П.Г. Фалалеев, участник установления Советской власти в Вятке, член исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, уполномоченный по организации типографий Вятского городского совета, вспоминал о начале “Вятской правды”: “Хуже было с ее распространением. Обывательщина и вятская интеллигенция называли “Вятскую правду” “Вятской кривдой” Очень плохо покупали “Вятскую правду”. Все требовали “Вятскую речь” и “Вятскую мысль”. Бывало, купив “Вятскую правду”, тут же рвали ее в клочки. К разносчикам относились с насмешкой и даже с угрозами” [1]. “Мещанско-обывательский элемент” называл “Вятскую правду” еще и “Вятской ложью” [2]. Приверженцы “Вятской речи” рисковали. “Секретарь Смирновского волостного совета Орловского уезда В.А. Оботин расстрелян как контрреволюционер только за то, что в 1917 г. еще до Октябрьского переворота выписывал популярную в губернии газету “Вятская речь” и хранил ее дома” [3]. (Деду автора этих строк, учителю из Орлова, повезло, хотя он тоже выписывал чарушинскую газету. В семейном архиве сохранилась фотография Александра Васильевича Сергеева, читающего “Вятскую речь”. Это ли не “вещдок”, как говаривали в соответствующее времена?)

---

[1] Ты помнишь, товарищ… “Кировской правде” – 80. Сборник очерков, статей, заметок. Киров, 1997. С. 11-12.

[2] См.: Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 100.

[3] Гаврилов Г.А. Из истории вятских спецслужб (2-я половина XIX – 1-я половина XX в.в.) Киров, 1997. С. 56.

Губернская большевистская газета, как и любые другие периодические издания, заботилась о подписке: “Контора “Вятской правды” извещает, что подписка на газету проводится в Исполнительном Комитете, Владимирская ул. д. быв. губернатора. Подписная плата: на 6 мес. – 8 р.; на 3 м. – 4 р. 50 к.; на 1 м. – 1 р. 50 к.”

Так же, как и в дореволюционных газетах, “Вятская правда” помещала объявления, впереди текста первой страницы – 50 к., за строку петитом позади текста последней страницы – 30 к. Публиковались любые объявления…

“Заведывающий электрической станцией объявляет, что абоненты электростанции приглашаются внести в кассу электрической станции плату за пользование электричества в октябре, ноябре и декабре месяцах”.

“Лекция. Е.Г. Тагер прочтет лекцию, посвященную анализу научно-философских и религиозно-мистических основ революционного миросозерцания”.

“Опытный массажист массирует против ревматизма, ишиаса, подагры, боли в пояснице, ногах, руках и пр.”

“Нужен портрет Маркса среднего или большого размера”. (Это объявление печаталось несколько раз. То ли не могли разыскать желаемый портрет, то ли изображение Маркса предполагалось вывесить в нескольких учреждениях).

“В зале Европейской гостиницы ежедневно во время обедов и ужинов возобновил игру славянский оркестр под управлением Аркадия Иосифовича Арноди”.

“В отделе труда Совета Раб. и Солд. Депутатов откроется запись желающих получить работу во всех областях труда (техников, канцеляристов, машинистов, типографских рабочих, землемеров и т.д.)”.

“Типография Совета Рабочих и солдатских депутатов (бывшая Епархиального Братства) принимает всевозможные типографские работы”.

“Беженка из Петрограда, портниха принимает заказы дамского платья по умеренным ценам”.

Однако на “Вятскую правду” находилось мало покупателей и подписчиков, о чем свидетельствовало такое письмо в ее редакцию: “Товарищ редактор! Мне очень прискорбно, что газета “Вятская правда”, единственная газета, которая может зажечь сердце к социализму и открыть глаза рабочему, солдату и крестьянину, где ложь, где правда, то они сразу увидят грустную кабалу помещиков и толстосумых кулаков. Но, увы, рабочие хладнокровно относятся на просьбу газеты жертвовать в фонд ее. При сем прикладываю свою скромную лепту (3 р. 50 к.) в пользу газеты “Вятская правда”. В.П. Гайдукевич”. “Кроме того поступили взносы от И. Коровина – 3 р., М. Мартынова – 3 р., К. Иванова – 1 р. 50 к.”

“Обывательщина” оказывалась права. Жизнь не улучшалась. Росла безработица. 8 ноября на четыре открытые вакансии в водопроводных будках было подано в городскую управу 106 прошений. 17 ноября “Вятская мысль” сообщила: “Командированные из Петрограда матросы за хлебом в Вятку, по выяснении, что здесь взять ничего нельзя и при самых энергичных мерах, выехали в Сибирь, чтобы получить хлеб там для столиц и войска”. Приходилось прибегать к тому, что сейчас называют бартером. 18 ноября та же газета поместила заметку “Ситец на хлеб”: “Вятским союзом кооперативов по распоряжению губ. продовольственной управы отправлено в Глазов 200 аршин ситца и 110 ящиков табаку для обмена на хлеб”. Днем спустя – там же информация “Не дают хлеба”: “Несмотря на неоднократные требования продовольственных органов о необходимости обмолота запасов хлеба, население Староивненьской волости Сарапульского уезда приступить [к обмолоту] отказывается”.

На только что зародившуюся советскую власть надвигалась стихия беспорядков: “Анархия в Сарапуле”. “Подвоз хлеба на ссыпные пункты совершенно прекращается. Крестьяне добровольно по твердым ценам не везут; никакой власти не признают”. 17 декабря – заметка об увеличении цены на хлеб: “С 19 декабря цена на печеный ржаной хлеб из городской хлебопекарни устанавливается по 40 коп. за фунт”. На заводах начинался голод. Председатель Слободской продовольственной управы телефонировал в Вятку, что заводы в уезде голодают и просил немедленно отправить 4 250 пудов хлеба на железнодорожную станцию Фаленки.

В стране готовились выборы в Учредительное собрание. Наблюдались “летучие митинги”. “В первый день выборов, – сообщала “Вятская мысль”, – 3 декабря на углу Спасской и Николаевской и около городской управы с самого утра можно было наблюдать небольшие скопления публики, вызванные спорами между большевиками и не большевиками. В защиту большевиков чаще всего выступали солдаты”.

Анархический беспредел захлестывал Вятку. Одна из последних заметок “Вятской мысли” называлась “Кровавые расправы”: “Вечером 13 декабря на Николаевской улице неизвестными лицами был ранен солдат Поярков… а затем добит в закрытом помещении”.

Но жизнь продолжалась. На страницах зарождающейся советской периодической печати появлялись характерные “знамения времени”. Один из авторов сборника “Ты помнишь, товарищ”, посвященного 80-летию “Кировской правды” характеризовал содержание “Вятской правды” начального периода: “О чем писала газета в первых номерах. Содержание публикаций отражало заботы и проблемы становления нового общества, то, чем жили вятчане в исторический период коренных преобразований”. “В то сложное жестокое время, – вторит ему другой сотрудник “Кировской правды”, – когда решался вопрос “Кто кого?”, ценилось не столько журналистское мастерство, сколько личная

преданность большевистской партии и советской власти”. С этим утверждением трудно не согласиться. И еще одна строка из юбилейного сборника: “Голос “Вятской правды”… отражал в то смутное время подлинную волю народа”.

Попадались в большевистской газете и такие сюжеты: “Оштрафована за продажу кумышки Августа Алексеевна Никулина на 100 рублей”; “Оштрафован извозчик № 196 за появление на улице в пьяном виде на 25 руб.”

А вот как “Вятская правда” описывала празднование первой годовщины Февральской революции: “Шествие стройно двинулось, сопровождаемое многими тысячами граждан, а инакомыслящие скрылись в свои змеиные норы”.

Почему-то авторы юбилейного сборника к 80-летию “Кировской правды”, публикуя выдержки из ее предшественницы, проигнорировали такой замечательный образчик (“Вятская правда”, январь 1918): “16 января гр. Воронков и Константинов, матрос с крейсера “Россия”, зайдя в гости к Широких, рассорились с ним на почве партийности до того, что последний выхватил револьвер и начал стрелять, ранив Воронкова в голову и Константинова в живот насмерть. Широких арестован”.

Примечательно и такое извлечение, из “Известий Вятского губернского исполнительного комитета” (сентябрь 1918): “Избранная тема митинга “Белый и красный террор” привлекла полный зал слушателей электротеатра “Колизей”. Тов. Сталь, развивая тему, начала издалека, с французской революции, упомянула о “кровавой бане” в Париже и пр. Российская же революция была бескровной... Велик контраст между белым и красным террором... Октябрьская революция была слишком милосердной, колоссально снисходительная к своим врагам. Мы даже позволили поднять руку на великого вождя русской и мировой революции тов. Ленина и теперь положен конец с нашим вековым врагом – как по электрической нити по всей Российской республике открыт красный террор. У нас нет личной ненависти, у нас организованный суд и враги наши расстреливаются для примера других, чтобы никто не посмел посягать на наше лучшее будущее...” (Во время гражданской войны Людмила Сталь, профессиональная революционерка, ранее действовавшая в Кронштадте, входила в состав Уфимского и Вятского губкомов РКП(б). Помимо названной газеты работала в газетах “Деревенский коммунист”, “Вятская правда”. Ее пребывание в Вятке отмечено позднее мраморной мемориальной доской на одном из домов областного центра). Далее на митинге выступали другие ораторы. “Тов. Соловьев (петроградский коммунар) пояснил слово “террор” кровавым морем крови... Тов. Сухалин (из Екатеринбурга) с присущим русскому простому человеку юмором, описал, как схоронен и где бывший его величество...” [1]

Чарушинская газета перестала существовать, а ведь она выдерживала натиск даже такого “крутого” губернатора как Горчаков. Позднее Николай Аполлонович скрупулезно подсчитал и даже составил таблицу, в которой указал год, месяц и

[1] Белый и красный террор. Отчет о митинге // Известия Вятского губернского исполнительного комитета. 1918. 17 сентября.

акции губернских властей против газеты, имена редакторов, подвергшихся взысканию, сумму штрафов или срок отсидки. Суммарный итог взысканий таков – 15 тысяч рублей или 7 лет и семь дней ареста.

“Теперь, через много лет, – подводил в 1933 году итоги жизни и трудов Чарушин в “Кратких сведениях о газетах…”, – оглядываясь на пройденный путь, невольно удивляешься тому, как можно было выдержать ту жестокую и длительную трепку, прожить целых двенадцать лет, когда кругом, особенно в провинции, всюду были газетные гекатомбы. И можно с уверенностью сказать, что без общего сочувствия той борьбе, какую вела газета, это было бы невозможно. Это же общее сочувствие приносило и материальную помощь, без которой газета не могла бы существовать, и порождало упорство, энтузиазм и готовность идти на жертвы у лиц, стоящих у газетного дела. Без этих качеств длительная борьба тоже была бы невозможна” [1].

М. Горький в общественно-литературной и социал-демократической газете “Новая жизнь” писал о закрытии большевиками оппозиционных газет: “Бесполезно говорить, что такой прием борьбы с врагами – не честен, бесполезно напоминать, что при монархии порядочные люди единодушно считали закрытие газет делом подлым, бесполезно, ибо понятия о честности и нечестности, очевидно, вне компетенции и вне интересов власти, безумно уверенной, что она может создать новую государственность на основе старой – произволе и насилии... Уничтожение неприятных органов гласности не может иметь практических последствий, желаемых властью, этим актом малодушия нельзя задержать рост настроений, враждебных г.г. комиссарам и революции. Чего они боятся, чего малодушничают?.. Люди, опытные в делах подпольных, они не могут не знать, что запрещенное слово приобретает особую убедительность” [2].

Летом 1918 года Николай Аполлонович вынужден был озаботиться пошатнувшимся здоровьем. По требованию врачей он намеревался поехать в Москву для совета с профессорами, а затем в какую-нибудь спокойную сельскую местность. Но попасть в Москву, несмотря на удостоверение, выданное Вятским Советом рабочих и солдатских депутатов (“на 1 чел. на проезд по ж/д от ст. Вятка до Москвы”), ему не удалось. Пришлось ограничиться выездом в Суводскую лесную дачу на левом берегу реки Вятки в 3-х верстах от слободы Кукарки, к тому времени переименованной уже в город Советск. Чарушин поселился у племянника, лесничего Николая Алексеевича Лопатина, заведующего Суводской лесной школой. Однако отдых оказался прерванным. В октябре местные чекисты получили телеграмму из Вятки: “Срочно военная. Советск. Чрезкому. Чарушина и Юмашева задержать. Усиленным конвоем доставить в Вятку”. 22 октября Чарушина арестовали в Суводях. Дело началось 29 октября, закончилось 14-16 декабря 1918 года.

---

[1] РГАЛИ. Ф. 1642. Оп. 1. Л. 6 об. Н.А. Чарушин. Краткие сведения о газетах…

[2] Горький М. Несвоевременные мысли… С. 166.

В конце декабря III армия Восточного фронта оставила Пермь. Ее командование перебралось в Вятку. Здесь же оказались и уральские чекисты. “Уральская областная ЧК переехала в Вятку, арестовала там 400 человек и расстреляла 35, “пойманных с поличным в заговорах”, – сообщал “Еженедельник Чрезвычайных Комиссий” (М., 1918, № 2. С. 18-19) [1].

4 декабря член Уральской областной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем допросил Чарушина в качестве обвиняемого.

“*И.О.* – Николай Аполлонович Чарушин.

Возраст. – 67.

Местожительство. – г. Вятка.

Место приписки и бывшего звания. – мещанин.

Какое получил образование и где учился. – Тех(нологический) инст(итут).

Чем занимается и работает в настоящее время. – прочерк.

Семейное положение. - вдов.

Имущественное положение и месячный доход. - прочерк.

Состоит ли членом какой либо обществ, союзов. – потреб. (Потребительская кооперация. – В.С.)

Состоит ли членом политической партии. – нар. соц.

Отношение к отбыванию воинской повинности. – прочерк.

Состоял ли под судом и следствием, сколько раз судился, по каким статьям был приговорен и где отбывал наказание. – 4 января 1874 года. 4 месяца одиноч. заключ. Заключен был на 8 лет – за социалистическую пропаганду.

Признает ли себя виновным в предъявленных ему обвинениях (точная форма обвинения). Этот пункт не заполнен, поскольку точной формы обвинения не указано” [2].

Причину выезда из Вятки Чарушин объяснил так: “28 июля я приехал к племяннику своему, лесничему (около Кукарки), чтобы отдохнуть. Мне 67 лет. Теперь я от всякой политической жизни отошел. 22 октября я был арестован”.

8 ноября Иван Аполлонович Чарушин написал прошение в губернский комитет РКП (б): “Мой брат Николай Аполлонович Чарушин, семидесятилетний старик, арестован и содержится в губернской тюрьме. Обращаюсь в губернскую Коммунистическую партию с просьбой: – пусть Партия не откажет взять на себя шаги к освобождению этого старого революционного работника. Ведь он был из первых революционных деятелей народников и в 70-х годах прошлого столетия, когда царский режим держал крепко в своих руках всю Россию, когда лишь редкие люди решались осуждать существующее порядки, когда очень немногие верили в возможность изменения форм жизни, мой брат решился поднять свой голос против существующего гнета и решился высказать уверенность, что гнет этот не вечен, лишь бы русские люди сами взялись за борьбу за свое право свою

[1] Цит.: Карр Э. История Советской России. Большевистская революция. 1917-1923. Кн. 1. Т. 1. Т. 2, М., 1990. С. 144.

[2] Архив УФСБ по Кировской области. СУ-4577. Л. 2.

свободу. За это мой брат просидел пять лет в одиночном заключении в Петропавловской крепости, дожидаясь суда и не зная, что его ждет, а потом он был приговорен и к 20-летним каторжным работам, по отбыванию их – на поселении в Сибири. Пройдя свой тернистый путь сибирской жизни, он возвратился на родину седым стариком, но полным горячей любви к народу и сострадания о его участи. Не покладая рук, он работал в Вятке, борясь с представителями царского режима, терпя преследования и всевозможные придирки. С самой юности до глубоких седин брат мой является горячим, честным сторонником социализма и прав народа. Недаром, арестованный прошлой зимой и дважды судившийся Советским трибуналом, он был оправдан и освобожден от ареста. Обессиленный своими долгими мытарствами по тюрьмам в течение своей жизни, посвященной всецело на службу народу, и особенно последним заключением в тюрьме, он уехал уединиться и поднять свои силы в деревне, но, к сожалению, и там был арестован. В дни празднеств революции, может быть, Вятская Коммунистическая Партия найдет возможность оценить заслуги старого революционного работника и сделать шаги к освобождению его из тюрьмы, дабы тюремное заключение не ускорило окончания его многострадальной жизни” [1].

На следующий день Иван Аполлонович написал аналогичное заявление военному комиссару Вятского района. На прошении в губком партии проставлена карандашная пометка о том, что его брат переведен “в лучшие условия”. 14 ноября в Губчека поступила бумага из Вятского комитета РКП(б), в которой предполагалось “Чрезвычайной комиссии пользоваться инструкцией к амнистии, выработанной Всероссийским Съездом Советов – поставить гражданина Чарушина в виду его старости в хорошие условия”. (Неясно, что представляли собой “хорошие условия”, только 7 декабря в ЧК поступило известие начальника исправительного арестантского отделения: “...сообщаю, что Николай Аполлонович Чарушин с декабря сего года находится на излечении в больнице вверенного мне Рабочего дома”).

В деле Чарушина находится и его письмо от 28 ноября в Вятскую губчека:

“В Вятскую губернскую Чрезвычайную следственную комиссию политического заключенного Н.А. Чарушина. 20 декабря мин. года как член Совета верховного управления губернии, избранного губернским земским собрания в период безвластия, я был арестован Вятским губернским Исполнительным комитетом и затем в январе с.г. судим в Революционном трибунале. Последний, между прочим, принимая во внимание мое “безупречное политическое поведение”, вынес мне оправдательный вердикт. Однако приговор этот Исполнительным Комитетом был кассирован, на другой день я снова был арестован, заключен в тюрьму, а в феврале этого же года снова судим, но уже в большем числе подсудимых, причем вместе с другими был приговорен к лишению избирательных прав на один год. Этим процессом закончилась

[1] Там же. Л. 18-19.

коллизия двух революционных властей в Вятке, из которых одна сошла со сцены, уступив место другой. С тех пор я совершенно устранился от политической деятельности, к чему, между прочим, побуждало меня и мое расстроенное здоровье... За всю мою долгую жизнь, полную превратностями судьбы, это был едва ли не первый мой отдых, но и тот был грубо нарушен: 22 октября по доносу я был арестован Чрезвычайной комиссией г. Советска, опять заключен в тюрьму, а через неделю, не будучи допрошен, переведен в Вятку, где нахожусь по сие время в заключении. За что я сижу и долго ли еще будет продолжаться мое заключение. Из сказанного следует, что на протяжении последних десяти месяцев, я третий раз подвергаюсь аресту и тюремному заключению. И если еще первый арест можно объяснить и понять, принимая во внимание тогдашнюю политическую ситуацию в Вятке, то этот последний мой арест не подается объяснению Я уже старик, мне 67 лет, от политики я отошел, а здоровье мое расшатано, что и не удивительно, т.к. засвидетельствованное револ. трибуналом мое "безукоризненное прошлое" куплено мною ценой четырех лет предварительного одиночного заключения в Петропавловской крепости, восьмилетней каторгой, долгих лет поселения в далекой Сибири, и в настоящее время - непрекращающихся преследований и политического бесправия, окончившегося лишь с февральской революцией 17-го года. Какое преступление совершено мною, которое не позволяет оставить меня на свободе? Ни советская власть, ни Вятская Чрезвычайная комиссия, за которой я числюсь, до сих пор никаких разъяснений по этому поводу не дали и без всякого сомнения и не дадут, ибо нет для этого материала. Остается, следовательно, лишь обвинение, возведенное на меня автором доноса в укрывательстве моем в Суводском лесничестве от кого-то и чего-то. Но и это обвинение не выдерживает ни малейшей критики, т.к. до своего отъезда (27 июля) я жил в Вятке совершенно открыто, ни от кого не скрывался, никто меня не спрашивал и не искал, а для выезда из Вятки имелось разрешение советской власти; столь же открыто жил я и в Суводском лесничестве, жил, правда, без прописки, т.к. сделать это было чрезвычайно затруднительно: ближайший к Суводской даче населенный пункт слобода Кукарка был другого уезда, Яранского... (Сама Суводь находилась на территории Орловского уезда. – В.С.) Таким образом, совершенно объективно рассматривая обстоятельства дела, я должен заявить, что собственными силами бессилен разъяснить свое недоумение о причинах ареста и моего становящегося уже длительным заключения. Это мое недоумение в значительной степени основывается еще тем, что в то время, когда советская власть, демонстрируя свое почтение к павшим борцам за освобождение, оказывает им всевозможные чествования, а моим товарищам по революционной борьбе – Перовской, Желябову и некоторым другим собирается ставить памятники, в то время, повторяю, оставшихся в живых их товарищам, "безукоризненное политическое прошлое" которых следовало признать самой советской властью, – в советской социалистической республике не находится никакого другого места кроме

тюрьмы! Меня не страшит тюрьма, которой много отданы лучшие годы своей жизни, не страшит и насильственная смерть, если бы таковая кому-нибудь потребовалась, но меня гнетет мысль о черной неблагодарности “освобожденного народа”, в который я верил, которому без колебания и сожаления отдал свою свободу и свою жизнь и который расплачивается теперь со своими преданными друзьями лишь тюремным застенком, благодаря этим за свое освобождение. Вятка. Вятская губ. тюрьма. 14 ноября 1918. Николай Аполлонович Чарушин” [1].

14 декабря Вятская губчека постановила: рассмотрев дело гражданина Чарушина, обвиняемого в контрреволюционной деятельности в виду отсутствия состава преступления и принятия во внимание “безупречное прошлое” освободить, “о чем довести до сведения начальника арестантских рот”.

“С 1918 г. уже в виду моего возраста и сильно подорванного здоровья, расстроенного всей моей предыдущей нервной жизнью, я совершенно устранился от политической деятельности. Тем не менее в годы гражданской войны я все же несколько раз подвергался арестам, но без предъявлений каких-либо обвинений”.

1919 год стал не менее трагичен, чем предыдущий. Вот несколько свидетельств из частных писем вятчан, выписки из которых сохранились, благодаря военной цензуре, просматривавшей корреспонденцию из Красной Армии и в Красную Армию.

“Хлеб у нас отбирают, оставляют только по 1 пуду на каждого едока на месяц, и все у нас отбирают: яйца, масло, телятину, хомуты сани, дуги, скот и сено – и оставляют только 60 пуд[ов] на 1 лошадь”. (Из Рябиновской волости недалеко от Вятки. Отбирали добро у крестьян продотряды).

“Бросьте к черту воевать, товарищи коммунисты нам хлеба не дают, с голоду морят, налогами угощают”. (Из Глазова).

“Я теперь нагляделся, что делают белые в Вятской губ[ернии], оставили одну лошадь, а то все забирали. Рабочих расстреливали, а трупы жгли на кострах”. (Видимо, из Ижевска).

“Белые нас очень обидели, все отобрали, что только было: корову, телегу и деньги до копейки…” (Залазнинский завод на северо-востоке губернии) [2].

В апреле 1919 года Чарушина арестовали снова. Некая мещанка, расставшись со своим квартирантом-сожителем Жуйковым, заявила в ЧК, что в ее доме от него остались какие-то бумаги – “целая корзина и большой сверток переписки белогвардейской”. Принадлежали же они бывшему редактору “Вятской речи” Чарушину. Чекисты произвели обыск, нашли бумаги (“взята корзинка и мешочек с бумагами”). Оказалось, что на хранение Жуйкову их отдал живший временно у

[1] Там же. Л. 22-22 об.

[2] Частные письма эпохи гражданской войны. (Публикация И. Давидян и В. Козлова) // Неизвестная Россия. XX век. Книга 2. М, 1992. С. 215, 219, 235, 239.

Чарушина эсер Сергей Иванович Крестьянинов. (Это он находился среди боевиков, вступивших в перестрелку с полицией и солдатами в декабре 1905 года). Чарушина и Крестьянинова, служившего чертежником-рисовальщиком при отделе водного транспорта, арестовали. Крестьянинов пояснил, что лишь хотел уберечь Николая Аполлоновича от обысков (“У Жуйкова как рабочего обысков не бывает, а у редакторов очень часто”). Съехав от сожительницы, Жуйков оставил бумаги в ее доме. Вряд ли мещанка сама заявила, что “переписка белогвардейская”. В стиле ее заявления явно чувствуется рука тех, к кому она обратилась

12 апреля член Вятского губчека допросил Чарушина. Он самолично записывал ответы Николая Аполлоновича. На вопрос где тот работает, чекист записал, что Чарушин – “вятский кооператор”, а также член совета Вятского экономического общества и председатель правления помощи студентам-вятчанам.

Впечатляет запись ответа допросчиком на вопрос Чарушину “Состоит ли членом политической партии” – “*цициелист-народник*”. (Далее допрашивавший снова блеснул грамотностью, написав “*фракция цециелистов-народников*” и слова Чарушина, что он знает Крестьянинова как “*цециелиста*”).

Виноватым себя Николай Аполлонович не признал. О местонахождении бумаг он будто бы не знал. Как они попали к Жуйкову, тоже не знает. Заведующий секретно-оперативным отделом, препровождая в юридический отдел дела арестованных Чарушина и Крестьянинова, написал: “Если же не предвидится возможность создать дело, то Чарушина и Крестьянинова держать под стражей как заложников, а Жуйкова освободить” [1].

14 апреля 1919 года юридический отдел Вятской губернской чрезвычайной комиссии, рассмотрев дело Чарушина, Крестьянинова и Жуйкова, постановил: “Жуйкова освободить, а относительно Чарушина и Крестьянинова возбудить вопрос на заседании Президиума комиссии – могут ли быть они заложниками” [2]. 17 апреля члены Вятской губчека слушали “дело юридического отдела по обвинению бывшего редактора газеты “Вятская речь” Николая Аполлоновича Чарушина и гр. Крестьянинова и Жуйкова в хранении контрреволюционной литературы”. Постановили, принимая во внимание переживаемый момент и популярность Чарушина, Крестьянинова и Жуйкова, как старых и идейных членов партии социалистов-революционеров, всех объявить заложниками от последней, но ввиду престарелого возраста Чарушина сообщить об этом в центр” [3]. (Крестьянинов и Жуйков еще в 1903 году состояли в партии эсеров).

В деле сохранился обрывок тетрадочного листа с проставленной датой – 20 апреля, на котором красными чернилами написано “По постановлению Военного Совета... Чарушин из под стражи освобождается”. Жуйкова и Крестьянинова

[1] Там же. Л. 86.
[2] Там же. Л. 96.
[3] Там же. Л. 97.

освободили чуть позднее как подходящих под майскую амнистию. Еще в одном документе говорилось: “Принимая во внимание, что все арестованные освобождены, Чарушин по постановлению Реввоенсовета армии, Крестьянинов и Жуйков комиссией Губчека, дело прекратить, а частную переписку возвратить гр. Чарушину, о чем уведомить его повесткой” [1].

Бумаги же относящиеся к деятельности Верховного Совета возвращены Чарушину не были. Обстоятельное заключение по ним дал следователь Фортунатов: “Вся переписка мною просмотрена. Состоит она главным образом из частной переписки с родными и знакомыми; из документов и материалов для редакции, так как гр. Чарушин был ранее редактором “Вятской речи”. Этот материал, хотя и действительно носит характер черносотенный, но он принадлежит к 1917 г., когда работа всех партий была открытая и они агитировали каждый свою программу совершенно свободно” [2]. В чарушинских бумагах оказались тексты речей Чхеидзе, Гучкова, депутатов Государственной думы. По мнению следователя, Крестьянинов своим поступком лишь оказал “медвежью услугу” Чарушину.

Фортунатов объективно высказал собственное суждение об этом деле: “Сам гр. Чарушин старец 68 лет открыто стал вести политическую деятельность и был редактором. При советской власти был уже в четвертый раз подвергнут аресту. Был под судом революционного трибунала, который оправдал его. Сейчас ему нет возможности предъявить какие бы то ни было обвинения... Я полагал бы освободить их всех, так как ни Чарушин, ни Крестьянинов, ни Жуйков не принадлежат к классу эксплуататоров, а сами тоже труженики и за ними нет никакого преступления” [3].

Ольга Михайловна Кошкарева, разделившая с Николаем Аполлоновичем последние десятилетия его жизни, тщетно ходила по многим инстанциям в городе, покуда не обратилась к В.К. Блюхеру, возглавлявшему Вятско-Слободской укрепленный район. По ее словам, именно Блюхеру обязан Чарушин освобождением. Ольга Михайловна рассказала примечательную подробность: когда Николай Аполлонович выходил из тюрьмы, его встретил вызванный Блюхером взвод музыкантов, которые стали играть “Марсельезу”. Не “Интернационалом” же следовало приветствовать освобождение старого народника.

“В последний раз, в 1919 г., был освобожден лично комендантом Вятского укрепленного района Блюхером, который в пасхальную ночь вместе со своею свитою приехал в В.Ч.К., где я содержался, чтобы объявить мне, что я свободен и что больше ничего подобного со мною уже не случится”.

---

[1] Там же. Л. 100.
[2] Там же. Л. 157.
[3] Там же. Л. 157 об.

Так же, как Николай Аполлонович, жили в гражданскую войну все рядовые вятчане. Некоторые питерцы приезжали тогда в Вятку, надеясь спастись от голода. Уехать из голодного Питера, может быть, в Вятку обдумывал и Александр Блок. В одной из записных книжек поэта такие строки: “Небывалое отсутствие еды и небывалые цены”… “Сколько людей свихнулось в наши дни”… “Дрова, дрова!”… “Пилю мебель”… “Вовсе ослабел”… “Чего нельзя отнять у большевиков – это их исключительной способности вытравлять быт и уничтожать отдельных людей”… 10-м марта 1919 года датирована запись Блока: “Надо уезжать (в Вятку?)” [1].

Блок в Вятку не попал, но о быте губернского города тех лет подробно рассказал, петроградский житель С. Воронов воспоминаниях “Петроград – Вятка в 1919-1920 году” [2]. Он поехал в Вятку в конце 1919 года, где еще с лета находилась его семья.

“Поезда в Вятку идут раз в день; единственными пассажирами являются красноармейцы, едущие в отпуск по болезни”. При посадке – давка. Но первые два класса отведены “для особо привилегированных чиновников, ехавших по особо важным делам и удобно расположившихся в них в сопровождении каких-то молодых, хорошо упитанных и весьма веселых дам… До Вятки едем двое-трое суток – вместо нормальных 24 часов”.

“Станция Вятка, как и многие станции по пути, украшена хвойными гирляндами, по середине красуются лики Ленина и Троцкого, на дверях загадочные инициалы – “У.Т.Ч.К.” (участковая транспортная чрезвычайная комиссия), имеется и “Агитпункт” и склад большевистской пропагандной литературы. На станции вас ожидают извозчики и за 200-300 рублей везут в город. Вы едете по пустынным занесенным снегом улицам, проезжаете через целый ряд триумфальных, с портретами и без портретов, арок, сооруженных нынешними властителями и с изумлением читаете красующиеся на углах новые названия улиц: Проспект Карла Маркса, переделанный вятичами в “Карлу Марлу”, Ленина, улица Меринга, тов. Дерендяева, Либкнехта Розы Люксембург, Маклина и многих других, близких вятскому уму и сердцу”.

(Кроме улицы Меринга остальные названия благополучно дожили до наших дней, да в придачу и сам город позднее получил прозвание – Киров, за сохранение которого кое-кто из жителей областного центра упорно держится и до сих пор).

“Вятка переполнена людьми, бежавшими от голода и холода из Петрограда и Москвы. Здесь вы могли встретить столичных профессоров, адвокатов, учителей. В квартире, в которой жила моя семья, помещалось в пяти комнатах и чулане 18 человек. В других домах – та же картина. И тем не менее, на улицах человеческого движения не заметно, прячутся ли люди в домах от вятских

[1] Блок А.А. Записные книжки. М., 1965. С. 452.

[2] См.: Воронов С. Петроград – Вятка в 1919-1920 году // Архив русской революции. Изданный Г.В. Гессеном. Т. 1-2. М., 1991. Репр. изд.

холодов или считают небезопасным привлекать к себе внимание начальства, лишний раз появляясь на улице?.. Бросается в глаза петроградскому жителю большое количество хорошо упитанных лошадей, на которых крестьяне за 30-40 верст привозят припасы в местные советские учреждения и на рынок. В Вятке жизнь, конечно, легче, чем в столицах. Есть дрова, правда, сырые, в домах горит электричество, продовольствие сравнительно дешево. Хлеб 40-50 руб. за фунт, масло – 500 руб., молоко – 30 руб., мясо – 75-80 руб. Но добыча этих продуктов весьма затруднительна. С утра вятская публика тянется по 30-градусному морозу на рынок, – расстояния большие. На рынке несколько рядов крестьянских розвальней, и возле них толпится громадное количество народа. С трудом проталкиваешься и видишь, что продается не то, что тебе нужно. Найдя необходимый предмет, покупай, не зевая, ибо на каждый фунт мяса, масла или хлеба масса покупателей. Хорошо, если крестьянин продаст на деньги, а не на "менок". В последнем случае затруднения непреодолимые: крестьянин требует того, в чем нуждается и горожанин: керосин, соль, табак, ткани, сапоги. Крестьяне неприветливы и весьма односложны. Железный закон спроса и предложения явно благоприятствует крестьянам. С крестьянами сговориться еще труднее, они издают какие-то нечленораздельные звуки и крайне недоверчивы. Вятское наречие с непривычки трудно усваивается петроградским ухом. Представьте себе всю эту картину на фоне леденящего жилы холода и вы поймете, что положение создается не из приятных… Цены на предметы продовольствия и обихода в Вятке росли с головокружительной быстротой и за месяц моего пребывания там повысились от 50 до 100%.

Днем вся городская жизнь сосредоточивается в советских учреждениях, где кипит работа, увы, как и везде бесплодная. Те же неподготовленные рабочие стоят во главе учреждения и, напрягая мускулы лица, силятся войти в премудрость подаваемых им для подписи бумаг. Те же бойкие молодые люди, делающие карьеру и пишущие эти никому не нужные бумаги, и, наконец, неизменные советские барышни. Вечером вы всю эту публику можете встретить в театре и на многочисленных вечерах, устраиваемых служащими отдельных учреждений в самих же учреждениях. Большевики и тут не зевают и на митингах неутомимо пережевывают все те же две, три мысли, предписанные им из далекой Москвы. Но публика перестала посещать эти митинги, и тут большевики прибегли к весьма остроумному средству. Они назначают митинг в театре за час ранее представления… Содержание речей: прежде всего текущий момент, а затем особая тема, предписанная в то время сверху: привлечение интеллигенции к дружной совместной работе с советской властью… Некоторые говорили недурно: напоминали аудитории о старинной тоске русской интеллигенции по плодотворной работе для народа, ссылаясь на не находившего применения своих способностей Евгения Онегина, на Рудина, указывали, что ныне осуществилась мечта интеллигенции, ныне ей открыты все пути для применения своих сил, своих познаний на пользу народа и сетовали, что ныне интеллигенцию надо

уговаривать и тащить на работу. Но любопытнее всего, что весь этот бисер предназначался для аудитории, на семь восьмых состоящей из советских барышень и молодых людей, пришедших посмотреть новую пьесу или потанцевать…”

“В России сейчас наблюдается повсеместно очень и очень интересное явление: это особая страсть учреждений к переездам. Вятский Совнархоз за два месяца переменил три местожительства… Злые языки утверждают, что переезды эти имеют более глубокое основание, ибо таким путем хоронятся всякого рода злоупотребления и заметаются следы совершенных преступлений. При въезде в новое помещение неудобных документов на оказывается – они де затерялись в пути…”

Добыча продовольствия была в Вятке делом нелегким и поэтому Воронов надумал поехать приискать счастья по деревням. “У меня имелось некоторое количество табаку, соли и кой-какая мануфактура, и я рассчитывал, что взамен имеющихся у меня продуктов, привезу в Вятку достаточное количество разных съедобных вещей. Сам Вятский уезд в этом отношении интереса не представлял: с нового года крестьяне сами уже покупали хлеб, а молока еле хватало на собственные нужды, так что масла никто не бил. Ехать нужно было в Советский уезд и соседний с ним Нолинский. Оба эти уезда считались богатыми, хлебородными… и по этим уездам Вятка считалась когда-то “хлебу матка”. В Советском уезде, отметил Воронов, “царит необычная суматоха из-за того, что по уезду разъезжает карательный отряд, по сбору невнесенных крестьянами с прошлой осени налогов натурой. Разверстка по волостям дала повод к злоупотреблениям со стороны местных советов”. Так же было и в Нолинском уезде. Крестьяне прятали остатки запасов, “не скрывали своего озлобления против нынешнего правительства. Карательные отряды свирепствовали и бесчинствовали, забирали все, что попалось под руку, и тем не менее не собрали и десятой доли того, что требовалось”.

Петербургского жителя за его военный полушубок и высокие сапоги крестьяне очевидно принимали за комиссара и потому относились настороженно, как до революции относились бы к земскому начальнику. Воронова впечатлила уездная “глубинка”. “На первом же привале в одной из деревень, верст за 30 от Вятки, дело было к вечеру, вы могли бы получить некоторое представление о положении деревни в Советской России. Большинство крестьян обуты в лапти (это зимой), избы освещаются лучиной…”

Воронов рассказал о деревенских школах, о плачевном положении учителей, о сокращении до минимума занятий за счет вечеров и развлечений, об обязанности учителей пропагандировать советский строй [1]. Все это вызывало

[1] В одном из перлюстрированных писем из Вятской губернии (11 ноября 1919 г.) говорилось: “Учительский персонал здесь – прямо разгильдяйство. Спектакли бывают часто, но не услышись ни одной революционной песни” // Частные письма эпохи гражданской войны // Неизвестная Россия. XX век. Книга 2. М, 1992. С. 209.

неудовольствие крестьян-родителей. В сельсоветах красовались портреты Ленина, Троцкого, Маркса. “После недельного скитания по снежным равнинам Вятской губернии, – заключил свой воспоминания автор, – я явился в город с пустыми руками”.

Завершаются воспоминания Воронова сообщением о том, что ему удалось покинуть Россию. Далеко осталась Вятская губерния, Вятка, ее жители, среди которых суждено было доживать своей век Чарушину.

БИБЛИОТЕЧНОЕ И КРАЕВЕДЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Догорал пожар гражданской войны. Люди, раскиданные ураганом великих потрясений по бескрайним просторам России, старались отыскать родных, близких, друзей, оставшихся в живых в годы великой смуты, восстановить оборванные связи, не предполагая, что впереди их ожидали не менее суровые испытания.

Из далекого Томска в Вятку 10 января 1920 года отправила письмо Чарушину Лариса Васильевна Чемоданова-Синегуб. Незадолго до этого Красная армия выбила из города колчаковцев.

“Ау! Дорогой Николай Аполлонович! Если живы, отзовитесь, откликнитесь!

Говорят, что наладилась почта с Россией. Делаю пробу – ищу родных и знакомых. От Александра Васильевича Прибылева в конце октября прошлого года я узнала, что существует слух, будто Вас расстреляли. Но мы отказываемся верить такому слуху. Вас? Расстрелять? Старого революционера, под влиянием которого выросло столько революционных сил – это невозможно! Возможно, что года и невзгоды сделали свое дело и Вас нет уже среди живых. Но и этому не хочется верить. Отзовитесь хотя парой слов. Никаких вятских адресов не знаю, чтобы списаться о родных и знакомых.

С августа я снова в Томске. Прожила два года на Востоке, почти все время в Хабаровске у Маруси. Была недолго во Владивостоке, пока Лида не вышла замуж и не уехала в Петропавловск на Камчатке. Лариса тоже на Востоке: она замужем в Никольск-Уссурийске. Сейчас, конечно, ничего о них не знаю, как не знаю ничего о судьбе Жени, с которым виделась в октябре. Живу с невесткой, женой Володи. А Володя тоже неизвестен. Видели при отступлении (летом) где-то за Курганом раненого. Умер ли он, или его подобрали, вылечили и отправили вглубь России – неизвестно. Осталось четверо детей, которые свалились на меня как раз в тот момент, когда я считала себя абсолютно свободной от семейных уз. Хотела поработать на пользу просвещения. Все рухнуло: Лизе одной не поднять детей. Она целый день на службе. Дописываю это письмо и подоспела “оказия”: едут в Россию и берутся бросить это письмо уже в России: там же вернее, наша почта только что налаживается. Напишите о себе. Где Ваш сын Володя? Не

знаете ли чего-нибудь о моих родных? Пока – до Вашего ответа. Будьте здоровы. Преданная Вам Л. Синегуб”. (По причине многолетнего пребывания в Сибири Лариса Васильевна привыкла называть Россией лишь европейскую часть страны).

В середине декабря 1922 года подала весть из Москвы Анна Васильевна Якимова: “Сколько лет, сколько зим не было о Вас ни слуху, ни духу. От земляков узнала, что Вы живы и находитесь в Вятке. Жаль, что не знаю Вашего адреса, но думаю, что Вас в Вятке знают, и послание дойдет до назначения. Здесь есть Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которое выхлопатывает пенсии ветеранам революции, в число которых зачислены и Вы. Присылаемые деньги за ноябрь месяц. О получении денег уведомьте Общество...” (Формально Николай Аполлонович стал членом Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев позднее).

С Якимовой Чарушин мог встретиться летом 1924 года, когда Анна Васильевна, возвращаясь из Сибири, предварительно известила его о возможности встретиться в Вятке на вокзале и передать кое-какие материалы, оставшиеся от ушедших уже из жизни Сергея Силовича и Ларисы Васильевны Синегубов, которые она везла из Томска.

Добрых полвека отделяли Чемоданову, Якимову, Чарушина от их народнической молодости, исполненной утопических иллюзий, за которые пришлось заплатить годами каторги и ссылки, лишениями и страданиями, утратой родных и, наконец, трагической переоценкой былых представлений о “страдающем русском мужичке”, явившем не без участия современных Нечаевых разинско-пугачевский облик.

Вятка постепенно меняла свой патриархальный вид. На фотографиях С.А. Лобовикова двадцатых годов запечатлены новые, революционные “знамения времени”. (Сам он преподавал фотографию при кафедре физики в педагогическом институте). Это уже не дореволюционная Вятка, хотя еще видны на снимках знаменитого фотографа соборы и церкви, и среди них бесценное творение Александра Витберга – величественный Александро-Невский собор. Вскоре они были безжалостно взорваны вандалами большевистской эпохи.

Фотографии Лобовикова вятских крестьян первых советских лет почти неотличимы от дореволюционных снимков. По крайней мере, внешне облик деревни вроде бы не менялся. Однако на фотографии, названной автором “Деревенская швейная мастерская” виден висящий на стене портрет Ленина… А на снимке под названием “Собрание крестьянок в агитпункте” рядом с плакатом, призывающем готовиться к весеннему севу, виден плакат – “Религия яд – береги от нее ребят”, но есть и толковый плакат “Курение – вред здоровью”…

А вот жизнь губернского города, схваченная зорким объективом Лобовикова… На снимке из фоторепортажа о фабрике учебных пособий красуется вымпел – “Переходное знамя лучшей бригаде в борьбе за промфинплан от учащихся школы им. Тургенева в день ударника”… Идет колонна пионеров.

На транспаранте надпись “9-й отряд юных пионеров 1-го района”… На бывшей Николаевской, а ныне на улице Ленина выстроились красноармейцы в буденовках, с винтовками. С балкона их приветствует, видимо, губернское партийное и советское начальство. Видны вывески – “Центральный рабочий кооператив”, “Мануфактурный магазин”… Запечатлен Лобовиковым и памятник Степану Халтурину. Так постепенно менялся облик Вятки.

В день Пасхи 1922 года в Петрограде на шестьдесят шестом году жизни скончался Аркадий Аполлонович Чарушин. Старший брат всегда помнил участие Аркадия, когда тот, будучи студентом юридического факультета, добивался свиданий с ним, находившимся в заключении.

“Свидание с братом... добытое им после невероятных усилий и хождений по мытарствам, сильно взволновало меня и воскресило в памяти образы всех моих домашних. Отрывочный, получасовой разговор с перескакиванием с одного предмета на другой и под недреманным оком наблюдающего чина не мог, конечно, исчерпать всего, что хотелось знать и что волновало меня”.

(Немало треволнений доставило Аркадию в период студенчества знакомство со Степаном Халтуриным. Оба обучались в Орловском городском училище, а потом знали друг друга по Вятке, когда Халтурин учился в земском училище, а Аркадий в гимназии. Это Аркадий, приехав в Орлов на каникулы в 1879 году, передал родным Степана его фотографическую карточку, которую жандармы забрали у матери Халтурина при обыске в деревне Верхние Журавли, когда стало известно, что тот учинил взрыв в Зимнем дворце. Именно эту фотографию, размноженную во множестве экземпляров, рассылали повсюду для розыска террориста. В февральские дни 1880 года, когда шел розыск Халтурина, жандармы искали всех, кто его знал. Конечно, расспрашивали вятчан-студентов. Аркадий на дознании рассказал о своих встречах с Халтуриным. Желая отодвинуть излишние подозрения “синих мундиров”, он не преминул заметить, что спутники Халтурина “народ очень некрасивый... самые грязные нигилисты”).

По окончании университета Аркадий Чарушин служил в Переселенческом управлении Министерства Внутренних дел, а позднее там же чиновником особых поручений. Писатель Глеб Успенский в одном из очерков с благодарностью вспоминал, как в 1888 году в Томске он помогал ему в Сибири собирать материалы о крестьянах-переселенцах: “Побывав у г. Чарушина, по совету и указанию последнего, я и один мой приятель поехали посмотреть на житье-бытье новоселов”.

К 1906 году Аркадий Аполлонович дослужился до чина действительного статского советника. С 1912 года служил в Департаменте государственных земельных имуществ. Не обошли его награды – Владимир четвертой степени, Анна второй и третьей, Станислав третьей, медали в память Александра III и 300-летия дома Романовых.

Интересны его исследования о переселениях крестьян, о народных нравах и быте, печатавшиеся в 1900-1910 годах в Петербурге и Архангельске – “Крестьянские переселения в бытовом отношении”, “Крестьянские сходы в бытовом их освещении”, “Волостные суды в бытовом их освещении”, “Трезвая Русь”, “Народный язык”, “Уход и воспитание детей у народа (первое детство)”, “Воспитание детей у народа (отрочество и юность)”…

Двоюродный брат Николая, Аркадия и Ивана Чарушиных Вячеслав Юферев в своих воспоминаниях дал каждому из них примечательную характеристику. О среднем из братьев он написал так: “Аркадий Аполл. в первый период моего общения с ним был до мозга костей чиновником, ретроградом. Он выписывал суворинское “Новое время” и во время утреннего чая досконально его прочитывал. Приезжая в Орлов, наводил здесь фасон, щеголяя своими костюмами, держался высокомерно. От моего приятеля Отрыганьева он получил кличку “дядя министр”. В Петербурге Арк. Аполл. также все время старался не уронить своего достоинства – в театр находил возможным ходить только в партер, ничуть не выше. Но с другой стороны с Арк. Аполл. поговорить было интересно. По натуре он был живой человек, с готовностью откликался на задаваемые ему вопросы, старался разрешать их в мере имеющегося у него объема знаний и сведений… Арк. Аполл. был человеком общительным, легко сходился с людьми. Но в домашней жизни он жил, как, пожалуй, большинство петербургских обывателей, довольно замкнуто” [1]. Отмечал Юферев участливость “дяди министра”, готовность придти на помощь. В послереволюционные годы Аркадий Аполлонович состоял членом дома литераторов.

После смерти брата Николай Аполлонович, разбирая в Петрограде его бумаги, нашел рукопись рассказа (или начала повести) под названием “Братья Уржумовы”, написанного, по всей вероятности, в начале 80-х годов. Он снабдил рукопись предисловием и примечаниями. Ее опубликовал журнал “Каторга и ссылка” (1926, № 1/22) В предисловии говорилось, что рукопись “не плод художественного вымысла, а рассказ о действительных событиях, имевших место в 70-х годах, и действительных лицах, выведенных автором под вымышленными именами, очевидно, в целях наилучшего прохождения рукописи через цензурные рогатки. Видимо, этот маневр не удался и рукопись не увидела света”. Николай Аполлонович назвал рассказ брата “лишним штрихом достопамятной эпохи”, не лишенным “известного общественного значения, – значения отчасти биографического, главным же образом, общественно-бытового, связанного с развертывающимся в то время революционным движением”.

Сюжет повествования прост. Собирающийся в столицу на учебу Андрей Уржумов встревожен слухами о старшем брате Борисе, студенте, которыми полон уездный городок Орлак. “Когда Борис приезжал на каникулы домой, Андрей почти не отходил от него. Он внимательно вслушивался в каждое слово, в каждую фразу...” По приезде на вакации, Борис вместо трех месяцев почему-то

[1] Юферев В.И. Воспоминания. Архив Н.А. Колеватова.

прожил всего три недели. Вскоре его переписка с Андреем оборвалась. Вторая часть рассказа посвящена жизни Андрея в Петербурге, где он узнает об аресте брата, ходит в Сенат и III отделение, добиваясь разрешения на свидание с ним. Оно происходит в “комнате с железной решеткой”. Кончается повествование словами – “старшему Уржумову угрожала каторга”. В привлекательном облике Бориса (“умные пытливые глаза”, “русая борода с золотистым отливом”) проглядывают черты Николая Чарушина. Город Орлак – это Орлов. Имеет “местный колорит” и фамилия Уржумовы, по названию другого уездного города губернии. Прозрачна также фамилия одной из участниц кружка, в который входил Борис – Мари Львовская. В ней без труда можно узнать Софью Львовну Перовскую.

В конце января 1924 года В.Н. Фигнер написала Чарушину: “Насчет Вашего приезда сюда надо подумать. Быть может, Вы поступите в члены Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев? Надо для этого заполнить анкету, которую можно Вам выслать. Тогда они могут дать Вам бесплатный проезд по железной дороге и убежище в их помещении, как дали Ковалику (на две недели с женой)”. Насчет “убежища” в помещении Общества… Дело в том, что московские друзья Чарушина – сама Вера Николаевна, М.П. Сажин, М.П. Шебалин, И.И. Попов, будучи стеснены в жилищных условиях, не могли предложить ему свое гостеприимство.

(Письма и архивные документы напрочь опровергают пущенное в местный обиход досужее утверждение известных кировских краеведов Н. Комарова и В. Суходоева о том, что Чарушин в этом Обществе никогда не состоял. Собственно и в архивы не было особой нужды обращаться, а достаточно лишь раскрыть справочник “Политическая каторга и ссылка”, изданный в 1934 году).

После ухода от политики Чарушин некоторое время работал в кооперативных учреждениях. С июля 1919 года принял участие в работе совета Вятской публичной библиотеки имени А.И. Герцена, одной из старейших в России. В феврале следующего года его избрали товарищем председателя попечительного совета библиотеки. Библиотека в это время находилась под руководством талантливого специалиста библиотечного дела Е.В. Гогель, при которой она поступила в ведение научных библиотек Наркомпроса. Весной 1922 года Елена Владимировна покинула Вятку. Из Москвы она написала Чарушину: “Благодарна за то теплое радушие с которым Вы проводили нас. Я увезла из Вятки, как последнее воспоминание, товарищеское крепкое рукопожатие, которого не забуду никогда”.

Вставал вопрос о подборе дельных, инициативных работников. Еще с 1921 года Чарушина зачислили в штат сотрудников библиотеки, а с 1923-го назначили заведовать местным (краеведческим) отделом. Его создали еще в начале 1910 года и ведал им тогда Александр Николаевич Луппов, брат историка-краеведа П.Н. Луппова, он же был и управляющим библиотекой. В октябре 1920 года

Гогель писала Чарушину: “Очень буду рада, если Вы найдете время как-нибудь черкнуть страничку-две о дальнейших шагах библиотеки по новому пути экономической политики, который мы предвидели еще в 18-м году... Я очень порадовалась при известии, что местный отдел взяли Вы. Как библиографическая комиссия? Не думаете ли возродить?”

Библиотеку Чарушин полюбил еще с гимназических лет и многому был ей обязан.

“Когда я покидал Вятку в 1871 году, библиотека продолжала еще сохранять свой облик прежних лучших лет… Прошло целых 24 года и в 1895 году я снова в Вятке. За эти долгие года моего отсутствия Вятка, как и вся Россия, значительно духовно выросла… Казалось бы в эпоху подъема общественного настроения такое культурное учреждение, как публичная библиотека, должно бы отвечать этому настроению и жить новой жизнью. Должна бы, но не совсем то оказалось в действительности… Был осенний дождливый вечер, когда впервые я собрался навестить этого своего старого друга, у которого в былые времена в такие неприветливые вечера чувствовалось особенно хорошо”.

Однако Николая Аполлоновича постигло разочарование…

“… уже подходя к библиотеке, я был немало удивлен абсолютной темнотой большей части ее помещения, в том числе и читального зала, и только в ближайшем от входа помещении был виден тусклый свет, исходящий от небольших керосиновых ламп…” [1] Двухкопеечный вход в читальный зал почти преградил доступ туда учащимся. Сократилось пополнение его газетами и журналами. На страницах газеты “Вятский край” (1895, № 112), издаваемой Петром Александровичем Голубевым, Чарушин поместил статью “Умирающее учреждение”, в которой с болью в душе поведал о плачевном состоянии библиотеки. Из обзора каталога “нельзя было усмотреть заботливого отношения к духовным интересам различных категорий вятской читающей публики”. В качестве примера Николай Аполлонович назвал несколько библиотек, в том числе библиотеку в Кяхте, к организации которой сам приложил немало стараний.

Теперь, в начале 20-х годов рядом с Чарушиным оказались замечательные подвижники. По словам библиографа-краеведа Г.Ф. Чудовой, “Е.В. Гогель привлекала его к работе в созданной ею книжно-библиографической комиссии, в которой участвовали местные научные силы – профессор-диалектолог Николай Михайлович Каринский, его зять, историк-краевед Павел Николаевич Луппов, геолог Николай Константинович Разумовский, молодой ботаник Александр Дмитриевич Фокин, музеевед и культпросветработник Александр Сергеевич

[1] Чарушин Н.А. Из воспоминаний о далеком прошлом Вятской публичной библиотеки. Материалы к празднованию 90-летнего юбилея библиотеки. Машинопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. С. 9.

Лебедев” [1]. Работы было много. Фонды библиотеки интенсивно пополнялись книжными собраниями ликвидированных губернской земской и уездной управ и земского книжного склада, библиотек губернского статистического отдела, канцелярии губернатора и губернского присутствия, библиотеки Вятской ученой архивной комиссии. С 1919 года в библиотеку распоряжением губисполкома должны были поступать обязательные экземпляры выходящих местных изданий.

В 1923 году в докладе “Организация краеведческого отдела при Вятской губернской публичной библиотеке имени Герцена и желательная постановка соответствующих отделов в библиотеках на местах” на первом краеведческом съезде Вятской губернии Николай Аполлонович говорил об организации краеведческого отдела, отметил редкий для провинциальной библиотеки богатый книжный материал. В местном же отделе находилось до семи тысяч книг и брошюр. Чарушин выразил озабоченность охраной “краеведческого литературного материала, имеющегося на местах и нередко безжалостно растрачиваемого”, призывал “приступить там, где еще это не сделано, к собиранию... краеведческого материала и к сосредоточению его при более крупных и наилучше поставленных уездных библиотеках” [2]. Администрация библиотек должна озаботиться ассигнованием на содержание этих отделов.

В Чарушине проявились типичные черты краеведа 20-х годов, периода краткого “золотого века” советского краеведения. В журнале “Вятско-Ветлужский край” в 1928 году он определил задачи изучения края, сказал о значении краеведения: “Познание Родины во всех ее природных условиях, ее истории, быта, ее хозяйственной и культурной, общественной и политической жизни в прошлом и настоящем есть непременное условие для возможного правильного и безошибочного строительства новой жизни. И чем это познание будет основательнее и полнее, тем мы меньше сделаем ошибок в этом строительстве... Исследовательская работа углубляется не только в центре, но и на местах; постоянно возникают краеведческие общества; в школах разных типов краеведение делается обязательным предметом, а работники и руководители местных учреждений все чаще и чаще для своих практических целей вынуждены прибегать к местной литературе прежних лет, отражающей местную жизнь в разнообразных ее проявлениях” [3].

Можно понять на каком социально-экономическом фоне были написаны эти строки. Как библиограф-краевед Чарушин отмечал и новый тип читателя в возглавляемом им отделе: “Читатель его растет. Правда, читатель особенной и не

---

[1] Чудова Г.Ф. Человек с сердцем из золота и стали. Машинопись Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. С. 39.

[2] Чарушин Н.А. Доклад на первом краеведческом съезде Вятской губернии. Машинопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. С. 14.

[3] Чарушин Н.А. Местный отдел библиотеки имени Герцена // Вятско-Ветлужский край. 1928. № 1. С. 109, 112.

массовый, по преимуществу научный и школьный работник и практический деятель, который для своих работ находит здесь нужный ему материал".

В феврале 1930 года П.Н. Луппов докладывал на заседании Вятского исторического общества о работе местного отдела: "Признано было назначить для заведования им особое лицо. Выбор библиотеки остановился на Николае Аполлоновиче Чарушине, бывшем политкаторжанине, весьма известном Вятскому краю общественном деятеле... Сознавая громадное значение библиографии по Вятскому краю для более или менее обстоятельного его изучения, Чарушин предпринял ряд библиографических работ. В 1928 году библиотекой был издан составленный им указатель статей и заметок о Вятском крае, помещенных в столичных и некоторых провинциальных журналах – общих и специальных, имеющихся в Вятской публичной библиотеке имени Герцена с 1812 по 1917 гг. В основу указателя взяты им 56 разных журналов, в количестве до 7 400 томов... В том же году издана другая работа автора "Указатель статей и заметок, помещенных в "Вятском крае" – первой в Вятке частной газеты (1895-1898)"... Далее Н.А. Чарушиным был составлен "Указатель статей и заметок, помещенных в газетах "Вятская жизнь" и "Вятский край" за 1905-1908 г.г. Составитель раскрывает, по возможности, инициалы и псевдонимы авторов, что представляется весьма важным для характеристики того или иного местного деятеля или литератора... К сожалению, указатель этот остается пока не напечатанным, он пущен в обращение между читателями в рукописном виде (перепечатан на машинке). У библиотеки не оказалось средств на его издание... Н.А. Чарушиным была предпринята работа по библиографии статей и заметок, помещенных в газете "Вятская речь"... Насколько я знаю, им просмотрен газетный материал и внесен на картотеке за четыре года (1908-1912). Так как в свое время создание этой газеты находилось под руководством Н.А. Чарушина, то совершенно естественно, что здесь мы получили бы библиографическую работу столь же тщательную и снабженную ценными дополнениями, какие не мог бы сделать никто другой. Во всяком случае чрезвычайно желательно, чтобы указатель к "Вятской речи" был доведен до конца... Было бы очень ценно, если бы Н.А. Чарушин завершил работу над указателем "Вятской речи" [1].

Указатели Чарушина учитывались библиографами. Редактор "Журнальной летописи" И.М. Картавцов в 1929 году просил прислать их: "Нигде в Москве достать не могу, обращался в библиотеку Герцена, но не получил ответа". Об одном из указателей он намеревался написать в журнале "Библиография" в обзоре, посвященном ряду подобных изданий. Картавцов также хотел узнать от Чарушина сведения о вятских "книговедах", умерших в 1917-1927 годах.

[1] Луппов П.Н. О библиографических работах по Вятскому краю. Краеведческая работа Кировской областной библиотеки им. А.И. Герцена. Сборник 1. Материалы к истории. 1918-1930 годы. Киров, 1986. Машинопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. С. 86, 87, 89.

П.Н. Луппов вспоминал, как обстояло дело с краеведческой библиографией до Чарушина: “Я помню годы 1919-1920, когда эти карточные указатели были, можно сказать, еще в зародыше: их было немного и каждый из них представлял довольно тощую тетрадочку. Постепенно количество их за последние годы увеличивалось, увеличивался и объем каждого, путем постепенного внесения на карточки не только новых книг, но и новых журнальных статей, относящихся к Вятскому краю. Эти каталоги для каждого начинающего краеведа являются неизменными справочниками, вводящими в книжное богатство местного отдела Вятской публичной библиотеки. В настоящее время на столах местного отдела разложены альбомы в количестве 51, состоящие из 29 отделов по содержанию” [1].

Г.Ф. Чудова высоко оценивала работу Чарушина по библиографии земских изданий: “Прекрасный знаток работы Вятского земства и земской литературы Н.А. Чарушин принялся за систематизацию книжных фондов местного отдела. В короткий срок книги были разобраны и расставлены.... Дальше встал вопрос – как сделать доступным читателям, исследователям истории Вятского края весь огромный исторический материал, заключенный в земских изданиях и отражающий жизнь губернии с 1867 по 1916 год” [2]. Чарушин подбирал тематически сборники-конволюты по всем отраслям работы земства. Он составил два неизданных каталога-указателя по земскому и городскому самоуправлению Вятской губернии, работал над “альбомным” каталогом (книги описывались на листах, затем брошюровались по темам).

“Земское самоуправление (1867-1916 гг.)”, “Городское самоуправление Вятской губернии (1870-1916 гг.)”, “Список наименований газет и журналов, издававшихся в Вятской губернии в период с 1917 по 1926 год” – их составлял сам Чарушин. А при непосредственном участии Николая Аполлоновича были созданы “Каталог литературы о народностях Вятского края” в четырех рукописных альбомах, в котором нашли отражение издания о марийцах, удмуртах, коми-пермяках, татарах и других народах, населяющих Вятскую землю, и “Альбомный каталог местного отдела (до 1935 года)” из 49 рукописных альбомов – первое библиографическое описание краеведческих книжных фондов Герценовской библиотеки.

Два библиографических указателя Чарушина библиотеке удалось издать в 1928 году. Первый – “Указатель статей и заметок о Вятском крае, помещенных в столичных и некоторых провинциальных журналах – общих и специальных – имеющихся в Вятской публичной библиотеке имени Герцена (с 1812 по 1917 гг.)”. В нем учтено 548 статей краеведческого содержания из 30 журналов. Второй – “Указатель статей и заметок, помещенных в “Вятском крае” – первой в Вятке частной газете (1895-1898). Выпуск 1”. В нем учтены 792 статьи о жизни края. Николай Аполлонович начал составлять “Указатель статей и заметок, помещенных в газетах “Вятская жизнь” и “Вятский край” (1905-1907). Вып. 2”.

[1] Там же. С. 91.

[2] Чудова Г.Ф. Н.А. Чарушин – библиограф // Советская библиография. № 4. 1984. С. 41-45.

Но эта работа не была напечатана. “Указатель” включает 1 537 статей и заметок. “Особенность и ценность указателя в том, – замечала Г.Ф. Чудова, – что Н.А. Чарушин дает картину деятельности собственного своего детища”.

Чарушин вникал в мельчайшие тонкости работы местного отдела, заботился о его обстановке – полках для каталожных ящиков, столах для текущих газет и журналов, о картах дореволюционной Вятской губернии и послереволюционного периода, об учете книг. Отдел, как и вся библиотека, переживал трудности из-за скудости средств.

Но работа Николая Аполлоновича в библиотеке не была безоблачной. В январе 1930 года он писал И.И. Попову: “В самое последнее время передо мной встал вопрос о моей работе в библиотеке. Предъявляются новые требования и отделу (местному), непосильные для него при его ограниченном штате работников, что и вынудило меня вчера подать заявление об отставке. Жаль было покидать эту работу, долго я колебался, как выйти из создавшегося положения, но лучшего и более достойного выхода не нашел”.

В следующем письме, отправленном Попову через девять дней, он сообщил: “Я покидаю службу в библиотеке и делаюсь совершенно свободным человеком. Вышло это совершенно неожиданно. До сих пор я был почти полным хозяином своего отдела, по своим параметрам равного довольно большой библиотеке (до 25 тысяч местных изданий). Планировал работу я сам и администрация не вмешивалась. Нынче в погоне за шумихой она вздумала втянуть и местный отдел в эту шумиху, на что я согласиться не мог и подал заявление об отставке. Последняя принята и с 1-го февраля я свободен. Сознаюсь, что расстаюсь с библиотекой с сожалением и опасением за благополучие очень ценного отдела в дальнейшем, т.к. мой заместитель в делах отдела несведущ и едва ли сумеет удержать его на должной высоте. Но поступить иначе не мог. Теперь надо придумывать себе какое-нибудь дело. На первое время я найду его, а дальше будет видно”.

Одна из важнейших для Николая Аполлоновича работ состояла в завершении библиографического указателя к “Вятской речи” (Указатели к “Вятской жизни” и “Вятскому краю” были им составлены). Недаром, П.Н. Луппов отмечал важность этого дела: “Было бы очень ценно, если бы Н.А. Чарушин завершил работу над указателем “Вятской речи”. Между тем, в связи с недавним уходом Н.А. Чарушина из библиотеки, эта работа может остаться незаконченной...” [1].

Уход из библиотеки Чарушин тяжело переживал. Он вел уединенный образ жизни. Друг семьи Чарушиных Наталья Васильевна Чешихина-Зеленова, дочь известного историка литературы Василия Евграфовича Чешихина-Ветринского сообщала в письме Г.Ф. Чудовой в октябре 1973 года: “Единственного человека, которого мы вспоминали у Н.А. дома после ухода его из библиотеки – это одна из сотрудниц местного отдела... Она регулярно бывала у Н.А. и рассказывала

[1] Луппов П.Н. О библиографических работах по Вятскому краю… С. 97.

новости местного отдела, которым он очень интересовался” [1]. (На воспоминаниях Натальи Васильевны Гали Федоровна сделала пометку, что сотрудница библиотеки, навещавшая Чарушина, была Надежда Дмитриевна Попыванова).

Библиотека, к сожалению, осталась без ценнейшего сотрудника. “Остается следовательно, еще надежда на случайную частную инициативу, – сетовал Чарушин. – Из этой категории работников имеются пока супруги Зеленовы. Это безусловно серьезные, добросовестные и умелые работники-библиографы”. Речь шла о Н.В. Зеленовой, и ее муже Б.И. Зеленове (Шарканском). Слова признательности Чарушину как библиографу-краеведу содержались в составленном ими обширной библиографии “Обозрение трудов научных и художественных организаций в границах бывшей Вятской губернии”, изданной в Нижнем Новгороде в 1931 году: “Считаем своим долгом отметить, что в нашей работе мы многократно получали помощь и указания от знатока местной литературы Николая Аполлоновича Чарушина, которому выражаем свою глубокую благодарность” [2].

“Живу по-прежнему, но на душе невесело, в особенности, без определенного дела, – писал Николай Аполлонович И.И. Попову в октябре 1930 года. – На днях думаю приняться за покинутую было свою библиографическую работу по местному краю. Дело это домашнее, т.к. почти все материалы имеются у меня на руках. Половина этой работы сделана уже во время моей службы в библиотеке, остается сделать вторую. На зиму хватит. В магазинах совсем нет ни писчей, ни почтовой бумаги, нет даже конвертов”. (На одном из конвертов, сохранившихся в переписке Чарушина, такая надпись – “Собирай и сдавай государству через госторг и кооперацию всякую ненужную бумагу, старые книжки и картон! Этим ты поможешь осуществлению культурной революции”).

К сожалению, последняя библиографическая работа Николая Аполлоновича осталась незавершенной. Более того, карточки, которые он забрал домой из библиотеки, безвозвратно пропали. Но указатели Чарушина, изданные и неизданные, представляют огромную ценность в настоящее время.

“О ДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ”

“Я не собирался писать своих воспоминаний, полагая, что общественная ценность их будет невелика, в особенности же в виду развертывающихся и все нарастающих крупных событий русской жизни, в которых эти воспоминания,

[1] Письмо Н.В. Зеленовой-Ветринской Г.Ф. Чудовой 5 окт. 1975 г. // Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена.

[2] Шарканский Б.И., Зеленова-Чешихина Н..В. Обозрение трудов научных и художественных организаций в границах бывшей Вятской губернии. Часть первая. Нижний Новгород, 1931. С. VI.

как незначительная мелочь потонули бы никем не замеченные и никому ненужные. К тому же текущая жизнь, от которой я никогда не стоял в стороне, приковывая к себе мое внимание, не давала возможности углубиться в далекое прошлое. А потом, с годами, краски этого прошлого все больше и больше стирались, многое совсем улетучивалось из памяти, а главное – всегда существовало опасение, что при воспроизведении событий давно минувших дней и их оценки невольно скажется настроение последующего времени и наложит не вполне соответствующую действительности окраску на описываемое. Все это, вместе взятое, и удерживало меня от попытки взяться за перо, чтобы приняться за свои воспоминания. Но настояния за последние годы моих друзей и знакомых, не разделявших моих соображений и опасений, заставили изменить мое решение и попытаться, хотя в общих и беглых чертах, изобразить пережитое".

Так помимо библиографических занятий по краеведению у Чарушина появилось еще очень серьезное дело. Николай Аполлонович приступил к воспоминаниям. В частности, побудила его к этому еще в 1924 году В.Н. Фигнер: "Я настоятельно прошу Вас написать воспоминания о возникновении, деятельности и организациях по городам кружка "чайковцев". Такой истории этого во всех отношениях замечательного кружка нет, и Вы должны записать все, что Вы знаете, в чем участвовали и что от других Вам известно" [1]. Чарушин соглашался с Верой Николаевной: "Вполне разделяю Ваше сожаление, что до сих пор не имеется более или менее полных воспоминаний о кружке чайковцев, согласен, также и с тем, что этого не должно быть в виду того значения, какое он имел в развитии революционного движения в России. Я все ждал, что кто-нибудь из более осведомленных членов кружка выполнит эту работу, но до сих пор ожидания мои не оправдались. Не раз ко мне обращались с просьбой, аналогичной Вашей, но в постоянной житейской сутолоке, когда текущее поглощает почти все твое внимание, как-то некогда было сосредоточиться на прошлом. Теперь же, когда из чайковцев не осталось в живых почти никого, несомненно, много острее чувствуется обязанность, по мере сил и возможности, восполнить имеющийся пробел в данной области".

Правда, писать воспоминания о не столь отдаленном прошлом становилось уже в эти годы далеко небезопасно. В связи с этим уместно назвать очерк Михаила Осоргина "По городам", написанный в эмиграции, в котором он рассказал о поездке в 1916 году по северо-востоку России и Поволжью. В Вологде и Вятке писатель имел "встречи чисто деловые преимущественно с "третьим элементом": "Но где эти люди и каков новый порядок их мыслей, – вспоминал об этих встречах Осоргин уже в 1933 году,– не назвать их – ничего не

[1] Итенберг Б.С. Н.А. Чарушин и его воспоминания. Введение к кн.: Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 11.

выйдет, а называть не решаюсь. Пусть будет “провал в памяти...” [1] Без сомнения, Михаил Андреевич встречался и с сотрудниками “Вятской речи”.

О необходимости, но в то же время и о трудностях работы над воспоминаниями в марте 1924 года Чарушину написал из Калуги А.Г. Соболев: “А сами-то Вы, наконец решили писать свои воспоминания: ведь мы еще просили Вас об этом перед первой революцией. Начинайте, родной, не откладывайте в долгий ящик, обстоятельства у Вас хороши: комната у Вас есть, и заботы о хлебе, которой сейчас подавлены все, у Вас нет”. Соболев известил о том, что видел А.А. Гурьева, который, так же как и ранее Николай Аполлонович, предложил ему тоже начать работу над воспоминаниями. Но Афанасий Гаврилович проявлял понятную осторожность: “Смущает меня то обстоятельство, что многие участники пережитого еще живут, а будущее неизвестно. Я видел, как во время уже революции реакционеры расправлялись с нашим братом. Было бы непростительно подвести кого-нибудь своими воспоминаниями. С другой стороны Вы правы…”

Опасения Соболева понятны, он недавно вышел из Екатеринбургской тюрьмы и жил в Калуге с подпиской о невыезде (“Трудно мне далась на этот раз тюрьма”). Перед выходом из тюрьмы Соболеву предложили на выбор для жительства под надзором несколько городов. Он выбрал Калугу, где не был 29 лет, но затем пожалел о таком решении: “Пожалуй, лучше было бы для меня выбрать местом жительства Вятку”. Все его родственники к тому времени умерли. Приютил Соболева его гимназический учитель-латинист. Небольшой заработок Соболев имел как консультант при Калужском губплане. Он намеревался помочь Чарушину воспоминаниями о периоде газетной работы в Вятке: “Сейчас у меня есть конец моей биографии, которую я писал для ГПУ в Екатеринбурге... Хотелось бы послать ее Вам, но не решаюсь”. (Копию биографии Соболеву разрешили списать с его же собственного же текста, когда выпускали из тюрьмы). Позднее дочь Афанасия Гавриловича все же послала ее Николаю Аполлоновичу.

Судьба оказалась и на этот раз неблагосклонной к Соболеву. После Калуги он жил в деревне близ Углича. Бывший специалист по кооперации, немало поработавший в свое время в центре и в провинции, вел кое-как безлошадное хозяйство на крошечном наделе, все еще мечтая переиздать свою книгу по кооперации. С болью в сердце сообщал он о плохих видах на урожай: травы плохи, лен никуда не годится, овсы очень мелки… Соболев спрашивал Чарушина: “Хотелось бы мне знать о Вас, о вятском житье-бытье. Как-то живут теперь там крестьяне?” В 1926 году он написал: “Душевно тронут Вашим добрым и приветливым письмом, дорогой Николай Аполлонович!.. Мы с женой часто вспоминаем как тепло и душевно принимали нас в Вашем доме и Вы и покойная Анна Дмитриевна. На что уж непреклонные “ортодоксы” и деревянные “ученики”, смотревшие тогда “свысока” на народников-“инвалидов”, – и те

[1] Осоргин М. Воспоминания. Повесть о сестре. Изд-во Воронежского ун-та. Воронеж, 1992. С. 196.

всегда “отогревались” и чувствовали уют и заботу о себе в доме старых “семидесятников”. Соболев рассказал Чарушину о своей нелегкой жизни. Дважды при “старом режиме” отбывал ссылку в Восточной Сибири. С 1918 года работал в кооперативных центрах. Организовал крестьянскую школу (“датского типа”) для взрослых крестьян, через три года пришлось уйти оттуда. “Было трудно и нужда заедала”. Благодаря содействию ветерана-народовольца М.П. Шебалина, ему удалось исхлопотать себе персональную пенсию. Но “испытания” не оставляли семью. Жену уволили с должности “избача”, попытка переиздать книгу заглохла, двоих сыновей изгнали из института (“когда исключали 30 тыс. студентов”). Потом одного из них все же приняли в Тверской пединститут. Родители собрали деньжонки, отправили сына. Он уже начал учиться, сдавать зачеты, когда против его приема с “особым мнением” выступил какой-то студент от партийной организации (“у них права”)... Сына исключили. “Удар был для парня жестокий и буквально ничем не заслуженный! Нам и горько, и обидно, и оскорбительно... Поехал сынок в Москву, хлопочет... Дома у нас и горе, и слезы и обиды - ну чего еще тут толковать!”

Интерес к Вятскому краю не оставлял Соболева, он спрашивал вышли ли какие либо книги или сборники по истории края, интересовался судьбой эсера Никодима Крестьянинова и его сестры, спрашивал об историке-краеведе Германе Андреевиче Замятине. В 1925 году Афанасий Гаврилович умер. Дочь его написала Николаю Аполлоновичу: “Еще часов за шесть до смерти, он начал диктовать мне письмо к Вам...”

Первой апробацией воспоминаний Чарушина стала автобиография, помещенная в приложениях к 40-му тому Энциклопедического словаря Гранат, датированная ноябрем 1925 года. Затем началась работа собственно над книгой “О далеком прошлом”.

“Первая часть – детские годы и гимназическая жизнь в Вятке – служат как бы введением во вторую более обширную и ответственную, где главное содержание составляет “Кружок чайковцев”, а затем тюрьма и суд (“процесс 193-х”). Эта вторая часть всего более меня и смущала… Для разрешения моих сомнений, возникавших по тому или иному поводу, мне оставалось одно – обратиться к единственному оставшемуся еще в живых, кроме меня, члену петербургского кружка чайковцев и непосредственному участнику в жизни его именно за это же период времени – Александре Ивановне Корниловой-Мороз…”

Точность воспоминаний Николай Аполлонович проверял и по архивным материалам, которые присылал ему историк Шнеер Менделевич Левин. Переписку с Чарушиным он наладил при содействии В.Н. Фигнер. Помощь Левина оказалась действенной, поскольку в Вятке Николай Аполлонович ощущал отсутствие многих материалов. Существовали и другие причины. “С моими воспоминаниями дело обстоит плохо, – сетовал он в письме к Фигнер в декабре 1924 года. – Нет подходящего настроения, да не мало мешает и служба в

библиотеке, каковую собираюсь бросить, но все не решаюсь на это из боязни окончательно испортить свое настроение. Обязательная работа, хотя и маленькая, но не совсем бесполезная помогает сохранению душевного равновесия”.

А.И. Корнилова Мороз одобрила замысел книги: “Вера Николаевна дала мне прочитать Ваши письма. Я вполне с нею согласна, что на нас с Вами, как последних оставшихся в живых, лежит обязанность выяснить, наконец, правдиво и обстоятельно разностороннюю деятельность кружка, оставившую такие глубокие следы в памяти современников”. Общение, чаще письменное, ветеранов народничества выявляло важные обстоятельства в истории их деятельности. Александра Ивановна писала Чарушину: “Верил ли кто-нибудь из членов кружка в близость революции? Даже в обвинительном акте нас преследовали за стремление к революции “в более или менее отдаленном будущем”. В этом же письме она рассказала Чарушину примечательный факт: “Войнаральский однажды просил Чайковского снабдить его фосфором для поджигания сена в помещичьих усадьбах, но получил решительный отказ. Затем весьма характерно, что Клеменц окрестил бунтарей, последователей Бакунина, – вспышкопускателями и это ироническое прозвание получило широкое употребление”. Корнилова-Мороз заметила: “Ваши воспоминания очень ценны, т.к. Вы объезжали провинциальные отделения, о которых никто ничего не сообщает. Вы можете рассказать, что было сделано… Вы пишете обстоятельно, интересно и общепонятно”. В марте 1926 года Чарушин встречался в Москве с Александрой Ивановной, которая предлагала устроить чтение и обсуждение его воспоминаний. (Делилась она в письмах и впечатлениями о литературных новинках: “Прочтите, если еще не читали “Хулио Хуренито” Эренбурга, конец мне очень понравился”).

Корнилова-Мороз отвечала Чарушину на вопрос, почему привилось название “чайковцы”: “Н.В. Чайковский, высокий и стройный, с первого взгляда производил обаятельное впечатление своей красивой, симпатичной наружностью, общительностью, способностью горячо увлекаться и увлекать других. Он одевался, как говорят, прилично и вовсе не выглядел суровым нигилистом. Он чувствовал себя свободно в любом обществе и мог быть главным представителем кружка при сношениях с издателями, книгопродавцами, либеральной и демократической публикой. Он больше всех обладал способностью завязать новые связи или добыть денег на введение дела. Между тем, Натансон, превосходящий Н.В. в умственном отношении и обладавший большим организаторским талантом, предпочитал руководить делом, не приобретая широкой популярности”.

Чарушин радовался выходу книг и статей о ветеранах народничества. “Еще раз выражаю свое удовольствие, – писал он Александре Ивановне, – по поводу восстановления Вашего здоровья, а также о окончании Вашей работы о Перовской и начале кружка чайковцев. Когда же и где появятся Ваши воспоминания? Вы очень хорошо сделали, что написали о начале кружка

чайковцев, о чем никто ничего не сказал в своих воспоминаниях, а теперь кроме Вас некому сказать об этом, но в Вашей постановке вопроса меня смущает лишь одно обстоятельство: ведь начало книжной деятельности нельзя приложить к лету 71 г. т.к. несомненно она была и ранее…" Так в переписке "стариков" выявлялись важные обстоятельства истории "чайковцев".

"Мне кажется, что центр тяжести проекта программы лежит не в ее вступительной части об идеалах будущего устройства России, а в ее практической части, резюмирующей все то, к чему кружок пришел после двухлетней работа в рабочей, отчасти и в крестьянской среде. По своему объему эта часть, занимающая главное место в проекте, в то же время является и сутью его, ибо трактует о самом главном, о том, как и в каких условиях необходимо вести подготовительную и несомненно длительную работу. Мне кажется, что сама эта программа несмотря на свой видимый анархический колорит, скорее свидетельствует не об уклоне нашем в сторону анархизма, а о том, что мы по-прежнему оставались на наших прежних позициях чисто подготовительной работы, т.к. не верили еще в близость общенародной революции". (Это письмо А.И. Корниловой-Мороз, датированное 26 марта 1925 года, Чарушин не отправил).

В ноябре 1926 года книга "О далеком прошлом" вышла из печати пятитысячным тиражом. Отклики на нее не замедлили придти в Вятку. Анна Васильевна Якимова написала Чарушину: "За присланную книжку приношу Вам большую-пребольшую благодарность. Читаю эту книгу с большим удовлетворением".

В.Н. Золотницкий, племянник известного в Вятской губернии и Среднем Поволжье просветителя Н.И. Золотницкого, написал из Нижнего Новгорода: "С большим удовольствием только что прочитал Ваши воспоминания о чайковцах, полные строгой объективности... Некоторых упомянутых лиц, вятичей, мне приходилось встречать в Вятке в 1874 г., а про других слышать". Золотницкий знал о планах Чарушина продолжать работу: "Воспоминания о Карийской каторге Вам нужно непременно закончить. Какие найдутся материалы о каторге в архиве покойного В.Я. Кокосова Вам с полнейшей готовностью вышлю".

Из Москвы отозвался искусствовед Николай Георгиевич Машковцев: "Если это возможно и в Ваших средствах, прислать мне эту книжку с Вашим автографом непременно. Уж очень хорошо освещена жизнь нашего города, а я ведь неисправимый вятчанин". В другом письме: "Сегодня утром я получил вашу книгу, нетерпеливо разрезал ее и почти до конца ее прочел. Глубоко тронут Вашим вниманием к моей просьбе и Вашей надписью. При первом случае постараюсь чем-нибудь пополнить Вашу библиотеку, хотя пишу я мало, а печатаю того меньше". Машковцев сообщил сведения о своих родственниках, участниках народнического движения, в доме которых в гимназические годы бывал Чарушин ("семья двоюродного брата моего деда Аркадия Ивановича

Машковцева”). Он сообщил некоторые подробности о польском ссыльном Оскаре Авейде, которого он знавал в молодые годы в Вятке. “Помню, что в детстве я часто видел старика Авейде. Он был очень близок семье Поскребышевых, давал уроки музыки, будучи, по-видимому, первоклассным и даже недурным пианистом. Я помню, моя мама играла две чрезвычайно грациозные польки им сочиненные. Я пожалел, что Ваша очень верная и теплая характеристика этого несомненно выдающегося человека чересчур коротка. Где-то о нем следовало бы вспомнить побольше. Вообще упоминания о нем в литературе мне встречать не приходилось”. Услышав от Николая Поликарповича Ложкина, который до революции был одним из руководителей “Вятского книжного товарищества”, а в советские годы работал в Госиздате в Ленинграде и Москве, о том, что Николай Аполлонович пишет вторую книгу воспоминаний, Машковцев спросил: “До каких лет предполагаете Вы их довести? Войдут ли туда те годы, когда издавалась “Вятская речь”?… У меня о “Вятской речи” сохранились самые лучшие воспоминания как постоянного и внимательного ее читателя и сотрудника, несомненно очень скромного к размеру своего сотрудничества и по удельному весу своих статей. Я никогда не забуду того благожелательного отношения ко мне, человеку Вам совсем неизвестному, и к той инициативе, которую я проявил, принося Вам свои первые писания о художестве”.

Поделился впечатлениями о книге литератор Александр Николаевич Баранов (приехав в Вятку, взял ее прочесть у Николая Аполлоновича): “Вашу книжку читаю с большим интересом и удовольствием. Подкупает простота языка и искренность тоже. Извините, что к понедельнику я не успею прочитать эту книжку и возвращу ее в четверг (читать ее бегло было бы очень жаль)”. Позднее Баранов вспомнил давний разговор с Николаем Аполлоновичем “о нашей совместной работе в газете, о том периоде, когда работалось с таким подъемом и великими надеждами”: “Я давно уже предполагал закрепить эти воспоминания на бумаге… Мы беседовали с Вами о том, что хорошо, если бы всей историей Вашей газеты занялись бы Вы сами. Приступили ли Вы к такой работе?.. Я написал бы ее историю (хотя бы кратко) в дополнение к моим воспоминаниям. Нельзя ли попытаться издать историю Вашей газеты через Об-во политкаторжан, как издана уже книжка П.Н. Луппова “Политич. ссылка в Вят. Край”?.. Экземпляры газеты за время с 1907 по 1908 г. у меня имеются. Если историю своей газеты напишете Вы, то мои воспоминания… могли бы явиться некоторой иллюстрацией”.

О лупповской книге, вышедшей в 1933 году, у Баранова имелось собственное суждение. “Читали ли Вы его “Политическую ссылку”? – Суховато написано. Весьма жаль, что он почти не воспользовался материалами о ссыльных из Вашей газеты, в многочисленных письмах и корреспонденциях которой так полно и животрепещуще отражалась жизнь, положение, быт вятских ссыльных”. В конце письма он поинтересовался здоровьем Николая Аполлоновича: “Несомненно,

врачи детально установили полезный для Вас жизненный режим. Но все-таки я позволю себе указать на морковь и яблоки…”

(В этом же письме Баранов сообщил еще, что в его архиве имелись два письма Короленко и одно Льва Толстого, но их забрали при обыске в 1918 году).

В другом письме Баранов заметил: “Просматривая газету …я нахожу, что она замечательно правдиво и всесторонне отражала на своих страницах ту пору, являясь ее верным зеркалом, и что историку Вятского края (да, пожалуй и для более широкого масштаба) при исследовании политической и общественной жизни того времени, необходимо основательно проштудировать эту газету, если он хочет получить представление, и живое представление о той эпохе. Без этого же получится только мертвая и скучная история (что и случилось с трудом П.Н. Луппова)”. О своей предполагаемой работе по созданию истории чарушинских газет Баранов скромно заметил: “Не знаю, насколько интересна она будет читателю, но во всяком случае он получил бы живое представление о том, что творилось тогда на “святой Руси”, за что и как мы тогда боролись, и как в конце концов газета оказалась победительницей, дожив до 17-года”.

В начале 1930 года один из сотрудников издательства известил Чарушина: “Должен Вас огорчить, что с переизданием Ваших книжек в этом 1930 году дело безнадежно. Бумажный кризис срывает все наши производственные планы”. Чарушин продолжал работу над воспоминаниями. Но все же в 1931 году Всесоюзное Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев издало трехтысячным тиражом продолжение воспоминаний о пребывании Чарушина на карийской каторге. Перед ее выходом он писал Попову: “Жду свою “Кару”, которая выйдет в виде жалкой маленькой брошюрки. “Поселение” же лежит, и, надо думать, пролежит еще долго. На второе издание моих воспоминаний трудно рассчитывать”.

Все же в 1931 году вышла третья книга на этот раз пятитысячным тиражом, также под названием “О далеком прошлом”, где воспоминания о пребывании на Каре были дополнены рассказом о жизни на поселении в Забайкалье. И в этом издании было повторено предисловие Кона, Феликса Кона, бывшего члена польской революционной организации “Пролетариат”, отбывавшего каторжный срок на Каре, на поселении в Якутии, а в впоследствии участника советско-польской мирной конференции в Риге в 1921 году.

“При чтении воспоминаний т. Чарушина необходимо иметь в виде, что они относятся к концу 70-х годов, и что их пишет человек того поколения, которого девизом было:

“От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви”.

Этот “стан” объединял элементы не только самые разношерстные в социальном положении, но и идейно не имевшие часто ничего общего друг с другом. Это была та первоначальная стадия революционного движения, когда людей сплачивало не единство взглядов на будущее, а недовольство существующим, когда враг этого существующего, независимо от того, к чему он стремился в будущем, становился другом и соратником в борьбе. Этим объясняется многое в воспоминаниях Чарушина, в частности и отношение его к “гуманным чиновникам” вроде Кононовича”.

Еще до выхода этого издания Чарушин по получении корректуры писал И.И. Попову в феврале 1929 года: “Книжка снабжена предисловием Ф. Кона, который не мог воздержаться, не лягнуть прошлых деятелей за нечеткость межи между революционерами и оппозицией “его величества”, да и за социальный состав первых. Не перенесла душа поэта и моего отношения к Кононовичу, что впрочем, объясняет “недостатком века, а не человека”. Свои критические замечания заканчивает приблизительно так: “Чарушин один из многих могикан далекого прошлого и его воспоминания представляют ценный исторический документ”. В книжке не сделано никаких изменений и сокращений. В свою очередь по содержанию этого предисловия я сделал краткие возражения, но не думаю, чтобы они были помещены”. Возражения Николая Аполлоновича на предисловие Кона издательство действительно в книжке не поместило. В оглавлении пятого номера “Каторги и ссылки” за 1929 год в разделе “Письма в редакцию” обозначены письма Вл. Чарушина и Н. Чарушина, однако в тексте журнала их нет.

Отклики на воспоминания Николая Аполлоновича многочисленны. В феврале 1933 года ему написал из Москвы ветеран-народоволец Михаил Павлович Беклешов, проходивший по делу военных кружков “Народной воли”, в прошлом сотрудник “Вятской речи”: “Все это время я, неведомо для Вас, все-таки был с Вами, переживал Вашу молодость в Орлове, среди чайковцев – одним словом, читал Вашу книгу “Из далекого прошлого”... Прочитал – прочувствовал и надписал на ней “В библиотеку моей внучки...” Правда, ей сейчас всего четыре года... но пусть и она, когда вырастет, знает чем и как жили современники ее деда, старшие его товарищи, пусть знает Вас, дорогой Николай Аполлонович и Ваши высокие требования к себе и от жизни. На днях мне обещали достать и Вашу “На Каре” – опять доставлю себе радость – на несколько дней быть с Вами...”

Летом 1934 года на книгу Чарушина отозвался “кариец” А.В. Ковалев, член Общества политкаторжан, работавший ныне в госстатистике. Он знал Николая Аполлоновича: “Воспоминания о Вас до сих пор продолжают оставаться одними из лучших моих воспоминаний. Но сверх того особенно хорошо написана Вами книга воспоминаний “О далеком прошлом”. Ее я прочел при очень трудных обстоятельствах, во время болезни в клинике. Неожиданно ее страницами о

давно-давно прошедшем заговорила добрая, до сих пор молодая чудесная Ваша душа. Желаю Вам этой бодрости и в дальнейшем!”

Однако Николай Аполлонович небезосновательно тревожился за судьбу последующих частей мемуаров, называл это “катастрофическим положением”. Верстка воспоминаний высланная издательством “Молодая гвардия” оказалась некачественной, и более того искалеченной (“Совсем другое дело редакция “Каторги”, где такой бесцеремонности, какую предложила “Молодая Гвардия”, никогда бы не допустили”. Ведь уж целый год тянется эта канитель с изданием”). Когда И.И. Попов прислал Чарушину наконец-то изданную в 1931 году его книгу, он ответил: “Уже успел с нею, хотя и бегло ознакомиться, и в общем остался ею доволен с внешней стороны и примириться со сделанными сокращениями”. Один экземпляр Николай Аполлонович просил переслать жившему в Москве А.А. Гурьеву.

Чарушин занимался не только работой над книгами. По просьбе В.Н. Фигнер он высылал в Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев фотографии С.М. Степняка-Кравчинского, Л.Э. Шишко, Ф.В. Волховского С.С. Синегуба, Л.В. Чемодановой-Синегуб, а также Л.А. Тихомирова, Е.М. Овчинникова, Е.Е. Лазарева, Л.В. Попова, делился воспоминаниями о встречах с Л.А. Тихомировым и П.А. Кропоткиным, отвечал на вопросы анкет Общества, предлагал написать воспоминания о детских годах народовольца Николая Желвакова его брату. Иван Алексеевич Желваков на предложение, заметил, что его собственные воспоминания недостаточно полны и он попросит участия своих старших брата и сестры.

В одном из писем Чарушин сообщил, что посылает в Общество сразу семнадцать фотографий, хотя и расстается с ними с некоторым сожалением. (Время показало, что сожаления Николая Аполлоновича о фотографиях, высланных из домашнего архива, оказались напрасными).

По просьбе “стариков” Чарушин писал воспоминания о тех, кого довелось встречать в продолжении долгой жизни. В письме В.Н. Фигнер он рассказал о встречах с П.А. Кропоткиным, которого видел по преимуществу на собраниях кружка: “Небольшого роста, но хорошо сложенный с огромною русой бородой, доходящей чуть ли не до пояса, с живым взглядом и выразительным умным лицом П.А., благодаря своей необыкновенной простоте, живности, искренности, сразу же завоевал общие симпатии и полное доверие к себе”.

В 1928 году историк культуры А.К. Дживелегов от редакции Энциклопедического словаря Гранат просил прислать статью о Н.В. Чайковском: “По всем основаниям писать ее приходится Вам. И мы надеемся, что Вы не будете отказываться. Статья не может быть большой, и ее, конечно, нужно писать с оглядкой. Центр тяжести будет, конечно, в молодых годах Чайковского, которые Вам так хорошо известны”. Николай Аполлонович исполнил просьбу Алексея Карповича.

Примечательны ответы Чарушина на запрос В.Н. Фигнер о причинах отступничества Л.А. Тихомирова от народнических идей. Сама Фигнер, объясняя поведение Тихомирова тем, что он “сошел с ума”, спрашивала мнения Чарушина. Николай Аполлонович рассказал, что еще в Сибири он и другие ссыльные и поселенцы не оставляли желания при первом же случае, когда окажутся на свободе и вернутся в Европейскую Россию, увидеться с Тихомировым.

“И когда, уже много лет спустя, в начале 900-х годов, эта возможность, наконец, представилась, я каждый раз, бывая в Москве, твердо решал для себя пойти к Тихомирову, но в последнюю минуту от этого решения отказывался. Холодный рассудок брал тогда перевес и отчетливо говорил мне, что мечты твои напрасны, что там ничего уже не найдешь...”

Сергей Синегуб оказался более экспансивен. В 1906 году он побывал у Тихомирова, желая поспорить с ним по поводу его статьи в монархической газете “Московские ведомости”, в которой тот негативно отзывался о народническом движении начала 70-х годов. (Тихомиров являлся и редактором и издателем этой газеты). Синегуб побывал у “Тигрыча” и даже отобедал у него. Квартира “ренегата” произвела на поэта-народника странное впечатление – она была увешана образами и лампадками, походя скорее на монашескую келью, а не на “жилище интеллигентного человека”. Обед начался и закончился молитвами, в которых участвовала хорошо вымуштрованная семья Тихомирова.

Чарушин писал Фигнер: “Я никогда не смотрел на тихомировское превращение, как на простое предательство из какого-нибудь корыстного побуждения. Зная Тихомирова в прошлом, ничему подобному не верилось. Наоборот, мне всегда казалось, что новый Тихомиров, Тихомиров “Московских ведомостей”, есть плод какого-то сложного, но вполне искреннего психологического процесса, не без участия, без сомнения, и чисто психиатрического. Не раз по возвращении в Россию, бывая в Москве, я собирался повидать его. Мне все еще казалось, что он прежнего Тихомирова не мог совсем вытравить в себе...Это прежнее всегда остается. Но после визита к нему Синегуба, кажется в 1906 г. желание это пропало. Впечатление, произведенное на него Тихомировым и всем укладом его жизни, было настолько тяжелое, что нечего было и думать, что найдется в Тихомирове что либо родственнее из прежнего”.

Николай Аполлонович вспомнил, как познакомился с “Тигрычем” в Москве в первой половине 1873 года, отметил достойное его поведение в тюрьме.

“Как я объясняю отступничество Тихомирова? Первоначальной причиной начавшейся эволюции в его воззрениях была физическая и нервная усталость и кажущаяся бесплодность 15-18-ти летних усилий революционного характера сдвинуть наш государственный корабль с мертвой точки, что могло давать повод думать, что и народные массы стоят на стороне последнего. Полагаю также, что этому начальному уклону немало содействовала и наша эмиграция с ее дрязгами, интригами и пр., от которой Тихомиров отвернулся. А ведь это с его прежней

точки зрения была соль земли, на ней или на людях, родственных с ней, покоились и все его надежды. Но все это могло дать лишь повод для потери веры в революционное дело и для отхода для него на более умеренные позиции – и только. Дальнейший же процесс, доведший Тихомирова, такого, несомненно умного, трезвого и рассудительного человека и с таким прошлым до “Московских Ведомостей” и уродливого ханжества, для меня делается совершенно непонятным, если не прибегнуть к помощи психопатологии, в которой, кажется мне, и следует искать объяснения этому дальнейшему процессу. Ведь самый отказ Тихомирова от революционного дела, несомненно вполне искренний, для человека с многолетним опытом в этой области и игравшего в ней одну из видных ролей, должен сопровождаться длительными и мучительными переживаниями. Поэтому по всей печальной тихомировской истории я не могу видеть ни корыстного расчета, ни обычного предательства, какового и не было, а вижу главным образом лишь одно психическое неблагополучие, которое и погубило человека. Другого объяснения я не нахожу”.

Николая Аполлоновича часто приглашали от Общества политкаторжан приехать в Москву, Ленинград и другие города. Звали в Харьков с докладами и воспоминаниями в связи с 50-летием “процесса 193-х” а также просили прислать материалы в сборник. Он прислал в музейную секцию Общества политкаторжан альбом вятского губернатора с фотографиями ссыльных, по просьбе Общества составлял их списки “с давних времен до конца царского режима”. “Но это громадная работа, – сообщал Чарушин И.И. Попову – и без архивных материалов тут ничего не поделать. Губархив, с заведующим которого я беседовал, охотно идет навстречу и готов предоставить огромный губернский архив по ссылке в мое распоряжение”.

В 1920 году его приглашали в Москву на вечер памяти С.М. Степняка-Кравчинского, а также Кропоткина, Морозова, Фигнер, как “ближайших его друзей и единомышленников”. Приглашавший Чарушина В.Н. Головкин напомнил в письме, как Николай Аполлонович в ноябре-декабре 1917 года содействовал по устройству его лекций в Котельниче, Орлове, Слободском. При невозможности приезда была просьба прислать воспоминания, которые зачитают на вечере.

Чарушина просили поделиться тем, что он знает о народниках. Один из исследователей О. Меер просил его, по совету И.И. Попова, дать сведения о книгоношах-офенях среди пропагандистов, тем более, что Чарушин рассказал об одном из них – Григории Крылове (“Крылов в качестве офени, с коробом за плечами, наполненном книжками для народа, отправился странствовать, сначала по ближайшим к Петербургу селениям, а затем перебрался в свою Тверскую губернию…”)

Николай Аполлонович представлял интерес не только для ветеранов-народников, занимавшихся изучением освободительного движения. Он переписывался с братом знаменитого невропатолога и психиатра Владимира

Михайловича Бехтерева, которого мог знать еще по гимназическим годам. А.М. Бехтерев писал ему из Уфы в 1928 году: “Ваше ответное письмо я получил и приношу Вам мою глубокую признательность за выполненные поручения. Надо думать, что Вятский Горсовет, благодаря Вашим ему напоминаниям, что-нибудь сделает для увековечения памяти брата, как это делал, например, Малмыжский исполком, назвав село, где родился брат его именем. Совершенно правильно Ваше обращение к представителям вятской медицины, которые стоя всего ближе к научным трудам брата, должны первые подать свой авторитетный голос в горсовете”.

Письма к Чарушину – интереснейший “человеческий документ” первого советского двадцатилетия. Писали по разным поводам знавшие его или даже вовсе незнакомые люди. Впечатляет отзывчивость Николая Аполлоновича.

Много вопросов шло от Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. По просьбе Общества И.И. Попов просил указать дом в Орлове, где родился Николай Аполлонович, дома, где он жил позднее в разных местах: “Ждут от Вас указания домов, где Вы родились, жили”. Попов передавал просьбу также от Общества: “Если что сохранилось от жилищ Халтурина и Желвакова – напишите. Могут ли их взять на местную, а Халтурина на государственную охрану и во всяком случае прибьют мемориальные доски”.

Из Общества просили прислать снимки родных мест А.В. Якимовой – дома, в Уржумском уезде, где она росла, епархиального училища, школы в селе Камешницком, где учительствовала и занималась народнической пропагандой, а если снимков нет, то поинтересоваться, нельзя ли заснять эти места. Просили составить “список вятских ссыльных с давних времен до последних лет царской ссылки”, список всех мест “водворения ссыльных в Вятской губернии”. То и другое требовалось предполагаемому музею каторги и ссылки.

К приближающемуся юбилею В.Г. Короленко запрашивали фотографию Вятской тюрьмы и даже камеры, в которой он сидел, виды Глазова, Березовских Починков, Вятки. В Общество Чарушин посылал много фотографий “чайковцев”, каторжан-“карийцев”. Сотрудники Общества жаловались на отсутствие денег – “на прямые свои задачи денег не дают или дают гроши”. Предполагалось, что Общество будет рассчитывать на Чарушина по выявлению архивных материалов в вятском губернском архиве – “на начало работы ассигновали 50 р. Избрали комиссию из трех человек для выработки плана работы”. Сотрудники, прося Чарушина высылать фотографии, объясняли это тем, что эти материалы “в захолустье” не получат широкого применения, уж не говоря о том, что могут их могут просто не уберечь.

Чарушин передал Обществу часть архива Синегуба. “Некоторая сумма денег” за них предполагалась кому-нибудь из его наследников. Евгений Сергеевич Синегуб сообщал Чарушину в декабре 1934 года: “Из оставшихся в живых детей С.С. в настоящее время в наиболее стесненном положении находится его младшая дочь Лидия, оставшаяся после недавней смерти мужа с девочкой-

подростком. Мне думается, что эти деньги пришлись бы ей очень кстати… Зная и глубоко уважая Вас, я нисколько не сомневаюсь в том, что Вы устроите отцовское наследство наилучшим при настоящих обстоятельствах образом”.

Но не только историей народничества и связанными с ним людьми интересовались адресаты Чарушина. В начале декабря 1933 года В.Н. Фигнер обратилась к Николаю Аполлоновичу: “Быть может, Вы не откажетесь указать, хотя бы коротенько, какую роль сыграли декабристы в деле революционного развития Вас лично, Ваших товарищей и Вашего поколения?” (Подобные вопросы она послала многим другим “старикам”).

Чарушин ответил: “Полагаю, что в числе многих других влияний на духовное и революционное развитие, как лично мое, так и мох товарищей по работе, и наше поколение вообще, несомненно было, хотя и не прямое, и влияние декабристов, пленявших нас широтой по тому времени замысла, смелостью выступлений, мужеством и стойкостью в несчастье. Непосредственным же и ближайшим толчком в этом направлении для нас, без всякого сомнения, были текущая литература и неприглядная русская действительность. В зависимости от этого установки и ближайшие задачи были совсем другие, чем они были у декабристов, что в свою очередь не дает нам основание рассматривать наше революционное движение как непосредственное продолжение движения декабристов”.

Фигнер просила Чарушина написать и об Александре Лбове, знаменитом в первую революцию боевике, “атамане лесных братьев” на Урале. Обращение к Николаю Аполлоновичу понятно, ведь “Вятская речь” в 1908 году подробно освещала судебный процесс над “уральским Робин Гудом”, захваченным в Нолинске и повешенным в Вятке.

В 1933 году И.И. Попов сообщал Чарушину: “Изд-во “Литературное наследство” издает сборник, посвященный Салтыкову-Щедрину, и обратилось к народовольцам с просьбой написать, какое влияние имел на них Щедрин… М.б., удосужитесь и Вы написать, тогда присылайте и я передам в “Литературное наследство”. Анкета Чарушина была помещена в томе “Литературного наследства”, посвященном писателю: “Сатира Салтыкова-Щедрина по разнообразию своего идейного содержания и по силе вложенного в нее чувства, полагаю, не могла не иметь революционизирующего влияния на молодое поколение. Такое влияние, в числе других писателей, несомненно имел на меня и Салтыков-Щедрин. Всесторонний и беспощадный анализ русской жизни, какой он давал в своих сатирах, не оставлял живого места на теле России, и невольно под влиянием его писаний, почти всегда трогающих, создавалось представление о ней, как о стране до последней степени угнетенной и придушенной, отданной на поток и разграбление разным Деруновым, Колупаевым и дельцам высшего порядка. Все это вместе взятое не могло не вызывать в человеке чувств возмущения и негодования, а в особо чутком и деятельном – стремления к борьбе с таким убийственным укладом жизни. Путь же для борьбы по условиям времени

оставался почти один – революционный” [1]. (Из вятчан-народников на анкету отозвалась А.В. Якимова).

Сообщал И.И. Попов Чарушину об одном из общих знакомцев: “П.С. Михно, который вчера уехал в Кяхту, просил передать Вам поклон и привет. Он приезжал по делам нашего с Вами детища – музея. Михно – директор музея… Музей помещается в двухэтажном каменном здании, построенном на месте городского училища. Кроме Михно там имеются и научные работники. Михно просил добыть для музея Ваши воспоминания… Б.м., у Вас найдется – тогда пришлите. Есть у меня и другая просьба. При музее они готовят отдел революционного движения, каторги и ссылки. Б.м., у Вас найдутся фотографии троицкосавских, селенгинских и др. ссыльных, и между ними троица – Вы, я и Залкинд [2], снятые вместе”.

Петр Саввич Михно, выпускник учительского института, преподавал в Троискосавском городском училище. Увлеченный краеведением он начал работать в кяхтинском музее с самого его основания до ареста в 1937 году. Михно извещал Чарушина как члена-учредителя Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского Географического Общества о музейных делах. Вот типографски изданное извещение: “Члену-учредителю Троискосавско-Кяхтинского отделения Русского государственного Географического Общества Николаю Аполлоновичу Чарушину. В воскресенье 17 октября 1926 г. в Троицкосавском краеведческом музее торжественное заседание указанного общества по случаю 35-летия музея и 30-летия деятельности отделения Географического общества”. При посылке извещения Петр Саввич написал: “Пользуюсь случаем приветствовать Вас, дорогой Николай Аполлонович. Сердечно рад, что Вы еще здравствуете и трудитесь на поприще народного просвещения”.

Историк Владимир Бараев рассказал о сложной судьбе кяхтинского музея, о подвижнической работе его сотрудников, о хамском равнодушии чиновников от культуры. В начале 1950-х годов в пустующих помещениях гостиного двора обнаружили огромное количество тюков и ящиков старинных бумаг. По словам тогдашнего директора музея Алевтины Николаевны Орловой, там были документы, писанные рукой Радищева и других деятелей разных эпох. “Она обратилась к местному начальству и в высшие инстанции, чтобы их передали музею, но никто не разрешил этого. А тем временем на территории двора стали рыть колодец, но до воды не дошли. Чтобы засыпать его, а заодно избавиться от ненужного архивного хлама, все бумаги сбросили в колодец и подожгли. Так погибли документы разных эпох, которые могли бы стать ценнейшими свидетельствами для историков, экономистов, дипломатов…” [3]

---

[1] Русские революционеры 70-80-х гг. о Щедрине // Литературное наследство. Т. 11-12. М., 1933. С. 492-493.

[2] Леонид Самойлович Залкинд – народоволец, административный ссыльный.

[3] Бараев В.В. Древо: декабристы и семейство Кандинских. М., 1991. С. 93.

В.В. Бараеву удалось проникнуть в музейные фонды, с трудом преодолев сопротивление руководства музея. “Груды толстенных папок, большие тюки, обернутые старыми пожелтевшими от времени газетами и покрытые толстым слоем пыли, стеллажи, заставленные множеством коробок… Нет, тут и за несколько месяцев на разберешься”. В распоряжении историка были считанные часы. Он попросил книгу поступлений экспонатов. “Какие экспонаты, какие люди поставляли их! Пржевальский, Обручев, Потанины, Козлов, Талько-Грынцевич – знаменитый врач, ставший впоследствии профессором Краковского университета. Много безвозмездных даров от Лушниковых! Читая книгу поступлений, словно перелистываешь страницы истории”. Но… “После 1937 года… стали появляться пометки “Списать!”, “Передано в райисполком”, “Съела моль”, “Поржавело”… И ни подписи, ни даты! Кто, когда, на каком истинном основании передал, списал сокровища, неясно… Сейчас там подобного уже нет, но утерянного не вернешь…” [1]

В одной из своих книг Николай Аполлонович привел письмо из Кяхты (может автором его был Михно): “...Много у нас в Кяхте и Троицкосавске изменилось за последнее время разрухи. Кяхта наполовину разрушена. Часть зданий сгорела и часть – деревянные здания – продана на снос... Именитых купцов ни в Кяхте, ни в Троицкосавске не осталось... Троицкосавск на окраинах также поистрепался...” Письмо датировано 1926 годом. Но вакханалия сноса памятных мест в Кяхте, как и в других городах, была характерна не только для 20-30-х годов. И позднее “... по указанию начальства Кяхты стали растаскиваться мраморные кресты и плиты, распиливаться для ступеней лестниц в новых зданиях”. К 60-летию Великого Октября обком партии и правительство Бурятии решили на месте старинного кладбища создать большой стадион. А 250-летний юбилей Кяхты, совпавший с Октябрьским юбилеем, перенесли на год позже” [2].

Некоторые адресаты Чарушина 20-х – начала 30-х годов обращались к нему с просьбами, весьма характерными для того времени. Бывшая учительница М.Д. Стельмахович, дочь известного в Вятской губернии врача Д.А. Афанасьева просила Николая Аполлоновича вспомнить, как они не раз встречались в Вятке четверть века назад. Тогда Стельмахович учительствовала Слободской женской гимназии, участвовала в общественной жизни губернии, вынуждена была уехать в Самарскую губернию, где преподавала в гимназии города Ставрополя (“тяжело жить в помещичьей губернии: не тот народ; страшно хочется вернуться в Вятскую губ.”) Мечтала о возвращении на родину, об открытии частной гимназии в Вятке (“но пока князь Горчаков в Вятке, это не может осуществиться”).

В 1930 году она писала Чарушину: “Вероятно Вы знали о моих выступлениях и участии в революционном движении... Сейчас я хлопочу о пенсии и для ускорения ее очень важно представить подтверждение моего участия в событиях

[1] Там же. С. 96, 97, 98.
[2] Там же. С. 89-90.

1905 г., как в роли педагога – освещение перед учащимися текущих событий и задач революции, так и в роли общественного работника: организация в Слободском учительского съезда, активное участие в крестьянском движении... Между тем, для освещения социального моего происхождения важна характеристика моих родителей, указание на их последующую общественную деятельность. Может быть, вспомните, что беззаветная преданность интересам местного населения со стороны матери создала прочную экономическую базу кустарного кружевного промысла в Кукарке, а бескорыстный труд отца был оценен в 25-летний юбилей его врачебной деятельности сельским сходом, постановившим выделить ему усадебный клочок земли, присовокупившем к этому трогательную просьбу – "не покидать до конца жизни слободы Кукарки, население которой глубоко ценит труды и заботы" и надеется на многие годы сохранить для себя ценные советы Дмитрия Алексеевича... Я буду глубоко благодарна Вам за эту услугу... просимый от Вас документ особенно важен для меня".

С аналогичными просьбами обращались и многие ссыльные, находившиеся в Вятской губернии на рубеже веков – от эсеров до социал-демократов. Цель была одна – подтвердить участие в революционной деятельности для получения персональной пенсии как участника революционного движения, неважно пока какой окраски.

В 1926 году историк народничества Ш.М. Левин известил Чарушина: "В Ленинграде проживает в настоящее время один из тех фабричных рабочих, которые были в свое время связаны с Вами и Синегубом, Никита Петрович Шабунин. Не имея средств к существованию, он обратился ко мне с просьбой об исходатайствовании ему пенсии или пособия. Я говорил по этому поводу с одним из членов так называемой ветеранской комиссии при здешнем отделении общества политкаторжан… Но как раз с материалами дело обстоит нехорошо: то, что есть в архиве, недостаточно цельно и определенно, чтобы официальная справка из архива показалась отделу социального обеспечения, например, вполне убедительной. … Вы могли бы помочь делу, написавши от себя отзыв… Ваша справка будет иметь большое значение. Надеюсь, Вы разделите мое убеждение, что 88-тилетний Шабунин… имеет право на материальную помощь и не откажете в исполнении настоящей просьбы" [1]. Николай Аполлонович ответил Левину, правда заметил, что "далекое прошлое сильно затянуто дымкой" и он не имеет возможности конкретизировать участие Шабунина как пионера рабочего движения. Но письмо Левина дало ему повод ответить: "В связи с этим делом я просил бы и Вас оказать мне услугу – справиться в архиве, кто из рабочих (двое или трое) подписали отвратительное и решающее для меня показание жандармам относительно меня. Теперь я тоже с уверенностью не мог бы назвать их фамилий, а знать это точно при даче моего отзыва о Шабунине необходимо. Был бы Вам

[1] Переписка Н.А. Чарушина с Ш.М. Левиным. В кн. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 293-294.

очень признателен, если бы Вы сообщили мне и самый текст показаний этих рабочих. Они, если припоминаю, очень небольшие и даны были или в конце марта или в апреле 1874 г.” [1]

И.С. Бабаджан, высланный в Вятскую губернию за участие в работе “Московского рабочего союза”, напомнил Чарушину о себе в 1933 году: “Еще в 99 г. я приехал в Вятку вместе с Н.Н. Вашковым и В.В. Воровским. Отбывал ссылку в Нолинске. Бывал не раз у Вас. Может быть вспомните? Достигнув 61-летнего возраста, приходится подумать о пенсии. В Биобиблиографическом словаре “Деятели революционного движения [в России]” Т. V, вып. I. есть обо мне сведения. Их приходится дальше дополнить”. Далее Бабаждан объяснил причину своего беспокойства: “Работая инженером на одном из Московских заводов, я в марте 30 года привлекался по ст. 58/7. В ноябре 31 года дело пересматривается, и я возвращаюсь вновь в Москву после отмены 10-летного приговора. В настоящее время служу в главке цветной промышленности. Сейчас буду хлопотать в Обществе политкаторжан о пенсии. Если Вы помните меня, то не откажите, глубокоуважаемый Николай Аполлонович, поддержать мое ходатайство”.

Н.А. Кролюницкий, отбывавший ссылку в Вятке, входивший в 1903 году в состав первого Вятского комитета РСДРП, а потом один из меньшевистских деятелей Вятского совета в 1917 году, обращался к Чарушину из Москвы 7 мая 1934 года с просьбой подтвердить революционное прошлое. Он писал о двух годах, проведенных им в тюрьме, о ссылке, эмиграции. Подтверждение о нелегальной работе Кролюницкий имел, но хотел бы получить от Чарушина еще и уведомление о том, что работал у него в редакции, а именно участвовал в разборе истории с избиениями крестьян в Котельничском уезде, освещал это дело в столичной печати, участвовал в разоблачении вятского полицмейстера Вернеева, поднимал тему избиений политических заключенных в вятской тюрьме.

Надо полагать, Кролюницкий был озабочен не только хлопотами о пенсии Общества. Люди типа Кролюницкого ощущали себя неуютно, предчувствуя собственную участь от правящего режима за свое меньшевистское или эсеровское прошлое. Потому они и старались всячески подчеркнуть свое участие в революционном движении, знакомство с большевиками. Не преминул Кролюницкий написать такие строки: “Было много, ведь, встреч и людей и событий, в частности мои встречи в подполье с Лениным и др.” Мы не знаем что за встречи были у старого меньшевика с Лениным. Поделился Кролюницкий и своим анализом международной обстановки: “События в Германии и особенно в Австрии воспринял как чрезвычайно яркое доказательство правоты всего анализа, данного нашей эпохе Лениным, и ошибочность всех установок, дававшихся социал-демократовами (меньшевиками)”. Как знать, не рассчитывал ли

[1] Там же. С. 296.

Кролюницкий на то, что его переписка тайно просматривается. Тогда-то усердные перлюстраторы могли бы убедиться в его вполне лояльных воззрениях.

За рекомендациями в получении пенсий к Чарушину обращались А.А. Гурьев; Д.П. Бирюков, бывший инженер-технолог, издававший в Вятке “Крестьянскую газету”; Ф.П. Кунилов, сотрудник “Вятской речи”, издатель журнала “Рыболов-охотник”, получившего признательность далеко за пределами Вятского края, который просил подтвердить его революционную работу в Вятке; И.А. Кашин, напомнивший о своем пребывании в ссылке в Слободском. Писали ему и люди, не связанные с Вятской губернией, такие как А.В. Ковалев, участник “Туруханского бунта” политических ссыльных: “Требуется, чтобы кто-либо из членов О-ва удостоверил, что и после ссылки я не был реакционером”.

Из отзывов, данных Чарушиным, примечателен отзыв о враче Карийской каторги В.Я. Кокосове для получения пенсии его вдовой, за которую ходатайствовал племянник Н.И. Золотницкого.

В 1930 году завком Вятского шубно-овчинного завода № 3 обращался к Николаю Аполлоновичу с просьбой “подтвердить сведения о преследовании царским правительством” бывшего сотрудника его газеты В.И. Сперанского.

Двумя годами позднее Чарушин заступался за фотографа С.А. Лобовикова, которому ставили в вину, владение не только фотографией, но и типографией: “Могу засвидетельствовать, что отношение владельца типографии Лобовикова к своим рабочим было гуманное, а не эксплуататорское” [1].

В 1925 году секретарь вятского Бюро Истпарта Новоселов обращался к Чарушину с просьбой предоставить материалы – “документы, воспоминания, сведения и т.д.” о событиях первой революции в Вятской губернии: “Близится 20-летие 1905 года, который имел свое место и в пределах нашей губернии …Ваше содействие в этом было бы для Бюро Истпарта весьма ценно и необходимо…”

А с изданием воспоминаний дело застопорилось. Издательство Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев намеревалось предпринять дальнейший выпуск воспоминаний Чарушина, но менялась обстановка в стране. Чарушин все еще надеялся на лучшее. В апреле 1932 года он писал И.И. Попову: “Не приходилось ли Вам слышать, как идет моя последняя книжка? Теперь ведь даже в бухгалтерии и математике нужен известный уклон, а у меня он отсутствует”. Больше книги Николая Аполлоновича не издавали. Лишь в 1973 году вышла первая часть его воспоминаний “О далеком прошлом”, дополненных ценными комментариями. Они вошли в фонд отечественных мемуаров участников народнического движения наряду с воспоминаниями П.А. Кропоткина, В.Н. , Н.А. Морозова.

ПОСЫЛКИ ДЛЯ ФИГНЕР

[1] Личная жизнь. Из дневника молодого Сергея Лобовикова // Сергей Лобовиков – русский мастер художественной фотографии. Киров, 1996. С. 172.

Переписка Николая Аполлоновича и Анны Дмитриевны с друзьями молодости, с участниками народнического движения, которых судьба раскидала по разным городам, длилась десятилетиями. После заключения в Шлиссельбурге Вера Фигнер жила в Нёноксе, большом посаде в 70 верстах от Архангельска. Анна Дмитриевна писала ей, но потом замолчала, переживая за свои "бессодержательные письма". В июле 1905 года Фигнер получила разрешение переехать в имение тетки близ городка Тетюши Казанской губернии. Повод для нового письма у Анны Дмитриевны появился.

"Дорогая, незабвенная великая русская женщина! …Сегодня узнала, что Вам, вероятно, предложат перевод в Тетюши. Дорогая, как бы хорошо, если бы Вы поехали через Вятку и на время отдохнуть к нам. Удобство помещения устроили бы по мере сил. Родная, подумайте. Дорога пароходом больше всего освежает и бодрит. А тут на всем пути лишь 14 часов железной дороги от Котласа до Вятки. Пароходы по Двине хорошие и по Вятке очень и очень сносные. Не зная о переводе, я все думала Вас просить разрешить причинить Вам беспокойство – приехать в Нёноксу к Вам. А теперь м.б. и сама прошу Вас… Н.А., конечно, вполне разделяет мои сердечные приглашения". Правда, приглашением Фигнер не воспользовалась, избрав иной маршрут проезда из Нёноксы.

В 20-30-е годы переписка Чарушина с Фигнер касалась не только работы над книгами. "У меня к Вам или к женскому персоналу Вашей семьи просьба небольшая, – писала Вера Николаевна в январе 1930 года. – Я узнала, что дочери Татьяны Сергеевны Стахевич (дочери Лидии Николаевны) не видят в Питере ни молока (кроме микроскопических доз), ни масла, так дорого там последнее. И Вам просьба, если в городе или окрестностях есть возможность достать пять кило масла сливочного (хоть соленого) к чаю и просто кухонного для готовки кушанья, то купите и напишите, сколько выслать денег за него и укупорку в ящичек (и восковую бумагу или пергаментную, если есть в аптеке. И за пересылку по адресу с доставкой: Ленинград, Малая Посадская, д. 19. кв. 31. Татьяне Сергеевне Стахевич. Одновременно пошлите письмо мне (Москва, 19, ул. Маркса и Энгельса, 20), – деньги Вам вышлю я. Насчет пропорции – в какой один сорт, в какой другой – не важно, но желательно больше для детей сливочного к чаю. Евгения Николаевна была в Питере, детей видела и говорит, что бледны и худы, особенно девочка, десятилетняя. Жаль детей, и я сочту за одолжение, если кто-нибудь из Ваших или из знакомых устроит эту посылку. Всего бы лучше масло заключить в большую жестянку из под монпансье, если в магазине можно купить таковую."

Кроме старшей Веры, в революционном движении участвовали и остальные сестры Фигнер. Лидия, осужденная по "процессу 50-ти", была сослана в Сибирь, где вышла замуж за народника Сергея Стахевича; Евгения, осужденная по "процессу 16-ти" тоже к сибирской ссылке, вышла там замуж за народника

Михаила Сажина; младшая, Ольга последовала в Сибирь за сосланным мужем, врачом Флоровским. Лидию Фигнер и Сергея Стахевича Чарушины знали по Кяхте. Отец Татьяны Стахевич умер в 1918 году, вскоре ушла из жизни и ее мать. Сама Татьяна Сергеевна рано овдовела, оставшись с малыми детьми. Тетки Вера и Евгения Фигнер в силу возможности заботились о племяннице и ее детях.

Чарушин не замедлил выполнить просьбу Веры Николаевны. А затем выслать масла попросила уже Евгения Николаевна и опять-таки не для себя, а некоему своему знакомому и его семейству – четыре-пять килограммов, а если можно, то и больше ("им очень плохо без масла"). Пересылая просьбу сестры, Вера Николаевна чувствовала немалое неудобство, потому попыталась отшутиться: "Как бы не повторилась сказка о рыбаке и рыбке: сначала просила робко, а теперь осмелела". Однако Николай Аполлонович исправно выполнял и последующие московские просьбы. В конце декабря 1932 года он сообщал Фигнер: "Наша женская часть берет на себя исполнение Вашей просьбы, если только существующие базарные цены приемлемы для Вас. А цены на масло уже больше месяца стоят по 6 рублей за фунт, и на понижение их едва ли может быть какая-нибудь надежда, скорее, наоборот. С осени оно продавалось и по пять рублей за фунт, но с тех пор неизменно и понемногу все повышается в цене. Цена на сливочное и кухонное (русское) масло стоит одинаковая. В кооперативных же магазинах это масло, обычно покупаемое на рынке, уже продается по 9 рублей 33 копейки. По справке на почте посылки с маслом принимаются, но не больше 8 кило и в металлической, хорошо укупоренной посуде. Вот, кажется, и все по сему материальному вопросу следовало Вам сообщить, а дальнейшее будет всецело уже зависеть от Вашего решения".

Можно представить Николая Аполлоновича на вятском базаре на площади возле Александро-Невского собора, который уже дожидался безжалостного разрушения. Торговые ряды, крестьянские телеги, а зимой сани… Продажа крестьянами, а скорее уже и колхозниками, мяса, масла, яиц, сушеных грибов… В деревне голод, идет коллективизация, но сельские жители привозят все это в город для того, чтобы на вырученные деньги уплатить налоги. Тут же изделия кустарей – плетеные корзины, сундуки, обитые жестью с "изморозью", шкатулки, чаруши из соснового корня, кадушки, точеная деревянная посуда, раскрашенные деревянные ложки, с нехитрыми рисунками цветов и птичек на наружной и внутренней сторонах, детские игрушки – моховички, погремушки, свистульки, бодающиеся козлики, курочки, клюющие зернышки, вертящиеся уточки на каталках… Идти же Чарушину от дома до базара восемь кварталов.

За просьбами о пересылке масла последовали дальнейшие. Николай Аполлонович обстоятельно отвечал: "Вашу просьбу относительно грибов передал по назначению. Теперь это редкий продукт, и далеко не всегда он попадается на базаре, и, конечно, уже не по той цене, что было прежде. Если не удастся купить в ближайшие дни, то надеемся это сделать постом, каковой уже не за горами, когда привоз этого продукта бывает обильным".

За посылки Фигнер высылала денежные переводы, но бывали и обоюдные презенты. В ноябре 1934 года Чарушин уведомил Веру Николаевну о получении от нее некоего “сладкого презента”: “Наш женский персонал немало сконфужен Вашей любезностью и сердечно благодарит за внимание. Одновременно с сим письмом посылается Вам и посылка с грибами в Вашей банке, куда вместилось, как Вы и предполагали, ровно 1/2 кило. Ныне уродилось грибов много и они сравнительно дешевы О цене не спрашивайте, ибо женский персонал грибы посылает Вам в отместку за сладкое, которое, кстати сказать, оказалось выше всяких похвал”. По поводу обменов “презентами” возникала добродушная пикировка. Фигнер казалось, что покупные московские сладости не адекватны первосортным дарам вятских лесов. Чарушин, напротив, убеждал бывшую террористку в противоположном: “Ведь все присланное Вами первосортно, как старорежимное, и какие-то грибы на могут почитаться “компенсацией”. Можно сказать, одно – поэзия, а другое – жалкая проза. Рассматривайте это как маленькую ответную любезность и только, по поводу которой и разговаривать не стоит”.

Чарушин высылал “дары вятской природы” и другим своим знакомцам, например, Михаилу Павловичу Шебалину, а иногда, по просьбе Фигнер, и вообще людям ему незнакомым. (Жена Шебалина Мария Васильевна просила два послать фунта сушеных грибов – “у нас они страшно дороги и трудно достать. Вообще с продовольствием у нас очень плохо, а как у Вас?.. Очень хотелось послать Вам лимончик, но не попалось в торгсине”).

Высылались посылки, понятно, наложенным платежом, но можно представить, сколько времени занимали хлопоты по их сбору и отправке.

Если Фигнер, получавшая относительно немалую пенсию Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, могла просить Чарушина о высылке масла, то многим его землякам, и горожанам и живущим в сельской местности, верхом мечты казалось разжиться хотя бы хлебом. Письма Николая Аполлоновича, адресованные Фигнер и Попову, содержат реальную картину жизни Вятки 20-30-х годов, далекую от благостного описания кировских историков, в не столь отдаленные времена сервильно расписывавших, как улучшалась жизнь горожан в период строительства социализма.

Из писем Николая Аполлоновича Ивану Ивановичу Попову.

1929. 13 января. – “Наша Вятка переживает тяжелый кризис. По неисповедимым путям она из областного центра превращается в окружной, благодаря чему, идут большие сокращения почти во всех учреждениях… Лично у нас пока все по-прежнему. Только Володя переобременен своей служебной работой, на которой пропадает и днем и вечером, а часто и ночами. Кроме своей службы, я большей частью сижу дома, но общества близких людей не лишен. Здоровье мое пока сносное. Тянет в Москву, но только не зимой”.

1929. 15 февраля. “Около двух недель я не выходил из дома, а когда, наконец, вышел, то стряслась другая неприятность – унесли из учреждения мою шубу. Теперь щеголяю в пальто, хоть и немного не по сезону”. (Николай Аполлонович болел гриппом. Учреждение – Герценовская библиотека).

1930. 13 февраля. – “Уже сейчас с продовольствием очень туго, а как уверяют, будет еще много хуже. Поживем – увидим”.

1930. 21 августа. По поводу припадка “с потерей сознания и прочими атрибутами”. “Доктор заявил, что проживу еще двадцать лет, если вставлю себе зубы, пока же посоветовал выпить рюмку перцовки или коньяку”.

1931. 19 июля. – “Неожиданно для меня и у меня начинает изменять мне сердце, до сих пор верно служившее мне. Врачи советуют лучше питаться, больше пить молока и по рюмке водки перед обедом”.

1931. 17 августа. “Через несколько месяцев мне уже стукнет восемьдесят лет, возраст, до которого я никогда и не мечтал дожить. Но, как говорилось прежде, судьба неисповедима… Сын курсирует по району, мобилизованный на два месяца… Миссия его – составление производственных планов для колхозов”.

1932. 15 февраля. – “Убийственные морозы, которые без передышки стоят весь февраль и от которых нет спасения даже в квартире, несмотря на усиленную топку печей. Воображаю, что делается у Вас в Москве при отсутствии или крайней дороговизне дров! Владимир призван на военную службу на двухмесячный срок. Сейчас облачился в фому и приступил к обучению новобранцев – теоретическому и строевому”.

1932. 5 апреля. – “Как на зло все непомерно дорожает и к продуктам подступу нет, не говоря уже о мануфактуре и прочих необходимых в житейском обиходе вещах”.

1932. 14 октября. – “А хлеб теперь в цене, и его не всегда можно застать. А цены теперь на все продукты ужасные и с каждым днем становятся все выше и выше, так что редкий бюджет может их выдержать”

1932. 22 октября. – “Как у Вас, а у нас с снабжением очень плохо. Хотя меня, благодаря бумажке Общества политкаторжан, и перевели в первый список 1-й категории рабочего снабжения, но дело от того мало изменилось. Вся разница только в том, что вместо 400 гр. черного хлеба теперь получаю 800 и затем больше ничего. Все остальное приходится покупать на рынке по бешеным ценам, которые все растут. Пенсии уже не хватает на одно продовольствие. Что же это за дополнительный паек и из чего он состоит, а так же в каком учреждении его можно будет получать? У нас в Вятке об этом нечего и думать, не дадут, но тогда что же?”

1932. 3 ноября – “Приходится самому ходить по базарам, по очередям и т.п., а затем исполнять еще и обязанности кухарки”...

1933. 24 января. – “Устроились ли Вы с продовольственными карточками и что они Вам дают? У нас с этим делом обстоит неважно: кроме хлеба да сахара, пожалуй больше нет ничего… Дороговизна между тем страшная, причем цены на

все продукты все время непомерно растут. Злоба дня у нас теперь (да и не у нас, конечно, только) – сокращение штатов и в то же время сокращение окладов остающихся на службе. И это при бешеном росте цен на все! В учреждениях, говорят, стоит буквально плач... У нас с 18 января морозы, помещение значительно остыло, несмотря на усиленную топку печей. Холодно, руки колеют, а потому кончаю свое письмо”.

Тяжелые для Чарушина жизненные условия тревожили знавших его людей. М.П. Беклешов в феврале 1933 года писал ему: “Вы, Николай Аполлонович, по словам моей дочери, носите еще ведра с водой, это после всего Вами пережитого...” (По городским улицам стояли водопроводные колонки, куда по воду ходили люди, в домах которых не было водопроводных кранов). Так же, как Чарушин, жили все рядовые вятчане...

Читая в архиве письма Николая Аполлоновича, нельзя не обратить внимания на конверты, на которых запечатлены “знамения времени”, к примеру, такой текст: “Ударник, повышай качество работы Осоавиахима, укрепляй финансовую базу общества. Покупай и распространяй билеты 7-й лотереи Осоавиахима”. Еще: “Через успешное проведение сева – к сплошной коллективизации и полной ликвидации кулачества как класса”. На одном из конвертов впечатляющая картинка – пузатый кулак с бородой веником в ужасе бежит, спасаясь от наезжающего на него трактора…

“А хлеб теперь в цене, и его не всегда можно застать. А цены теперь на все продукты ужасные и с каждым днем становятся все выше и выше…” – писал Николай Аполлонович. В связи с этим примечательно высказывание А.В. Якимовой в письме к В.Н. Фигнер, датированное 26 июля 1933 года, в котором обсуждался вопрос о приглашении на жительство в СССР вдовы С.М. Степняка-Кравчинского из Лондона: “Вчера на ветеранской комиссии была речь о Фанни Кравчинской, и поручили Брагинскому вести о ней предварительные переговоры в НКСО на предмет помещения ее в доме Ильича, на что по всей вероятности, последует благополучный ответ. Но она-то согласится ли поехать в страну людоедов и вымирающего населения – вот вопрос”. (НКСО – наркомат социального обслуживания. Дом Ильича – дом ветеранов революционного движения).

Последнее письмо Николая Аполлоновича в переписке с Фигнер датировано концом декабря 1934 года, когда у города бесцеремонно отняли историческое имя:

“И у нас в Вятке, а ныне в Кирове тоже приветствуют отмену карточек на хлебные продукты, но сопровождают это приветствие многим но: боятся, что наши хлебопекарни не окажутся на высоте положения и не справятся с делом, боятся и чрезмерности больших очередей по недостатку магазинов, и возможного наплыва покупателей из среды сельского населения, не обеспеченного своим хлебом. Эти опасения осложняются еще и тем, что недостаток печеного хлеба

нельзя будет заменить собственной выпечкой хлеба, т.к. продажа муки допускается почему-то в размере одного кило и только в крайнем случае – в размере двух кило. Не понимают при этом и слишком высокую расценку муки по сравнению с печеным хлебом. Ближайшее будущее покажет, основательны ли эти опасения или нет. У нас теперь с превращением Вятского района в Кировский край в размере почти прежней Вятской губернии идет большая кутерьма. Требуется для прибывающих чинов и краевых учреждений дополнительная площадь – 20 000 кв. метров, в то время, когда в среднем на вятского жителя приходится меньше четырех с половиной метров. С обывателя в отношении площади взять нечего, а потому выселяют из города кое-какие учреждения и сжимают другие. Но паника в городе все же большая, все ждут утеснения или переселения".

(С переименованием города дело обстояло так. Все произошло по инициативе Сталина. Ведь никто на Вятской земле и ведать не ведал о вятском происхождении "трибуна революции", "великого гражданина". Повеление дать городу новое название шло от Кремля).

Свидетельства жизни вятчан в письмах Чарушина – ценный "человеческий документ". Хотя откуда было знать старику в возрасте за восемьдесят лет, замерзающему в холодной квартире, таскающему в дом ведра с водой с колонки, вынужденному часами простаивать в утомительных очередях, что грядущие историки "ножниц и клея" по научной маркистско-ленинской методологии разъяснят, что "в итоге пятилетки объем промышленного развития города Вятки в 1932 году достиг 433,3 % по отношению к уровню 1914 года, то есть увеличился более чем в 4 раза" [1]. Так и не принявший премудростей марксизма старый народник знал другое: в 1914 году за один день работы столяр, например, получал от 1 руб. 40 коп. до 2 руб. 40 коп., а поденщик-чернорабочий от 90 коп. до 1 руб. 20 коп. А фунт (400 граммов) сливочного масла, которое он в 1932 году присылал голодающим внучатым племянникам знаменитой террористки, стоил при прежнем режиме 40-60 коп.

И все же, сохранив до конца жизни верность нравственным идеалам, Чарушин полагал, что не может искать для себя каких-либо льгот. Поводом для этого стало письмо И.И. Попова о возможности получать две пенсии – и по старости, и как бывшему политкаторжанину. Николай Аполлонович ответил в январе 1930 года: "Дружественная мне публика настаивает, чтоб я начал хлопотать о пенсии по службе, доказывая, что ветеранская пенсия препятствовать этому не будет. Я упираюсь и думаю, что такое домогательство при наличии другой пенсии будет едва ли удобно и допустимо. Правда, при невероятной дороговизне продуктов, добывать которые зачастую приходится по повышенным ценам у частных торговцев, лишних несколько десятков рублей были бы далеко не лишними, но... добывать их таким порядком, законность которого досконально не будет выяснена, я не решусь". Тему второй пенсии в переписке с Поповым Чарушин

[1] История города Кирова. Киров, 1974. С. 208.

решительно прекратил: “Прошу Вас бросить всякие разговоры по поводу моей служебной пенсии... такое домогательство недопустимо для меня и морально неприемлемо, вопрос считаю исчерпанным, как для себя, так и для Вас”. Позднее он написал Ивану Ивановичу: “Зазорно хлопотать о своем благополучии, когда кругом голодают”.

Жизнь простых людей в Вятке, которая стала Кировом, видел отбывавший здесь ссылку в 1934-1937 годах ученый-языковед В.В. Виноградов. Сохранились его письма к жене, в которых Вятка-Киров тех лет предстает в восприятии столичного жителя.

“Город – северная деревня… Настроение у меня плохое. Одиночество томит… Говорят, здесь хорошая библиотека”. Однако в библиотеке Виноградову не разрешили брать книги на дом. Директор, напомнивший ему по степени интеллигентности “работника прилавка”, заявил: “Выдавать вам книги – это значит: беспредельно расширить круг привилегированных лиц”. Потребовали ручательство (“годится только бумажка с печатью”). Однако ее достать не удалось.

“Вятка – город неприветливый и холодный. Ветер и зима господствуют здесь до мая. Люди вятские меня мало интересуют… Жизнь в Вятке трудная… Я огорчен Вяткой…”

“…выступает разрушение и неустроенность провинции… Вятка осенью очень грязна. Около домов хоть есть деревянные тротуары, которые скользят, покрывшись каким-то пепельным мылом и жидкой глинистой грязью. А при переходе через улицу или площадь или вдоль заборов, принадлежащих учреждениям, тротуаров, конечно, нет или почти нет, и глубина грязи достигает до пояса… Думаю, что при Салтыкове-Щедрине грязи было меньше, хотя “Вятская правда” уверяет в противном”.

Виктор Владимирович ощущал нехватку товаров. Он не мог купить электрический чайник, термометр, рамку для фотографии, даже пуговицу на пальто или конверт. В книжных магазинах ссыльный ученый обнаружил нехватку книг, не только научных, но и художественных. Букинистический отдел в оказался закрыт “из-за невежества заведующего”. Крали в книжном магазине ежемесячно на 400 рублей.

Очереди были неотъемлемой частью городской жизни. Квартирная хозяйка Виноградова по девять часов выстаивала за мануфактурой, причем в льготной “стахановской” очереди. Обычная же, “крестьянская” очередь тянулась на полверсты, в ней бывали случаи смертоубийства. (Из письма непонятно – из-за давки или из-за чего либо страшнее). “Здесь открылся новый обувной магазин, и вот уже неделю стоят сотни женщин в очереди”.

На рынке можно было покупать свободно продукты, хотя и по дорогой цене. Сахар рабочим выдавался по талонам. Семья хозяина квартиры, где жил

Виноградов, состоявшая из 4-х человек, получала в месяц по одному килограмму. А партийно-комсомольские бонзы жировали.

“В Вятке почему-то увеличилось в этом месяце количество нищих – уличных и домовых… Увеличились также хвосты хлебных очередей”. “Встретил на улице около дома полураздетую нищенку – тощую девочку лет восьми, у которой есть еще маленький брат, а мать, служа сторожихой, получает на всех 70-80 руб.”

Пьянство Виноградов видел на каждом шагу. “Отнесешь письмо на почту, зайдешь в магазин – и видишь все один и тот же пейзаж, те же угрюмые или пьяные лица”. “Вчера к ночи стучался к нам в двери и окна человек, босой и раздетый. Был пьян, прилег – и встал без шубы, шапки и сапог. Таковы здесь нравы. А мороз был до 15 градусов”. Горожане пили основательно, особенно напивались на масленицу, Пасху и 1 Мая. В 1934 году после своей ледовой эпопеи мимо города в Москву проезжали челюскинцы. На всех вокзалах отважным героям и их спасителям-летчикам устраивали торжественные встречи. В Вятке, по словам Виноградова, “возвращаясь с вокзала после встречи с челюскинцами, толпы вятичей расходились по пивным”.

Поражала грубость нравов. “У аборигенов местных – обычай зверски гоготать, когда какой-нибудь старик похуже или старуха расшибаются и не могут встать”. Что воспринималось Виноградовым на слух, когда он сидел у себя на квартире? “Чередуются: вопли, хрип и плохая русская речь радио (это знаменитый лингвист не мог не заметить. – В.С.), крики избиваемых ребят, стук проезжающего грузовика”.

Процветало хулиганство. “Оживленно обсуждают недавно случившийся эпизод: один школьник (2 класс) пырнул ножом насмерть другого (4 кл.). Такова жизнь”. Дважды Виноградов даже видел на деревьях удавленников.

Город стал областным центром. ”Теперь Вятки нет. Есть город Киров. Не знаю, какова будет моя жизнь в Кирове”. Возникали разговоры о переселении в город новых учреждений, об усилении автомобильного и автобусного движения и прочих блестящих перспективах.

Ежемесячно Виноградов обязан был являться для отметки в НКВД. Вот типичная картина, которую нередко приходилось видеть ученому: “На улице уже дважды проходили отряды не военных, но с военными… По лужам ходят партии арестованных в валенках в сопровождении стражников”.

1 ноября 1935 года к Виноградову явились с обыском двое “гостей” из НКВД, рылись в течение двух-трех часов. Взяли решительно все рукописи, выписки, письма, перепечатанные на машинке три экземпляра рукописи книги о русском языке, семь тюков бумаг, все книги с карандашными пометками и словарь воровских выражений. “У меня отняли “инструменты” для работы, и я принужден сидеть без дела”. “Иногда приходит желание закрыть свою филологическую лавочку”. “Чужь, чушь, бескнижье – и снег… Терпенье, терпенье”.

Невеселые раздумья одолевали Николая Аполлоновича на закате жизни: “Путешествие к праотцам, как уверяют врачи, откладывается еще лет на десять-двадцать при условии строгого режима и покоя физического, умственного и морального, – писал он И.И. Попову в августе 1931 года. – Сижу, конечно, на диете. Мяса ни-ни. Не соблюдать эту диету, когда нередко никаких продуктов нет, довольно мудрено”. На обещание доктора Чарушину, что тот проживет еще двадцать лет, Николай Аполлонович отреагировал: “Не дай Бог, если это похоже на правду”.

Однако пожелание сохранять умственный и моральный покой было нелегко. “В мою однообразную и тихую жизнь, – сообщил он Ивану Ивановичу в сентябре 1930 года, – вклинился совершенно непредвиденный эпизод. На днях на мою квартиру был сделан неожиданный налет. Но продолжительный и тщательный осмотр моей корреспонденции, рукописей, заметок и всего прочего не дал абсолютно ничего. Я склонен даже думать, что обстоятельное знакомство с моим письменным столом не могло не вызвать некоторого конфуза и стыда за сделанный налет у самих обследователей, которые, кстати сказать, все время были корректны и вежливы. Измаяли же они нас своим шестичасовым визитом изрядно. Что за причина этого налета – решительно не знаю и отказываюсь понимать”.

А причина заключалась в том, что власть предержащие не могли простить Николаю Аполлоновичу его поведения в 1917 году. Ведь еще в десятилетний юбилей октябрьских событий в книге “Октябрь в Вятской губернии” приводились строки о Чарушине из его характеристики, данной специальной комиссией губкома ВКП(б): “Что же представляет этот “всеми уважаемый старец”? Достаточно вспомнить, что Чарушин Н.А. стоял во главе “Вятской речи”, каждодневно поливавшей грязной ложью и гнусной клеветой большевистскую партию, хихикавший над первыми шагами советской власти, открыто призывавший к восстанию против “большевистских узурпаторов”. Этот же Чарушин, 70-летний народоволец, когда пролетарская власть поставила его перед рабоче-крестьянским судом, заявил – “Мое отношение к власти народных комиссаров отрицательное, она является моровым поветрием”. А в 1929 году в предпраздничном номере “Вятской правды” за 6 ноября появилась глумливая карикатура на Чарушина: он изображен у разбитого корыта, на котором надпись – “Вятский Совет”. Помимо всего незваные гости, возможно, надеялись обнаружить в чарушинском доме какие либо документы, относящиеся не только к деятельности Верховного Совета, но и к более поздним временам? А может подозрения обыскивающих были не лишены оснований?

Старый народник не мог равнодушно относиться к тому, что делалось в стране. Его сын на допросе в 1939 году в НКВД говорил: “В период 1925-1926 годов в Вятку было сослано большое количество ссыльных, преимущественно эсеров, которые в очень скором времени стали бывать у моего отца. Я часто присутствовал при этих разговорах. Разговоры в основном были на политические

темы, на тему о том, что происходит сейчас в СССР. Эти разговоры усугубляли мое отрицательное отношение к мероприятиям советской власти”. Однако тут же Владимир Николаевич сказал, что по его пониманию эсеры отстали от жизни. Сам он будто бы ощущал двойственность в этих вопросах, поскольку, работая в губплане, видел другое. Иного на допросе Владимир Николаевич и не мог сказать. Еще он рассказал об эсере Н.И. Крестьянинове, который вел с отцом у них в доме антисоветские разговоры. (Этот тот самый Никодим Крестьянинов, который был схвачен после вооруженной стычки боевиков-эсеров с полицией и солдатами в декабре 1905 года).

Из посещавших Николая Аполлоновича ссыльных Владимир Чарушин назвал Бориса Дмитриевича Федорова, состоявшего некогда в рядах партии народных социалистов (это он обращался к Чарушину с просьбой выслать фотографии “чайковцев” в музей Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев) и Бориса Ивановича Зеленова, в прошлом эсера. Он был сыном Ивана Константиновича Зеленова, который принял на себя обязанности редактора “Вятского края” в конце декабря 1906 года. А женой Бориса Зеленова была дочь известного историка литературы и критика В.Е. Чешихина-Ветринского. Вынужденный покинуть Вятку Федоров в сентябре 1929 года писал Чарушину из Нижнего Новгорода, что не может привыкнуть к новому месту жительства: “...почти ни с кем не встречались, нигде и ни у кого на бывали. Сравниваю все это с Вяткой, сейчас более, чем когда либо, ощущаю ту избалованность людским отношением, которое выпало на нашу долю в Вятке. С каким удовольствие сел бы я в котельничский поезд и поехал бы в Вятку, чтобы увидеть Вас”. Подписался он кратко – “Федоров-кариец”. В другом письме Федоров извещал Николая Аполлоновича о том, что закончил приготовление к печати писем Н.Ф. Анненского периода ссылки и поднадзорного жития в 1880 годах. (Николай Федорович Анненский – один из основоположников статистики в России, народник, общественный и литературный деятель, оказавший огромное влияние на своего младшего брата – поэта “серебряного века” Иннокентия Анненского). В 1880 г. Н.Ф. Анненского выслали в г. Тару Тобольской губернии; в 1887-1895 гг. он заведовал статистическим отделом Нижегородского губернского земства, который стал при нем настоящей школой земской статистики. Вместе с В.Г. Короленко Н.Ф. Анненский объединял нижегородскую интеллигенцию. Б.Д. Федоров в 20-х гг. сотрудничал в вятской печати, опубликовал статью “Вятские мотивы в письмах В.Г. Короленко” (журнал “Вятская жизнь”, 1924, № 2). Известны его публикации о Короленко в столичных изданиях. В Нижнем Новгороде он участвовал в подготовке к изданию “Записной книжки” Короленко).

Жена М.П. Шебалина писала Чарушину (1929): “У Вас в Вятке живет Алексей Алекс. Боровой, бывший член комитета по увековечению памяти П.А. Кропоткина, очень талантливый и крупный человек. Если не знакомы – рекомендую с ним познакомиться”.

Алексей Алексеевич Боровой (1875-1935), видный теоретик анархизма начала XX века, философ. По окончании юридического факультета Московского Университета читал там лекции. В 1904 году, во время командировки во Францию, стал приверженцем анархизма. Лекции Борового об анархизме в годы первой революции принесли ему огромную популярность. За одну из них он был подвергнут месячному аресту. В 1910 году Боровой издал книгу “История личной свободы во Франции”, представив ее на соискание ученой степени магистра полицейского права, однако защитить диссертацию не удалось из-за уничтожающего отзыва одного из рецензентов. Он привлекался к судебной ответственности за руководство издательством “Логос”, которое выпускало книги по анархизму.

Идеалом анархизма Алексей Алексеевич считал безграничное развитие человека и безграничное расширение его возможностей. Себя он называл сторонником “романтического” анархизма. После свержения самодержавия Боровой читал лекции на юридическом факультете, занимался изданием своих работ по теории анархизма, в 1918 году стал членом инициативной группы “Московского союза идейной пропаганды анархизма”. В 1919 году слушатели Коммунистического Университета предложили ему участвовать в публичном диспуте “Анархизм против марксизма”, в котором его оппонентом предполагался сам Бухарин. Однако большевистское руководство запретило проведение диспута. С осени 1922 года педагогическая деятельность Борового была запрещена постановлением Главного ученого совета Московского университета по причине его активной работы в анархических организациях и выступлений с лекциями по теории и истории анархизма.

Отлученный от преподавания Боровой работал экономистом-консультантом на Московской товарной бирже. В 1921 году он стал одним из учредителей Всероссийского комитета по увековечению памяти П.А. Кропоткина, с 1923-го – активным участником работы кропоткинского музея в Москве, где возглавлял анархистскую секцию. В 1926 году Алексей Алексеевич ушел из музея вместе с другими анархистами, обвинив музейное руководство в целенаправленной политике по запрету анархической агитации.

С 1927 по 1932 год Боровой отбывал ссылку в Вятке, где работал старшим экономистом Вятского смоллессоюза, а затем был переведен во Владимир.

В письме Чарушину из нового места ссылки Алексей Алексеевич мечтал о возвращении в Вятку: “Читаю я горы, и жалкая Владимирская библиотека накануне издыхания. Что буду после делать – ума не приложу”. Угнетал убогий быт. “Ели на вокзале – очень невкусно, жидко (без мяса) и дорого… Не раз вспомянешь Ваши лукулловские угощения”. (Вряд ли чарушинские угощения были лукулловскими, но Боровой ценил теплоту дома Николая Аполлоновича). В другом письме он с благодарностью написал: “Я сохраняю в себе с большим чувством Ваш образ”. Но грустные размышления владели Алексеем Алексеевичем. 3 декабря 1934 года он сообщил Николаю Аполлоновичу о

письме, полученном от Фигнер (“слишком веселое”) с предложением ему ехать в Алма-Ату, Ванкарем и т.д. Невеселый юмор Веры Николаевны понятен. Алма-Ату она назвала неслучайно, ведь туда выслали Троцкого. Ванкарем – селение на берегу Чукотского моря.

После отъезда Борового во Владимир Чарушин сообщал Фигнер (20 дек. 1934): “Вы хорошо сделали, что вспомнили о Боровом. Он, бедный, несмотря на близость Москвы и наезда к нему близких людей и приятелей, все же, видимо, изрядно скучает. Он давно уже без работы и живет на средства брата, что его немало тяготит. Но нет худа без добра: за это время он закончил свой труд о Достоевском и написал свои воспоминания, которыми, видимо, остался доволен. Но устроить издание Достоевского ему не удалось. Не знаю, удастся ли это сделать с воспоминаниями”.

Во Владимире жизнь Борового завершилась, после него осталось богатое научное наследие. Книга о Достоевском так и не увидела свет, так же как и воспоминания Алексея Алексеевича “Моя жизнь”, описывающие период до 1917 года [1].

Политические ссыльные были характерной особенностью Вятки как в дореволюционные, так и послереволюционные годы. Социал-демократка Клавдия Захарова на рубеже XIX-XX века отбывала ссылку в Орлове вместе с В.В. Воровским, Н.Э. Бауманом, А.Н. Потресовым. Летом 1922 года она приехала в Вятку навестить мужа Сергея Цедербаума, брата Ю.О. Мартова, который находился здесь в ссылке. Но на вокзале Захарову и встретившего ее Сергея Осиповича задержали, поставив в вину Захаровой, что она приехала в Вятку, “будучи обязана подпиской о невыезде из Москвы органами ГПУ”. Захарова пояснила, что хотела навестить мужа, поскольку он болен. При этом она “все время возмущалась, указывая на 20-летнюю работу, каждый раз подчеркивая, что она не видела таких глумлений со стороны жандармского управления, указывая на то, что задержка ее безосновательна” [2].

Подозрения чекистов были обоснованы. Цедербаум на допросе в 1938 году показал: “В конце 1922 г. я был арестован и выслан в гор. Вятку, где немедленно связался с отбывающими ссылку меньшевиками: М.А. Давидовичем, А.М. Добриковым, Е.Б. Засимовичем и другими в количестве 20-25 человек. Поставив своей задачей сохранить этих ссыльных, я регулярно их собирал для обсуждения текущих политических вопросов. Такие собрания происходили почти еженедельно. На одном из них обсуждался вопрос об обратном вступлении

[1] В настоящее время возрастает интерес к личности и творческому наследию А.А. Борового. Примером тому биографические сведения о нем и публикация фрагментов его книги “Анархизм” (М., 1918) в “Антологии мировой политической мысли”. Т. IV. М., 1997. С. 600-612.

[2] Меньшевики в Советской России. Сборник документов. / Ред. А.Л. Литвин. Казань, 1998. С. 161.

партии меньшевиков во 2-й Интернационал (после ликвидации Венского), где было принято решение за вступление во 2-й Интернационал. Кроме этих вопросов на собрании обсуждались статьи из “Социалистического вестника”, который я получал из Москвы. За время пребывания в Вятке я переписывался с заграничной делегацией, которой также сообщал о решении вятской группы вступить во 2-й Интернационал” [1]. Но общение Чарушина как ветерана-народника было более со ссыльными эсеровского толка, а не социал-демократического с меньшевистским оттенком [2].

Жил Николай Аполлонович в Вятке на Острожной улице во втором этаже того самого деревянного дома, где он поселился почти сразу по возвращении из Кяхты. После революции, когда переименовывали старые названия, Острожную назвали сначала 4-й Советской (в городе было несколько параллельных Советских улиц), потом улицей МОПРа. Дом находился почти на углу с Николаевской улицей (современной ул. Ленина). В квартире вместе с Чарушиным жили Владимир Николаевич с женой Ольгой Сергеевной и сыном Леней, а еще Ольга Михайловна Кошкарева.

Н.В. Зеленова-Чешихина вспоминала: “Ольга Михайловна… была искренним участником литературной и общественной деятельности Н.А. многие годы, почти с самого возвращения. Чарушиных из Сибири. Тогда еще молодой девушкой она приняла участие в редакционной работе Н.А.” Отметила она, что Ольга Михайловна была “техническим помощником” в написании мемуаров Чарушина.

ОГПУ-НКВД интересовалось помимо отца сыном. Владимир Николаевич окончил Московский сельскохозяйственный институт. В следственном младшего Чарушина записано, что он еще закончил Московское Александровское училище в чине прапорщика. Скорее всего, это были ускоренные офицерские курсы. С 1915 до марта 1918 года Владимир находился на фронте, затем вернулся в Вятку. Призывался на короткое время в Красную Армию. Позднее работал в губернской, потом в областной плановой комиссии начальником сектора сельского хозяйства. Ольга Сергеевна учительствовала в 15-й школе, сын Леонид поступил в Ленинградский индустриальный институт. Заботы о семействе сына не оставляли Чарушина: “Вятка, сделавшись промышленным городом, – сообщал он Попову, – превращается в самостоятельную единицу и освобождается от

[1] Там же. С. 210.

[2] Из эсеров в вятской ссылке находился Аркадий Иванович Альтовский (1880-1975), проходивший по показательному процессу социалистов-революционеров в 1923 г. как партийный активист. На суде он заявил, что большевики “превратили всю Россию для народа в огромную каторжную тюрьму”. Альтовский в числе 22 подсудимых был приговорен к смертной казни. После пересмотра приговора отбывал тюремный срок, а потом ссылку в разных местах, в частности, в Вятке, после чего попал в лагерь в Коми АССР. Он был единственным из участников процесса, пережившим ГУЛАГ. (Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 133, 215). Возможно, Альтовский общался с Н.А. Чарушиным, но документальных подтвержений этому нет.

своего района, каковой проектируется распределить по соседним районам, а вместе с сим должна упразднить и агрономическая часть в местном облплане, которой заведовал сын. Все это должно вырешиться окончательно в ближайшие дни и Володе, возможно, придется устраиваться где-то в другом месте, м.б. даже и не в Вятке".

Люди, помнившие Николая Аполлоновича по двадцатым-тридцатым годам, вспоминали в начале 1980-х годов, что рядом с домом Чарушина в соседнем доме на этом же дворе одно время жил старый большевик, участник трех русских революций, установления советской власти в Вятке и в уездном городе Слободском И.И. Деришев. Встречаясь при выходе на улицу, ветеран-народник и ветеран-большевик, "дедушка вятской парторганизации", не здоровались. Со временем Ивану Ипатьевичу предоставили удобное жилье в добротном кирпичном доме, на котором и сейчас красуется доска в память о нем. Правда, по качеству она значительно уступает мемориальной мраморной доске в честь Л.Н. Сталь с ее барельефом, видимо, по причине определенной субординации, все-таки большевистская газетчица была выше деятеля "местного уровня". Деришевская же доска деревянная, обитая, как будто, жестью, на которой написаны сведения о нем.

Скончался Чарушин в 1937 году. "Кировская правда" поместила уведомление: "Семья и родные извещают о смерти Николая Аполлоновича Чарушина, последовавшей 6 марта в 10 часов вечера. Вынос тела на кладбище из квартиры – улица МОПР, дом 19/33, в 4 ч. 30 м. дня 8 марта". Партком, местком, администрация и коллектив сотрудников облплана выразили соболезнование Владимиру Николаевичу в связи с постигшим его горем.

Время в стране было примечательное – в этом же газетном номере сообщалось об "антипартийной двурушнической работе не только троцкистских бандитов, но и правых, главари которых Бухарин и Рыков Пленумом ЦК исключены из рядов партии". Написано было о пяти отважных женщинах из Бурят-Монголии, совершивших лыжный пробег в 6 060 километров от Улан-Удэ до Москвы. Тут же гражданка Помыткина из сельхозартели "Завет Ильича" с чувством глубокой благодарности писала: "Спасибо тому, кто не забывает нас и наших детей, помогает нам их воспитывать – спасибо товарищу Сталину". Другое письмо от колхозницы Куклиной было озаглавлено "Сталин вывел нас на широкую дорогу". Тут же была напечатана благодарность матери, которая обратилась в редакцию газеты "Известия" с просьбой выслать хотя бы две резиновые соски, чтобы кормить детей молоком. В городе сосок не было. На письмо матери реакция последовала почти незамедлительно. Через девять дней ей прислали пять сосок из кировского аптекоуправления. Туда же было отгружено 2 000 сосок, а в ближайшие дни, как сообщила газета, ожидалось еще десять тысяч. Помещено было также письмо от женщин города Кирова руководителю испанских коммунистов Долорес Ибаррури. (Обилие женской

тематики понятно – сообщение о смерти Николая Аполлоновича было в газетном номере, датированном 8-м марта). Из общесоюзных новостей “Кировская правда” известила читателей об очередном рекорде легендарного шахтера Стаханова, добывшего за шесть часов 321 тонну угля (23 нормы), поместила информацию о заочной партийной учебе по радио, о докладе председателя областного суда на совещании судей и судебных исполнителей области, посвященном Сталинской Конституции и задачам судебных органов. В кинотеатре “Колизей” демонстрировался тогда документальный звуковой фильм “Доклад товарища Сталина И.В. о проекте Конституции Союза ССР”.

Похоронили Николая Аполлоновича на старом Макарьевском кладбище за рекой Вяткой. К кресту на могиле была прибита эмалированная дощечка с дверей чарушинской квартиры. В начале 70-х годов стараниями писателя, исследователя культурной жизни российской провинции Евгения Дмитриевича Петряева и Общества охраны памятников истории и культуры на могиле установили типовой памятник.

Николаю Аполлоновичу не довелось знать о судьбе сына, ставшего жертвой сталинских репрессий. 27 октября 1938 года Владимира Николаевича арестовали. В обвинительном заключении 22 апреля 1939 года (всего по делу было прошло 37 человек) говорилось, что В.Н. Чарушин, с 1927 года являясь участником антисоветской подпольной эсеровской организации, установил связь с антисоветской офицерской организацией [1]. Он признал себя виновным, но в кассационной жалобе написал о вынужденной причине признания – приходилось спать не более двух-трех часов в сутки, а иногда и не спать вовсе, проводя дни и ночи перед следователем, добивавшимся признаний. “Не был объективен в своем отношении ко мне и суд, проходивший в стенах НКВД. Он находился под определенным давлением следствия” [2]. В показаниях Владимир Николаевич счел необходимым уточнить сведения об отце, поскольку в следственных бумагах они были искажены: “Я оказался сыном кадрового эсера, кустаря что абсолютно неверно. Мой отец, Николай Аполлонович Чарушин был человеком умственного труда, никогда ни эсером, ни кустарем не был... По происхождению я сын политкаторжанина (персонального пенсионера союзного значения с 1929 г. по день смерти его). Родился, когда отец после каторги был в ссылке” [3].

16 мая 1939 года начальник отдела сектора сельского хозяйства в областной плановой комиссии В.Н. Чарушин был Кировским областным судом осужден по ст. 58 , пп. 10, 11 УК РСФСР к высшей мере наказания с конфискацией имущества. Определением комиссии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 26 сентября 1939 г. высшая мера наказания была заменена на десять лет лишания свободы.

---

[1] Архив УФСБ по Кировской области. СУ-4577. Л. 514.

[2] Там же. Л. 621, 622.

[3] Там же. Л. 623, 624, 642 об.

В 1973 году Н.В. Зеленова-Чешихина в письме Г.Ф. Чудовой сообщала о семье Чарушиных: “Сын их Леонид умер... вернувшись из Ленинграда в Вятку после блокады с дистрофией... Владимир Николаевич был арестован или в конце 30-х годов или во время войны. В 1948 году я ездила из Москвы в Ижевск через Вятку, видела Ольгу Сергеевну, которая собиралась ехать к Владимиру Николаевичу в Сибирь, где он после заключения совершенно больным человеком был на поселении” [1].

По учетным данным 4-го спецотдела МВД СССР Владимир Николаевич находился в ссылке на поселении в Красноярском крае. Умер он 14 мая 1952 года [2], реабилитирован 9 апреля 1956 года.

Леонид Владимирович Чарушин прожил недолго. Он похоронен рядом с могилой деда в 1942 году. Там же в 1955-м похоронили и его мать.

Некоторые бумаги Николая Аполлоновича тридцать лет пылились на чердаке дома по улице МОПРа, соседнего с тем, в котором жили Чарушины, покуда в 1966 году во время очередного ленинского субботника их не выбросили на улицу и не подожгли. По счастью, проходивший мимо неравнодушный человек выхватил из огня тетради с черновиками воспоминаний Чарушина, письма, несколько фотографий на паспарту, снятых Николаем Аполлоновичем в монгольской экспедиции Потанина, и передал их в краеведческий музей. Альбомы и некоторые из книг Николая Аполлоновича передала Е.Д. Петряеву Ольга Михайловна Кошкарева. В 1999 году эти альбомы с семейными фотографиями Чарушиных, его портрет, написанный маслом, и снимки, выполненные в монгольской экспедиции, поступили от Натальи Евгеньевны Петряевой в фонды краеведческого отдела к его 90-летию.

В конце 60-х годов мне довелось впервые побывать в доме Ольги Михайловны за рекой в селе Макарье, куда она перебралась после смерти Николая Аполлоновича. Инициатором “похода” был маститый кировский историк, главный знаток политической ссылки, вознамерившийся переснять фотографии из чарушинских альбомов. Ему сопутствовала дама-фотограф с “Зенитом” и приспособлениями для пересъемки. Историк вел себя подобно чеховскому Ионычу, неуклюже вытаскивая из альбомов короткопалыми руками пожелтевшие фотографии. Принцип отбора оказывался предельно прост – внимание уделялось социал-демократам, которые в будущем оказались большевиками. В сторону небрежно откладывались фотографии народников, эсеров и меньшевиков. Ольга Михайловна вела себя сдержанно, но видно было, как она с тревогой реагировала на действия гостя.

Мне стало неловко перед хозяйкой дома, где рядом с деревенской обстановкой соседствовала бамбуковая этажерка, уставленная книгами в

[1] Письмо Н.В. Зеленовой-Чешихиной Г.Ф. Чудовой 5 окт. 1973 г. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена.

[2] Архив УФСБ по Кировской области. СУ-4577. Л. 714.

кожаных переплетах, на которых были оттиснуты владельческие знаки “Вятской речи”, и номерами журнала “Каторга и ссылка”. Но дело обернулось удачно – среди снимков в альбомах оказалась фотография моей бабушки в молодые годы. Ее, работавшую в Орловском уездном земстве по библиотечной части, а в послереволюционные годы в одной из библиотек Вятки, и деда, преподававшего в Орловском городском училище, Чарушин хорошо знал. В нашем семейном альбоме хранились фотографии Анны Дмитриевны и Николая Аполлоновича сибирского периода, а еще чарушинская фотография работы С.А. Лобовикова. Когда мы уходили, Ольга Михайловна остановила меня в сенцах и пригласила приходить к ней, но только одному, тихо добавив, что “маститого” товарища она побаивается.

Я не раз посещал домик в Макарье... Слушал рассказы хозяйки об арестах Чарушина во время гражданской войны. Когда Блюхер отбыл из Вятки после наступления Красной Армии на колчаковцев, Николай Аполлонович вспомнил, что в спешке освобождения забыл в камере свои книги, и пошел за ними в тюрьму. Но по приказу “страшного человека” М.М. Попова его задержали в камере еще на несколько дней. (Попов в 30-е годы был директором Герценовской библиотеки. Это он напомнил В.В. Виноградову по степени интеллигентности “работника прилавка”. Библиограф Виктор Георгиевич Шумихин рассказывал со слов ветеранов библиотеки, что Попов изымал из ящиков генерального каталога карточки с названиями книг, которые представлялись ему по безупречно-классовому разумению чуждыми по содержанию для советского читателя).

Удивительное ощущение оставалось от бесед с Ольгой Михайловной... Конец 1960-х годов... Домик в заречном Макарье... И вдруг – Перовская, Волховский, Степняк-Кравчинский, Кропоткин, Тихомиров... Пусть это хозяйка дома рассказывала о слов Николая Аполлоновича, но ведь он-то их всех знал.

Как близко от нас времена, казалось бы, столь отдаленные. Однажды хозяйка дома спросила меня, выставлен ли в краеведческом музее портрет Николая Аполлоновича. Я ответил утвердительно, поскольку сам составлял под фотографией подпись – “участник народнического движения, издатель демократических газет, автор ценных воспоминаний”. Ольга Михайловна задумалась, а потом сказала, что прежде фотография в экспозиции сопровождалась аннотацией, называвшей Чарушина врагом народа. Живя за городом, она оказалась совершенно изолированной от жизни.

Я привез Ольге Михайловне биографию Перовской в серии “ЖЗЛ”, где был помещен портрет молодого Николая Аполлоновича, сообщил, что в издательстве “Мысль” готовится к выходу переиздание его воспоминаний. Летом 1974 года мне долго не удавалось навестить ее. Уже осенью, обзаведясь новым изданием чарушинской книги в зеленом переплете, поспешил в Макарье... Жительницы боковой улочки села, где стоял знакомый домик, сказали, что уже прошел сороковой день по их соседке... 16 августа Ольга Михайловна переходила шоссе, ведущее из областного центра к Слободскому, направляясь к могиле Николая

Аполлоновича на Макарьевском кладбище... Проносившиеся “Жигули” сбили ее насмерть...

Когда в 1988 году Гали Федоровна Чудова и писатель Александр Рева подняли вопрос о пересмотре отношения к Чарушину, нашлись упорные противники этому. Два рьяных гонителя его памяти утверждали, что они оба более двадцати лет занимались исследованием политической деятельности Чарушина. По их утверждению, в статьях Чудовой и Ревы “показывается, что Чарушин – видный прогрессивный общественный деятель и просветитель вятского края и места ссылки… Отмечено, что положительное в его деятельности перевешивает его ошибки. В названных статьях игнорируются архивные документы и известная авторам оценка политической деятельности Чарушина специальными партийными комиссиями губкома и обкома партии с участием научных работников в 1927 и 1957 гг.” (От губкома или обкома с успехом мог бы выступить партфункционер типа М.М. Попова, а от научных работников помянутый “маститый” историк).

Г.Ф. Чудова справедливо назвала данный опус подтасовкой, а приемы авторов, сходными с “методами клеветнических доносов 1937 года”. Пересказывать опус нет охоты. И все же… Авторы, к примеру, договорились до того, что Чарушин в своих воспоминаниях “скрыл свое ренегатство и провокации”, что “на фотоделе… нажил большие средства”, что “использовал обстановку революции 1905-1907 гг., чтобы, во-первых, увеличить мелкобуржуазное и буржуазное влияние на трудящихся губернии, во-вторых, ослабить среди них распространение марксистских идей и подорвать влияние Вятской организации РСДРП”, что как один из “верховников” причастен к организации попытки “пьяного погрома”. А чего стоит утверждение, что Чарушин вообще не состоял в “Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев”. Подозрения о пребывании Н.А. Чарушина в Обществе не оставляли и ранее бдительных сотрудников местного Истпарта. Они не преминули послать туда запрос. Но в январе 1926 года в отдел Истпарта Вятского губкома ВКП (б) из Москвы пришел ответ: “Секретариат Центр. Совета О-ва политкаторжан и сс.-поселенцев на запрос от 9 ноября за № 84/236/7/12 сообщает, что т. Чарушин Николай Аполлонович состоит членом О-ва и пенсионером на смете ЦИК через О-во политкаторжан как ветеран революции” [1].

Гонители памяти ветерана-народника завершили статью требованием “подходить к оценке фактов с партийно-классовых позиций”. Обком КПСС создал еще одну комиссию, предложив заново изучить материалы о Чарушине. Поскольку в стране начинались перестроечные процессы, комиссия, признав заслуги Николая Аполлоновича перед обществом, отметила в его действиях “имевшие место серьезные ошибки, заблуждения, контрреволюционные

[1] Центр документации новейшей истории Кировской области. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 14. Сообщено В.С. Жаравиным

выступления в 1917-1918 годах... Не вычеркнешь из истории и то обстоятельство, что Чарушин был активным участником контрреволюционного “Верховного совета по управлению губернией” [1]. Действовал проверенный принцип – “с одной стороны, с другой стороны”.

Сейчас происходит смена героев нашей истории. Место революционных деятелей занимают предприниматели, купцы, служители церкви. Их изображение подается так же тенденциозно и лакировано, как не в столь давние времена восторженно поднимали на котурны революционных деятелей. Чарушин, увлекавшийся в молодые годы идеями утопического социализма, все же никоим образом не вписывается в расхожие представления о “пламенных революционерах”. В начале перестройки трогательно-наивные ревнители местной истории прибили на фасад дома, где жил Николай Аполлонович, фанеру с надписью, что здание это памятник истории и здесь у Чарушина проходили собрания социал-демократов. Такое старание, конечно, достойно всяческого уважения, хотя какое отношение имел убежденный народник к эсдекам?

Имя Чарушина, благодаря Евгению Дмитриевичу Петряеву и другим вятским краеведам, становилось и становится все более известно его землякам. В 1998 году режиссер Марина Дохматская сняла телевизионный фильм “Николай Чарушин: история в человеке” по сценарию автора этих строк.

Странно сейчас вспомнить какую неадекватную реакцию, какое яростное раздражение вызывало одно только упоминание о Николае Аполлоновиче на краеведческих четвергах или в клубе “Вятские книголюбы” в не столь уж давние времена. Дело доходило до гневных писем в обком и даже до посылки грозных бумаг в ВАК, где находилась на утверждении диссертация одного из исследователей местной истории, посвященная разночинно-демократической интеллигенции Вятки, где, конечно, шла речь и о Чарушине.

Дом в областном центре, в котором жил Николай Аполлонович с семьей, снесен в 1997 году. На этом месте строится огромный дом “повышенной комфортности”.

Добротный каменный дом, родовое гнездо Чарушиных в городе Орлове, простоит еще долго. На стене его прикреплена мемориальная доска, посвященная архитектору Ивану Чарушину, автору более 500 проектов зданий, созданных и до революции и в советские годы. В областном центре сохранились построенные по его проектам Свято-Серафимовский собор, особняк купца Булычева, здание Госбанка, драмтеатра, гостиницы “Центральная”…

Умер Иван Аполлонович в Кирове в 1945 году, похоронен на Лобановском кладбище. Его творческое наследие вызывают заслуженный интерес. О нем пишут книги, защищают диссертации. Потомки архитектора – сын Евгений Иванович и внук Никита Евгеньевич стали художниками-анималистами. По этой

[1] Карачаров Ю., Лахман А., Пономарев В. Еще раз о Н.А. Чарушине // Кировская правда, 1989. № 98. 27 апр.

же стезе идет правнучка Наталья Никитична. Книгами Евгения Чарушина о больших и маленьких зверях и птицах и по сей день зачитываются дети. Творческая династия художников Чарушиных продолжается.

Имя Николая Аполлоновича в то время, когда вывешивалась мемориальная доска, посвященная брату-архитектору, считалось одиозным. В детские годы Николая, Аркадия и Ивана Чарушиных верхний этаж дома сдавался под помещение казначейства. Теперь банком занято все здание, внутри его современный дизайн, компьютеры, реклама.

Дом, где когда-то жили двоюродные сестры Николая Аполлоновича – детский врач Юлия Ивановна Лопатина и учительница Мария Ивановна Юферева, к которым в начале 1950 года приехал на жительство выпущенный из ГУЛАГа их брат, ученый-агроном Вячеслав Иванович Юферев, теперь принадлежит новым хозяевам. На усадьбе дома лежит гранитное надгробие матери Николая Аполлоновича Екатерины Львовны Чарушиной. Его перевезли в 30-е годы с кладбища одной из разрушенных церквей в городе Халтурине, который теперь снова стал называться Орловом.

На судьбе Николая Аполлоновича Чарушина и его семейства отразился ушедший теперь в историю трагический XX век... Извечная проблема – отношения человека с обществом и государством... История в человеке... Человек в истории...

“...по границе огорода протекала речка Воробьиха, впадающая саженях в 60-70 от нас в реку Вятку. Весной, с разливом Вятки, разливалась и наша Воробьиха, достигая полуторасаженной глубины, что давало нам, малышам, когда мы уже немного подросли, возможность прямо из нашего огорода на нашем маленьком ботике выезжать на Вятку, а там иногда и махнуть через реку, разлившуюся верст на 5-6 и затоплявшую заречный сосновый бор. Жутко бывало, когда мы выбирались на нашем челноке на простор многоводной реки, но зато какое удовольствие испытывали мы, когда добирались до заречного берега и плыли по тенистым аллеям затопленного соснового бора, оживляемого пением и гомоном птиц!”

ОГЛАВЛЕНИЕ

“Место моей родины”	3
Гимназические годы	9
В кружке “чайковцев”	25
Следствие. Процесс “193-х”	48
В сибирской дальней стороне	66
“Мои взоры обращены на Ургу”	77
Возвращение в Вятку	92
Газетное дело	110
Время великих потрясений	158
Библиотечное и краеведческое служение	186
“О далеком прошлом”	195
Посылки для Фигнер	210